

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

СЛАВЯНСКИЙ МИР: ОБЩНОСТЬ И МНОГООБРАЗИЕ

**Материалы конференции
молодых ученых**

*в рамках Дней славянской письменности
и культуры*

21–22 мая
2024 г.

МОСКВА
2024

УДК 930.85
ББК 63.3(0=Слав)
С47

Ответственные редакторы:

Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова

Редколлегия:

В. И. Березнев,

С. А. Борисов,

А. В. Грасько,

А. М. Дронов,

Н. В. Евстафьев,

П. В. Мошечков

Славянский мир: общность и многообразие. Материалы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 21–22 мая 2024 г. / Отв. ред. Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова. — М.: Институт славяноведения РАН, 2024. — 366 с. : ил.

ISSN 2619-0869

DOI: 10.31168/2619-0869 (серия)

DOI: 10.31168/2619-0869.2024 (выпуск)

Более двадцати лет Институт славяноведения РАН отмечает День славянской письменности и культуры традиционной научной конференцией. С 2014 г. она проходит в формате конференции молодых ученых. В 2024 г. участники из Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, Екатеринбургa, Казани, Калининграда, Нижнего Новгорода, Ростова-на-Дону, а также Белоруссии, Венгрии, Германии, Италии, Китая и Сербии продолжили эту традицию. Вновь обсуждался широкий круг проблем, связанных с историей славянских народов от Средних веков до наших дней в национальном, региональном, этноконфессиональном и международном контексте; с типологией славянских языков и диалектов, лингвогеографией, социо- и этнолингвистикой; с формированием, развитием, современным состоянием и перспективами славянских литератур и пр.

УДК 930.85

ББК 63.3(0=Слав)

© Коллектив авторов, текст, 2024

© Институт славяноведения РАН, 2024

© Оформление, ООО «ПОЛИМЕДИА», 2024

Секция
«**ИСТОРИЯ**»

ЭТНИЧЕСКОЕ И РЕЛИГИОЗНОЕ В СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

DOI: 10.31168/2619-0869.2024.01

Меч в балтских и славянских представлениях как социальный объект

Валерия Андреевна Есис

Национальный исторический музей Республики Беларусь,
Минск, Республика Беларусь;
e-mail: e.valeriyaandreevna@gmail.com
ORCID: 0009-0007-9868-2394

Ключевые слова: мечи; языческие верования; ритуалы; клят-
ва на оружии; социальные отношения

Sword in Baltic and Slavic perceptions as a social object

Valeriya A. Yesis

The National Historical Museum of the Republic of Belarus,
Minsk, Republic of Belarus;
e-mail: e.valeriyaandreevna@gmail.com
ORCID: 0009-0007-9868-2394

Keywords: swords; pagan beliefs; rituals; oath on the weapon;
social relations

Мечи занимали важное место в мифологическом миро-
воззрении средневекового человека. Одни из наиболее яр-
ких примеров соблюдения различных обычаев, с ними свя-
занных, представлены в балтских и славянских племенах,
долго сохранявших в отдельных регионах языческие тра-

диции. Однако оружие играло значимую роль не только в культуре, но и в социальных отношениях. Данная работа направлена на рассмотрение мечей в ключе концепции «социальной активности» объекта, которая относительно недавно начала широко применяться в области археологии и истории¹. Основополагающим фактором при этом является их роль и место в общественных процессах и ритуалах.

Классические примеры этого феномена связывают с культурой викингов, для которых характерна прочная связь человека и его оружия. Так, Ибн Руста писал: «Когда рождается ребенок, отец дарит ему меч со словами: “Я не оставлю тебе никакого состояния в наследство, и ты не выиграешь ничего, кроме того, что ты получишь с этим мечом”»². Скандинавская мифология содержит много примеров персонафицированных мечей. Например, Скофнунг упоминается в источниках как лучший из всех мечей северных земель, пропитанный духами двенадцати королевских берсерков. Тюрфинг из «Саги о Херворе и Хайдреке» изображается как магический символ королевской власти³.

Примером участия клинкового оружия в социальных ритуалах из истории Древней Руси являются клятвы на оружии. Первое упоминание о них приводится в Ипатьевской летописи под 907 г. Князь Олег и его дружина, заключая мир с Византией, по «рускому закону» клялись «оружьемъ своимъ» и богами Перуном и Велесом⁴. Более подробная форма клятвы приведена в договоре 944 г.: «[...] да не имуть помощи от Бога, ни от Перуна, да не ущитятся щиты своими, и да посѣчени будутъ мечи своими, и от стрѣль и от иного оружья своего, и да будутъ раби и в сий вѣкъ и будущий»⁵.

Так же утверждался договор 971 г. князем Святославом. Примечательно, что «греки» просили мира дважды. В первый раз послы пришли к князю с богатыми дарами, золотом и тканями, но он даже не взглянул на них. Во второй раз царь послал Святославу «мечь и ино оружье», которое он с радостью принял и согласился на мир⁶. Этот отрывок является подтверждением высокой ценности оружия, особенно мечей, на территориях Древней Руси. Следует отметить, что

сущность клятвы, смерть от собственного оружия, указывает на раннесредневековые этнокультурные представления о божественном наказании нарушителей закона, отразившиеся и в скандинавских сагах⁷.

Мечи использовались при заключении договоров и между представителями балтских племен. В «Хронике Ливонии» Генриха Латвийского есть упоминание о «заговоре ливов и лэттов» начала XIII в. Лэтты жаловались на несправедливость со стороны тевтонских рыцарей, и эти жалобы дошли до епископа. После неудачных переговоров ливы и лэтты «устроили заговор между собою и по обычаю язычников скрепили его, наступив на мечи»⁸.

Мечи выполняли символическую роль в случае не только побед, но и поражений. Гельмольд из Босау в своей «Славянской хронике» описывал сдачу герцогу Генриху славянской крепости в городе Вурле сыном бодричского князя Никлота Вартиславом: «[...] вышли из крепости Вартислав и все благородные мужи славянские и пали к ногам герцога, держа каждый меч свой на голове своей»⁹.

Выдача мечей в славянских представлениях была символом покорности. Сам факт нахождения в обществе и среди врагов без оружия считался унижительным. Косвенное подтверждение этому прослеживается в сюжете о мятежниках-волхвах, когда человек князя Святослава Ян, сын Вышаты, собирая дань в Ростовской земле, хотел пойти к «кудесникам» безоружным, но его «отроки» возразили: «Не ходи безъ оружья, осоромять тя»¹⁰.

Тем не менее, в «Повести временных лет» есть неоднозначный сюжет о «хазарской дани»: в качестве дани поляне дали хазарам по мечу от каждого дома. Хазарские старцы увидели в этом угрозу: «Мы доискахомся оружьемъ одиноя страны, рѣкше саблями, а сихъ оружье обоюду остро, рекше мечи. Си имуть имати и на нас дань и на инѣхъ странахъ»¹¹. По версии И. Н. Данилевского, этот отрывок отсылает к Писанию, где фигурирует «меч духовный, который есть слово Божие». Таким образом, противопоставление меча и сабли является аллегорией на христианство и иудаизм¹².

Рядом исследователей выдвигалось предположение, что меч мог быть символом власти. Его часто применяют к викингам, опираясь на источники, где меч упоминают как часть внешнего вида людей короля¹³. Однако в русскоязычной историографии при рассмотрении древнерусского «элитарного» погребального инвентаря как знак отличия определяют шейные гривны¹⁴. Исследуя археологические памятники территории вятичей, Т. Н. Никольская отмечала, что гривны находились в богатых захоронениях практически всегда в одном экземпляре¹⁵. Письменные источники также свидетельствуют об их особом значении: согласно Никоновской летописи, князь Владимир подарил золотую гривну своему дружиннику, выигравшему сражение¹⁶.

Использование меча как «регалии» среди балтского населения также имеет мало подтверждений в источниках. Петр из Дусбурга в «Хронике земли Прусской», перечисляя похоронный инвентарь знати, упоминает оружие, коней, слуг и прочее, «относящееся у них к военному делу»¹⁷. Меч мог отображать статус и уровень обеспеченности, но это не отменяло его основного, боевого предназначения. Ни материальная ценность, ни значимость в системах мифологических верований и социальных связей не делают его знаком отличия. Превращение меча в «регалию» произойдет после утверждения христианства, где меч играет роль не только важного элемента рыцарской этики, но и служит символом власти, которой располагает правитель¹⁸.

Таким образом, мечи в балтских и славянских представлениях являлись важными элементами социальных отношений. Они скрепляли собой мирные договоры, выступая как символом победы, так и поражения. Дискуссионным остается вопрос, мог ли меч в балтской и славянской культурах являться «регалией». Основное предназначение меча было боевым, но он мог отображать статус.

Примечания

- ¹ Ориг. *social agency* (англ.). *Knight M. G. The Intentional Destruction and Deposition of Bronze Age Metalwork in South West England* (Ph.D. Thesis), University of Exeter, 2018. V. 1. P. 16–20.
- ² *Hraundal T. J. The Rus in Arabic Sources: Cultural Contacts and Identity* (Ph.D. Thesis), University of Bergen, 2013. P. 124.
- ³ *Aannestad H. L. Charisma, Violence and Weapons. The Broken Swords of the Vikings // Charismatic Objects. From Roman Times to the Middle Ages / Ed. Z. T. Glørstad, El. S. Kristoffersen, Ing. M. Røstad, M. Vedeler. Oslo, 2018. P. 162.*
- ⁴ Повесть временных лет / Пер. О. В. Творогова. СПб., 2004. Т. 1 [Электронный ресурс] URL: http://lib.pushkinskiydom.ru/?tabid=4869&ysclid=lt2kkju3hz235781217#_edn93 (дата обращения: 26.02.2024).
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же.
- ⁷ *Фетисов А. А. Ритуальное содержание «клятвы оружием» в русско-византийских договорах X в.: сравнительно-типологический анализ // Славянский альманах 2001 / отв. ред. М. А. Робинсон. М., 2002. С. 39.*
- ⁸ *Генрих Латвийский. Хроника Ливонии / Пер. С. А. Аннинского. М.;Л., 1938. С. 153–154.*
- ⁹ *Гельмольд из Босау. Славянская хроника // Славянские хроники / Пер. И. В. Дьяконова, Л. В. Разумовской, ред.-сост. И. А. Настенко. М., 2011. С. 261.*
- ¹⁰ Повесть временных лет [Электронный ресурс].
- ¹¹ Там же.
- ¹² *Данилевский И. И. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 1998. С. 334.*
- ¹³ *Aannestad H. L. Charisma, Violence and Weapons... P. 161.*
- ¹⁴ *Бурков В. Г. К вопросу о первых русских знаках отличия // Гербовед. 1997. № 1 (13). С. 128.*
- ¹⁵ *Никольская Т. Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М., 1981. С. 115.*
- ¹⁶ Там же. С. 116.
- ¹⁷ *Петр из Дусбурга. Хроника земли прусской / Пер. В. И. Матузовой. М., 1997. С. 51.*
- ¹⁸ *Флори Ж. Идеология меча. Предыстория рыцарства. СПб., 1999. С. 166.*

Европейские авторы XVI в. в поисках меритократии и веротерпимости в Османской империи: специфика конфессиональной эпохи

Никита Владимирович Евстафьев

Институт славяноведения РАН,
Москва, Российская Федерация; e-mail: nikichan1@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6965-4112

Ключевые слова: Османская империя, XVI в., имагология, меритократия, межконфессиональные отношения, Ожье Гислен де Бусбек, Стефан Герлах, Пьер Белон, Жан Боден

Sixteenth-Century European Authors in Search of Meritocracy and Religious Tolerance in the Ottoman Empire: the Specifics of the Confessional Era

Nikita V. Evstafyev

Institute of Slavic Studies RAS,
Moscow, Russian Federation; e-mail: nikichan1@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6965-4112

Keywords: The Ottoman Empire, sixteenth century, imagology, meritocracy, interconfessional relations, Ogier Ghiselin de Busbecq, Stefan Gerlach, Pierre Belon, Jean Bodin

В XVI столетии Османская империя достигла пика могущества и представляла серьезную угрозу для европейских христианских государств. Поэтому неслучайно данный период отмечен заметным ростом интереса к Османскому государству со стороны европейцев: десятки путешественников из Франции, Священной Римской империи, иных стран посетили в XVI в. Балканы, Малую Азию и другие восточные

земли. Они имели разные цели и задачи: одни посещали Святую Землю в качестве паломников, другие направлялись с дипломатической миссией в Константинополь, кого-то связывали торговые интересы, а кто-то искал античные древности¹. Многие оставили различного рода записи: письма, путевые дневники или записки о путешествии. Европейские авторы обращали внимание на социальные, политические и культурные особенности Османской империи и на положение подвластного османским султанам христианского населения. Представленные в западных источниках образы носят по большей части негативный характер: авторы сокрушаются о трудностях, с которыми приходится жить христианам на Балканах, а также об угнетении со стороны иноверной «тиранической» власти, против которой они готовы в любой момент восстать². В то же время нельзя не отметить, что порой авторы сдержанно хвалят некоторые меры внутренней политики султанов. В статье рассмотрены примеры положительных оценок османской власти европейскими путешественниками, дипломатами и мыслителями и предложены возможные тому объяснения. Отдельно стоит отметить, что образы, о которых пойдет речь, встречаются и у тех авторов, которые никогда не посещали Османскую империю. Это говорит о «турках» (и конкретно — «османских султанах») как об определенном образе, активно применявшемся в религиозной³ (и не только) полемике конфессиональной эпохи.

Одна из политических особенностей Османского государства, часто встречавшаяся в заметках европейских авторов, — это «меритократический» принцип назначения на военные и государственные должности. Например, в своем «письме», относящемся к 1550-м гг., габсбургский дипломат Ожье де Бусбек отмечал, что «турки ни от кого, даже от своих, не зависят, и полагаются на самих себя, исключение — только род Османов, который ценится по происхождению» (*nam Turcae neminem, ne suorum quidem, nisi ex se pendunt: sola domo Othomanorum excepta, quae suis censetur natalib*)⁴⁵. Поэтому, как подчеркивает Бусбек в этом же «письме», при дворе султана Сулеймана можно увидеть, «что первые из

господ — это часто дети пастухов и скотоводов» (*qui rerum primas à principe tenant, fere sunt pastorum aut bubulcorum filii*), ведь «ни музыка, ни арифметика, ни геометрия: так и ни добродетель не передаются сыну или наследнику» (*non musicam, non arithmetica, non geometriam: sic nec virtutem ad filium aut heredem transire*)⁶.

Примечательно, что, по наблюдениям Бусбека, в христианских селах Болгарии, Греции и других османских земель встречалось немало простых женщин, происходивших будто бы из «королевских родов» (*regium esse genus*), а в других местах он видел «оставшихся потомков императорских родов Кантакузинов и Палеологов, живших среди турок в более презренном состоянии, чем жил Дионисий Коринфский⁷» (*Catacuzenorum & Palaeologorum imperatorii generis, reliquias, contemptius inter Turcas degentes quam vixit Dionysius Corinthi*). Это положение Бусбек также объяснял презрением турок к высокому происхождению человека — «так низко пало дворянство в королевстве Турок» (*sic in regno Turcarum jacet nobilitas*)⁸. Данное наблюдение, имеющее только косвенное отношение к «принципам меритократии», вызывало живой интерес европейцев: другие авторы также обращали на него внимание, а иногда и заимствовали его напрямую у Бусбека. Так, сообщение о потомках аристократов среди крестьянских женщин Болгарии и Греции можно найти в записках немца Райнхольда Лубенау, отправившегося в Османскую империю в 1587 г., через сорок лет после Бусбека⁹. Похоже, что Лубенау как раз заимствовал этот эпизод у Бусбека, «Письма» которого начали публиковаться еще при жизни автора с 1581 г., и снискав популярность у современников, пережили несколько изданий в XVI и XVII вв.¹⁰

Иногда примеры «меритократии» в Османской империи сопровождалась прямыми сравнениями с христианскими государствами, в первую очередь Священной Римской империей. Например, лютеранский богослов Стефан Герлах, сопровождавший имперского посла Давида Унгнада в 1573–1578 гг. в Константинополь, писал, что дипломат сожалел о «жалком положении» (*elenden Zustand*) христианских вои-

нов, потому что «никто из них не может возвыситься, кто пехотинец, тот пехотинцем и останется», а «у турок благородное происхождение не значит ничего» (*ben de Türken gelte kein Adel nichts*), кто «проявляет себя рыцарски (*ritterlich*), тот получает повышение»¹¹.

Но еще большей популярностью у западных авторов пользовались примеры религиозной терпимости османских правителей. Иногда они более конкретны — например, Стефан Герлах сообщал, что «турки больше любят лютеран, чем папистов (*Papisten*), потому что лютеране отвергают почитание икон»¹². Такое отношение объясняется рядом причин: по мнению самого Герлаха, турки надеялись легко обратить протестантов в свою веру¹³, но существовала также и политическая целесообразность — носители идей Реформации рассматривались султанами как союзники в борьбе против католиков-Габсбургов и папства¹⁴. При этом сам Герлах отмечал, что католикам в Османской империи также не запрещалось исповедовать свою веру и выступать в своих храмах с проповедями против «греков» (*Griechen*), послушать которые приходили и турки¹⁵. Западные авторы отмечали, что веротерпимость османов распространялась также на православное и иудейское население. Примечательны слова французского ученого и гуманиста Пьера Белона, посетившего Восток в 1547 г. По его мнению, сила турок заключалась в том, что они «позволяют всем христианским религиям иметь свою церковь» и «никого не принуждают жить по-турецки» (*ne contraignent personne deviure à la mode Turquoyse*)¹⁶ — здесь Белон явно обращается к европейским читателям.

Кроме того, в сочинениях некоторых европейских авторов-протестантов встречается один и тот же рассказ о веротерпимости османских султанов. Не обходит его стороной и Стефан Герлах. В его изложении сюжет звучит так: как-то раз великий визирь Рустем-паша «пытался убедить султана Сулеймана ввести в их землях только одну веру и изгнать иудеев (*Juden*)». В ответ на это Сулейман взял один цветок с желтыми и белыми лепестками и сравнил его разноцветную красоту с многообразной красотой народов и религий

империи. Сулейман сказал: «чем больше оттенков у одного цветка, тем он красивее», так и все народы империи носят одежды разных цветов, ведь «Богу угодны все веры» (gefallen GOTT allerley Glauben)¹⁷.

Положительный образ османского правителя представлен и в тексте известнейшего французского мыслителя Жана Бодена — сам он был (скорее всего номинально) католиком¹⁸, но сочувствовал гугенотам. В сочинении 1570-х гг. «Шесть книг о государстве» он открыто восхищался «королем турок», который защищает «обряды своей религии» так же хорошо, как и другие правители, и в то же время «не ограничивает никого и, напротив, позволяет другим жить так, как они того хотят» и в том числе разрешает исповедовать религию людям разных конфессий¹⁹. Конечно, подобные утверждения были далеки от реальности, ведь немусульманские подданные султанов сталкивались с очевидным угнетением. Но все это не отменяет того факта, что, по сравнению со странами католической Европы, религиозные меньшинства Османской империи действительно чувствовали себя более свободно и по крайней мере систематически не подвергались принудительному обращению в ислам или изгнанию из страны. Более того, именно в Османской империи находили убежище те иноконфессиональные группы, которые были вынуждены покинуть католические страны своего проживания (например Испанию) — в первую очередь это касается иудеев, но также и некоторых христиан-некатоликов, включая гугенотов и англикан (в XVII в.)²⁰

Таким образом, в сочинениях западных авторов османские султаны предстают достойными уважения противниками, которые, с одной стороны, опасны для христианских стран, а с другой, отличаются большей веротерпимостью, чем многие европейские монархи. Данное сочетание можно объяснить тем, что авторы данных сочинений исповедовали протестантизм в разных его видах или же сочувствовали религиозным диссидентам, поэтому в духе межконфессиональной полемики того времени старались обратить внимание на бесправное положение некатоликов во владениях като-

лических монархов. С точки зрения протестантских авторов, даже османские султаны лучше относились к христианам, чем иные из монархов-католиков. Несомненна полемическая заостренность такого образа, адресованного европейскому читателю. Об этом говорит и подчеркнутое восхищение меритократическим подходом османских султанов, который позволял им брать на службу людей из низших сословий, обращая внимание в первую очередь на их личные качества, а не на их происхождение. Такой подход вызывал явные симпатии и в то же время опасения у европейских авторов, ведь именно он, по их мнению, выгодно отличал политику Османской империи от европейских христианских монархий, позволяя укреплять благосостояние и военное могущество государства и позволяя ей вести успешную экспансию против них.

Примечания

- ¹ Подробнее об этом см., к примеру: *Wunder A. Western Travelers, Eastern Antiquities, and the Image of the Turk in Early Modern Europe // Journal of Early Modern History. 2003. V. 7. P. 89–119.*
- ² Например, о готовности к восстанию в Боснии пишет участник габсбургского посольства 1530-х гг. Бенедикт Курипешич: Бенедикт Курипешич (1530–1531) // *Йонов М. П. Немски и австрийски пътеписи за Балканите XV–XVI век. София, 1979. С. 140–141.*
В целом среди некоторых европейских мыслителей XVI в. существовало представление об Османской империи как о «тирании». В отличие от более позднего, относящегося уже к эпохе Просвещения представления об Османской империи как о «деспотии», образ «тирании» не был лишен некоторых положительных качеств — таких как могущество и внутренняя стабильность — *Çirakman A. From tyranny to despotism: The enlightenment's unenlightened image of the Turks // International Journal of Middle East Studies. 2001. Vol. 33. No 1. P. 49–68.*
В сочинениях христианских (особенно лютеранских) богословов того времени встречаются также эсхатологические представления, которые связывали военные успехи турок со скорым пришествием Антихриста — *Boettcher S. R. German Orientalism in the Age of Confessional Consolidation: Jacob Andreae's Thirteen Sermons on the Turk, 1568 // Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East. 2004. Vol. 24 (2). P. 101–115.*
- ³ Об отражении этой полемики, в частности, в церковной историографии XVI в. см.: *Андронов И. Е. Nostri Saeculi Novatores. Межконфессиональная полемика в западноевропейской церковной историографии. М., 2019.*
- ⁴ Вероятно, *natalibus*, в другом издании первого из «Писем» Бусбека — также *natales* — *Itinera Constantinopolitanum et Amasianum ab Augerio Gislenio Busbeckij, & C.D. ad Solimannum Turcarum imperatorem C.M. oratore confecta. Eiusdem*

- Busbequij De acie contra Turcam instruenda consilium. Antverpiae, 1581. P. 38.
Скорее всего здесь имеется в виду благородство по крови, которое передается по наследству и достается Османам «от рождения». См. слово natalis, его различные формы и употребление в словаре латыни — *Lewis C. T., Short Ch. A Latin Dictionary*. Oxford, 1958. P. 1188.
- ⁵ Ожие Гизлен дьо Бузбек (1553–1562) // *Цветкова Б. А.* Френски пътеписи за Балканите XV–XVIII век. София, 1975. С. 128; A. Gislenii Busbequii Omnia quae extant. Lugd[uni] Batavorum [Leiden], 1633. P. 44.
- ⁶ Ожие Гизлен дьо Бузбек (1553–1562)... С. 130; A. Gislenii Busbequii Omnia quae extant... P. 99–100.
- ⁷ Скорее всего имеется в виду сиракузский тиран Дионисий Младший (367–356, 347–344 гг. до н.э.), который после свержения был вынужден бежать в Коринф и жил там в нищете — Ожие Гизлен дьо Бузбек (1553–1562)... С. 136, сноска 16.
- ⁸ Ожие Гизлен дьо Бузбек (1553–1562)... С. 128; A. Gislenii Busbequii Omnia quae extant... P. 44.
- ⁹ Райнхолд Лубенау (1587) // *Йонов М.П.* Немски и австрийски пътеписи за Балканите XV–XVI век. София, 1979. С. 462.
- ¹⁰ Ожие Бузбек (1553) // Там же. С. 210–211.
- ¹¹ *Герлах Ст.* Дневник на едно пътуване до Османската порта в Цариград. София, 1976. С. 67; Stephan Gerlachs deß Aeltern Tage-Buch der von zween glorwürdigsten römischen Kaysern, Maximiliano und Rudolpho, beyderseits den Andern dieses Nahmens an die ottomanische Pforte zu Constantinopel abgefertigten und durch den Wohlgebornen Herrn Hn. David Ungnad, Freiherrn zu Sonnegk und Preyburg [...] mit würcklicher Erhalt- und Verlängerung des Friedens zwischen dem Ottomannischen und Römischen Kayserthum und demselben angehörigen Landen und Königreichen glücklichst-vollbrachter Gesandtschaft. Zunner, Frankfurt am Main, 1674. S. 53.
- ¹² *Герлах Ст.* Дневник на едно пътуване... С. 82; Stephan Gerlachs deß Aeltern Tage-Buch... S. 89.
- ¹³ *Герлах Ст.* Дневник на едно пътуване... С. 82; Stephan Gerlachs deß Aeltern Tage-Buch... S. 89.
Об опасном искушении ислама для христиан писали и другие авторы, причем ссылаясь как раз на отрицательное отношение мусульман к иконам — *Boettcher S. R.* German Orientalism in the Age of Confessional Consolidation... P. 109.
- ¹⁴ При этом Османской империи не мешал католицизм французских королей, как французским королям не мешал ислам османских султанов, чтобы сотрудничать в борьбе против Габсбургов и папства — *Goffman D.* The Ottoman Empire and Early Modern Europe. New approaches to European history. Cambridge, 2002. P. 110–111.
- ¹⁵ *Герлах Ст.* Дневник на едно пътуване... С. 243; Stephan Gerlachs deß Aeltern Tage-Buch... S. 470.
- ¹⁶ Пиер Белон // *Цветкова Б. А.* Френски пътеписи за Балканите XV–XVIII век. София, 1975. С. 104; Les Observations de plusieurs singularitez et chose memoables, trouuees en Grece, Asie, Iudee, Egypte, Arabie, et autres pays estranges, redigees en trois liures, par Pierre Belon du Mans. Paris, 1553. P. 180.
- ¹⁷ *Герлах Ст.* Дневник на едно пътуване... С. 73; Stephan Gerlachs deß Aeltern Tage-Buch... S. 61–62.

- ¹⁸ Вопрос о религиозных взглядах Жана Бодена достаточно непростой, своими идеями этот французский мыслитель явно не вписывается в рамки обычного католицизма — *Baldwin S. Jean Bodin and the League // The Catholic Historical Review*. Vol. 23. № 2. (Jul., 1937). P. 160–184; *Kuntz M. L. Introduction // Jean Bodin. Colloquium of the Seven about Secrets of the Sublime*. Princeton, 1975. P. XV–XLVI.
- ¹⁹ *Jean Bodin. The Six Books of the Commonwealth*. Translated by M. J. Tooley. Oxford, 1967. P. 144.
Подробнее об отношениях Жана Болену к Османской империи и ее правителям см., например: *Hentsch T. Imagining the Middle East*. Montreal; New York, 1992. P. 68–76.
- ²⁰ *Goffman D. The Ottoman Empire and Early Modern Europe...* P. 111.

DOI: 10.31168/2619-0869.2024.03

Ересь как орудие дьявола в чешскоязычной католической литературе эпохи Барокко

Наталья Руслановна Белова

МГУ имени М. В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация; e-mail: nrbelovaa@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8637-2013

Ключевые слова: рекактолизация Чешских земель, Контрреформация, побелогорский период, католическая церковь, дьявол, ересь, барокко

Heresy as an instrument of the Devil in the Czech-speaking Catholic literature of the Baroque era

Natalia R. Belova

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation; e-mail: nrbelovaa@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8637-2013

Keywords: re-Catholicization of the Czech lands, Counter-Reformation, post-White Mountain period, Catholic Church, devil, heresy, baroque

На знаменитой гравюре Эрхарда Шена «Дьявол с волынкой» изображен сатана, играющий на волынке, сделанной из головы Мартина Лютера. На другой гравюре, названной «Дьявол провозглашает начало борьбы с Лютером», сатана заходит в комнату к Лютеру и вручает ему бумагу об объявлении войны между ними¹. Реформация привела к конфессиональному расколу Европы, к активной полемике и кровавым конфликтам между католиками и протестантами. В этих условиях представители разных конфессий не только называли друг друга еретиками, но и наделяли образы своих врагов демоническими чертами. Эта идея не нова, католические авторы писали о связи еретиков с дьяволом еще со времен раннего Средневековья. У Августина еретики выступают как помощники сатаны: «Но диявол, видя, что храмы демонов пустеют и человеческий род льнет к имени Освободителя и Посредника, воздвиг еретиков, которые, прикрываясь именем христиан, противодействуют христианскому учению»².

Но какова была специфика идеи о связи еретиков с дьяволом в эпоху барокко, в период побелогорской рекатолизации Чешских земель? Именно на такой проблеме мне бы хотелось сосредоточить свое внимание. Источниками для этого небольшого исследования послужили чешскоязычные сочинения католических авторов (Матея Виерия, Матея Вацлава Штейера, Антонина Кониаша, Яна Франтишка Бецковского и других). Их труды были ориентированы на широкую аудиторию, поэтому позволяют проследить, какие представления проповедники внушали своей пастве.

Дьявол в побелогорской литературе выступает как вдохновитель еретических учений. Лютер в сочинении иезуита Матея Виерия «признается, что ему Сатана оружие против мессы святой дал»³. Ересь — орудие дьявола, с помощью которого он ловит души грешников и отправляет их в ад. Образ сатаны как ловца душ, охотника за душами активно транслировался в католической литературе («охотник злой Сатана»⁴; дьявол ловит души как «ненасытный рыбак», его «удочка — богатство, сеть — светская слава, а роскошь — червь»⁵).

Дьявол может подстергать человека везде, может застигнуть его врасплох. Для наставления своей паствы католические проповедники часто приводят показательные примеры. Иезуит Матей Вацлав Штейер рассказывает случай, произошедший в Падуе. Однажды вместо заболевшего проповедника пригласили другого, пользовавшегося хорошей репутацией. Он произнес прекрасную проповедь об адских муках, так что многие люди плакали и с восторгом внимали ему. После проповеди его проводили к воротам монастыря, и привратник с ужасом заметил на его голове рога, а на руках и ногах копыта. Оказалось, что в образе проповедника перед паствой предстал дьявол, который произнес проповедь не для спасения душ, а чтобы люди совершили смертный грех и попали в ад⁶. Сатана способен обмануть не только простого мирянина, но и ученого человека. У Штейера находим еще одну любопытную историю. Учителю богословия из Падуи перед смертью явился дьявол и начал спорить с ним о Святой Троице. Несмотря на свою ученость, богослов не сумел выиграть спор, и дьявол даже убедил его в том, что ни Сын, ни Святой Дух не являются ипостасями Бога. В этот момент богослов умер, не успев раскаяться в своих мыслях, то есть умер как еретик⁷.

В Римском катехизисе, который закрепил позицию Тридентского собора по основным вопросам католического вероучения, еретики упомянуты среди пособников дьявола («Иногда у него есть посланцы и соглядатаи, падшие люди, в первую очередь еретики, которые, восседая в кресле чумы, сеют смертоносные семена злых учений» (часть IV, гл. VI, вопрос 10))⁸. Католические проповедники, описывая еретиков, наделяют их демоническими чертами. Речь идет в первую очередь не о внешних атрибутах, а о внутренних качествах, таких как злоба, гордыня, гнев, хитрость, лукавство. Злоба, гнев и гордость являются важными чертами еще ветхозаветного образа грешника («Вот, нечестивый зачал неправду, был чреват злобою и родил себе ложь; рыл ров, и выкопал его, и упал в яму, которую приготовил: злоба его обратится на его голову, и злодейство его упадет на его темя» (Пс. 7:15-17)).

Нечестивцы в католической литературе «трещат от гнева» и «скрипят зубами»⁹, что делает их образ еще более ужасающим. В данном случае перед нами отсылка к Библии, где «скрежет зубов» является признаком ада или «тьмы внешней», куда будут ввергнуты грешники («а сыны царства извержены будут во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов» (Мф. 8:12); «и ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов» (Мф. 13:42).

Дьявол известен также своей хитростью и лукавством, он лжец и интриган (*pletichář*)¹⁰. Согласно Августину, он «обольщает и увлекает за собой в вечную казнь народы и в настоящее время»¹¹. Лживость была частью библейского образа дьявола («уста его полны проклятия, коварства и лжи; под языком его — мучение и пагуба» (Пс. 9:28)). Некатолические проповедники описаны в побелогорской литературе как такие же хитрые и лживые, как и их вдохновитель. Они «злость и безбожность грехов приятностью своей прикрывают»¹². Некатолики именуются «ложными христианами», а протестантские проповедники — «ложными проповедниками». Для этого чаще всего используется слово *falešný*, которое означает не только ложный как неправильный, но также и фальшивый, поддельный, что намекает на хитрость еретиков, их умение притворяться и выдавать себя за истинных католиков. Протестантские проповедники сравниваются с волками в овечьей шкуре и снова уподобляются дьяволу, который «ради обмана превращается в светлого ангела»¹³.

Любопытно, что побелогорские авторы иногда прямо сравнивают еретиков с демонами и чертями. Например, Бецковский заявляет, что нектолики, как и черти, боятся крестного знамения¹⁴. Демонизация еретиков должна была вызвать отвращение к ним у католического населения, а также могла оправдать нетерпимость и насилие по отношению к ним.

Если обобщить все созданные католическими проповедниками образы, получится довольно мрачная картина. Человека на каждом шагу может подстергать дьявол и его помощники — еретики. Они говорят красивые приятные речи, но все это — обман, чтобы обречь человека на вечное про-

клятие. Еще в Средние века проповедники прибегали к «пастырству страха», то есть постоянному устрашению, преувеличению греховности и вины своей паствы¹⁵. Гомилетическая литература раннего Нового времени продолжила эту традицию. В условиях всеобщей рекатолизации, начатой в побелогорский период, устрашение должно было послужить для углубления религиозности населения, формирования более осознанного отношения к вере и церковным практикам.

Примечания

- ¹ *Oberman H.* Luther. Man between God and the Devil. New Haven; London, 2006. P. 73.
- ² *Блаженный Августин.* О граде Божиим. Книги XIV–XXII. СПб.; Киев, 1998. Кн. 18. Гл. LI.
- ³ *Vierius M.* Christoslaus aneb život Kristoslawa knížete, z něhož každý křestianský člověk welmi pěkný příklad, weystrachu a naučení sobě wzýti může. Praha, 1689. S. 407.
- ⁴ *Koniáš A.* Cytara Nowého zákona, prawého Boha w předrahých Krystowé wjry tagemstwých, a w swatých geho lžbo-spěwně oslawugjý. Praha, 1752. S. 567.
- ⁵ *De Waldt J.* Chwálo-Ržeč, Neb Kázanj Na některé Swátky, a obwzlásstnj Ročnij Slawnostj Swatých Božjch. Praha, 1736. S. 744.
- ⁶ *Šteyer M.* Postylla Katolická na dvě částky rozdělená Nedělnj a Swátečnj. Praha, 1691. S. 21.
- ⁷ *Ibid.* S. 357.
- ⁸ *Catechismus Romanus ex decreto sacrosancti consilii Tridentini.* Roma, 1796. P. 567–568.
- ⁹ *Vierius M.* Christoslaus. S. 349.
- ¹⁰ *De Waldt J.* Chwálo-Ržeč, Neb Kázanj Na některé Swátky, a obwzlásstnj Ročnij Slawnostj Swatých Božjch. S. 215.
- ¹¹ *Блаженный Августин.* О граде Божиим. Кн. 20. Гл. VII.
- ¹² *Koniáš A.* Postylla, Aneb Celo-Ročnj Weykladowé, Na wssecky Nedělnj y Swátečnj Episstoly, Též Ewangelia. Praha, 1756. S. 485.
- ¹³ *Ibid.* S. 424.
- ¹⁴ *Beckovský J.* Katolického Žiwobytyj Nepohnutedlný Základ. Praha, 1707. S. 207.
- ¹⁵ *Korzo M. A.* Образ человека в проповеди XVII века. М., 1999. С. 49.

«Отцеубийство», «Авель» и «Каины»: трактовки убийства Иосафата Кунцевича католиками и униатами Речи Посполитой*

Кирилл Максимович Медведев

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: kikamimi@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7495-905X

Ключевые слова: Иосафат Кунцевич, религиозная полемика, католицизм, церковная уния, Брестская уния, Речь Посполитая

"Patricide", "Abel" and "Cains": interpretations of the murder of Josaphat Kuntsevych by Catholics and Uniates of the Polish-Lithuanian Commonwealth

Kirill M. Medvedev

Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: kikamimi@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7495-905X

Keywords: Josaphat Kuntsevych, religious polemics, Catholicism, Church Union, Union of Brest, Polish-Lithuanian Commonwealth

Убийство Полоцкого униатского архиепископа Иосафата Кунцевича в результате восстания против него жителей Витебска двенадцатого ноября 1623 г. исследователями тра-

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-28-00538): Понятия и категории в социально-политическом дискурсе государств Восточной Европы в Раннее Новое время.

диционно оценивается как одно из ключевых и самых громких событий в рамках противостояния между католиками и православными в Речи Посполитой после заключения в 1596 г. Брестской церковной унии¹. Данная трагедия и последовавшие за ней репрессии по отношению к обвиненным в убийстве Кунцевича людям оказали серьезное влияние на усиление антагонизма между католиками обоих обрядов (латинского и греческого) и православными². В данном случае становится очень актуальным вопрос, как последователи Римской церкви трактовали случившееся, какое влияние на данные трактовки оказывали их религиозные убеждения и как данные трактовки, в свою очередь, помогали формировать их конфессиональную идентичность.

Стремясь утвердить, что Иосафат Кунцевич является «истинным» мучеником, католики обоих обрядов подчеркивали, что он был «невинно» убит православными именно за приверженность католицизму и верность своим пастырским обязанностям. Так, в 1633 г. придворный проповедник Фабиан Бирковский писал, что Иосафата, как и некогда святого Станислава, убили «злые христиане» за то, что он, как и Краковский епископ, не терпел грехов своей паствы и всеми средствами старался учить их быть праведными христианами³. В данном случае католические и униатские авторы подчеркивали, что Кунцевич, как образцовый пастырь, старался привести свою паству к «истинной вере» и, значит, спасению душ. При этом они ставили всем в пример, что он ради блага своих же «овечек» не пренебрегал и силой, раз уж они продолжали упрямиться⁴. Хорошо знавший Иосафата Лев Кривза в 1625 г. утверждал в проповеди, что он был убит потому, что «по обязанности своей пастырской добро делал, злых от злого отвращал и к доброму приводил: одних словами и увещеванием [...], а других правом и мандатами, некоторых же карами, когда не мог иначе»⁵. Как справедливо отметил Леонид Тимошенко, с точки зрения Кривзы жесткая политика Кунцевича по отношению к «неверным» православным была полностью справедливой и оправданной, потому что они, так или иначе, все равно его паства⁶. Вообще, это верно и по от-

ношению к оценке его деятельности другими католическими авторами Речи Посполитой. В данном случае униаты, развивая свой нарратив об «исконном» единстве Руси с Римом, также проводили параллели между мучеником и древнерусскими святыми, почитание которых было очень важно для униатской церкви⁷. Тот же Жоховский в 1680 г., отвечая на претензии со стороны православных, что Иосафат насильно принуждал людей к униии, утверждал, что, «если к хорошему, и принуждение нужно». При этом униатский митрополит ссылался на пример не только Константина Великого, но и Владимира Святославича, которые «указывали креститься и отказываться от язычества народам своим, изгнанием карали еретиков, схизматиков и искореняли оных»⁸.

Именно поэтому в глазах католиков обоих обрядов произошло в Витебске двенадцатого ноября 1623 г. было безусловным «отцеубийством», когда «неверная» паства взбунтовалась, предала и убила своего духовного «отца» за его внимание и заботу о ней. Так, выступивших против Иосафата людей и его убийц открыто называли «отцеубийцами»⁹ и «предателями»¹⁰. Если доминиканец Бирковский, представляя Кунцевича как выдающуюся для истории польского католицизма фигуру, сравнивал его со святым Станиславом, патроном Польского Королевства, то униат Лев Кривза обратился к святым Борису и Глебу, которые были также предательски убиты и прославлены за это как мученики¹¹.

Неудивительно, что уже вскоре после его гибели Полоцкий архиепископ стал для католических и униатских деятелей невинным «Авелем», которого, как они утверждали, предали и убили «Каины» из его собственной паствы. В 1624 г. Владимирский и Брестский униатский епископ Иоахим Морховский в своем жизнеописании Кунцевича говорил о том, что так же, как и Каин, Господом был проклят и наказан косвенно виновный, как он утверждал, в произошедшем в Витебске Мелетий Смотрицкий, который подстрекал людей на «бунты» против их законного пастыря¹². В 1629 г. сам Смотрицкий, уже перешедший на сторону униатов, споря с православными, обращался к ним, в том числе, со следую-

щими словами: «Не взывает ли к вашим Каинам невинная кровь брата нашего Авеля — благословенной памяти Иосафата, архиепископа Полоцкого?»¹³. В 1704 г. виленский иезуит Ян Алоизий Кулеша писал, что Кунцевича убили «Каины витебские схизматики»¹⁴.

Таким образом, как заявляли католики обоих обрядов, убийство Иосафата Кунцевича за его верность унии и пасырским обязанностям еще раз наглядно продемонстрировало всю «греховность» православных, которые теперь считались деятелями католической и униатской церкви как бы проклятыми за страшный грех предательства и «отцеубийства». Основываясь на этом, католики и униаты активно использовали убийство Иосафата в пропагандистской борьбе со «схизмой» для ее дискредитации. Так, в 1629 г. Фабиан Бирковский, риторически обращаясь к православным, утверждал: «И к вам, отщепенцы, взывает кровь невинного Авеля, которого вы убили перед Витебским алтарем»¹⁵. В этом же году Мелетий Смотрицкий, говоря об убийстве Иосафата Кунцевича и других униатов православными, заявлял: «Не имеет той милости Божьей схизма, чтобы мучеников порождать. Отцеубийства только она порождает, братоубийства и тому подобные адской бездны [дела]»¹⁶.

С другой стороны, мученичество Кунцевича еще раз должно было утвердить «истинность» и «справедность» католицизма, одобрение Господом заключенной в Бресте унии. Еще в 1624 г. униатский митрополит Иосиф Рутский заявлял, что кровь мученика начала делать «схизматиков» более податливыми, что было настоящим «чудом», ибо, как говорил Рутский, пока что к унии «нет благосклонного расположения народа»¹⁷. В 1696 г. иезуит Теофил Рутка, доказывая, что современная ему православная церковь не является святой, говорил о том, что у нее нет своих мучеников. Католическая же церковь, как он писал, насчитывает десятки мучеников за веру, и одним из них является Иосафат Кунцевич, павший от рук самих «схизматиков»¹⁸. Таким образом, в глазах католиков обоих обрядов мученическая кончина Полоцкого архиепископа призвана была легитимизировать само «воссоединение» Руси с Римом и борьбу со «схизматиками» за торжество католицизма.

Примечания

- ¹ *Дмитриев М. В.* Религиозные войны в Речи Посполитой? К вопросу о последствиях Брестской унии 1596 года // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. № 1 (3). С. 17; *Plochy S.* The Cossacks and Religion in Early Modern Ukraine. New York, 2001. P. 91–94.
- ² Подробнее об этом см.: *Медведев К. М.* Культ Иосафата Кунцевича в Речи Посполитой в XVII веке: Между религиозной нетерпимостью и прозелитизмом // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2023. № 1. С. 39–54.
- ³ *Birkowski F.* Exorbitancje ruskie, z Grekow odszczepieńców, heretyckie z konfederatów kazania dwoje; przy tym Kwiat opadający albo nagrobek Gwstawa Adolpha krola szwedzkiego. Kraków, 1633. S. 3.
- ⁴ В Средние века и в раннее Новое время традиционно отмечалось, что для распространения христианской веры одинаково хороши и проповедь, и сила, в особенности если люди по тем или иным причинам упорно отказывались от «истинной веры». Об этом см., например: *Buc P.* Holy War, Martyrdom, and Terror: Christianity, Violence, and the West. Philadelphia, Pennsylvania, 2015. P. 6–7, 54, 230–233.
- ⁵ *Kreuzo L.* Kazanie o świętobliwym żywocie y chwalebney śmierci przewielebnego w Bodze oycy Iosaphata Kuncewicza, arcybiskupa Połockiego, Witebskiego y Mściśławskiego. [Wilno], 1625. K. 6v-7r.
- ⁶ *Тимошенко Л.* Руська релігійна культура Вільна. Контекст доби. Осередки. Література та книжність (XVI — перша третина XVII ст.): монографія. Дрогобич, 2020. С. 503.
- ⁷ О важности культов древнерусских святых для униатской церкви подробнее см.: *Синкевич Н. А.* «Дивен Бог во святых своих»: культ святых в полемике «Руси с Русью» в Речи Посполитой // *Религия и русь, XV–XVIII вв.* / отв. сост., отв. ред. серии А. В. Доронин. М., 2020. С. 312–340.
- ⁸ *Żochowski C.* Colloqvium Ivbelskie. Lwów, [1680]. S. 91.
- ⁹ S. Josaphat hieromartyr. Documenta Romana beatificationis et canonisationis. Romae, 1952. Vol. I. 1623–1628. P. 128; *Malinowski I. D.* Korona złota nad głową zranioną B. M. Jozafata Kuncewicza. Wilno, 1673. K. B3v.
- ¹⁰ *Kempa T.* Nieznane listy biskupów unickich do kanclerza Lwa Sapiehy — źródła ukazujące sytuację wyznaniową w Wielkim Księstwie Litewskim w pierwszej połowie XVII wieku // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. 2004. T. XXII. S. 213–214.
- ¹¹ *Kreuzo L.* Kazanie o świętobliwym żywocie... K. 7v.
- ¹² *Скрутень Й. (о.)* Перший життєпис св. Йосафата // *Записки ЧСВВ*. 1924. Т. 1. С. 354–355.
- ¹³ *Smotrycki M.* Ex[a]thesis abo Expostvlatia. Lwów, [1629]. S. 3v.
- ¹⁴ *Kulesza J. A.* Wiara prawosławna. Wilno, 1704. S. 224.
- ¹⁵ *Birkowski F.* Głos krwie b. Iozaphata Kuncewicza. Także b. Iana Sarkandra, męczennika morawskiego y obrazu bransbergskiego. Kraków, 1629. K. A3.
- ¹⁶ *Smotrycki M.* Ex[a]thesis abo Expostvlatia. S. 4r.
- ¹⁷ S. Josaphat hieromartyr... P. 45-46.
- ¹⁸ *Rutka T.* Herby Abo Znaki Koscioła Prawdziwego. Lublin, [1696]. S. 200.

DOI: 10.31168/2619-0869.2024.05

Экземпляры произведения С. Твардовского “Wojna domowa” в собрании Российской государственной библиотеки

Ярослава Валентиновна Мартынова

Институт славяноведения РАН,
Российская государственная библиотека,
Москва, Российская Федерация; e-mail: prantasta@gmail.com
ORCID: 0000-0002-3296-0650

Ключевые слова: польская литература, межкультурная русско-польская коммуникация, история русско-польских отношений, редкие книги, книжные собрания

Exemplars of “Wojna domowa” by S. Tvardovsky in the collection of the Russian State Library

Yaroslava V. Martynova

Institute of Slavic Studies RAS,
Russian State Library,
Moscow, Russian Federation; e-mail: prantasta@gmail.com
ORCID: 0000-0002-3296-0650

Keywords: Polish literature, intercultural Russian-Polish communications, history of Russian-Polish relations, rare books, book collections

История бытования конкретных экземпляров, отраженная в их особенностях, определяет ценность каждого из них¹. В данной статье ставится задача рассмотреть историю бытования в России польских книг на примере выявленных в фонде редких книг экземпляров произведения польского автора XVII в. С. Твардовского.

Польская литература XVII в. оказала сильное воздействие на восточнославянские литературы, расширила пути к культуре и искусству Западной Европы. Именно из польской литературы приходит на Украину, в Белоруссию и в Россию целый ряд литературных произведений, популярных на Западе. Книги, издаваемые в Польше, на Украине и в Белоруссии, к концу века получили широкое распространение в различных кругах русского общества. Ряд исследователей отмечал, что читателями польских книг, в первую очередь были ученые монахи, высшие иерархи церкви, а также количественно меньшая группа — аристократия западного толка (Д. М. Голицын, А. А. Матвеев)². Дети царя Алексея Михайловича, Федор и Софья, обучались у Симеона Полоцкого и свободно владели польским языком. Польскому языку учились и читали польские книги А. Л. Ордин-Нащокин, Ф. М. Ртищев. Изданные в Польше на польском и латинском языках книги переводились в Посольском приказе. Переводились произведения католических авторов в случае отсутствия противоречий с православной догматикой для следования моральному поучению на бытовом уровне³.

Иностранные книги, в том числе на польском языке, имелись в составе книжных собраний частных лиц. В XVII в. книга представляла собой как духовную, так и материальную ценность. Книги продавались, закладывались, передавались по наследству. Они постоянно переходили от одного владельца к другому. О владельцах мы узнаем из дошедших до нас описей имущества и описей библиотечных собраний, либо из оставленных пометок в самих книгах. Владельцами книг на польском языке чаще были представители духовенства, чиновничество, в том числе дьяки и переводчики Посольского, Иноземного, Печатного приказа, служилые люди (включая выходцев из Речи Посполитой и не только), представители знати и царской семьи.

С. П. Луппов предложил условно разделить владельцев книжных собраний из духовенства на лиц, связанных с переводческой и издательской деятельностью и имевших в библиотеках много иностранных книг, и представителей

верхов духовной администрации⁴. Сохранились описи библиотек С. Полоцкого — С. Медведева (опись опубликована В. М. Ундольским)⁵, митрополита Сарского и Подонского Павла⁶, иеромонаха Чудова монастыря Евфимия (опись опубликована А. Е. Викторовым)⁷. Все они были связаны с переводческой или издательской деятельностью, знали польский язык. Представителем духовной администрации был архиепископ Холмогорский Афанасий (в миру А. А. Любимов). Он собрал одну из самых больших библиотек. В ней имелись книги на греческом, латинском, немецком языках. В описи упоминаются книги польских авторов, но не в оригинале, а переведенные на русский язык — книга Мартина Славаковича в переводе С. Лаврецкого, Хроники польские (вероятно, М. Бельского)⁸.

В XVII в. в Польше печатаются книги на польском или латинском языках, служащие целям иезуитской и вообще католической пропаганды, панегирики в честь очередной победы польского оружия, в честь короля, в честь богатого магната⁹. На украинских и белорусских землях существовала традиция параллельного латинского и кириллического книгоиздания для православного населения. С середины XVII в. особенно бурно начинают развиваться эпические жанры, героическая поэма, а в религиозной поэзии — многочисленные «мессиады» и «христиады», где используются библейско-агиографические мотивы¹⁰. Получают распространение также романы, повести, новеллы, преимущественно стихотворные.

В собрании отдела редких книг РГБ хранятся несколько экземпляров эпической поэмы *Wojna domowa* — одного из популярных среди русских читателей XVII в. польского автора, «сарматского Вергилия»¹¹ — Самюэля Твардовского из Скшипны. Он — один из представителей польской барочной литературы, чьи произведения были написаны в стиле эпической поэмы. Перу Твардовского принадлежит несколько исторических поэм, в т.ч. «Внутренняя война с казаками и татарами, Москвой, потом со Швецией и Венгрией». Это одно из главных произведений автора. Оно было издано сна-

чала в Кракове в 1660 г.¹² и в 1681 г. в Калише¹³ уже после смерти самого автора. Произведение состоит из четырех частей. В первой части речь идет о событиях 1648 г., о казаках и Хмельницком, поражениях поляков, смерти короля, о крестьянских злодеяниях, о действиях И. Вишневецкого, Пилявецкой битве, дипломатической миссии Киселя, избрании короля, осаде Збаража, переговорах с татарами, о визите короля в Топоров, лагерь под Зборовом, письмах короля хану и Хмельницкому, Зборовском мирном договоре. Во второй части описывается битва у Берестечка и заключение Белоцерковского мирного договора. Третья часть охватывает период от битвы под Батогом 1651 г. до битвы под Жванцем в 1653 г. И, наконец, в заключительной части поэмы описываются события вплоть до Переяславской рады 1654 г.

При изучении собрания книг на польском языке было выявлено одно краковское издание 1660 г. и семь экземпляров 1681 г. Следует особо отметить два экземпляра, изданных в типографии Калиша. Они представляют интерес благодаря сохранившимся на их страницах владельческим записям. Произведения С. Твардовского, как уже отмечалось выше, были популярны среди русских читателей XVII в., как и творчество другого известного польского поэта — Я. Кохановского.

Первый экземпляр 1681 г. указан как книга, принадлежавшая дьяку Тимофею Литвинову¹⁴. Тимофей Дементьев Литвинов (ум. 1694/95 гг.) служил, согласно упоминаниям его имени в разрядных книгах, в разные годы в качестве дьяка в нескольких приказах, в том числе в Иноземном, Приказе Большого дворца «у счету монастырск. дел», Челобитном, Приказе Казанского дворца¹⁵. С 1689 г. значится «болен», а через несколько лет умирает¹⁶. Стоит отметить интересную деталь. В 1672 г. Сильвестр Медведев в письме к Симеону Полоцкому упоминает, что брал для прочтения книги у Тимофея Литвинова и у Андрея Винуиса¹⁷.

Экземпляр дьяка хорошо сохранился. Переплет его выполнен из хорошо выделанной кожи коричневого цвета. В центре обеих крышек переплета вытеснены женские фигуры на фоне крепостных стен. На передней крышке пе-

реплета под рисунком также вытеснена надпись, предположительно *Lugrecia Bordgia Roma*. Линии тонкие и плавные. Вероятно, переплет был выполнен интролигатором¹⁸ в XVII в. в Речи Посполитой. К переплету приклеены листы форзаца и нахзаца книги. Имеется небольшое повреждение нахзаца, которое помогает увидеть, что сначала на внутреннюю сторону переплета был положен лист-подложка, а потом приклеен экземпляр книги. В качестве подложки был использован другой печатный, вероятно бракованный, лист, напечатанный кириллическим шрифтом, вероятно, в одной из типографий на территории Польши. Определить время и место, где экземпляр переплетался, пока не представляется возможным. На нескольких страницах книги имеются владельческие записи чернилами на польском и русском языках. На польском языке надпись на титульном листе гласит *Academiczna* и могла быть выполнена позже. На русском языке запись выполнена чернилами скорописью и гласит: «Сия книга дияка Тимофея Литвинова».

С. Белокуров опубликовал роспись всех книг и рукописей на иностранных языках, бывших в Посольском приказе в 1696 г.¹⁹ В числе имевшихся в приказе книг, а также присланных в приказ книг А. С. Матвеева числится, в частности, книга «в малую полдесть» без указания полного названия и автора — описание казацкой и татарской войны на латинском языке. Историк делает предположение, что речь могла идти именно о произведении С. Твардовского, изданном в 1681 г. Упомянутые в описи размеры книги совпадают с имеющимся экземпляром²⁰, который поступил в собрание библиотеки в 1949 г., но, к сожалению, источник поступления не известен.

Второй экземпляр *Wojny domowej* 1681 г. из собрания РГБ²¹ также имеет несколько владельческих записей. На протяжении ряда лет он хранился в архиерейской библиотеке Архангельской и Холмогорской епархии. До 1731 г. Архангельская и Холмогорская епархия именовалась как Холмогорская и Важская (основана в 1682 г.). Выше упоминалось библиотечное собрание архиепископа Холмогорского Афа-

насия. Он был основателем библиотеки при архиерейском доме²². Афанасий начал собирать библиотеку задолго до пребывания в Холмогорах (1682–1702). Пополнялась библиотека за счет покупки, обмена книг, переписки печатных книг по заказу архиепископа. В описи 1702 г. книги С. Твардовского не значится.

Первая из владельческих записей на втором экземпляре написана чернилами на польском языке на внутренней стороне переплета: *Gregorij Basilej Wołostkowski № 172*. Вторая запись написана чернилами по-русски: «преосвященнейший Варсонофий архиепископ Архангелогородский / Холмогорский положил сия книгу в поминовение души своея в Холмогорскую архиерейскую библиотеку»²³. Вероятно, уже позже, в Архангельской библиотеке, экземпляру книги был присвоен инвентарный номер 15²⁴. Произошло это в ноябре 1759 г.

Известно, что Архангельскую епархию возглавляли архиепископы Варнава (в миру Василий Васильевич Волостковский (1672?–1730)) с 1712 по 1730 гг. и Варсонофий (в миру Василий Арефьевич (1694–1759)) с 1740 по 1759 гг.

Варнава был сыном польского помещика, служившего капитаном в польских войсках. В родовом гербе было изображение трех крестов. Поместья, довольно значительные, находились в Великой Польше, между Львовом и Перемышлем, под Новым и Старым Самбором и Бабиным²⁵. Учился в Киево-Могилянской коллегии. Принял постриг. В 1705 г. переехал в Москву, где занимал, в частности, пост учителя в Славяно-греко-латинской академии на протяжении семи лет. После прибытия в свою епархию в 1714 г. учреждает при Николаевском Корельском монастыре школу. Вел переписку с царем Петром Первым, как и его предшественник архиепископ Афанасий. Имел двух братьев — Андрея и Григория. Экземпляр из коллекции РГБ, судя по оставшейся записи, принадлежал брату Варнавы — Григорию и вместе с ним прибыл из Польши в Архангельск. Не осталось описи библиотеки архиепископа или его брата, но судя по номеру, указанному на сохранившейся книге, библиотека была достаточно объемной.

Варсонофий происходил из воинского сословия, образование получил в Москве²⁶. Отличался непростым и своевольным нравом, был строгим и ревностным архиереем. Он на протяжении двадцати лет управлял Соловецким монастырем. При жизни раздал все свое небольшое имущество на помин души. Неприязненно относился к выходцам из Малороссии²⁷. Он был противником открытия школ в своей епархии и выступал против тех, которые были учреждены его предшественниками.

В 1953 г. сотрудником отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (далее — ГБЛ) И. М. Кудрявцевым проводилось археографическое обследование фонда Архангельской областной научной ордена «Знак Почета» библиотеки имени Н. А. Добролюбова (далее — АОНБ). Основная цель данного исследования заключалась в выявлении рукописных материалов, изучении условий их хранения и доступности исследователям, были составлены списки наиболее ценных рукописей и старопечатных книг, не состоявших на учете и не отраженных в каталогах библиотеки. Было выявлено, в числе рукописных материалов, около 2000 изданий на иностранных языках²⁸. По итогам данного обследования часть сохранившегося фонда была передана в ГБЛ. Второй экземпляр книги Твардовского поступил в ГБЛ в 1956 г. Вероятно, он поступил вместе с рукописными книгами сначала в отдел рукописей, а позже передан в научно-исследовательский отдел истории книги, редких и особо ценных изданий.

Выявленные и введенные в научный оборот экземпляры с маргиналиями владельцев помогают расширить наши представления о бытовании и распространенности собирания в русском обществе произведений польских авторов, изданных за пределами страны, в том числе в одном из древних великопольских городов — Калише.

Во второй половине XVII в. углубляются общественные, литературные и научные контакты России и Польши. Растет число читателей и ценителей произведений польских авторов. Интерес к изданным книгам на польском языке про-

являют образованные и начитанные деятели социальных страт — администрация духовенства и выходцы из приказов, входящих в систему государственного управления и связанных с дипломатическими сношениями с иностранными государствами. Отдельно можно отметить в числе служилого сословия иностранцев — выходцев из ряда стран, в том числе из Польши, оставшихся в России на гражданской или военной службе. Наиболее образованные из них присоединились к кругу читателей литературы на польском языке. Кто-то привез с собой книги на тех языках, которые им были знакомы. В статье упоминался экземпляр Григория Васильевича Волостковского. Можно вспомнить еще один пример — выходец из Польши, воевода г. Пензы — Ю. Е. Катранский, в описи вещей которого числились книги «латинского письма»²⁹.

Предварительное изучение экземпляров произведения С. Твардовского из фонда Научно-исследовательского отдела редких книг (Музея книги) РГБ показало наличие широкого круга читателей польских книг, их распространенность в собраниях российских светских и духовных лиц. Дальнейшее изучение и введение в научный оборот польских книг в собрании отдела поможет расширить наше представление о круге лиц, собиравших в свои книжные собрания литературу польскоязычных авторов. Представляется также перспективным создание каталога польских книг из собрания отдела редких книг.

Примечания

- ¹ Степанова Е. В. Особенности экземпляра как критерий отбора в фонд редких книг (на материале изданий А. М. Мицкевича) // Вивлиофика: История книги и изучение книжных памятников / отв. ред. и сост. А. Ю. Самарин. М., 2009. Выпуск 1. С. 200–208.
- ² Николаев С. И. Польская поэзия в русских переводах: вторая половина XVII — первая треть XVIII века. Л., 1989. С. 19.
- ³ Николаев С. И. О культурном статусе польского языка в России во второй половине XVII — начале XVIII века // Русская литература. 2015. № 2. С. 136.
- ⁴ Луппов С. П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970. С. 151.
- ⁵ Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1846, книга 3 (заседание 25 марта 1846 г.), отд. 4. Смесь. С. 1–90.

- ⁶ Библиотека Павла, митрополита Сарскаго и Подонскаго; Книги и имущество Епифания Славинецкаго / [В. М. Ундольский]. М., [1850?]. С. 65–83.
- ⁷ Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым. М., 1863. Т. 5, отд. 3. Смесь. С. 50–56.
- ⁸ *Верюжский В. М.* Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII века. СПб., 1908. С. 574–655.
- ⁹ См.: [Электронный ресурс]. URL: <https://polskayaliteratura.eu/chitalniy-zal/sta-tya/poeziya-voskreshennaya-professorami> (дата обращения: 12.04.2024).
- ¹⁰ История всемирной литературы / АН СССР, Институт мировой литературы им. А. М. Горького; Г. П. Бердников (глав. ред.) [и др.]. М., 1983–1994. Т. 4. С. 298.
- ¹¹ *Николаев С. И.* Неизвестное издание поэмы С. Твардовского «Прекрасная Паскалина» // Советское славяноведение. 1984. № 6. С. 77.
- ¹² *Woyna domowa z kozaki y tátary Moskwą, potym Szwedámi y z Węgry przez lat dwánaście tocząca się dotąd, ná cztery podzielona xiegi oyczystą muzą od Samuela z Skrzyzny Twardowskiego, zá przywileiem J. K. M. Bibliopole.* W Krakowie, w druk: wdowy Lukasza Kupisza, l. K. M. typog. R. P. 1660.
- ¹³ *Woyna domowa z kozaki i tátary Moskwą, potym szwedámi i z-Węgry, przez lat dwánaście zá panowánia najjáśniejszego Iana Kazimierza krola Polskiego tocząca się. Na cztery xiegi oyczystą muzą, od Samuela z Skrzyzny Twardowskiego, opus posthumum.* Calissii typis collegij calissiensis soc.: iesv. anno domini 1681.
- ¹⁴ Инв. № VIII-10700, 5-й экз.
- ¹⁵ *Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М.* Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: Словарь-справочник. М.; СПб., 2015. С. 275.
- ¹⁶ *Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700). Биографический справочник. М., 2011. С. 318.
- ¹⁷ *Луппов С. П.* Книга в России... С. 126.
- ¹⁸ Introigator (пол.) — переплетчик
- ¹⁹ *Белокуров С.* О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1899. С. 69.
- ²⁰ Поддестъ — разрезанный или сложенный по длине лист «в дестъ», имевший 5 вершков ширины и 8 — высоты, или приблизительно 35 см. Экземпляр, хранящийся в РГБ, — 30 см.
- ²¹ Инв. № VIII-268, 6-й экз.
- ²² *Кукушкина М. В.* Книгописная школа Афанасия архиепископа Холмогорского и Важского // Вспомогательные исторические дисциплины / отв. ред. С. Н. Валк. Л., 1970. Вып. 3. С. 111.
- ²³ Запись сделана на нескольких листах — титуле, 3–11.
- ²⁴ С библиотеки архиерейския Холмогорския № 15 — надпись на титульном листе.
- ²⁵ *Рункевич С. Г.* Архиереи петровской эпохи в их переписке с Петром Великим. СПб., 1906. Вып. 1. С. 14–15.
- ²⁶ Варсонофий // Православная энциклопедия. М., 2003. Т. 6. С. 675–676.
- ²⁷ См.: Варсонофий, архиепископ Архангелогородский и Холмогорский // *Мануил (Лемешевский), митрополит.* Русские православные иерархи, 992–1892 гг. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Manuil_Lemeshevskij/ruskie-pravoslavnyie-ierarhi-992-1892-gg-tom-1/185 (дата обращения: 27.03.2024).

- ²⁸ См.: *Седова Г. Е., Тикунова И. П.* Собрание редких книг Архангельской областной научной библиотеки им. Н. А. Добролюбова // Персональный сайт И. П. Тикуновой [Электронный ресурс]. URL: https://tikunova-i.narod.ru/ni/sobr_red_kn.htm#_ftn22 (дата обращения: 27.03.2024).
- ²⁹ *Мартынова Я. В.* Судьбы польско-литовских шляхтичей в России во второй половине XVII века на примере Ю. Е. Катранского // Восточнославянские исследования. М.; СПб., 2023. Вып. 2 / гл. ред. Б.Н. Флоря. С. 204–215.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЧЕШСКОЙ ИСТОРИИ XIX–XX вв.

DOI: 10.31168/2619-0869.2024.06

Несостоявшийся пражский съезд славянских гимнастических обществ 1868 г. и формирование концепции сокольских слетов

Виктор Викторович Котов

Институт славяноведения РАН,
Москва, Российская Федерация, email: vikvikkot@gmail.com
ORCID: 0000-0003-4262-3129

Ключевые слова: Австро-Венгрия, Мирослав Тырш, славянская взаимность, сокольское движение, спортивные фестивали, чешский национализм

The cancelled Prague meeting of Slavic gymnastic clubs in 1868 and the development of the idea of Sokol slets (festivals)

Viktor V. Kotov

Institute of Slavic Studies RAS,
Moscow, Russian Federation, email: vikvikkot@gmail.com
ORCID: 0000-0003-4262-3129

Keywords: Austria-Hungary, Czech nationalism, Miroslav Tyrš, Slavic reciprocity, Sokol movement, sport festivals

Период между заключением Австро-Венгерского соглашения в марте 1867 г. и провалом проекта австро-богемского соглашения под названием «Фундаментальных статей» в октябре 1871 г. характеризовался подъемом чешского на-

ционального движения¹. Значимой составляющей сети чешских националистических структур на этом и последующих этапах являлись добровольные сокольские общества. Возникшие в начале 1860-х гг. по образцу немецких «Турнфайрайн» (гимнастических обществ), эти организации объединяли политическую деятельность и спортивные занятия, обозначаемые широко трактуемым словом «гимнастика» (нем. *Turnen*, чеш. *tělocvik*). 1860-е и начало 1870-х гг. стали временем начального распространения сокольского движения как в так называемых чешских землях, так и за их пределами — среди представителей различных славянских наций, включая эмигрантов. Одновременно шел процесс формирования сокольской культуры².

Одним из ее наиболее известных элементов являются масштабные фестивали-«слеты» (чеш. *slet*). Они сопровождались построением масштабных хореографических картин, символизовавших коллективное тело нации. Первое такое мероприятие прошло только в 1882 г., а само обыгрывавшее птичье название сокольских обществ слово «слет» получило широкое распространение в соответствующем значении лишь в 1886 г.³ При этом значимым этапом формирования концепции сокольских слетов представляется подготовка к несостоявшемуся пражскому съезду славянских гимнастических обществ 1868 г. Данный тезис редко встречается в литературе и не был подвержен проверке⁴. Взаимосвязь между «нулевым» и первым слетами 1868 и 1882 гг. обходится стороной в наиболее авторитетных современных работах о первых десятилетиях истории сокольского движения, а также о деятельности одного из его основателей и лидеров Мирослава Тырша⁵. Это же свойственно специальным исследованиям, посвященным слетам и другим чешским спортивным фестивалям⁶. Вероятно, это связано с отсутствием соответствующих отсылок на проект 1868 г. в известных источниках начала 1880-х гг.

Согласно данным историографии, идея о необходимости проведения сокольского съезда была высказана М. Тыршем в октябре 1866 г. на общем собрании членов первой соколь-

ской организации «Пражский сокол»⁷. Через год, в октябре 1867 г., на другой сессии общего собрания «соколы» приняли решение о проведении съезда в 1868 г.⁸ В марте 1868 г. была утверждена дата проведения съезда — 28–29 июня, а кроме того, Тырш представил членам пражской организации ориентировочную программу мероприятия в речи, опубликованной затем в газете *Národní listy* («Национальная газета»)⁹. Ранее эта программа была сформулирована лидером движения в январских письмах провинциальным сокольским обществам, черновик которых сохранился в архивном фонде Тырша¹⁰.

Оставляя за рамками короткой статьи вопрос о том, почему данный фестиваль не состоялся, отметим значительное сходство состава и порядка запланированных мероприятий относительно программы прошедшего 18–19 июня 1882 г. «Юбилейного торжества “Пражского Сокола”», ключевой фигурой в подготовке которого также был М. Тырш. Сведения о программе первого слета могут быть обнаружены в периодических и мемориальных изданиях 1880-х гг., а также в материалах соответствующего раздела сокольского архивного фонда чешского Национального музея¹¹. К числу совпадающих пунктов программ 1868 и 1882 гг. относятся: учреждение специальных комитетов, отвечающих за различные аспекты организации фестиваля и сотрудничающих с муниципальными органами власти и администрацией железных дорог, торжественные встречи на вокзалах Праги и ее пригородов участников (включая представителей других славянских наций), мероприятия по их размещению (включая передачу на хранение их знамен), шествие одетых в форму и несущих знамена «соколов» по улицам города под музыку духовых ансамблей, произнесение речей, массовое публичное гимнастическое выступление под открытым небом на украшенной площадке (а также предварительная репетиция), последующее празднество на том же месте, банкет и театральное представление. Необходимо отметить, что, в отличие от фестиваля 1882 г., в программу 1868 г. также входили проведение спортивных соревнований, организа-

ция сокольского «вылета», то есть похода, и, наконец, называемое «сокольским парламентом» или «сеймом» заседание представителей обществ, которые должны были учредить сокольский союз. Подобные мероприятия были осуществлены в рамках последующих «слетов» XIX–XX вв.

Задуманный фестиваль предполагал взаимодействие гимнастики, музыкального, танцевального, театрального, ораторского и изобразительного искусств, а также многих других элементов. Отметим, что чешский историк Петр Рoubал определял послевоенные чехословацкие Спартакиады, опиравшиеся на опыт сокольских слетов, как «гезамткунстверк»¹². Хотя комбинирование различных видов искусств было характерно уже для первого сокольского перформанса — церемонии освящения знамени «Пражского Сокола» 1 июня 1862 г.¹³, несостоявшийся сокольский съезд в еще большей степени имел синтетический характер.

В марте 1868 г. в речи М. Тырша о предстоящем съезде в качестве образца упоминались древние Олимпийские игры. В этот же период он завершил работу об этом историческом явлении, которая заканчивалась призывом «обрести подобные родники оздоровления, омоложения и славы нации»¹⁴. Хотя в этом описании игр встречались упоминания шествия накануне соревнований, а также совместного приема пищи и народных гуляний по их завершении¹⁵, более важным ориентиром представляются немецкие многотысячные фестивали-Турнфесты, прошедшие в Кобурге, Берлине и Лейпциге в 1860, 1861 и 1863 гг. соответственно¹⁶. Это касается не только массовых гимнастических выступлений, но и других пунктов программы Турнфестов: например, берлинский фестиваль 1861 г. завершился театральной постановкой на сюжет так называемой Освободительной войны 1813–1815 гг.¹⁷. В свою очередь, «серьезное театральное представление на сюжет из истории Отечества», «славного прошлого нашей нации» значилось как последний пункт программы несостоявшегося сокольского съезда.

Что касается немецких гимнастов в монархии Габсбургов, необходимо упомянуть освящение знамени пражского «Турнфе-

райна» в 1864 г., на которое приехали турнеры из нескольких десятков городов¹⁸, и общецехемские съезды-Турнтаги, один из которых прошел в июне 1867 г. в Либереце¹⁹, а второй — был запланирован на июнь 1868 г. в Литомержице²⁰. Также М. Тырш и его коллеги могли опираться на местный опыт, а именно публичные гимнастические выступления и другие мероприятия «Пражского Сокола» (в т.ч. вышеупомянутую церемонию 1862 г.) и других сокольских обществ²¹, и различные чешские националистические праздники, включая еще только предстоявшую церемонию закладки камня в основание Национального театра 16 мая 1868 г. Тырш состоял в Праздничном комитете, который отвечал за подготовку этого торжества²². Оно стало одной из самых массовых, дорогостоящих и обсуждаемых акций чешских националистов третьей четверти XIX в. По данным *Národní listy*, в масштабном шествии приняли участие около 1500 членов чешских гимнастических обществ, что являлось самой многочисленной совместной акцией «соколов» в начальный период истории их движения²³.

Еще одной крупной акцией было прошедшее 18 июля 1869 г. открытие надгробного памятника первому старосте (главе) «Пражского Сокола» Йиндржиху Фигнеру на Ольшанском кладбище в Праге²⁴. Представляется, что оно отчасти выступило в роли своеобразной компенсации за несостоявшийся годом ранее съезд сокольских обществ. Посещение могилы Фигнера являлось единственным значимым пунктом программы слета 1882 г., не предусмотренным в 1868 г. Другим важным новшеством представляется такая деталь публичного гимнастического выступления как использование «соколами» практичных белых маек-безрукавок с красными краями, подчеркивавших их мускулатуру.

Остальные дополнения, например организация фейерверка и перенесение театрального представления в начало программы, не носили концептуального характера²⁵. Отдельные отличия были связаны с техническим прогрессом (использование электрического освящения) и градостроительным развитием Праги. Так, программа 1868 г. предпо-

лагала маршрут шествия от Стрелецкого острова до места проведения массового гимнастического выступления — так называемого Роганского острова (в изучаемый период — полуостров). Однако из-за превращения последнего в промышленную зону²⁶ конечной точкой маршрута стал именно Стрелецкий остров, а начальной — площадь Карлово-намести.

Подводя итоги, необходимо отметить, что сравнение двух вышеупомянутых программ подтверждает тезис о подготовке к несостоявшемуся пражскому съезду славянских гимнастических обществ 1868 г. как значимом этапе формирования концепции сокольских слетов. Возникновение идеи сокольского фестиваля и подготовка к ее осуществлению могут служить свидетельством достижения сетью чешских националистических структур нового организационного уровня в конце 1860-х гг. Как отмечал историк Мирослав Грох, для национальных движений на поздних стадиях развития характерно «копирование организационных форм, символов и торжеств» так называемых государственных наций²⁷. С переходом в эту категорию сообщества чешских националистов слеты стали одним из символов чехословацкой государственности. Поскольку чешский национализм может быть определен как политическая религия, слеты выполняли функцию обряда. Символическое значение слетов частично сохраняется и в настоящее время, о чем свидетельствует широкое внимание к XVII пражскому слету в июне — июле 2024 г. Также продолжается немецкая традиция, послужившая основой для концепции «слетов»: 44-й Турнфест состоится в Лейпциге в мае — июне 2025 г.

Примечания

¹ *Гогина К. П.* Либеральные течения // Чешская нация на заключительном этапе формирования. 1850 — начало 70-х годов XIX в. / отв. ред. В. И. Фрейдзон. М., 1989. С. 205–206, 213–217.

² *Котов В. В.* Маскарады-«шибржинки» как элемент сокольской культуры // Славянский мир: общность и многообразие. Материалы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 23–24 мая 2023 г. / отв. ред. Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова. М., 2023. С. 130. DOI: 10.31168/2619-0869.2023.1.25

- ³ K sjezdu všesokolskému r. 1887// Národní listy. 1886. 21 XI. S. 2; *Scheiner J. E.* Naše budoucnost. Příspěvek ku kapitole o našem národním vychování // Sokol. 1886. № 10. S. 96. Затем эта метафора также попала в русский язык (*Мельников Е. И.* К вопросу о чешских элементах в современном русском языке (спортивно-гимнастическая лексика) // *Československá Rusistika*. 1961. № 3. S. 147; *Мухлова С. Л.* Слет // *Русская речь*. 1977. № 7. С. 120–121).
- ⁴ *Bartoniček V.* O významu IV. sletu všesokolského pro naši Moravu // Sokol. 1901. № 1. S. 18; *Brtník V.* Věnceslav Havlíček: Tyršová činnost politická a jeho politické zásady // Sokol. 1927. № 1. S. 31; *Heller A.* Československé sokolstvo // Památník Světozora na IX. slet všesokolský v Praze 1932. Praha, 1932. S. 23; *Jandásek L.* Přehledné dějiny Sokolstva. Praha, 1936. Č. I. Od vzniku Sokola (1862) do založení České obce sokolské (1889). S. 43, 57; *Jandásek L., Pelikán J.* Stručné dějiny Sokolstva. 1862–1912. Praha, 1946. S. 13; *Olivová V.* Lidé a hry. Historická geneze sportu. Praha, 1979. S. 507; *Novák J.* Naše slety // Památník sletu slovanského sokolstva roku 1912 v Praze / red. A. Očenášek. Praha, 1912. S. 14.
- ⁵ *Nolte C. E.* The Sokol in the Czech lands to 1914: Training for the Nation. Basingstoke, 2002. P. 80–81, 105–108 DOI: 10.1057/9780230288683; *Sak R.* Miroslav Tyrš: Sokol, myslitel, výtvarný kritik. Praha, 2012. S. 89, 120; *Waic M.* Tělovýchova a sport ve službách české národní emancipace. Praha, 2013. S. 38–39, 46–47.
- ⁶ *Качулина Н. Н., Мягкова С. Н.* Влияние сокольских слетов на развитие сокольского спортивно-гимнастического движения // Экстремальная деятельность человека. 2017. № 5. С. 40–44; *Лях-Породько О. О.* Організація та проведення Всесокільських зльотів і вплив їх на розвиток сокольського руху // Педагогіка, психологія та медико-біологічні проблеми фізичного виховання і спорту. 2009. № 7. С. 104–112; *Konývková Frýbertová T.* Performativita sokolského hnutí v období formování moderního českého národa. Brno, 2020. S. 84–102; *Roubal P.* Československé spartakiády. Praha, 2016. S. 60; *Šorm G. Dr. M.* Tyrš a I. sokolský slet roku 1882 // Teorie a praxe tělesné výchovy a sportu. 1957. № 9. S. 524–532; *Waic M.* Rej těl v rytmu vlastenectví. Sokolské slety 1882–1938 // Tělo a tělesnost v české kultuře 19. století / usp. T. Petrasová, P. Michalíková. Praha, 2010. S. 51–58.
- ⁷ *Jandásek L.* Přehledné dějiny... S. 56. Cp. *Tyrš M., Čermák F.* Sborník sokolský pro rok 1868. Praha, 1869. S. 12–13.
- ⁸ Valná hromada tělocvičné jednoty “Sokol” // Národní listy. 1867. 22 X. S. 3.
- ⁹ První sjezd sokolský v Praze // Národní listy. 1868. 31 III. S. 2; Řádná valná hromada pražské tělocvičné jednoty “Sokola” // Národní listy. 1868. 30 III. S. 2.
- ¹⁰ Archiv dějin tělesné výchovy a sportu (Národní muzeum) (далее — ATVS NM), fond Miroslav Tyrš, karton 5, № 133.
- ¹¹ ATVS NM, fond Sokol, karton 76, № 1958–1972; Jubilejní slavnost “Sokola Pražského” // Sokol. 1882. № 7. S. 58–62, № 8. S. 75–78, № 9. S. 81–83, № 10. S. 89–92; *Kožíšek F., Müller J.* Jubilejní slavnost Sokola Pražského r. 1882 // Památník vydaný na oslavu dvacetiletého trvání tělocvičné jednoty Sokola Pražského / ed. J. Müller, F. Tallowitz. Praha, 1883. S. 138–142; Program jubilejní slavnosti “Sokola” pražského // Národní listy. 1882. 11 VI. S. 4.
- ¹² *Roubal P.* Československé spartakiády. S. 8.
- ¹³ *Konývková Frýbertová T.* Performativita... S. 71–84.
- ¹⁴ *Tyrš M., Čermák F.* Sborník... S. 219.
- ¹⁵ *Ibid.* S. 202–203, 216–217.

- ¹⁶ Festprogramm // Turnführer für das dritte allgemeine deutsche Turnfest zu Leipzig am 1. bis 5. August 1863. Leipzig, 1863. S. IV–V; *Roubal P.* Československé spartakiády. S. 32–35.
- ¹⁷ Das zweite deutsche Turnfest zu Berlin // *Illustrierte Zeitung.* 1861. № 947. S. 138.
- ¹⁸ Programm des Turnfestes // *Bohemia.* 1864. 21 V. S. 1442.
- ¹⁹ Der erste deutsch-böhmische Turntag // *Aussiger Anzeiger.* 1867. 6 VII. S. 211.
- ²⁰ Der Turntag in Leitmeritz am 28. und 29. Juni // *Leitmeritzer Wochenblatt.* 1868. 4 VII. S. 212–213.
- ²¹ Например, совместное гимнастическое выступление сокольских обществ в Кутна-Горе 10 июля 1864 г. (*Novák J.* Naše slety. S. 14; *Výlet Sokola do Kutné Hory* // *Národní listy.* 1864. 12 VII. S. 2).
- ²² Čechové! Rodáci! // *Národní listy.* 1868. 7 III. S. 1.
- ²³ Slavnost národa českého // *Národní listy.* 1868. 17 V. S. 2–3.
- ²⁴ Program slavnosti odhalení pomníku Fügnerova na hřbitově volšanském dne 18. července 1869 // *Národní listy.* 1869. 15 VII. S. 4.
- ²⁵ Дополнительного изучения требует вопрос об эволюции порядка участников сокольских шествий и смысла, ему придаваемых (ср. *Konývková Frýbertová T.* Performativita... S. 95).
- ²⁶ Sbor obecních starších // *Národní listy.* 1881. 19 VII. S. 2; *Železniční zprávy* // *Národní listy.* 1871. 3 II. S. 3.
- ²⁷ *Hroch M.* Národy nejsou dílem náhody: příčiny a předpoklady utváření moderních evropských národů. Praha, 2009. S. 167. См. *Котов В. В.* Теория национализма Мирослава Гроха и историография сокольского движения // *Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры.* 21–22 мая 2019 г. / отв. ред. Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова. М., 2019. С. 47. DOI: 10.31168/2619-0869.2019.1.12.

DOI: 10.31168/2619-0869.2024.07

Чешский историк Йозеф Пекарж и Аграрная партия

Тимур Владимирович Гимадеев

Казанский государственный аграрный университет,
Казань, Российская Федерация;
e-mail: Timur.Gimadeev@yahoo.com
ORCID: 0009-0003-7678-4163

Ключевые слова: История Чехии, чешская историография, аграризм, Австро-Венгрия, Чехословакия

The Czech historian Josef Pekař and the Agrarian party

Timur V. Gimadeev

Kazan State Agrarian University,
Kazan, Russian Federation;
e-mail: Timur.Gimadeev@yahoo.com
ORCID: 0009-0003-7678-4163

Keywords: Czech history, Czech historiography, agrarianism, Austro-Hungary, Czechoslovakia

Отличительной чертой чешской историографии периода середины XIX — середины XX в. является высокая степень политизации. Основоположник современной чешской исторической науки **Франтишек Палацкий** (1798–1876) еще при жизни получил титул «отца нации» не только и не столько за научную, сколько за политическую деятельность¹, а посмертная репутация **Вацлава Владивоя Томека** (1818–1905)² и **Ярослава Голла** (1846–1929)³ была подмочена, прежде всего, из-за их вовлеченности в политику на стороне консервативного лагеря. После создания независимой Чехословакии, в период Первой республики, многие историки заняли государственные посты: так, **Йозеф Шуста** (1870–1945) в 1920–1921 гг. занимал пост министра образования⁴, **Камиль Крофта** (1876–1945) под занавес существования Первой республики стал министром иностранных дел⁵, а **Властимил Кибал** (1880–1958) в 1920–1925 гг. был послом Чехословакии в Италии⁶.

Такая вовлеченность в политику ведущих представителей чешской историографии не была случайной. Как пишет в своей работе о Й. Пекарже историк М. Кучера, «в специфических условиях эпохи 1848–1918 гг. чешская историография играла политическую роль защитницы прав нации на государственную, экономическую, политическую, социальную и культурную самобытность»⁷. При этом поколение историков, воспитанных при Австро-Венгрии, продолжало играть активную роль как

в научной, так и в политической жизни всего межвоенного периода в истории Чехословакии.

Исключением не был и **Йозеф Пекарж** (1870–1937). Хотя в отличие от ряда своих коллег он не занимал высоких государственных должностей, с самого начала XX в. он активно участвовал и в политической жизни. Даже его участие в «споре о смысле чешской истории»⁸, в т.ч. и его дискуссия с не нуждающимся в представлении **Томашем Гарригом Масариком** (1850–1937), в известной степени были вызваны и расхождением в политических взглядах.

Красной линией через политическую активность Й. Пекаржа проходит связь с Аграрной партией. Эта партия, существовавшая в 1899–1938 гг., неоднократно меняла названия и границы деятельности — в 1899 г. она возникает как Чешская аграрная партия, действовавшая лишь на территории собственно Чехии, в 1905 г. — расширяет свою деятельность и на прочие Чешские земли, то есть Моравию и Чешскую Силезию, получив название Чешкославянской аграрной партии после обретения Чехословакией независимости, а в 1919–1922 гг. называлась Республиканской партией чехословацкого села, а после объединения со словацкими аграриями получила название Республиканской партии земледельческого и мелкокрестьянского народа, которое несла вплоть до конца существования как Первой республики, так и самой партии в 1938 году⁹. Еще до Первой мировой войны у руля партии встал **Антонин Швегла** (1873–1933), «мастер компромисса», один из «мужей 28 октября», в период 1922–1929 гг. — премьер-министр Чехословакии¹⁰.

И хотя А. Швегла во время Первой мировой войны постоянно поддерживал связь с деятелями чешско-словацкого сопротивления¹¹, он и тут пошел на очередной компромисс. Весной 1917 г. живо обсуждалась возможность визита в Прагу нового императора, Карла I (1916–1918 гг.). Предполагалось, что в ходе визита Карл встретится и с делегацией чешских политиков. А. Швегла решил, что к приезду монарха следует разработать меморандум, в котором будут отражены федералистские чаяния чешской общественности.

Написать данный меморандум он попросил Й. Пекаржа, известного верноподданническими, но в то же самое время и федералистскими воззрениями. Результатом стал документ, центром которого стал призыв к «Императорскому и королевскому Величеству» воплотить «идею по-настоящему австрийскую, по-настоящему государствообразующую и животворящую» — «идею федеративного государства, государства, возвращающего отдельным историко-политическим частям монархии их исторические государственные права»¹². Иными словами, речь шла еще о «старочешской» идее федерализации монархии Габсбургов на основе принципов «государственного исторического права»¹³, а не права наций на самоопределение. Визит Карла I в Прагу в итоге не состоялся¹⁴, а большее историческое значение имел «Манифест чешских писателей» от 31 мая 1917 г.

Уже после образования Чехословацкой республики Й. Пекарж уделял особое внимание вопросам аграрной реформы. Практически с первых дней существования нового государства ее проведение стало одним из самых острых вопросов внутренней политики. В 1919–1920 гг. были приняты законы, согласно которым земельные участки площадью более 150 га пахотной земли или более 250 га в целом подлежали изъятию за выкуп в ценах 1913–1915 годов¹⁵. Й. Пекарж выступил против реформы с рядом статей, которые позже были изданы в сборнике под названием «Ошибки и угрозы земельной реформы»¹⁶. Он протестовал как против идеологического обоснования реформы, которое сводилось к идее наказания «предательской» чешской шляхты через изъятие ее земель¹⁷, так и с критикой реализации реформы, справедливо утверждая, что назначение выкупных цен 1913–1915 гг. означало, с учетом инфляции военных лет, «скрытую конфискацию» земель крупных землевладельцев, нарушение прав частной собственности¹⁸. На начальном этапе реформы Й. Пекарж также опасался, что социал-демократам удастся провести идею о «социализации» земли¹⁹. А. Швегла, направивший реформу в русло передачи земель малым собственникам, сумел развеять худшие страхи Й. Пекаржа, но Пекарж

продолжал критиковать как ход реформы, так и саму Аграрную партию — в частности, обвиняя ее руководство в коррупции при проведении аграрной реформы²⁰.

Еще в 1920-е гг. первый президент Чехословакии Т. Г. Масарик рассматривал А. Швеглу в качестве своего преемника на посту президента. Последний, однако, рекомендовал подыскать для этой должности «какого-нибудь профессора»²¹. Можно сказать, что в 1935 г., когда спустя два года после смерти А. Швеглы 85-летний Т. Г. Масарик подал в отставку, соратники Швеглы выполнили завет своего покойного лидера. Судя по всему, Аграрная партия всерьез рассматривала кандидатуру Й. Пекаржа на президентский пост²². Слухи о выдвижении Й. Пекаржа даже дошли до прессы: об этом писала, в частности, газета *Polední list*²³, Пекарж, однако, вскоре добился от нее опровержения²⁴. По воспоминаниям чешского историка З. Калисты, ученика и близкого знакомого Й. Пекаржа, о выдвижении кандидатуры Пекаржа просили директор «Ипотечного банка» **Франтишек Гибш** (1868–1944) и видный деятель Аграрной партии, в 1929–1932 гг. заменивший А. Швеглу на посту премьер-министра, **Франтишек Удржал** (1866–1938)²⁵. Им обоим Пекарж отказал, ссылаясь, прежде всего, на слабое здоровье. Здесь историк едва ли лукавил — так, Т. Г. Масарик, которого Й. Пекарж должен был сменить на посту президента, в итоге пережил его на полгода. Главной причиной отказа со стороны Пекаржа, однако, следует считать его отношение к потенциальному конкуренту на выборах — **Эдварду Бенешу** (1884–1948). К Бенешу, несмотря на то, что тот был выдвиженцем Т. Г. Масарика, Пекарж относился с нескрываемым восхищением, в частности, сравнивая его с «гуситским королем» Иржи из Подебрад²⁶.

Кандидатом от Аграрной партии стал другой профессор — ботаник **Богумил Немец** (1873–1966). Выборы 18 декабря 1935 г. он разгромно проиграл, и последним президентом Первой республики стал Э. Бенеш²⁷. Умерший чуть более чем год спустя, 23 января 1937 г., Й. Пекарж уже не увидел ни заката Аграрной партии, ни крушения Первой республи-

ки, которому Аграрная партия под руководством **Рудольфа Берана** (1887–1954) активно поспособствовала.

Примечания

- ¹ *Štaif J.* František Palacký: život, dílo, mýtus. Praha, 2009. S. 245–251.
- ² *Jiroušek B.* Mýtus zaprodance: Wácslaw Wladiwoj Tomek v české historiografii // 19. století v nás. Modely, instituce a reprezentace, které přetrvaly / k vyd. přípr. M. Řepa. Praha, 2008. S. 370–377.
- ³ *Marek J.* Jaroslav Goll. Praha, 1991. S. 270–284.
- ⁴ *Lach J.* Josef Šusta: A History of Life, A Life in History. Praha, 2003. P. 33–35.
- ⁵ *Dejmek J.* Historik v čele diplomacie. Kamil Krofta: studie z dějin československé zahraniční politiky v letech 1936–1938. Praha, 1998.
- ⁶ *Hrdlička J.* Historik a diplomat Vlastimil Kybal. Praha, 2020. S. 192–209.
- ⁷ *Kučera M.* Rakouský občan Josef Pekař. Praha, 2005. S. 34.
- ⁸ «Спор о смысле чешской истории» — многолетняя (продлившаяся, как минимум, с середины 1890-х по конец 1930-х гг.) широкая общественная и научная дискуссия, охватывавшая широкий спектр тем, включая вопросы философии, методологии исторической науки, политической тактики и отношения к религии. Ключевыми диспутантами на протяжении периода 1910-х — 1930-х гг. были, соответственно, Т. Г. Масарик и Й. Пекарж. Подробнее к теме см.: *Бобраков-Тимошкин А. Е.* «Чешский вопрос»: попытки разобраться в самих себе // Библиофонд. Электронная библиотека студента. URL: <https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=113080> (дата обращения: 25.04.2024); *Коля А. Ф.* Спор о смысле чешской истории и дискуссия о корнях Европы // Европа-Еуропа: журнал ПИМО. 2007. Т. 7. № 1. С. 47–73; *Havelka M.* Spor o smysl českých dějin 1895–1938 // Spor o smysl českých dějin. Praha, 1995. D. I. 1895–1938 / ed. M. Havelka. S. 7–43.
- ⁹ *Ненашева З. С.* Чешская аграрная партия // Большая российская энциклопедия: в 35 т. М., 2017. Т. 34 / отв. ред. С. Л. Кравец. С. 549.
- ¹⁰ *Приступа Н. Н.* Антонин Швегла (1873–1933 гг.) — «Мастер компромисса» // Российские и славянские исследования. Минск, 2012. Вып. 7 / отв. ред. А. П. Сальков, О. А. Яновский. С. 149–158.
- ¹¹ Там же. С. 150.
- ¹² *Pekař J.* Návrh adresy českého poselstva císaři Karlovi // *Pekař J.* K českému boji státoprávnímu za války. Praha, 1930. S. 7.
- ¹³ Подробнее к теме см.: *Барсуков Н. С.* Чешское государственное историческое право как фактор политической борьбы в середине XIX — начале XX вв. // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 12. С. 23–29.
- ¹⁴ К обстоятельствам вокруг меморандума Й. Пекаржа см.: *Kučera M.* Rakouský občan Josef Pekař. S. 81–171.
- ¹⁵ Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории: в 2 кн. М., 2005. Кн. 1. / отв. ред. В. В. Марьина. С. 109–110.
- ¹⁶ *Pekař J.* Omyly a nebezpečí pozemkové reformy. Praha, 1923.
- ¹⁷ Ibid. S. 6–25.

- ¹⁸ Ibid. S. 33–37.
- ¹⁹ Ibid. S. 27.
- ²⁰ Ibid. S. 59.
- ²¹ *Пристапа Н. Н.* Антонин Швегла (1873–1933 гг.) — «Мастер компромисса». С. 154.
- ²² *Hanák D.* České konzervativní myšlení. Brno, 2007. S. 100–101.
- ²³ Polední list. 17.08.1935.
- ²⁴ Polední list. 22.08.1935.
- ²⁵ *Kalista Z.* Josef Pekař. Praha, 1994. S. 76, 266.
- ²⁶ Deníky Josefa Pekaře / k vyd. připr. a úv. naps. Z. Kalista. Praha, 2000. S. 10.
- ²⁷ Чехия и Словакия в XX веке. Кн. 1. С. 183.

ПОЛОЖЕНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЮГОСЛАВИИ В МИРЕ: ПАРТНЕРСТВО И КОНФРОНТАЦИЯ

DOI: 10.31168/2619-0869.2024.08

Политика СКЮ по консолидации югославского общества перед VII съездом партии

Дмитрий Дмитриевич Пальчиков

Государственный академический университет
гуманитарных наук,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: gosudarstvoirevolutia@gmail.com
ORCID: 0009-0008-0448-6841

Ключевые слова: Югославия, Союз коммунистов Югославии, югославское общество, внутренняя политика, рабочие советы, VII съезд СКЮ

The policy of the Union of Communists of Yugoslavia for the consolidation of Yugoslav society before the VII Party Congress

Dmitry D. Palchikov

State Academic University for the Humanities
Moscow, Russian Federation;
e-mail: gosudarstvoirevolutia@gmail.com
ORCID: 0009-0008-0448-6841

Keywords: Yugoslavia, Union of Communists of Yugoslavia, Yugoslav society, internal politics, workers' soviets, VII Congress of the Union of Communists of Yugoslavia

В 1957 г. югославское руководство начало проводить мероприятия по консолидации общества вокруг партийной политики, что оказалось необходимым в свете подготовки к VII съезду СКЮ. На нем планировалось принять новую программу партии, которая впервые на таком уровне закрепляла бы теоретические основы югославской модели социализма (к тому моменту уже активно критиковавшиеся КПСС)¹. В данной работе будут рассмотрены основные мероприятия югославского руководства перед партийным съездом на основе советских документов².

В 1957 г. югославское правительство продолжало принимать меры по преодолению негативных тенденций реформ начала 1950-х гг. Для решения кризиса, возникшего вследствие диспропорций в отношении тяжелой и легкой промышленности, было решено усилить капиталовложения в пользу последней и в сельское хозяйство, что впоследствии положительно сказалось на экономике Югославии и повлияло на успешное выполнения плана за 1957 г. — пишут советские дипломаты в справке за март 1958 г.³ Также отмечалось, что после продолжительного спада в ФНРЮ начал фиксироваться экономический рост, в том числе и рост промышленного производства, который происходил за счет ввода новых предприятий и увеличения числа рабочих (не без помощи СССР и стран народной демократии)⁴. Вдобавок ко всему югославское руководство пошло на ряд мер, усиливающих роль государства в экономике⁵. Именно в это время произошел отказ от годового планирования в пользу «пятилетки». Принятие пятилетнего плана сопровождалось пояснением, что главной его задачей являлось повышение жизненного уровня населения⁶. Помимо централизации и экономической связи с Восточной Европой, большое влияние на успехи Югославии в 1957 г. оказали хорошие торговые отношения и финансовая помощь США⁷. Все принятые меры дали возможность в 1957 г. значительно улучшить благосостояние населения по сравнению с 1956 г.⁸, а Тито и партии подтвердить прочность своих позиций в управлении страной⁹. Улучшение благосостояния граждан воспринималось руко-

водством как способ поддерживать симпатии граждан к системе¹⁰.

Повышение уровня жизни сопровождалось и активной идеологической работой с обществом. По данным справки советского посольства за 5 мая 1957 г., СКЮ укрепила руководящую роль в печати, радио, массовых организациях. Была усилена идеологическая работа среди граждан. Транслировались достижения югославской внешней и внутренней политики, югославской концепции социализма, а также противопоставляли югославский путь построения социализма советскому¹¹. Данная информационная кампания была особенно важна, учитывая, что югославы ценили свою независимость в условиях холодной войны¹². Опираясь на этот фактор, СКЮ стремился консолидировать общество вокруг политики партии.

Однако, несмотря на достигнутые успехи, возникла новая проблема. К началу 1958 г. в ФНРЮ обострилась проблема неравного уровня жизни в республиках, что вызывало волнения среди жителей как бедных, так и богатых областей¹³. События происходили на фоне избирательной кампании в Союзную и республиканские скупщины, что еще больше усложняло ситуацию. В итоге власти пошли на уступки, а в СКЮ начались дискуссии по поводу взаимоотношения республик друг с другом и с союзным центром. Актуализировался вопрос о взаимодействии партии с обществом¹⁴. 6 февраля было созвано расширенное заседание Исполкома СКЮ, по окончании которого было составлено «письмо». В нем признавались определенные недостатки системы: отрыв от масс политиков, бюрократизм, протекционизм, коррупция и «анархические явления в экономике»¹⁵. Публикация письма и сопутствующая ему кампания партийной прессы послужили популяризации в обществе готовящегося VII съезда партии¹⁶. В то же самое время внутри партии начал появляться раскол на крыло «консерваторов» и крыло «реформаторов»¹⁷.

Следующим важным мероприятием, которое предшествовало партийному съезду, был VI съезд Народной молодежи Югославии (27–29 января 1958 г.). На нем оглашались

успехи по социалистическому воспитанию и вовлечению молодежи в общественно-политическую жизнь страны. Реальность этих успехов признавалась и в справке советского посольства за январь 1958 г. Особенно учитывая, что до 1957 г. наблюдались сокращение членов НМЮ и рост антисоциалистических настроений у молодежи. Поддержка политического курса среди молодежи должна была предвосхитить VII съезд СКЮ¹⁸. Советская справка отдельно указывает, что съезд молодежи призван продемонстрировать ее сплоченность и верность югославскому руководству¹⁹.

Внимание советских дипломатов привлек также широко освещаемый в прессе судебный процесс над выявленной в Белграде подпольной организацией «четников» (проходивший с 31 января по 2 февраля 1958 г.)²⁰. Можно предположить, что подобная публичная огласка процесса над группой «четников», готовивших (по официальной версии) переворот в ФНРЮ с отменой завоеваний социализма и реставрацией капитализма, должна была сыграть консолидирующую роль для югославских граждан перед предстоящим съездом СКЮ. В итоге данный процесс принес скорее негативные последствия для партии. Многие социал-демократические партии отказались приехать на съезд, узнав, что некоторые из этих «четников» раньше являлись членами социал-демократической партии Сербии²¹. Позже в докладе на VII съезде Й. Б. Тито упомянул данный процесс, который, по его мнению, привел к кампании против Югославии. Главной же целью этой кампании было «подорвать единство» в ФНРЮ с помощью «таких разложившихся людей» — заключил Тито²².

По мере приближения к партийному съезду усугублялась внутривнутриполитическая ситуация перед выборами в Союзную и республиканские скупщины (23–26 марта), а также в Вече производителей (26–29 марта). После недавних протестов на предвыборных собраниях раздавалась критика государственной экономической политики и засилья бюрократии²³. Член ЦК СКЮ В. Влахович в беседе с советским послом отмечал, что граждане проявляли большую активность в пред-

выборных мероприятиях, а в ряде случаев партийные кандидаты были отклонены избирателями, таких кандидатов позже снимали с партийной и государственной работы²⁴. Придавая большое значение выборам и чувствуя, что консолидация партии и общества пошатнулась, руководство СКЮ мобилизовало все местные отделения партии, Социалистический союз трудового народа Югославии, профсоюзы, молодежные, женские и другие общественные организации. После выборов, по данным аналитической справки Посольства СССР, в составе депутатов хоть и произошли обновления, однако все председательские должности заняли первые секретари республиканских организаций СКЮ. В целом, в партии были удовлетворены итогом выборов, несмотря на всю остроту избирательной кампании²⁵. Решающее влияние на исход выборов оказала информационная кампания вокруг письма Исполкома СКЮ. Оно сполна выполнило свою задачу, подняв авторитет партии²⁶. Выборы оценивались югославским руководством как важное событие, проверка лояльности граждан к партийной политике в условиях начавшегося ухудшения советско-югославских отношений после Международного совещания коммунистических и рабочих партий (16–19 ноября 1957 г.). Югославы, ознакомившись с проектом «Декларации Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран», отказались подписать документ, так как подписание осложнило бы внешнеполитическое положение ФНРЮ. Также стоит упомянуть, что в СКЮ были не согласны с тезисом декларации о борьбе с ревизионизмом²⁷.

Таким образом, проводимые руководством ФНРЮ мероприятия и принятые меры по централизации политической власти и экономики были продиктованы стремлением к объединению общества вокруг СКЮ. Консолидирующим мероприятиям придавалось большое значение для партии по причине наличия мнимой угрозы военного вмешательства СССР в случае беспорядков внутри ФНРЮ²⁸. Также югославские коммунисты отдавали себе отчет, что готовящаяся новая программа партии носит вызывающий харак-

тер и неминуем новый конфликт с КПСС и его аппаратом давления²⁹. Тем не менее принятие такой программы представлялось важным в силу необходимости опровергнуть существовавшие в мире подозрения относительно все большей готовности Югославии войти в советскую сферу влияния, отказавшись в конечном итоге от продвижения к социализму по собственному пути.

В феврале 1957 г. югославские коммунисты начали составлять документ, ставший их оригинальной идеологической концепцией — программу СКЮ, в которой закрепили то, как должна развиваться социалистическая мысль и практика в Югославии³⁰. Можно предположить, что именно поэтому VII съезд партии перенесли с ноября — декабря 1957 г. (как изначально планировалось) на апрель 1958 г.³¹, дабы показать, что не партийный съезд predetermined вектор развития государства и вызовы, с которыми оно столкнется, а объединенный народ, выразивший свое волеизъявление на выборах и съездах общественных организаций.

Примечания

- ¹ Федосеев П. Н., Помелов И. П., Чепраков В. А. О проекте программы Союза коммунистов Югославии // *Коммунист*. 1958. № 6. С. 5–44.
- ² Другие работы по данной теме: Едемский А. Б. Эволюция подходов советского руководства к югославской модели социализма // Москва и Восточная Европа. Национальные модели социализма в странах региона (1950–1970-е гг.). Формирование, особенности, современные оценки / отв. редактор А. С. Аникеев. М.; СПб., 2020. С. 141–161; Пирьевец Й. Тито и товарищи. М.; СПб., 2019. 632 с.; Югославия в XX веке. Очерки политической истории / отв. ред. К. В. Никифоров. М., 2011. 888 с.; *Unkovski-Korica V. The Economic Struggle for Power in Tito's Yugoslavia: From World War II to Non-Alignment*. London; New York, 2016. 304 p.
- ³ Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 5. Оп. 49. Д. 121. Л. 52.
- ⁴ Там же. Л. 50.
- ⁵ Там же. Л. 51.
- ⁶ Югославия в XX веке. Очерки политической истории. С. 686.
- ⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 121. Л. 56–57.
- ⁸ Там же. Л. 57.
- ⁹ Югославия в XX веке. Очерки политической истории. С. 686.
- ¹⁰ Там же. С. 689.
- ¹¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 39. Л. 254.

- ¹² *Unkovski-Korica V. The Economic Struggle...* P. 164.
- ¹³ Шахин Ю. В. Югославия на пути модернизации: 1947–1961 гг. М., 2008. С. 124.
- ¹⁴ Пирьевец Й. Тито и товарищи. С. 388.
- ¹⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 126. Л. 25–27.
- ¹⁶ *Unkovski-Korica V. The Economic Struggle...* P. 173.
- ¹⁷ Ibid. P. 165.
- ¹⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 121. Л. 2.
- ¹⁹ Там же. Л. 3.
- ²⁰ Там же. Л. 31–34.
- ²¹ *Mićunović V. Moskovske godine 1956–1958. Zagreb, 1977. S. 439.*
- ²² Государственный архив Российской Федерации. Ф. 4459. Оп. 34. Д. 465. Л. 28.
- ²³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 126. Л. 24.
- ²⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 121. Л. 36.
- ²⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 126. Л. 26–27.
- ²⁶ Там же. Л. 28.
- ²⁷ *Стыкалин А.С. Большие московские совещания компартий в ноябре 1957 г. и Союз коммунистов Югославии // Из истории Сербии и русско-сербских связей. 1812–1912–2012 / отв. ред. К. В. Никифоров. М., 2014. С. 276–278.*
- ²⁸ Югославия в XX веке. Очерки политической истории. С. 685.
- ²⁹ Там же. С. 692.
- ³⁰ Пирьевец Й. Тито и товарищи. С. 389.
- ³¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 40. Л. 266.

DOI: 10.31168/2619-0869.2024.09

Строительство здания советского посольства в Белграде и югославского посольства в Москве (конец 1960-х — начало 1970-х гг.)

Борис Сергеевич Новосельцев

Институт славяноведения РАН,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: bnovoseltsev@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4271-9780

Ключевые слова: СССР, Югославия, внешняя политика, дипломатия, посольство СССР

Construction of the buildings of the Soviet Embassy in Belgrade and the Yugoslav Embassy in Moscow (1960s — 1970s)

Boris S. Novoseltsev

Institute of Slavic Studies RAS,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: bnovoseltsev@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4271-9780

Keywords: USSR, Yugoslavia, foreign policy, diplomacy, Embassy of the USSR

Период после Второй мировой войны, особенно после нормализации советско-югославских отношений (в 1955–1956 гг.), был временем бурного развития всех форм сотрудничества сторон. Это ставило новые задачи перед их представительствами и диктовало необходимость постоянного увеличения численности дипломатического персонала. Прежние здания не могли вместить ширящиеся службы и растущее число сотрудников. Тем более что старое российское посольство, построенное еще в XIX в., сильно пострадало в ходе боев за освобождение Белграда (1944 г.) и было разрушено.

В этой связи представляют интерес взаимоотношения двух стран, как правило, по линии Посольство — Министерство иностранных дел, связанные с юридическим оформлением и организацией строительства или гарантийного ремонта зданий дипломатических представительств, рассматриваемые в широком контексте двухсторонних отношений. Взаимный обмен дипломатическими нотами по этому вопросу, подписание соответствующих договоров и создание профильных комиссий были в целом типовой задачей для сотрудников внешнеполитических ведомств, что позволяет изучить организацию их работы и особенности выстраивания коммуникации между советскими и югославскими дипломатами на данном конкретном примере.

Важнейшим источником по теме исследования стали тексты двусторонних межправительственных соглашений, доступные в сети Интернет, и материалы Министерства иностранных дел СССР, прежде всего ноты и письма советского посольства в Белграде в Государственный секретариат иностранных дел (ГСИД) Югославии, а также югославского посольства в Москве в МИД СССР. Эти материалы доступны в Архиве внешней политики Российской Федерации в Ф. 144 — Референтура по Югославии и Ф. 202 — Посольство СССР в Югославии.

20 марта 1958 г. СССР и ФНРЮ подписали в Белграде межправительственное «Соглашение о строительстве зданий посольства». Оно предполагало, что оба комплекса построек будут включать в себя резиденцию посла, рабочие и вспомогательные помещения и не более 15 квартир для сотрудников, которые по характеру своей работы должны проживать на территории посольства. Договор предполагал не только строительство зданий, но и проведение подземных и наземных коммуникаций, а также работы по благоустройству территории¹. Подобное соглашение не было уникальным, напротив, его стоит признать частным примером устоявшейся практики. Так, несколько лет спустя была подписана «Венская конвенция о дипломатических сношениях» (апрель 1961 г.). В ней в Ст. 21, П. 1 указывалось, что государство пребывания должно оказать содействие аккредитуемому государству в приобретении на своей территории помещений, необходимых для его представительства².

Договор был подписан в непростой период в советско-югославских отношениях, развивавшихся циклически. На протяжении нескольких десятилетий на них влияла комбинация внутри- и внешнеполитических факторов, и идеологических установок. С одной стороны, советских и югославских лидеров подталкивали навстречу друг другу общая идеология, близкие позиции в международных отношениях, взаимный интерес к экономическому сотрудничеству. С другой стороны, перманентной причиной разногласий были противоположные взгляды на природу взаимоотношений между социалисти-

ческими государствами и партиями. На весну-лето 1958 г. пришелся очередной пик напряженности между Москвой и Белградом, связанный с принятием новой «Программы Союза коммунистов Югославии», положения которой в СССР называли ревизионистскими; судом и расстрелом деятеля венгерской революции (1956 г.) Имре Надя, но главное, тем, что стороны по-разному понимали цели недавней нормализации отношений. Москва стремилась к возвращению Югославии в советский лагерь и сохранению своей руководящей роли в международном рабочем движении. Белград хотел добиться признания своей независимой позиции, предполагавшей равноправное сотрудничество с Советским Союзом, США и странами «третьего мира», невмешательства во внутренние дела, но при этом в области экономики претендовал на те же особые условия сотрудничества с СССР, что и страны лагеря. Возможно, именно с изменившейся ситуацией в отношениях сторон связана затяжка на несколько лет в проведении проектно-изыскательных работ, подготовке чертежей зданий посольства и вспомогательных строений и непосредственно начала строительства.

Для нормального функционирования посольства необходим участок земли для комплекса построек. Обычно при заключении двусторонних договоров применяется практика предоставления земли на взаимной основе. При этом расходы по подготовке технической документации и по строительству может нести как аккредитующая сторона, как, например, это предполагало соглашение между СССР и Великобританией от 31 марта 1987 г.³, так и принимающая сторона, как в случае договора между правительствами СССР и Швеции от 27 марта 1958 г.⁴

По соглашению между СССР и Югославией, участки земли, представлялись бесплатно и в бессрочное пользование, но не были эквивалентны по размеру: для югославского посольства на ул. Мосфильмовской было выделено 15 000 кв. м, а для советского на ул. Делиградска — только 8381,6 кв. м⁵, почти в 2 раза меньше. В этой связи 19 сентября 1969 г. советские представители поднимали вопрос

о передаче им дополнительных 7000 кв. м⁶. Однако в этот момент строительство уже шло полным ходом, соглашение было подписано 11 лет назад и вряд ли можно было рассчитывать на существенные изменения.

Расходы на строительные и другие работы по договоренности были возложены на принимающую сторону. Сметы предполагалось утвердить на комиссии экспертов. Та из сторон, стоимость здания которой окажется больше, должна была уплатить разницу⁷.

Строительство началось одновременно, в 1966 г. Комплекс зданий югославского посольства спроектировал автор нескольких типовых проектов клубов для небольших советских городов архитектор К. К. Барташевич (1906–1991), в стиле функционализма. Здание советского посольства строилось по проекту Центрального научно-исследовательского и проектного института типового и экспериментального проектирования лечебно-курортных зданий (ЦНИИЭП) при Госстрое СССР. Его семиэтажная бетонная коробка внешне не слишком выделялась на фоне массовой жилой застройки Белграда, однако над интерьерами внутренних помещений поработал дизайнер Э. Карсян.

Уже осенью 1967 г. югославам стало ясно, что здание в Белграде будет готово в срок (даже несмотря на то, что советские представители несколько раз вносили изменения в проекты), а в Москве этого добиться не удастся. В этой связи они предложили передать объекты в пользование одновременно⁸. Советская сторона объясняла задержку отсутствием близости инженерных сетей электро- и теплоснабжения и указывала на то, что сроки окончания работ в соглашении зафиксированы не были⁹.

В конечном итоге строительство действительно завершилось не одновременно: советское посольство готово было принять свое новое здание уже к началу марта 1970 г.¹⁰, а посольство СФРЮ передали югославам 28 августа 1971 г.¹¹. В этой связи ГСИД предлагал освободить югославское посольство от арендной платы с момента приема-передачи построек в Белграде¹², а возникшие спорные вопросы советский посол

И. А. Бенедиктов обсуждал на высоком уровне — с заместителями секретаря ГСИД М. Пешичем (13 июля) и А. Вратушей (25 и 30 сентября 1970 г.). Итогом переговоров стало создание Паритетной комиссии, рассматривавшей вопросы как строительства зданий, так и предоставления земли¹³.

Следующие несколько лет сотрудники дипломатических представительств двух стран вели с внешнеполитическими ведомствами содержательную переписку, посвященную гарантийному ремонту и устранению дефектов и недостатков, допущенных при строительстве. Соглашение 1958 г. устанавливало на это срок в 1 год¹⁴, однако в реальности все существенно затянулось. Наиболее серьезной претензией советского посольства было качество монтажа пола в представительских помещениях, который вздулся еще до принятия здания в эксплуатацию, и окон, быстро пришедших в негодность из-за плохой герметизации рам¹⁵. Только два года спустя, летом 1972 г. был подписан договор о ремонтных работах с предприятием «Рад»¹⁶. Несмотря на то, что советское посольство регулярно бомбардировало ГСИД нотами и обращениями по этому вопросу, к апрелю 1973 г. ремонт так и не начался.

Югославские дипломаты более основательно подошли к вопросам гарантийного обслуживания. В феврале 1972 г., едва их свежестроенное посольство пережило зиму, они подготовили целый перечень недостатков и дефектов: начиная с неработающих автоматических ворот гаража, изъянов в гидроизоляции построек и неисправных холодильных камер, заканчивая перегревающимися удлинителями в столовой и отсутствием влагозащиты фонарей уличного освещения¹⁷. Через пару месяцев последовала следующая нота, в которой список недоделок был дополнен, среди прочего, неисправным вентилятором в бойлерной, не до конца смонтированным уличным фонтаном, растрескавшимся асфальтом на парковке и отсутствующей садовой скамейкой¹⁸.

Подводя итог, отметим, что подобных взаимных нот только по этому частному вопросу за несколько лет накопились десятки. Все обращения и ответы югославской стороны пе-

реведены на русский язык, проходили через советское посольство и МИД и оседали в ведомственном архиве. Ответственные дипломатические сотрудники во главе с послом и работники внешнеполитических ведомств двух стран, вплоть до югославских заместителей секретаря иностранных дел, с присущими им педантизмом и уважением к юридическим формальностям посвящали массу рабочего времени решению подобных вопросов, в том числе неоднократно, на протяжении 7 лет (с перерывами) участвовали в заседаниях комиссии по взаиморасчетам в связи с проектированием и строительством зданий посольства¹⁹. Впрочем, реальность и особенности национального менталитета оказалось непросто преодолеть бюрократическими методами. Идея строительства посольских зданий на основе принципа взаимозачета себя не оправдала. Возможно, поэтому, когда 3 апреля 1970 г. подобное соглашение было подписано с Болгарией, по его условиям строительством зданий каждая сторона занималась самостоятельно²⁰.

Также следует сказать, что исторически близкие отношения и тесное сотрудничество двух стран привели к тому, что к настоящему моменту у них сложились целые комплексы недвижимости в столицах друг друга: российские посольство, торгпредство, Российский центр науки и культуры (Русский дом) и комплекс школы (по площади участка не меньше, чем у посольства) в Белграде и сербские посольство и торгпредство в Москве. Это предоставляет уникальные возможности развития многочисленных проектов и программ сотрудничества, прежде всего для России в Сербии, но и для Сербии в России, хотя у нее до сих пор и нет Дома сербской культуры в Москве, в отличие от чехов или венгров.

Примечания

¹ Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Федеративной Народной Республики Югославии о строительстве здания Посольства Союза Советских Социалистических Республик в Белграде и здания Посольства Федеративной Народной Республики Югославии в Москве и о взаимном предоставлении земельных участков для строительства этих зданий. Лондон. 20.03.1958. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901831592> (дата обращения: 15.03.2024).

- ² Венская конвенция о дипломатических сношениях. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml (дата обращения: 21.03.2024).
- ³ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии о проектировании и строительстве зданий посольств в Лондоне и Москве. Лондон. 15.10.1996. URL: https://london.mid.ru/ru/press-centre/soglashenie_mezhdu_pravitelstvom_rossii_i_pravitelstvom_velikobritanii_i_severnoy_irlandii_o_proekti/ (дата обращения: 12.03.2024).
- ⁴ Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Швеции о строительстве зданий Посольств в Москве и в Стокгольме. Москва, 27.03.1958. URL: <https://mddoc.mid.ru/api/ia/download/?uuid=b97b110d-209a-4385-82a3-8237a95347a4> (дата обращения: 12.03.2024).
- ⁵ Соглашение СССР и ФНРЮ о строительстве зданий посольств. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901831592> (дата обращения: 15.03.2024).
- ⁶ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 202. Оп. 31. П. 151. Д. 1. Л. 37.
- ⁷ Соглашение СССР и ФНРЮ о строительстве зданий посольств. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901831592> (дата обращения: 15.03.2024).
- ⁸ АВП РФ. Ф. 202. Оп. 28. П. 148. Д. 1. Л. 85–86. 14.11.1967.
- ⁹ Там же. Оп. 29. П. 148. Д. 1. Л. 2. Нота советского посольства ГСИД. 18.01.1968.
- ¹⁰ Там же. Оп. 31. П. 151. Д. 1. Л. 2. Нота советского посольства ГСИД. 11.03.1970.
- ¹¹ Там же. Ф. 144. Референтура по Югославии. Оп. 33. П. 75. Д. 011, 012, 014-юг. Л. 25–26. Нота 01-49. 20.02.1972.
- ¹² Там же. Оп. 31. П. 151. Д. 1. Л. 2. Нота ГСИД. 02.02.1970.
- ¹³ Там же. Л. 69–50. 01.10.1970.
- ¹⁴ Соглашение СССР и ФНРЮ о строительстве зданий посольств. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901831592> (дата обращения: 15.03.2024).
- ¹⁵ АВП РФ. Ф. Посольства СССР в СФРЮ. Оп. 34а. Д. 1. П. 159. Л. 6. Нота от 05.09.1973.
- ¹⁶ Там же. Ф. 144. Референтура по Югославии. Оп. 33. П. 75. Д. 011, 012, 014-юг. Л. 50.
- ¹⁷ Там же. Л. 25–26. Нота 01-49. 20.02.1972.
- ¹⁸ Там же. Л. 34–37. Нота № 01-243. 25.04.1972.
- ¹⁹ Там же. Ф. Посольства СССР в СФРЮ. Оп. 34а. Д. 1. П. 159. Л. 6. Нота от 05.09.1973.
- ²⁰ Протокол о взаимном предоставлении земельных участков для строительства зданий Посольства Народной Республики Болгарии в г. Москве и зданий Посольства Союза Советских Социалистических Республик в г. Софии. Москва, 03.04.1970. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/49488/ (дата обращения: 12.03.2024).

СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ и Юго-Восточной Европы НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ

DOI: 10.31168/2619-0869.2024.10

Общегосударственный кризис в БиГ 1999 г.

Денис Павлович Ерёмин

Институт Европы РАН,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: eremindp1994@gmail.com
ORCID: 0000-0002-1654-6214

Ключевые слова: Босния и Герцеговина, государственная система, политический кризис, национальный вопрос

State crisis in BiH 1999

Denis P. Eremin

Institute of Europe RAS,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: eremindp1994@gmail.com
ORCID: 0000-0002-1654-6214

Keywords: Bosnia and Herzegovina, state system, political crisis, national issue

Становление современной боснийско-герцеговинской государственности, неразрывно связанное с процессом реализации Дейтонского соглашения 1995 г., представляло собой сложный и противоречивый процесс. С одной стороны, Дейтонские соглашения в принципе не могли в полной мере удовлетворить требования народов БиГ и сформированная в Дейтоне политическая система не являлась функциональной, а с другой — ее функционирование и целостность обес-

---

печивалась усилиями международного сообщества (представленного государствами-членами РК СВМС).

Характер деятельности государственных институтов БиГ и международных акторов достаточно четко отразил внутриполитический кризис 1999 г., обусловленный как внутренними причинами, так и внешнеполитической конъюнктурой. Представляется, что понимание развития государственности БиГ невозможно без изучения кризиса 1999 г., однако в отечественной историографии данная тема подробно не рассматривалась.

Отличительной чертой кризиса в БиГ 1999 г. стал отказ как сербских, так и хорватских политических сил от исполнения их представителями служебных обязанностей в общегосударственных органах власти. Основными причинами, побудившими сербскую сторону приостановить работу своих представителей, стали, во-первых, результаты международного арбитража по статусу района Брчко, во-вторых, прямое вмешательство международных структур в политическую жизнь Республики Сербской и отстранение президента РС Н. Поплашена соответствующим решением ВП К. Вестендорпа. Внутриполитические причины осложнялись событиями в регионе — третьей причиной, побудившей сербскую сторону перейти к обозначенным мерам, стала агрессия НАТО против СРЮ (о причинах сербской реакции напрямую сообщал председатель Президиума БиГ Ж. Радишич в послании ВП и представителям государств-членов Контактной группы¹).

В вопросе Брчко международным акторам, прежде всего США, удалось изменить предмет рассмотрения: проблема определения внутривоснийского разграничения в спорном районе была преобразована в вопрос принадлежности данной территории и определения ее статуса². Следствием арбитражного решения стало создание на территории общины, выведенной из-под юрисдикции РС, отдельной административной единицы — округа Брчко — и установление в нем отдельной структуры международного управления (что представляло собой ревизию положений Дейтонских соглашений)³.

Помимо арбитражного решения, вызвавшего резко негативную реакцию населения и политических сил РС, отрицательное влияние на ситуацию в БиГ оказали действия АВП: решением ВП К. Вестендорпа от исполнения своих служебных обязанностей был отстранен президент РС Н. Поплашен. Данное решение ВП было обусловлено попытками Н. Поплашена добиться отставки правительства М. Додика, которое на тот момент пользовалось поддержкой международного сообщества (Зам. ВП Ж. Кляйн в ходе переговоров с сербской стороной прямо заявил, что только кандидатура М. Додика на пост премьер-министра могла рассчитывать на поддержку международного сообщества⁴).

Отдельного внимания и рассмотрения заслуживает влияние событий Косовского кризиса на внутривнутриполитическую ситуацию в БиГ. Агрессия НАТО против СРЮ не только задевала национальные чувства сербского населения БиГ (в условиях, когда характер национальных отношений имеет фундаментальное значение для внутривнутриполитической стабильности страны), но и напрямую оказывала негативный эффект на экономическую жизнь сербского энтитета. По оценкам конца сентября 1999 г., 80 % производства РС было ориентировано на СРЮ и ущерб экономике РС от акции НАТО составил более 700 млн. долл. США. Экспорт из РС, 90 % которого приходилось на СРЮ, был практически прекращен, а уровень импорта упал вдвое. Тяжелым бременем для сербского энтитета стали беженцы из СРЮ (около 50 тыс. человек) в условиях резкого роста безработицы⁵.

Хорватская сторона также была в крайне степени не удовлетворена ситуацией в БиГ. Начало 1999 г. было ознаменовано столкновением хорватской политической элиты с командованием Сил по стабилизации в вопросе кадровых изменений ХВО (Согласно утвержденным в октябре 1998 г. инструкциям, назначения на генеральские должности в вооруженных силах энтитетов должны были утверждаться командующим СПС и ВП⁶). Требования в адрес хорватского члена Президиума БиГ А. Елавича отменить несогласованные назначения сопровождалось действиями СПС по

захвату принадлежащих ХВО вооружений. Впоследствии хорватской стороне был предъявлен ультиматум, в случае невыполнения которого арестованное СПС хорватское военное имущество подлежало уничтожению⁷. Ситуация была разрешена в ходе переговоров подписанием совместного заявления, в котором минобороны ФБиГ и СПС подтверждали, что «любое назначение на генеральскую должность должно быть заранее согласовано с СПС». В заявлении также было отмечено, что СПС возвращает все изъятое у ХВО вооружение и снаряжение, кроме того, что уже было уничтожено (одного танка и одного БТРа)⁸.

Особое внимание на динамику хорвато-бошняцких отношений оказало покушение на заместителя министра внутренних дел ФБиГ Й. Леутара, в ходе которого он был тяжело ранен (от полученных ранений позднее скончался). В связи с покушением А. Елавич сделал заявление, в котором увязал данный инцидент в Сараево с рядом покушений на хорватов, утверждая, что за этим стоит бошняцкая политическая элита⁹. Бошняцкая сторона в лице ПДД данные обвинения отвергла и высказала предположение об организации покушения хорватскими экстремистами¹⁰. Покушение побудило представителей хорватской общины приостановить свою деятельность в органах власти ФБиГ и БиГ: соответствующее решение было принято на заседании президиума ХДС БиГ 18 марта 1999 г. Одновременно хорватской стороной был выдвинут ряд требований, без выполнения которых, по мнению хорватского руководства в БиГ, не может быть обеспечена безопасность хорватского населения ФБиГ. Президиум ХДС БиГ потребовал¹¹:

- ▶ немедленной отставки председателя правительства ФБиГ Э. Бичакчича, федерального министра внутренних дел М. Жилича и министра внутренних дел Среднебосанского кантона Э. Ханджича;
- ▶ проведения быстрого и результативного расследования акта покушения на Й. Леутара, установления и наказания исполнителей и заказчиков данного поку-

- шения, а также других преступлений, совершенных в центральной Боснии;
- ▶ объявления списка обвиняемых в военных преступлениях, совершенных над хорватами в БиГ, и начала процессов над ними в Гаагском трибунале;
  - ▶ упразднения и выдворения Агентства информации и документации (спецслужба бошняков) из всех помещений МВД на территории Федерации в 10-дневный срок, так как, по мнению президиума ХДС БиГ, «АИД — организация, которая вместе с политической властью и иностранными гражданами (моджахедами) стоит за большинством террористических актов, направленных против хорватского народа»;
  - ▶ лишить «моджахедов» нелегального и незаконно приобретенного гражданства и выдворить их с территории БиГ;
  - ▶ АВП инициировать расследование по вопросам финансирования исполнителей террористических актов, а также квазиорганизаций, которые, наряду с остатками бывших институтов Республики БиГ, продолжают действовать на территории БиГ;
  - ▶ обеспечить хорватским функционерам в органах власти БиГ и ФБиГ те же условия жизни и безопасности, которыми пользуются представители бошняцкого народа.

Первое заседание Президиума БиГ после длительного перерыва, вызванного внутривластным кризисом, состоялось 21 апреля 1999 г. Соответственно, бойкот общегосударственных институтов сербской стороной осуществлялся полтора месяца (с 7 марта 1999 г.), а хорватской — чуть менее месяца (с 22 марта). Требования хорватской стороны, прекратившей бойкот органов власти ФБиГ и БиГ, выполнены не были, и в этих условиях А. Елавич заявил, что прекращение хорватского бойкота не означает стабилизации отношений с бошняками. Было заявлено, что хорватская сторона не снимает требования об отставке премьера Федерации и министра внутренних дел, а также не отказывается от идеи

проведения референдума среди хорватского населения о его положении в БиГ¹².

Таким образом, акторам-участникам боснийского урегулирования удалось добиться возобновления деятельности органов власти БиГ. В качестве инструмента давления был использован вопрос предоставления финансовой помощи¹³, а по отношению к сербской стороне также были озвучены предупреждения о применении «радикальных мер» (то есть снятия с постов должностных лиц)¹⁴. Значительную, если не решающую роль при давлении на РС сыграл вопрос Брчко¹⁵, так как сербская сторона рассчитывала на как минимум частичную ревизию арбитражного решения.

Политический кризис в БиГ 1999 г. показал, что международное сообщество к концу 1990–2000 гг. смогло добиться исключительной степени влияния на политическую жизнь страны: сопротивление боснийских сербов и хорватов было сломлено, что стало основой процесса централизации БиГ в 2000-е гг.

Примечания

- ¹ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 933. Оп. 4. Д. 4. П. 7. Л. 26, 27, 28, 29.
- ² *Энгельгардт Г. Н.* От арбитража до округа: район Брчко в Дейтонской Боснии // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 1 (16). С. 87.
- ³ Там же.
- ⁴ АВП РФ. Ф. 933. Оп. 4. Д. 4. П. 7. Л. 24.
- ⁵ АВП РФ. Ф. 933. Оп. 4. Д. 5. П. 7. Л. 46.
- ⁶ АВП РФ. Ф. 933. Оп. 4. Д. 3. П. 7. Л. 9.
- ⁷ АВП РФ. Ф. 933. Оп. 4. Д. 3. П. 7. Л. 8.
- ⁸ АВП РФ. Ф. 933. Оп. 4. Д. 3. П. 7. Л. 25.
- ⁹ АВП РФ. Ф. 933. Оп. 4. Д. 3. П. 7. Л. 112.
- ¹⁰ АВП РФ. Ф. 933. Оп. 4. Д. 3. П. 7. Л. 113.
- ¹¹ АВП РФ. Ф. 933. Оп. 4. Д. 3. П. 7. Л. 117, 118.
- ¹² АВП РФ. Ф. 933. Оп. 4. Д. 4. П. 7. Л. 95.
- ¹³ АВП РФ. Ф. 933. Оп. 4. Д. 4. П. 7. Л. 79.
- ¹⁴ АВП РФ. Ф. 933. Оп. 4. Д. 4. П. 7. Л. 48.
- ¹⁵ См. подробнее: АВП РФ. Ф. 933. Оп. 4. Д. 4. П. 7. Л. 142.

DOI: 10.31168/2619-0869.2024.11

В поиске примирительного нарратива: трудное прошлое в официальных обращениях премьер-министров России и Польши 2009–2010 гг.

Данил Александрович Афандеев

Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Российская Федерация;
e-mail: yakutyonok7@gmail.com
ORCID: 0009-0007-3923-7418

Ключевые слова: историческая политика, политика памяти, войны памяти, российско-польские отношения

In search of a reconciliatory narrative: the difficult past in the official addresses of the prime ministers of Russia and Poland in 2009–2010

Danil A. Afandeev

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: yakutyonok7@gmail.com
ORCID: 0009-0007-3923-7418

Keywords: historical politics, memory politics, memory wars, Russian-Polish relations

С начала XXI века в странах Центральной и Восточной Европы история и память о событиях прошлого превращались во все более важную часть официального дискурса. Явственным выражением такой тенденции стал феномен *исторической политики*, которая определяется в литературе через институализацию *политики памяти*¹. Следствием

этого была конфронтация на nive конфликтного прошлого в ряде стран региона, что получило название «*войн памяти*» («*мемориальных войн*»). Продолжаются и споры о степени влияния такой инструментализации прошлого на внешнюю политику государств региона. По мнению А. И. Миллера, «роль исторической политики во внешнеполитической сфере менее важна, чем внутри страны, хотя сторонники исторической политики часто утверждают обратное»². Однако можно констатировать, что *политическое использование прошлого* как более широкая понятийная категория³ стало в первые десятилетия XXI века важной частью как российско-польских межгосударственных отношений, так и инструментом внешней политики двух стран.

Текущие российско-польские отношения испытывают глубокий кризис, которому предшествовали все более острые конфликты в мемориальной сфере. В условиях политических конфронтации возможность общих коммуникативных рамок в подходах к «трудному» прошлому представляется совершенно недостижимой, однако обращение к предыдущему этапу мемориальной коммуникации опровергает кажущуюся безвыходность ситуации.

Этап политической напряженности и «войн памяти» в 2000-е гг., вызванный вступлением Польши в НАТО (1999), украинской «оранжевой революцией» (2004) и конфликтом в Грузии (2008), сменила стадия налаживания российско-польских отношений. Период с 2009 по 2013 г. характеризуется их улучшением, и он сопровождался диалогом на тему «трудного» прошлого: происходила «разрядка» в исторической политике и замирение в мемориальных войнах. Ранее, в 2008 г., возобновила свою работу Российско-польская группа по сложным вопросам, вытекающих из исторических событий. Важной частью диалога стали и выступления высоких государственных чиновников на совместных коммеморациях.

Различные интерпретации прошлого в исторической политике, в зависимости от преследуемых в ней целей, могут иметь конфронтационную или примирительную направ-

ленность. Формирование негативного или положительного образа соседней страны, а также оценка важного (часто трагического) исторического события отвечают как внутренней политике государства, так и внешней.

Использование государственными деятелями в своих речах и текстах исторических сюжетов ориентировано на «формирование общих интерпретативных рамок: задача политиков — посредством перформативных актов сформировать и зафиксировать определенное отношение к совместно-му прошлому, строящееся на ключевых ценностях». Задача данной статьи — произвести сопоставительный анализ речей российских и польских лидеров, который бы обнаружил механизм помещения конфликтных событий прошлого в общие коммуникативные рамки с попутным формированием примирительных сюжетов и символов.

Российско-польские мемориальные конфликты главным образом вытекают из трагедий XX века. Польская концепция «двух оккупаций» подразумевает экспорт вины за коммунизм в Россию, центральное место в исторической политике которой занимает «нарратив о Победе»⁴, поскольку Российская Федерация определяет себя политической и исторической наследницей СССР. В связи с этим поиск общих коммуникативных рамок затруднен, если не сказать, что почти невозможен. Трагические события прошлого, такие как Катынь, сталинские репрессии и негативно оцениваемый период ПНР для Польши, с одной стороны, потери Красной армии при освобождении польских территорий от нацистов, а также судьба пленных красноармейцев после Советско-польской войны 1919–1921 гг. для России — с другой, задают сценарий «конкуренции жертв».

1 сентября 2009 г. в Гданьске состоялось памятное мероприятие, посвященное 70-летней годовщине начала Второй мировой войны с большим международным представительством. В. В. Путин, на тот момент премьер-министр Российской Федерации, принял участие в возложении цветов к мемориалу и выступил на церемонии. Событию предшествовала публикация в «Газете Выборча» его статьи «Стра-

ницы истории — повод для взаимных претензий или основа для примирения и партнерства»⁵. В ней глава правительства сделал ряд заявлений, осуждающих «Мюнхенский договор», пакт Молотова-Риббентропа и тоталитарный режим, заявив, что «Мемориалы “Катынь” и “Медное”, как и трагическая судьба русских солдат, взятых в польский плен в ходе войны 1920 года, должны стать символами общей скорби и взаимного прощения». Также он выразил признательность за бережное отношение к захоронениям советских солдат на территории Польши⁶. В том же примирительном тоне была выдержанна и мемориальная речь российского премьера в Вестерплатте.

Речь главы польского правительства Д. Туска также не была нацелена на конфронтацию. Он заявил, что тысячи советских солдат отдали свои жизни за освобождение Польши и Европы от нацизма, хотя и добавил, что они не принесли ей свободу, но отметил, что необходимо отдать им дань уважения и заботиться о местах их захоронений⁷. По мнению исследователей, президент Польши Л. Качиньский в Вестерплатте, напротив, «эксплуатировал риторику конфронтационной исторической политики»⁸, но при этом и он заявлял, что советские солдаты «заслуживают должного уважения, они неоднократно демонстрировали необыкновенную храбрость»⁹.

7 апреля 2010 г. состоялась важнейшая для налаживания отношений встреча премьер-министров России и Польши в Катыни. На данном мероприятии В. В. Путин назвал Катынское преступление преступлением тоталитаризма¹⁰. В свою очередь, Д. Туск упомянул, что в Катынском лесу были расстреляны не только поляки, но и русские и представители других народов СССР¹¹. За данным событием последовало рассекречивание части документов по Катынской трагедии и передача их польской стороне.

Можно выделить общее согласие в осуждении тоталитарной системы СССР. Особое место Катыни для польской памяти было признано российской стороной, при этом она была помещена в общий нарратив о жертвах сталинских репрессий. В свою очередь, Польша не проигнорировала то,

что советские граждане также являлись жертвами тоталитаризма (а не исключительно преступниками и палачами). Кроме того, польская сторона провела символическое различие между солдатами Красной армии как освободителями от нацизма и тоталитарным режимом СССР. Как следствие, в период налаживания отношений вопрос о памятниках Красной армии не был предметом споров между Россией и Польшей.

Однако во многих других важных вопросах символическое согласие не было достигнуто. Пакт Молотова-Риббентропа, хотя и был осужден в речах российского премьер-министра, сохранил принципиально разные значения в доминантных исторических нарративах двух стран, а вопрос о судьбе пленных красноармейцев в 1920-х гг., к которому часто обращалась российская сторона в противовес Катынскому преступлению, не стал «символом общей скорби».

Итак, трагические события прошлого, становящиеся предметом манипуляций в кризисные периоды двусторонних отношений и усиливающие конфронтацию между странами, в период «разрядки» с помощью ряда риторических уступок и умолчаний смогли приобрести противоположные функции. Самыми явственными примерами в российско-польских отношениях здесь могут служить Катынь и Вторая мировая война. Они стали общими символами жертв тоталитаризма и борьбы с нацизмом соответственно.

Рассмотренные выше установочные и церемониальные речи государственных лидеров следует рассматривать как стратегически важную часть российско-польского диалога о сложном прошлом в 2009–2013 гг. Политическая конъюнктура этого периода доказывает, что мемориальные войны вовсе не являются неизбежным сценарием в российско-польских отношениях.

Примечания

¹ Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке: сб. научных статей / науч. ред. А. Миллер, М. Липман. М., 2012. С. 7–33.

- ² Там же. С. 25.
- ³ *Малинова О. Ю., Миллер А. И.* Введение. Символическая политика и политика памяти // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе / под ред. В. В. Лапина, А. И. Миллера. СПб., 2021. С. 14–15.
- ⁴ Историческая политика... С. 333.
- ⁵ Владимир Путин: «Страницы истории — повод для взаимных претензий или основа для примирения и партнерства?» Статья председателя правительства Российской Федерации В. В. Путина в «Газета Выборча» // ИноСМИ: офиц. сайт. URL: <https://inosmi.ru/20090831/252071.html?ysclid=lttqn4iiil933309887> (дата обращения: 17.03.2024).
- ⁶ Там же.
- ⁷ Przemówienie premiera Tuska na obchodach 70. Rocznicy wybuchu II wojny światowej // Dzieje.pl Portal Historyczny: офиц. сайт. URL: <https://dzieje.pl/aktualnosci/przemowienie-premiera-tuska-na-obchodach-70-rocznicy-wybuchu-ii-wojny-swiatej> (дата обращения: 17.03.2024).
- ⁸ Историческая политика... С. 344.
- ⁹ Lech Kaczyński: Przemówienie na Westerplatte z 2009 r. // Teologia Polityczna: офиц. сайт. URL: <https://teologiapolityczna.pl/lech-kaczynski-przemowienie-na-westerplatte-z-2009-r> (дата обращения: 17.03.2024).
- ¹⁰ Председатель Правительства Российской Федерации В. В. Путин совместно с Премьер-министром Польши Д. Туском принял участие в памятной церемонии в мемориальном комплексе «Катынь» // Архив сайта Правительства Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <http://archive.government.ru/special/docs/10122/index.html> (дата обращения: 17.03.2024).
- ¹¹ Там же.

DOI: 10.31168/2619-0869.2024.12

Отношения между государством и церковью в современной Греции: фактор членства в Европейском союзе

Анна Константиновна Александрова

Институт славяноведения РАН,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: anna.k.aleksandrova@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8772-6688

Ключевые слова: православие, национальная идентичность, Элладская православная церковь, европейская интеграция, секуляризация

Church-State relations in contemporary Greece: The European Union membership factor

Anna K. Aleksandrova

Institute of Slavic Studies RAS
Moscow, Russian Federation;
e-mail: anna.k.aleksandrova@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8772-6688

Keywords: Orthodoxy, national identity, Church of Greece, European integration, secularization

Православие, нация и государство являются идеологической основой современной греческой идентичности¹. Вопросы, касающиеся отношений между государством и церковью в Греции — как в прошлом, так и на современном этапе, — являются предметом широкого круга исследований, среди которых следует отметить работы Е. Фокас², Е. Караянниса³, О. Е. Петруниной⁴, В. Рудометофа⁵, Д. Халикиопулу⁶, Л. Милиопулоса⁷, Ар. А. Улуныяна⁸, П. М. Китромилидиса⁹. Изучение данного комплекса проблем приобрело новую актуальность после присоединения Греции к процессу европейской интеграции: церковь, включенная в государственную систему, вынуждена взаимодействовать также с транснациональной организацией Европейского союза. Цель данного исследования — выявить влияние, которое имеет фактор членства в Евросоюзе на отношения между государством и церковью в Греции; в рамках доклада рассмотрены соответствующие кейсы государственно-церковного взаимодействия, на примере которых определены общие тенденции его развития. В качестве источниковой базы использованы официальные документы, а также заявления представителей греческого правительства и высших иерархов Элладской православной церкви (ЭПЦ).

Автокефальная Элладская православная церковь возникла в 1833 г., почти сразу же после образования независимого

греческого государства (1830 г.). Отделение ЭПЦ от Константинопольского патриархата и, соответственно, ее становление как официальной национальной церкви было обусловлено политическими причинами: Константинопольский патриархат по-прежнему подчинялся Османской империи, которая могла через него влиять на принятие решений в получившей независимость Греции. При этом в настоящее время ряд епархий в Греции номинально либо непосредственно находится в юрисдикции Константинопольского патриархата, и необходимо подчеркнуть, что ЭПЦ и Константинопольский патриархат имеют зачастую разнящиеся позиции по тем или иным вопросам греческой внутренней и внешней политики.

Согласно статье 3 греческой Конституции, «господствующей религией в Греции является религия Восточной Православной Церкви Христовой». В соответствии с данной формулировкой, фактически, но не юридически православие — государственная религия в Греции. На законодательном уровне ЭПЦ считается государственным институтом¹⁰. Благодаря этому церковь может контролировать многие сферы жизни общества (от регистрации брака и получения разрешений на кремацию умерших до обязательного преподавания основ религии, то есть уроков Закона Божьего, в государственных школах), и это касается всех граждан страны независимо от их вероисповедания*. Положения, закрепленные в греческом законодательстве, ограничивают права граждан, не исповедующих православие, и в некоторых случаях противоречат нормам ЕС.

Поскольку значимость церкви в Греции обусловлена особенностями исторического развития государства и нации, ЭПЦ обладает заметным политическим влиянием — вплоть до того, что церковь может противостоять государству при решении вопросов, имеющих национальное измерение. В последние десятилетия возникновение таких вопросов часто связано с членством Греции в ЕС. Крупный государственно-церковный конфликт произошел в начале 2000-х го-

---

* В Греции православными христианами являются более 95 % граждан.

дов¹¹: шенгенские правила, включенные в Амстердамский договор (вступил в силу в 1999 г.), подразумевали выпуск новых ID-карт (удостоверений личности) для всех греческих граждан; при этом еще в 1997 г. в Греции в соответствии с правовыми нормами ЕС, касающимися свободы вероисповедания, был принят закон о защите персональных данных, согласно которому в ID-картах не мог присутствовать пункт о религиозной принадлежности. Соответственно, правительство лишилось возможности решить данную проблему постепенно, лишь по мере необходимости заменяя старые ID-карты, имеющие пункт о религиозной принадлежности, на новые — без него. Это вызвало мощный протест со стороны церкви, которая настаивала на том, что сохранение данного пункта в ID-картах подтверждает греческую национальную идентичность, имеющую устойчивую связь с православием. Но несмотря на противодействие ЭПЦ, поддержанное значительной частью граждан страны, государство пошло по пути следования правовым нормам Евросоюза. Данный конфликт можно рассматривать как противоречие между выбранным Грецией курсом на секуляризацию и демократизацию, свойственным всем странам — членам ЕС, и традиционализмом, порой тяготеющим к национализму, характерным для ЭПЦ.

Показательным примером вмешательства во внешнеполитические вопросы является участие ЭПЦ в споре о наименовании бывшей югославской республики Македония¹² (БЮРМ; сегодняшней Северной Македонии) во время пребывания у власти леворадикального правительства А. Ципраса (партия СИРИЗА) в 2015–2019 гг. На протяжении трех десятилетий почти все — обычно противоборствующие — политические силы страны, равно как и ЭПЦ, единогласно выступали против наличия в названии соседней страны слова Македония, поскольку считали это ущемлением греческого суверенитета (в составе Греции есть одноименный регион). Заключение в 2018 г. Преспанского соглашения завершило давний спор: БЮРМ и Греция под давлением ЕС и НАТО пошли на взаимные уступки, согласившись на

название Северная Македония. Это стало причиной напряженности в отношениях между греческим правительством и ЭПЦ, которая выступила на стороне оппозиции; однако до открытого противостояния дело не дошло¹³.

В целом кризисные для Греции 2010-е годы стали периодом ослабления позиций церкви и отдаления церкви от государства, что особенно четко проявилось при правительстве СИРИЗА, которое по различным идейно-политическим мотивам стремилось деконфессионализировать общественную жизнь страны. А. Ципрас при вступлении в должность премьер-министра впервые в истории Греции принес не религиозную, а гражданскую присягу. В 2016 г. его правительство предложило проект пересмотра Конституции, который подразумевал, в частности, положение о религиозном нейтралитете Греции (для этого требовалось внести изменение в вышеупомянутую статью 3) с целью большей демократизации страны¹⁴. Но консервативное правительство К. Мицотакиса, пришедшее к власти в 2019 г. (присяга проводилась по старой традиции — на Евангелии), отказалось от идеи внесения данных изменений в Конституцию.

Тем не менее некоторые инициативы А. Ципраса были поддержаны К. Мицотакисом, в частности, начиная со второй половины 2010-х годов и вплоть до настоящего времени в Греции проводится осторожная, но последовательная работа над расширением прав ЛГБТ (в феврале 2024 г. Греция стала первой православной страной, в которой узаконены однополые браки), что поддерживается далеко не всеми гражданами, воспитанными на православных морально-этических нормах. ЭПЦ, равно как и Константинопольский патриархат, не оказала серьезного сопротивления этим изменениям. Греция постепенно учится жить в условиях плюрализма ценностей, свойственного Европейскому союзу, а греческая идентичность, имеющая основополагающую религиозную составляющую, дополняется еще одной гранью — европейской. С учетом политической гибкости, которую проявляет ЭПЦ, достижение компромисса между этими двумя компонентами является возможным сценарием.

Таким образом, Евросоюз оказывает существенное влияние и непосредственно на институт церкви, и на государственно-церковные связи в Греции. Рассмотренные кейсы позволяют определить общую тенденцию развития государственно-церковных отношений в Греции в условиях участия страны в европейском интеграционном проекте как последовательный курс на отделение церкви от государства. Тем не менее нельзя не отметить постепенность этого процесса, проходящего параллельно, но в противоположных направлениях с процессом европейской интеграции. Иными словами, чем глубже Греция интегрируется в транснациональную структуру Евросоюза, тем активнее происходит процесс вытеснения церкви с позиций государственного института. Однако в настоящее время нельзя говорить о завершенности или даже о неотвратимости данного процесса, а греческая национальная идентичность по-прежнему сохраняет и православную, и европейскую составляющие, которые в определенных ситуациях неизбежно вступают в противоречие.

Примечания

- ¹ *Roudometof V.* The Evolution of Greek Orthodoxy in the Context of World Historical Globalization // *Orthodox Christianity in 21st Century Greece: The Role of Religion in Culture, Ethnicity and Politics* / Eds. V. Roudometof, V. Makrides. London, 2010. P. 36; *Halikiopoulou D.* Patterns of Secularization: Church, State and Nation in Greece and the Republic of Ireland. Farnham, 2011.
- ² *Fokas E.* Greece: Religion, Nation, and Membership in the European Union // *Citizenship and Ethnic Conflict: Challenging the Nation-State* / Ed. H. Güllalp. London; New York, 2006. P. 39–60.
- ³ *Karagiannis E.* Secularism in Context: The Relations between the Greek State and the Church of Greece in Crisis // *European Journal of Sociology*. 2009. Vol. 50. Iss. 1. P. 133–167.
- ⁴ *Петрунина О. Е.* Греческая нация и государство в XVIII–XX вв.: очерки политического развития. М., 2010.
- ⁵ *Roudometof V.* The Evolution of Greek Orthodoxy... P. 21–38.
- ⁶ *Halikiopoulou D.* Patterns of Secularization...
- ⁷ *Miliopoulos L.* Das Staats- und Krisenverständnis der orthodoxen Kirche Griechenlands // *Griechenland im europäischen Kontext: Krise und Krisendiskurse* / Hrsg. A. Agridopoulos, I. Papagiannopoulos. Wiesbaden, 2016. S. 207–230.
- ⁸ *Улунян Ар. А.* Идеологема “Ελλάς Ελλήνων Χριστιανών” в мифо-политическом конструкте военно-политического режима в Греции (1967–1974 гг.) // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2018. Т. 9. № 6 (70). DOI: 10.18254/S0002226-7-1

- ⁹ *Kitromilides P. M.* Church, State, and Hellenism // The Oxford Handbook of Modern Greek Politics / Eds. K. Featherstone, D. A. Sotiropoulos. Oxford, 2020. P. 86–100.
- ¹⁰ *Петрунина О. Е.* Греческая нация и государство... С. 644; *Halikiopoulou D.* Patterns of Secularization... P. 11–13; *Miliopoulos L.* Das Staats- und Krisenverständnis... S. 213–214.
- ¹¹ *Fokas E.* Greece... P. 39–60; *Karagiannis E.* Secularism in Context... P. 136–137.
- ¹² *Kitromilides P. M.* Church... P. 97–98.
- ¹³ Επιστολή προς τον Αρχιεπίσκοπο Αθηνών και πάσης Ελλάδος, Ιερώνυμο Β'. 11.01.2018 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2018/01/11/19200> (дата обращения: 24.11.2023).
- ¹⁴ Ομιλία του Πρωθυπουργού με προτάσεις για τη Συνταγματική Αναθεώρηση. 25.07.2016 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://www.primeminister.gr/2016/07/25/15039> (дата обращения: 24.11.2023); Ανάγκη συνεργασίας Εκκλησίας — Πολιτείας για το συμφέρον της πατρίδας. 04.02.2017 // Η Εκκλησία της Ελλάδος. URL: https://www.ecclesia.gr/epikairotita/main_epikairotita_next.asp?id=2053 (дата обращения: 24.11.2023).

DOI: 10.31168/2619-0869.2024.13

Πολιτικός σκάνδαλο Венгрии: отставка президента Каталин Новак в феврале 2024 г.

Никита Юрьевич Шишов

Независимый исследователь,
Будапешт, Венгрия; e-mail: shishoff.nickita2012@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7580-8026

Ключевые слова: Венгрия, президент, Каталин Новак, Фидес, Виктор Орбан

Hungary's political scandal: the resignation of President Novák Katalin in February 2024

Nikita Yu. Shishov

Independent researcher,
Budapest, Hungary; e-mail: shishoff.nickita2012@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7580-8026

Keywords: Hungary, President, Novák Katalin, Fidesz, Viktor Orbán

Каталин Новак — одна из немногих женщин венгерской политики, сделавших головокружительную карьеру: от неизвестного клерка Министерства иностранных дел и внешней торговли до первой женщины на посту президента Венгрии (и, что немаловажно, самый молодой президент после смены режима в 1989–90 гг., поскольку на момент избрания в мае 2022 г. К. Новак было 44 года). Тем не менее каденция К. Новак продлилась недолго, если быть точным, немногим меньше двух лет, поскольку одна ее роковая ошибка, а именно помилование заместителя директора детского дома в небольшом городке Бичке, расположенном к западу от Будапешта, виновного в сокрытии фактов педофилии, — не только вызвала массовые акции протеста по всей стране, но и привела к отставке президента, а вместе с ней и министра юстиции Юдит Варги. Для лучшего понимания современной внутривнутриполитической ситуации в Венгрии представляется важным проследить, как начался и развивался «педофильский скандал», как молниеносно окрестили отставку президента в венгерской прессе, а также на его основе сделать выводы о функционировании всей политической системы страны.

Ради справедливости стоит отметить, что реальные полномочия президента весьма ограничены и сводятся преимущественно к представительским функциям. Правда, в соответствии с Основным Законом (Конституцией) Венгрии 2011 г. президент является главнокомандующим вооруженных сил; представляет Венгрию на высшем уровне на международной арене и заключает от ее имени международные договоры; назначает и принимает послов и посланников; присваивает звания, ордена и медали; осуществляет право индивидуального помилования; инициирует всеобщие выборы членов парламента, органов местного самоуправления и мэров¹. Однако реальная власть сосредоточена в руках премьер-министра: должность, которую начиная с 2010 г. занимает неизменный лидер правящей коалиции Фидес-ХДНП, имеющей абсолютное большинство в Государственном собрании (парламенте) Венгрии — Виктор Орбан.

Итак, первые отголоски скандала восходят к 2 февраля 2024 г., когда в одном из популярных интернет-СМИ Венгрии («444») была опубликована статья, в которой указывалось, что по случаю визита Папы Римского Франциска в Будапешт (28–30 апреля 2023 г.) президент К. Новак по ходатайству министра юстиции Ю. Варги помиловала 22 человека, среди которых был заместитель директора детского дома в г. Бичке, обвиненный в сокрытии фактов педофилии в отношении нескольких подшефных детей². Статья мгновенно произвела эффект разорвавшейся бомбы, поскольку, с одной стороны, имидж президента Венгрии годами выстраивался вокруг защиты традиционных семейных ценностей, а с другой стороны, представители оппозиции мгновенно воспользовались ситуацией, призвав президента уйти в отставку.

8 февраля премьер-министр Венгрии В. Орбан выступил с инициативой о внесении 13-й поправки к Основному Закону (Конституции) Венгрии, запрещающей помилование преступников, осужденных за педофилию³. Тем самым премьер-министр попытался успокоить общественность и предотвратить отставку высокопоставленных лиц (избранных правящей коалицией), а также антиправительственные митинги и демонстрации. В этот же день президент К. Новак не отменила официальный визит и отправилась в Катар на чемпионат мира по водным видам спорта — тем самым вызвав огромное возмущение не только среди оппозиционно настроенных граждан, но и среди нейтрального и проправительственного электората, вылившееся в массовые акции протеста по всей стране.

10 февраля К. Новак прервала визит и досрочно вернулась в Будапешт, где вечером того же дня выступила с официальным обращением к народу, объявив о своей отставке⁴. Вслед за президентом в отставку ушла министр юстиции Ю. Варга, подавшая президенту списки на помилование.

В итоге политическая карьера двух женщин, которые изначально не принадлежали к политической элите и потому выстраивали свои карьеры годами, была разрушена одним росчерком пера. Если в 2023 г. К. Новак была одной из

самых популярных политиков-женщин в Венгрии⁵, то уже в середине февраля 2024 г., сразу после скандала, бывший президент Венгрии стала одним из самых скомпрометированных политиков, лишь немногим уступая в этом плане бывшему премьер-министру Ф. Дюрчаню⁶.

* * *

Таким образом, помилование заместителя директора детского дома, виновного в сокрытии фактов педофилии в маленьком городке Бичке, стало общенациональным скандалом, приведшим к отставке, концу политической карьеры и, фактически, полному уходу из политики президента К. Новак и министра юстиции Ю. Варги. Важно сделать ряд выводов, касающихся внутривнутриполитической ситуации в Венгрии.

Во-первых, Каталин Новак повторила судьбу Пала Шмидта (Schmitt Pál) — именитого олимпийского чемпиона в фехтовании, который, будучи избранным на пост президента Венгрии в мае 2010 г., добровольно сложил полномочия в апреле 2012 г. на фоне скандала, связанного с обнаружением плагиата в докторской диссертации. Тем самым в Венгрии в силу определенных традиций центральной европейской политической культуры сохранился институт репутации, когда высокопоставленные политики добровольно уходят в отставку, громогласно и открыто признавая ответственность за совершенные ошибки и просчеты.

Во-вторых, для правящей с 2010 г. коалиции Фидес-ХДНП, имеющей абсолютное большинство мест в парламенте и возглавляемой бессменным премьер-министром В. Орбаном, отставка и добровольный уход из политики как К. Новак, так и бывшего министра юстиции — Ю. Варга — стали весьма болезненным уроком того, что даже в условиях практически абсолютного политического доминирования голос гражданского общества имеет внушительный вес. Также на основе анализа данного кейса, можно сделать вывод о стиле руководства Орбана — на первом месте стоят популярность и доверие к партии. В случае, если кто-то теряет поддержку избирателей или дискредитирует партию в глазах электо-

рата, то Орбан первоначально дистанцируется, а затем принимает решительные и порой весьма болезненные действия. Нельзя не упомянуть и тот факт, что отставка К. Новак была согласована с премьер-министром и высока вероятность того, что именно глава правительства был инициатором данного решения.

В-третьих, в противовес правящей коалиции, существенно выиграла оппозиция, выступившая единым антиправительственным фронтом. Она представлена не только либерально-демократическими партиями — Венгерская социалистическая партия (ВСП), Демократическая коалиция (ДК), «Политика может быть другой» (ПМД), «Диалог за Венгрию», движение «Моментум», — но также правоконсервативным движением «За лучшую Венгрию» (партия Йоббик) и праворадикальной партией «Наша Родина». Вышеперечисленные партии и движения сумели организовать многотысячные митинги и демонстрации не только в Будапеште, но и по всей стране, что наверняка даст им дополнительные очки на грядущих выборах в Европейский парламент в июне 2024 г., а также станет еще одним этапом в консолидации всех оппозиционных политических сил против Орбана.

Нельзя не отметить и появление нового политического лидера — бывший муж экс-министра юстиции Ю. Варга — Петер Мадьяр (Magyar Péter), который подверг резкой критике не только отдельных членов правительства (попутно вытаскивая грязное белье наружу о бывшей супруге и ее политических взглядах), но и объединенную оппозицию. Более того, выступая на демонстрации 15 марта по случаю дня начала венгерской революции 1848–1849 гг., П. Мадьяр объявил о создании собственной политической партии⁷, рейтинг которой в середине марта, по оценкам средств массовой информации, составил порядка 13 %⁸.

В-четвертых, несмотря на то, что венгерское гражданское общество достаточно инертно и весьма пассивно, в случаях вопиющей несправедливости, задевающих чувства и сердца подавляющего большинства людей (к примеру, в вышеописанном случае — педофилия), венгерские граждане

способны в кратчайшие сроки мобилизоваться и выступить против действующей власти.

Примечания

- ¹ Magyarország Alaptörvénye. Official site Alkotmánybíróság. URL: <https://alkotmanybirosag.hu/alaptorveny> (дата обращения: 30.03.2024).
- ² Novák Katalin kegyelmet adott a bicskei gyerekotthon pedofil exigazgatóját fedező bűntársnak. Official site 444.hu. URL: <https://444.hu/2024/02/02/novak-katalin-kegyelmet-adott-a-bicskei-gyerekotthon-pedofil-exigazgatojat-fedezo-buntarsnakhttps://444.hu/2024/02/02/novak-katalin-kegyelmet-adott-a-bicskei-gyerekotthon-pedofil-exigazgatojat-fedezo-buntarsnak> (дата обращения: 28.03.2024).
- ³ Orbán Viktor benyújtotta a parlamentnek az alaptörvény módosításáról szóló javaslatot. Official site of the Hungarian government. URL: <https://kormany.hu/hirek/orban-viktor-benyujtotta-a-parlamentnek-az-alaptorveny-modositasarol-szolo-javaslatot> (дата обращения: 28.03.2024).
- ⁴ Novák Katalin lemondó nyilatkozata. Official site of the President of Hungary. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=p--gFRTNH5I> (дата обращения: 29.03.2024).
- ⁵ Kiderült, kik a legbefolyásosabb magyar nők 2023-ban. Official site Index. URL: <https://index.hu/belfold/2023/03/08/rangsor-legbefolyasosabb-nok-lista-forbes-novak-katalin-vidus-gabriella/> (дата обращения: 29.03.2024).
- ⁶ Lásan Gyurcsánynál is népszerűlenebb Novák Katalin a fővárosban. Official site RTL. URL: <https://rtl.hu/belfold/2024/02/13/novak-katalin-nepszerusege-felmeres-kozvelemeny-kutatas-21-kutatokozpont-gyurcsany-ferenc> (дата обращения: 28.03.2024).
- ⁷ Beindult a kampányszезon a nemzeti ünnepen | Interjú Magyar Péterrel és az MKKP társelnökeivel. Official site Partizán. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=U6aqB-SQ3krY> (дата обращения: 28.03.2024).
- ⁸ Medián: Magyar Péter berobbant — ha lenne pártja, a voksok akár 13 %-át kapná azoktól, akik hallottak róla. Official site HVG.hu. URL: https://m.hvg.hu/360/20240313_median (дата обращения: 28.03.2024).

DOI: 10.31168/2619-0869.2024.14

«Трианонская травма» и ее интерпретации в XXI веке

— Анна Олеговна Гриднева

МГИМО (У) МИД РФ,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: anna21022002@gmail.com
ORCID: 0009-0008-3525-0778

Ключевые слова: Трианонский мирный договор, Венгрия, В. Орбан, «Фидес»

“Trianon trauma” and its interpretations in the 21st century

— Anna O. Gridneva

Moscow State Institution
of International Relations (university),
Moscow, Russian Federation;
e-mail: anna21022002@gmail.com
ORCID:0009-0008-3525-0778

Keywords: Trianon Peace Treaty, Hungary, V. Orban, Fidesz

С 2010 года (второй победы партии «Фидес» на парламентских выборах и формирования коалиционного правительства во главе с этой партией) в действиях и высказываниях венгерского правительства начинает более явно формироваться идея о Трианонском мирном договоре как о величайшей трагедии в истории страны: учащается упоминание и проводятся аналогии этого события с современностью, увеличивается количество памятников, посвященных 1920-му году. В данной работе мы рассмотрим, как и зачем венгерское правительство использует Трианонскую травму в своей риторике и как спустя более 100 лет пытается решить ее последствия для венгерской диаспоры.

Цель исследования — проанализировать действия венгерского правительства для сохранения памяти о Трианонской травме и для ее преодоления, а также рассмотреть использование данного события в политическом нарративе.

Хронологические рамки: 1998–2002; 2010–2023.

Практическая и теоретическая значимость. Проведенное автором исследование помогает понять особенности исторической политики в Венгрии, что является важным для выработки конструктивного диалога.

Статья написана с привлечением работ отечественных и зарубежных авторов (в частности, можно отметить книгу А. Пока «Вспоминая и забывая коммунизм в Венгрии»). Источниками, которые были привлечены для раскрытия данной проблемы, стали речи премьер-министра Венгрии по поводу годовщины подписания Трианонского договора и нормативно-правовые акты Венгрии.

Трианонский договор стал травмой для венгерской нации еще с момента его подписания. Согласно положениям договора, заключенного державами-победительницами по итогу Первой мировой войны, венгерская территория уменьшалась на $\frac{2}{3}$, что привело к формированию большой диаспоры венгров в соседних странах. И именно правительство во главе с «Фидес» приняло наиболее активные шаги, чтобы решить эту проблему и воплотить в жизнь идею, что венгры всего Карпатско-Дунайского бассейна составляют единую общность.

Во время первого нахождения «Фидес» у власти (1998–2002 гг.) наиболее ярким примером в этой области было обсуждение и принятие закона «О венграх, проживающих в соседних с Венгрией странах». Согласно этому закону, венгры за рубежом (подданные других стран), получившие специальный документ — «венгерский паспорт», приобретали бы ряд льгот¹. Например, обещалась финансовая помощь семьям, дети которых посещают школы с преподаванием на венгерском языке. Также этнические венгры должны были получать предпочтение перед гражданами других стран в случае поиска работы в Венгрии. Соседи Венгрии высказали острое

недовольство последним пунктом, и возникла угроза, что подобный закон поставит под угрозу вступление Венгрии в ЕС — из-за своей дискриминирующей природы. В итоге принятый при В. Орбана закон пришлось дорабатывать и изменять уже следующему правительству (в частности, были отменены положения касательно преимуществ венгров на получение работы).

После повторного прихода «Фидес» к власти в 2010 г. линии и идеи нарратива остаются прежними и правительство вновь возвращается к проблемам венгерской диаспоры. Одной из первой инициатив, принятых правительством после своего назначения в 2010 году, был новый закон о гражданстве, который облегчал получение венгерского гражданства этническим венграм, живущим за рубежом². Следующим шагом правительства было издание «Декларации о национальном сотрудничестве» (венг. *Nemzeti Együttműködés Nyilatkozata*), которая создала систему национальной взаимопомощи для венгров вне зависимости от их места проживания, с целью «обеспечения благосостояния, достойной жизни и объединения членов нашего разнообразного венгерского общества»³. В 2014 году венгерские граждане, постоянно проживающие за рубежом, получили право участвовать в парламентских выборах, что тем самым помогло «Фидес», благодаря которой были приняты вышеупомянутые законы, увеличить лояльный к партии электорат. А к 100-летию Трианонского договора (в 2020 году) был принят закон «О защите национальной идентичности», согласно которому право на национальную идентичность является частью универсальных прав человека.

Премьер-министр В. Орбан в своих речах часто упоминает значимость вышеописанных законов. Так, премьер-министр подчеркивает, что именно благодаря принятию этих законопроектов получилось объединить венгерскую диаспору с венграми внутри страны — не путем перекройки границ и насилия, а с помощью мирных инициатив, направленных на сплочение венгерской нации. Так, в речи, посвященной памяти 1956 г., от 2012 г., В. Орбан подчеркнул, что «через

девяносто лет после Трианонского договора мы смогли вернуть сотням тысяч венгров их национальность путем трансграничной консолидации нации»⁴. Два года назад, в 2021 г. премьер-министр вновь подчеркнул остроту травмы — «мы понесли потерю страны, и мы никогда этого не забудем», но в то же время отметил, что благодаря ряду шагов «венгерская нация осталась нетронутой, и те, кто в своей физической реальности были оторваны от нас, навсегда остались с нами духом <...> идея и чувство национальной принадлежности сильны — возможно, сильнее, чем когда-либо в предыдущие десятилетия»⁵.

Частое упоминание данной памятной даты в речах премьер-министра также используется, чтобы подчеркнуть стойкость страны перед всевозможными вызовами и ее исключительность. Так, в августе 2020 г., во время открытия Мемориала национального единства В. Орбан отметил, что «спустя сто лет после поражения в мировой войне и Трианонского диктата сегодня мы стоим на сцене европейской истории как борцы за выживание. В мире нет ни одной нации, которая пережила бы подобную сотню лет»⁶. В этой же речи премьер-министр также подчеркнул ненадежность западных стран, которые путем Трианонского мирного договора «изнасиловали тысячелетние границы Центральной Европы и ее историю». Тем самым премьер-министр отчасти объяснил свой политический курс сквозь историческую призму, подчеркнул правильность своих действий в отношении ЕС и построении взвешенного курса.

Во время открытия памятника, посвященного Трианонскому мирному договору, в г. Шаторальяуйхей 6 июня 2020 г. была очень ярко выражена еще одна идея, которая позволяет В. Орбану использовать событие Трианонского мирного договора во внутриполитической борьбе. Как отметил венгерский историк А. Пок в книге, посвященной венгерской коллективной памяти и мемориальной политике, напоминание об этой травме помогает дискредитировать политических соперников «Фидес» — либералов и социалистов⁷. В своей риторике В. Орбан возлагает на оппонентов ответственность за воен-

ные, политические и экономические ошибки, которые повлекли заключение столь тяжелого договора. Так, и в 2020 г. В. Орбан заявил, что Трианон не был результатом проигранной войны и желания невенгерского населения покинуть Венгерское королевство — «Венгрия получила удар в спину от будапештских заговорщиков»⁸, которые ухудшили ситуацию в стране и не оставили в дальнейшем властям иного варианта, кроме как заключение договора. Премьер-министр утверждал, что непатриотичные политические силы несут ответственность за уничтожение армии, которая в остальном была сильной и дисциплинированной.

Таким образом, мы видим, что Трианон занимает крайне важную роль в исторической политике современной Венгрии. Партия «Фидес», по заявлениям премьер-министра, преодолевает болезненное разделение венгров, проводя активную политику в отношении зарубежной диаспоры. В нарративе премьер-министра упоминание событий 1920-го года используется для объяснения нынешнего курса и критики Запада. В то же время упоминание о Трианоне помогает «Фидес» сохранять поддержку избирателей — с одной стороны, партия обеспечивает себе лояльный электорат из диаспоры, а с другой — подчеркивает, что именно либеральные и социалистические движения ответственны за заключение данного мирного договора на таких условиях.

Примечания

- ¹ 2001. évi LXII. Törvény a szomszédos államokban élő magyarokról. URL: <https://net.jogtar.hu/jogszabaly?docid=a0100062.tv> (дата обращения: 01.10.2024).
- ² Changes in the Hungarian Citizenship Law and adopted on 26 May 2010: принято Венгерским парламентом 26 мая 2010 г. URL: <https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/19616/Hungary.pdf?sequence=1> (дата обращения: 01.10.2024).
- ³ Declaration of National Cooperation: принято Венгерским парламентом 14 июня 2010 г. Текст: электронный // The Orangefiles. URL: <https://theorangefiles.hu/declaration-of-national-cooperation/> (дата обращения: 01.10.2024).
- ⁴ Prime Minister Viktor Orbán's Speech in Budapest on October 23 // Сайт венгерского правительства. 2012. URL: <https://2010-2014.kormany.hu/en/prime-minister-s-office/the-prime-ministers-speeches/prime-minister-viktor-orban-s-speech-in-budapest-on-october-23> (дата обращения: 01.10.2024).

- ⁵ Prime Minister Viktor Orbán on the Kossuth Radio programme “Good Morning Hungary” // Сайт венгерского правительства. 2021. URL: <https://2015-2022.miniszterelnok.hu/prime-minister-viktor-orban-on-the-kossuth-radio-programme-good-morning-hungary-53/> (дата обращения: 01.10.2024).
- ⁶ Orbán Viktor beszéde az Összetartozás emlékhely avatásán // Сайт венгерского премьер-министра. 2020. URL: <https://2015-2022.miniszterelnok.hu/orban-viktor-beszede-az-osszetartozas-emlekhely-avatasan/> (дата обращения: 01.10.2024).
- ⁷ Pok A. Remembering and forgetting communism in Hungary: studies on collective memory and memory politics in context. Kőszeg, Budapest, 2017. P. 104.
- ⁸ Orbán at Trianon 100 Event: “Hungary is Winning Again”. Текст: электронный // Hungary Today: [сайт]. URL: <https://hungarytoday.hu/orban-at-trianon-100-event-hungary-is-winning-again/> (дата обращения: 01.10.2024).

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ МИССИИ В ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ. ФАКТОР ЛИЧНОСТИ

DOI: 10.31168/2619-0869.2024.15

Статейный список посланника Г. В. Булгакова и подьячего Е. Бреева (1647–1648 гг.): контекст и персоналии*

Дина Дмитриевна Копанева

Институт истории
Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: st036379@spbu.ru
ORCID: 0000-0001-6481-4466

Никита Васильевич Белов

Институт истории
Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: belovnikita1997@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-2342-694X

Ключевые слова: русско-иранские отношения, XVII в., Алексей Михайлович, послы, статейные списки

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10037, <https://rscf.ru/project/23-78-10037/>

Article list of envoy G. V. Bulgakov and clerk E. Breev (1647–1648): to pose the question*

Dina D. Kopaneva

St. Petersburg State University Institute of History,
St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: st036379@spbu.ru
ORCID: 0000-0001-6481-4466

Nikita V. Belov

St. Petersburg State University Institute of History,
St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: belovnikita1997@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-2342-694X

Keywords: Russian-Iranian relations, 17th century, Alexey Mikhailovich, ambassadors, article lists

Первые годы после восшествия на престол царя Алексея Михайловича Романова (1645–1676 гг.) характеризуются активной внешней политикой на иранском направлении, начатой еще его отцом царем Михаилом Федоровичем (1613–1645 гг.). История российско-иранских отношений в ретроспективе в данный период представлена в работах Н. Г. Кукановой¹, Т. К. Кораева² и И. В. Базиленко³. Одним из основных источников по данному вопросу выступают материалы Посольского приказа, в то время игравшего ключевую роль в вопросах взаимоотношений с иностранными государствами⁴.

В 1647–1648 гг. в Иран, где в то время правил шах Аббас II (1642–1666 гг.), было направлено посольство С. И. Козловского и дьяка И. Зиновьева. В 1646–1647 гг. там же находилось посольство астраханского купчины А. Грибова, изначально направленное в Бухару, но из-за начавшейся там усобицы вы-

---

* The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 23-78-10037 <https://rscf.ru/en/project/23-78-10037/>

нужденное остаться в Иране. Материалы данных посольств сохранились в статейных списках, неоднократно обращавших на себя внимание исследователей⁵. Однако к настоящему моменту малоисследованным остается материал еще одной дипломатической экспедиции в Иран, представленный в виде статейного списка царского посланника Григория Васильевича Булгакова.

Поездка Г. В. Булгакова носила экстренный характер, и относительная спешность подготовки поездки, вероятно, отразилась на отсутствии в деле подробного наказа. На данный момент можно констатировать, что Г. В. Булгаков имел статус гонца и его отправка была связана с российско-грузинскими отношениями. В его задачи входило передать просьбу государя к шаху Аббасу II чтобы «братцкой приязни, дружбы и любви нашего царского величества ради запретили чинить насилие, обиды и разорения подданным нашим грузинскому царю Теймуразу и всей грузинской земле»⁶. В итоге, ввиду последовавших трагических событий с параллельно отправленным в Грузию посольством (о котором будет сказано ниже) гонцу пришлось заниматься вопросами иного рода.

В 1647 г. вместе с подъячим Егупом Бреевым и толмачом Афанасием Цвилленевым он был направлен в Иран, где пребывал до 1648 г. Статейный список сохранился в составе ф. 77 Российского государственного архива древних актов «Сношения России с Персией» и содержит 52 листа⁷. В настоящей статье предлагается рассмотреть содержание данного статейного списка с целью выявления дополнительной информации о контексте российско-иранских отношений в 1640-е гг. (в это время они отличались заметной динамикой контактов, чаще по инициативе Москвы).

3 июня 1647 г. посольство выдвинулось из Москвы в Иран, путь в который изобиловал затруднявшими его обстоятельствами. Так, первая небольшая задержка, связанная с отсутствием готового судна для посольства возникла еще в Казани (Л. 2)*. В дальнейшем больше чем на месяц послам

---

* Здесь и далее в сносках указан лист анализируемого источника.

пришлось задержаться в Астрахани, из которой они уехали 20 сентября (Л. 6). Кроме сопровождающих послов пушкарей и стрельцов с посольством Г. Булгакова было отправлено «18 торговых людей и четверо индийцев» (Л. 7), а позднее на море к ним присоединился ехавший в Грузию Афанасий Боборыкин «с товарищи» и грузинский посол⁸.

Судьба А. Боборыкина была трагична: он погиб во время бури, начавшейся в ночь на 12 октября вместе с дьяком Яковом Истоминым⁹. Чудом спасся во время непогоды и сам Г. Булгаков, однако ради спасения ему пришлось выбросить в море «многую рухлядь и всякие розные запасы» (Л. 8).

Проехав через владения ширванского беглербега (*губернатора*. — *Прим. Д. К.*) Баязид-Салтана, 28 октября посольство Г. Булгакова объединилось с уже упомянутым выше грузинским послом и выжившими государевыми людьми с утонувшей бусы (корабля), которые шли с ними до самой Шемахи (Л. 13). По прибытии в Шемаху посольство было задержано шемахинским беглербегом Хосров-ханом, который продержал послов у себя неделю (Л. 15). 24 ноября послы прибыли в Ардебиль, где получили от ардебильского каландара (*градоначальника*. — *Прим. Д. К.*) Назар-Алей-хана корм и подводы (Л. 16). В следующий месяц посольство через Казвин, Саве, Кум и Кашан двигалось в столицу — Исфахан, куда прибыло к началу января (Л. 18).

В Исфахане послы были размещены на дворе русского посла князя С. И. Козловского (Л. 19). Приставу Юсуф-беку Г. Булгаков объявил, что прислан царем Алексеем Михайловичем к шаху Аббасу II с «любительными грамотами» и ждет его аудиенции, которая состоялась 13 января (Л. 19–20). Статейный список содержит подробное описание приема, на котором шаху были вручены грамоты (Л. 21–23).

Еще 15 января Г. Булгаков обратился к приставу с просьбой организовать встречу с «ближним человеком» шаха, Ихтома-Девлетом, чтобы «поговорить о государеве деле» (Л. 24). Данная встреча неоднократно откладывалась и произошла уже после финальной аудиенции у шаха, которая произо-

шла 30 января (Л. 27–28). Во время отпуска шах лично вручил посланнику четыре грамоты к царю Алексею Михайловичу.

Посланнику несколько раз пришлось настаивать на встрече с Ихтома-Девлетом, которая всё же произошла 4 февраля (Л. 29). Речь на встрече шла о судьбе имущества и людей погибшего А. Боборыкина. Ихтома-Девлет ответил, что выжившие люди будут отпущены в Россию, а по поводу имущества шах велит учинить сыск (Л. 30). 5 февраля Г. Булгакову было объявлено об отпуске (Л. 31). 21 февраля 1648 г. посольство покинуло Исфахан. Вместе с ним были отпущены царские купцы с купленной здесь же «казною».

Отдельно стоит обратить внимание на содержащееся на лл. 31–39 подробнейшее описание проведенного Г. В. Булгаковым «розведыванья» о происходящей в то время междоусобной войне Аштарханидов (Надир Мухаммад-хана против его сына Абдулазиз-хана) в контексте экспансии моголов на приграничные земли Бухарского ханства и державы Сефевидов. Именно по этой причине не смогло достичь своей цели упомянутое выше посольство А. Грибова. Путь из Исфахана до Астрахани проходил с 21.02.1648 г. по 26.05.1648 г. (Л. 39–45). Во время пребывания в Шемахе в отсутствие там Хосров-хана у посольства произошел конфликт с местными властями, которые отказывались выдать ему подводы для перевозки вьюков, требуя нанять их за свои деньги (Л. 42). Причиной этого послужила обида со стороны Хосров-хана, узнавшего, что посол «возил на него, хана, к шаху государеву грамоту» (Л. 44).

Во время пребывания на Низовом пристанище (прибрежный город Низабат, находившийся в 70 верстах от Дербента¹⁰) находящийся там литовский посол просил поехать дальше на одной бусе с Г. Булгаковым, на что тот отказал, сославшись на тесноту (Л. 44). На пути от Низового пристанища посольство снова попало в шторм «...и многую рухлядь у Григорья с таварыщи и у торговых людей товары подмочило» (Л. 45). После прибытия в Астрахань 26 мая посольство снова надолго было задержано астраханским воеводой

князем Ф. С. Куракиным, сославшимся на необходимость подготовки судна для людей А. Боборыкина, а также для астраханских татар, которые изъявили принять крещение, чтобы отправить их вместе с Григорием (Л. 45–48). 29 сентября во время нахождения в Казани Г. В. Булгаков обратился к воеводе боярину В. П. Шереметеву с просьбой дать ему небольшую лодку («ржевочку»), так как «он идет из Астарахани большим вятцким стругом и на мелях часто становятца», чтобы в ней дойти до Нижнего Новгорода (Л. 51). Эта его просьба была выполнена. Статейный список оканчивается сообщением о выезде посольства из Нижнего Новгорода 30 октября (Л. 51).

Таким образом, можно заключить, что статейный список Г. В. Булгакова является ценным источником по истории русско-иранских отношений (в контексте разворачивавшегося противоречия по вопросам влияния на Южном Кавказе), внутренних социальных процессов в Сефевидском Иране, предоставляя большое количество подробностей двусторонних отношений, а также сведения по исторической географии, этнографии и истории повседневности. Дальнейшее его изучение на предмет выявления данных сведений (в особенности текстов государевых грамот и шахских грамот, доставленных гонцом) представляется весьма актуальным.

Примечания

- ¹ Куканова Н. Г. Торгово-экономические отношения России и Ирана в период позднего феодализма. Саранск, 1993. 168 с.
- ² Кораяев Т. К. Московская Русь и Сафавидский Иран в Прикаспии XVI–XVII вв.: соседство, соперничество, сосуществование // Исторический вестник. 2015. Т. 11. № 158. С. 154–199.
- ³ Базиленко И. В. Очерки истории российско-иранских отношений (конец XVI — начало XX вв.). СПб., 2017. 432 с.
- ⁴ См., например: Лисейцев Д. В. Приемы делопроизводственной работы служащих Посольского приказа начала XVII в. // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): Сб. статей / Отв. ред. А. И. Аксенов. М., 2003. С. 24–51; Беляков А. В., Гуськов А. Г., Лисейцев Д. В., Шамин С. М. Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю / Науч. ред. А. А. Романова. М., 2021. 304 с.

- ⁵ См., например: *Статейный список посольства Савина Горохова и Анисима Грибова в Хиву и Бухару в 1641 г. / Московский педагогический государственный университет им. В. И. Ленина, Российский государственный архив древних актов / Публ. подг. Д. С. Кулмаматов. М., 1995. 71 с.; Преображенский А. А. Из истории сношений Русского государства со Средней Азией в XVII в. Два посольства торгового человека Анисима Грибова // Исторические записки / отв. ред. Б. Д. Греков. М., 1951. Т. 36. С. 269–286; Andreev A. A., Koraneva D. D. Embassy of Prince Kozlovsky and Clerk Ivan Zinoviev // Vestnik of Saint Petersburg University. History. 2023. Vol. 68. Issue 3. P. 572–588.*
- ⁶ Цит. по: *Накашидзе Н. Т. Грузино-русские политические отношения в первой половине XVII в. Тбилиси, 1968. С. 136.*
- ⁷ Российский государственный архив древних актов. Ф. 77. Оп. 1. 1647 г. Д. 3.
- ⁸ О посольстве см.: *Накашидзе Н. Т. Грузино-русские политические отношения... С. 136.*
- ⁹ *Рабинович Я. Н. «Новая Саратовская летопись» о событиях 1641–1650 гг. в Саратове // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: История. Международные отношения. 2020. Т. 20. Вып. 1. С. 87.*
- ¹⁰ *Пространная география Российской империи, составленная Иваном Павловским, членом-сотрудником Русского географического общества в С.-Петербурге. СПб., 1846. Ч. 1. С. 169.*

DOI: 10.31168/2619-0869.2024.16

Роль Иоганна Госенца в проекте организации франко-русской торговли на рубеже 1660–1670-х гг.

Даниил Олегович Манин

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Российская Федерация;
e-mail: daniil-manin@urfu.ru
ORCID: 0000-0002-0141-8009

Ключевые слова: русско-французские отношения, кольбертизм, торговля, Архангельск, переводчики

The role of Johannes Goonsenz in the project of organising Franco-Russian trade at the turn of the 1660s–1670s

Daniil O. Manin

Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: daniil-manin@urfu.ru
ORCID: 0000-0002-0141-8009

Keywords: Russian-French relations, Colbertism, trade, Arkhangelsk, translators

Большое значение для развития русско-французских дипломатических связей на рубеже 1660–1670 гг. имел торговый проект. Он был предложен русским посланникам в Париже 29 августа (8 сентября) 1668 г. в ходе переговоров с генеральным контролером финансов Франции Ж.-Б. Кольбером¹. Обсуждение проекта служило основанием для отправки последующих русских посольств во Францию и французских — в Россию². Французские торговые инициативы в отношении России привлекали внимание А. Л. Ордина-Нащокина при русском дворе и в целом могли иметь значимые внешнеполитические последствия для развития отношений между странами³. Тем не менее в современной историографии еще не создана обобщающая картина развития этого торгового проекта — несмотря на то, что его значение неоднократно подчеркивалось в работах историков⁴.

Одну из главных ролей в его развитии играл Иоганн Госенц, московский торговый иноземец, служивший переводчиком русского посольства 1668 г. во Францию, которого Ж.-Б. Кольбер завербовал для подготовки отчета о торговле в России⁵, однако сведений о содержании их контактов до начала переписки не сохранилось. Прежде своей отправки во Францию И. Госенц занимался коммерцией в России и жил в Москве, о его торговой деятельности известно как ми-

нимум с 1645 г. Известно, что он прибыл из Курляндии и специализировался на переводе с латинского языка⁶. Исходя из языка полученных во Франции писем, основным языком для И. Госенца был немецкий, хотя по сообщениям П. И. Потемкина он также владел голландским и итальянским, но не знал французского⁷. По французским известиям, на момент прибытия русского посольства в Париж ему было около 60 лет, тем не менее он снова привлекался к переводческой деятельности в 1674 г., когда было отправлено посольство П. И. Потемкина в Вену⁸.

Отчасти роль И. Госенца в развитии торгового проекта в современной историографии была рассмотрена в работе французской исследовательницы А. Краатц⁹, но вне контекста развития русско-французских дипломатических связей и в российской историографии не закрепились. Целью нашей работы является введение в научный оборот источников о деятельности И. Госенца и их актуализация в контексте истории дипломатии.

До отправления посольства 1668 г. во Францию И. Госенц занимался торговлей в Архангельске, о чем известно из его челобитной¹⁰. По всей видимости, это позволило ему иметь связи среди иностранных купцов, которые он использовал для контактов с французскими респондентами. Всего сохранилось 4 письма: одно в оригинале на немецком языке и три французские копии других писем, которые хранятся в национальных архивах Франции¹¹. Из их текста известно, что письма от 12 августа и 7 сентября 1669 г. он направлял в Амстердам через голландских и гамбургских торговцев, в частности через К. Кленка. Последние сохранившиеся письма датированы 2 января и 24 октября 1670 г.¹² Сведений о том, что о его переписке было известно в Посольском приказе не сохранилось, возможно, что именно поэтому московский торговый иноземец пользовался личными контактами, а не официальной почтой, для пересылки корреспонденции.

Тесные контакты с К. Кленком и успех его торгового предприятия в Архангельске привели к тому, что И. Госенц предлагал французам пригласить его в учрежденную в 1669 г.

Северную торговую компанию, в качестве представителя в Амстердаме, однако французская сторона не была к этому предрасположена¹³. С самого основания компании Ж.-Б. Кольбер предписывал ее участникам избегать контактов с голландцами и рассматривать их в качестве врагов¹⁴. Вскоре К. Кленку действительно пришлось стать противником Франции, так как он был тесно связан с амстердамскими властями и в 1672 г. стал капитаном стрелков, охранявших город во время войны с Францией, а в 1675 г. К. Кленк уже напрямую участвовал в антифранцузской дипломатии и ездил с официальной миссией в Москву, чтобы та вступила в войну со Швецией для ослабления французских позиций¹⁵.

С другой стороны, И. Госенц выступал против участия в компании гамбургского купца Ф. Верпоссена и пересылки писем в Россию через него, так как тот руководил собственной компанией, торговавшей в Архангельске, и не был заинтересован в создании новой¹⁶. Его кандидатура представлялась французской стороне более удачной, взаимодействие с немецкими торговцами в северных морях соответствовало политике компании, филиалом которой в Ла-Рошели, где были расположены ее верфи, управляли двое протестантов, один из которых был немцем, выходцем из Любека¹⁷. Вероятно, что именно поэтому была предпринята попытка организовать пересылку писем через него, но по этому вопросу Ж.-Б. Кольбер был готов пойти навстречу И. Госенцу и искать другие пути для корреспонденции¹⁸.

Помимо предложенных кандидатур И. Госенц сам желал получить официальный статус представителя французской Северной торговой компании в России, а также устроить в нее своего сына Даниэля, о чем писал в 1669 г. к П. де Фремоню, выходцу из ближайшего окружения Ж.-Б. Кольбера и одному из директоров компании¹⁹. Это соотносилось с политикой компании по созданию агентурной сети, и пункты о необходимости присутствия торговых представителей содержались в проекте договора 1668 г., а позже были воспроизведены и в русском проекте 1681 г.²⁰. Возможно, что вместе с официальным статусом И. Госенцу стало бы проще организовывать пересылку своей корреспонденции.

Обладея представлениями и о торговле в Архангельске, он подготовил отчет об основных товарах, которые следует ввозить в Россию. Возможной основой для французского экспорта И. Госенц считал вина, и чтобы обеспечить их выгодный ввоз, с его точки зрения, было необходимо направить посольство для переговоров о размерах пошлин на ввозимые вина²¹. Значение экспорту вина придавало то, что среди французских товаров оно наиболее удачно могло играть роль балласта, вместо песка и гравия, что значительно повышало бы прибыльность путешествия²². Поэтому посольство необходимо было направить в ближайшее время, еще до организации полномасштабного торгового предприятия в Архангельске.

Будучи участником русской дипломатической миссии в 1668 г., И. Госенц имел представления об особенностях дипломатических практик. В составе посольства он предлагал отправить посланника со свитой из 30 человек — большей, чем свита английского посланника из 16-ти, безуспешно переговаривавшегося о торговле в России. Важным фактором было наличие у него полномочий заключить торговый договор в Москве, чтобы не затягивать переговоры²³. Предложенный состав посольства был меньше свиты русских посланников во Францию в 1668 г., но все равно считался в России достаточно представительным для посланника²⁴. Он должен был направляться в Россию через Ригу, уведомив о его прибытии во Пскове, чтобы быть сопровождаемым до Москвы за счет царской казны и без оплаты проезжих пошлин²⁵. Вместе с посольством И. Госенц предлагал направить на корабле французское вино²⁶, что церемониально подчеркнуло бы значимость вопроса об отмене дополнительных пошлин на вино и даже сделало бы его основным. Подобным образом, с помощью дипломатических даров Россия вела торговые переговоры с Англией²⁷, и использование этого языка французской стороной также представляется перспективным. Наконец, особую значимость И. Госенц придавал подписи на присланной французской грамоте, в которой было необходимо подчеркивать равный статус царя и короля Франции²⁸.

В целом описанная И. Госенцом картина архангельской торговли свидетельствовала о возможности Франции в ней участвовать. Во-первых, подчеркивалось, что Франция может преуспеть, вытеснив голландцев, которые во многом опосредованно торгуют французскими товарами, и англичан, которые потеряли привилегии. Во-вторых, в Архангельск, согласно отчету, в последние годы приходит не так много кораблей и хватает объемов торговли для присоединения к ней французов, которую могут вложить в торговлю до 1 млн ливров в год для успешного получения прибыли²⁹. Так как Ж.-Б. Кольбер считал, что преуспеть в международной торговле Франция может лишь за счет неудачи остальных держав³⁰, то присылаемые отчеты демонстрировали, где и как французы могут этого добиться.

Французская миссия для подписания торгового договора планировалась в 1670 г., для нее уже была согласована кандидатура посланника³¹, и из Москвы направили грамоты во Псков и Новгород для его встречи³², как и предлагал И. Госенц в письме 1669 г.; однако в последний момент миссия была отменена, а Голландская война 1672–1676 гг. сначала приостановила подготовку нового посольства, а позже поставила Северную компанию на грань банкротства³³. Вероятно, что именно ее начало в 1672 г. стало причиной окончания переписки между московским торговым иноземцем и его парижскими корреспондентами.

Таким образом, письма И. Госенца были важным продолжением диалога, возникшим между французской и русской дипломатией в 1668 г. Вероятно, без Голландской войны 1672–1676 гг. развитие проекта могло быть продолжено. Тем не менее, во Франции осмыслялась информация И. Госенца, она стала основой для планирования дипломатических миссий и аналитических изданий о возможностях торговли в России³⁴ и повторное обращение к ней происходило в 1680-х и 1700-х гг. вместе с попытками вернуться к торговому проекту, возродить Северную торговую компанию и добиться для французских торговцев снижения пошлин.

Примечания

- 1 Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки. М.; Л., 1954. С. 271.
- 2 Подробнее см. *Манин Д. О.* Развитие торгового проекта и его роль в русско-французских отношениях начала 1680-х гг. // *История: Факты и символы.* 2023. № 3(36). С. 87.
- 3 *Флоря Б. Н.* Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М., 2013. С. 211.
- 4 *Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la revolution française.* Paris, 1890. T. VIII. P. 58; *Борисов Ю. В.* Дипломатия Людовика XIV. М., 1991. С. 344–345.
- 5 *Kraatz A.* La Compagnie Francaise de Russie: Histoire de Commerce Franco-Russe aux XVII et XVIII siecles. Paris, 1993. P. 24.
- 6 *Waugh D. C.* Perlustration: The Opening of Foreigner's Mail in Muscovy // *Foreigners in Muscovy: Western Immigrants in Sixteenth- and Seventeenth-Century Russia* / ed. by S. Dreher, W. Mueller. London, 2022. P. 141.
- 7 Путешествия... С. 244.
- 8 Дневник г. Кате, кавалерийского полковника и придворного дворянина, о Московитах, прибывших во Францию в 1668 г. // *Русский вестник.* 1863. Т. 47. С. 622; *Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю.* М., 2021. С. 103.
- 9 *Kraatz A.* La Compagnie Francaise de Russie... P. 14–20.
- 10 *Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю.* С. 102.
- 11 *Archives Nationales. Archives Marine. A/5/9.* В деле отсутствует нумерация листов.
- 12 *Archives Nationales. Archives Marine. A/5/9.*
- 13 *Archives Nationales. Archives Marine. A/5/9.*
- 14 *Малов В. Н. Ж.-Б. Кольбер.* Абсолютистская бюрократия и французское общество. М., 1991. С. 165.
- 15 *Велувенкамп Я. В.* Архангельск. Нидерландские предприниматели в России. 1550–1785. М., 2006. С. 154.
- 16 *Archives Nationales. Archives Marine. A/5/9.*
- 17 *Малов В. Н. Ж.-Б. Кольбер.* С. 165.
- 18 *Archives Nationales. Archives Marine. A/5/9.*
- 19 *Archives Nationales. Archives Marine. A/5/9; Grönebaum F.* Frankreich in Ost- und Nordeuropa: Die französisch-russ. Beziehungen von 1648–1689. Wiesbaden, 1968. S. 57.
- 20 Путешествия... С. 274; *Grönebaum F.* Frankreich in Ost- und Nordeuropa... S. 57; *Манин Д. О.* Развитие торгового проекта... С. 82.
- 21 *Archives Nationales. Archives Marine. A/5/9.*
- 22 *Kraatz A.* La Compagnie Francaise de Russie... P. 55.
- 23 *Archives Nationales. Archives Marine. A/5/9.*
- 24 *Archives Nationales. Archives Marine. B/7/204. Fol. 173 r.*
- 25 *Archives Nationales. Archives Marine. A/5/9.*
- 26 *Archives Nationales. Archives Marine. A/5/9.*
- 27 *Хеннингс Я.* Неудачный подарок: культурный шок или политическая культура? О функции и значении дипломатического дара в англо-русских отношениях XVII в. // *На языке даров: правила символической коммуникации в Европе. 1000–1700 гг.* / отв. ред. Г. Альтхоф и М. Бойцов. М., 2016. С. 207.

- ²⁸ Archives Nationales. Archives Marine. A/5/9.
²⁹ Archives Nationales. Archives Marine. A/5/9.
³⁰ Малов В. Н. Ж.-Б. Кольбер. С. 146.
³¹ *Wójcik Z.* Traktat Andruszowski 1667 roku i jego geneza. Warszawa, 1959. S. 256.
³² Российский государственный архив древних актов. Ф. 93. Оп. 1. 1670 г. Д. 2.
³³ Малов В. Н. Ж.-Б. Кольбер. С. 166.
³⁴ *Savary J.* Le Parfaite Negociant. Paris, 1675. Pt. II. P. 100–107.

DOI: 10.31168/2619-0869.2024.17

Деятельность тайного кабинет-секретаря А. В. Макарова в контексте курляндского кризиса времен Екатерины I*

Марина Тазабаевна Накишова

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Российская Федерация;
e-mail: m-nakishova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2115-1663

Ключевые слова: социальные связи, герцогство Курляндия и Семигалия, Речь Посполитая, А. В. Макаров

A. V. Makarov, the Cabinet secretary, in the context of the Courland crisis during the time of Catherine I**

Marina T. Nakishova

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia;
e-mail: m-nakishova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2115-1663

Keywords: social ties, Duchy of Curland and Semigalia, Polish-Lithuanian Commonwealth, A. V. Makarov

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01059, <https://rscf.ru/project/23-78-01059/>.

** The study was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation № 23-78-01059, <https://rscf.ru/project/23-78-01059/>.

В период раннего Нового времени курляндский вопрос занимал особое место во внешней политике европейских государств, имевших интересы в Прибалтийском регионе. К 1720-м гг. династическая ситуация в Курляндии особенно осложнилась. После смерти в 1711 г. герцога Фридриха-Вильгельма правителем номинально числился последний представитель династии Кетлеров шестидесятилетний Фердинанд, проживавший в Гданьске (Данциге) и не имевший наследников.

Начиная с 1726 г. вокруг Курляндии развернулась ожесточенная борьба, в которой Российская империя и Речь Посполитая — две наиболее заинтересованные стороны¹ — стремились сохранить и упрочить влияние в Прибалтике. В качестве претендентов на курляндский престол после или вместо Фердинанда выдвигалось несколько кандидатур — герцог Голштинский, принц Гессен-Кассельский, князя Гессен-Гомбургские, незаконнорожденный сын польского короля Августа II Мориц Саксонский, светлейший князь А. Д. Меншиков. 18 июня 1726 г. курляндским сеймиком Фердинанд был смещен, а новым правителем избран Мориц Саксонский. Этот выбор ни Речь Посполитая (на Гродненском сейме, 28 сентября — 9 ноября 1726 г.), ни Россия не поддержали.

Основным методом урегулирования кризиса в Курляндии на рубеже 1726–1727 гг. стоит признать установление социальных связей между российской, курляндской, литовской, польской и прусской политическими элитами, стремившихся не допустить прямых военных столкновений². В связи с этим возникает необходимость выявить и оценить личный вклад исторических личностей в решение курляндского вопроса. Так, среди российских государственных деятелей, наиболее вовлеченных в события, исследователи называют А. Д. Меншикова, П. И. Ягужинского, В. Л. Долгорукова, П. М. и М. П. Бестужевых-Рюминых и др.³ Реже встречаются упоминания о тайном кабинет-секретаре А. В. Макарове⁴, деятельности которого посвящена данная работа.

В конце 1710-х — 1720-х гг. Макаров являлся одним из наиболее влиятельных политических акторов, чье могуще-

ство основывалось на ресурсе царского доверия и посреднической функции при обмене корреспонденцией. Кабинет-секретарь рассматривался представителями элиты как наиболее быстрый и эффективный канал передачи информации монарху, прямой представитель и выразитель официальных мнений⁵. В частности, его участие в разрешении курляндского вопроса наиболее явно прослеживается в период после Гродненского сейма (с 30 декабря 1726 г. по 21 февраля 1727 г.), когда с чрезвычайной миссией в Митаву был отправлен генерал-полицеймейстер А. М. Девиер⁶.

Первая (от 31 декабря 1726 г.) и вторая (от 4 февраля 1727 г.) тайные инструкции, полученные генерал-полицеймейстером от царского правительства, устанавливали продолжить работу с пророссийской и пропольской «партиями»⁷. При этом курляндцы, образовавшие пророссийскую группировку, не желали ни усиления России, ни усиления Речи Посполитой и, опираясь на протекцию Екатерины I, стремились сохранить свои «древние» права и привилегии. Курляндцы, занимавшие пропольскую позицию, в большинстве своем отсутствовали в Митаве, что затрудняло проведение переговоров с ними⁸. Работа с Морицем Саксонским сводилась к стремлению оказать противодействие его попыткам занять курляндский престол. Девиер должен был убедить лояльных курляндских депутатов и оберратов не упоминать о кандидатуре Морица ни на грядущем сеймике в Митаве (18–21 февраля 1727 г.), ни в тексте инструкции, отправляемой с депутатом в Польшу на Сенат-коллегиум (12 марта 1727 г.).

В рамках контроля за миссией Девиера, неопытного в ведении дипломатических переговоров, Макаров продолжил осуществлять посредническую функцию⁹. Кабинет-секретарь доносил полученные от генерал-полицеймейстера сведения и разъяснял императрице необходимость скоординированных действий по курляндскому вопросу, поскольку «министр Вашего Величества при польском дворе (Ягужинский. — М. Н.), якобы никакого старания о курляндском деле не имеет, и будто он под рукою полякам говорит, чтоб оне никакого опасения не имели»¹⁰. Макаров от имени государыни

передавал указания в Митаву. Так, 24 января 1727 г. Девиер отчитывался: «...получил я вчерашнего дня письмо от господина Макарова, которой упоминает указом вашего величества, чтоб я более с тою известною персоною (Морицем Саксонским. — *М. Н.*) не виделся, дабы не дать подозрения полякам»¹¹. При этом реляции генерал-полицеймейстера доказывают, что кабинет-секретарь дословно знал о содержании дел, мог влиять на способ передачи информации и выносимые вердикты¹².

Из Кабинета Девиер получал инструкции и официальные бумаги. Причем первенство Кабинета перед другими институтами подчеркивалось в его корреспонденции. Например, после ознакомления с текстом первой инструкции, генерал-полицеймейстер адресовал императрице вопрос: «и когда случитца мне писать об моем деле в Кабинет, надлежит ли же писать в Коллегию иностранных дел или нет?»¹³. 21 января (повторно 24 января) 1727 г., запрашивая кредитив, он указывал, что «тот можно дать хотя из Кабинета, а не из Иностранной коллегии»¹⁴. В личном письме Девиер просил Макарова, чтобы «постаратца вы изволили о присылке ко мне кредитива к сеймику для предъявления здешним недоброжелателям, чтоб оне не причитали притом за какую фальшь»¹⁵. Также с кабинет-секретарем генерал-полицеймейстер обсуждал официальную информацию, касавшуюся должностных функций, дальнейших действий и написания титулов¹⁶.

Более того, изучение протоколов и журналов заседаний Верховного тайного совета (далее — ВТС) на протяжении декабря 1726 г. — февраля 1727 г. показало, что «верховники» не обсуждали ни избрание Девиера в качестве посланника в Курляндию, ни пункты его инструкции, ни его сообщения. В обозначенный период члены ВТС рассматривали курляндские дела исключительно по донесениям П. М. и М. П. Бестужевых-Рюминых и полномочного министра в Польше П. И. Ягужинского¹⁷. Сам же Девиер в качестве лиц, с которыми проходил разбор дел, называл Макарова и вице-канцлера А. И. Остермана¹⁸. Накануне очередного курляндского сеймика 7 февраля 1727 г. он писал императри-

це: «...по всеподданнейшей моей рабской должности прошу, соизвольте о том спросить у господ Остермана и Макарова, ибо они о том чрез мою с ними конференцию уже довольно известны и согласны»¹⁹.

Вышеобозначенные факты позволяют предположить, что чрезвычайная миссия генерал-полицеймейстера Девиера в Курляндию проходила вне зависимости от ВТС, под контролем узкого круга доверенных лиц государыни: Макарова и Остермана. При этом упрочение роли кабинет-секретаря может быть связано со стремлением сконцентрировать рычаги управления ближе к монарху и ограничить круг лиц, принимавших решения, что само по себе соотносится с общими тенденциями распределения функций в системе государственного управления в петровское и екатерининское царствования.

Примечания

- ¹ При значительном влиянии Пруссии.
- ² Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 315 об., 317.
- ³ О курляндском вопросе в 1720-е гг. см.: *Арбузов Л. А.* Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. СПб., 1912; *Евстратьев О. И.* Колониальная политика герцогства Курляндия и Семигалия в XVII–XVIII вв.: дис. ... канд. ист. наук. Минск, 2017; *Павленко Н. И.* Меншиков: Полудержавный властелин. 3-е изд. М., 2016; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. СПб., 1851–1879. Кн. 4. Т. XVI–XX. С. 972–992; *Стродс Х. П.* Курляндский вопрос в XVIII в. Рига, 1993. Ч. 1; *Щебальский П. К.* Князь Меншиков и граф Мориц саксонский в Курляндии 1726–1727 гг. М., 1860; *Kantecki K.* Komisja kurlandzka w 1727 roku // *Przewodnik Naukowy i Literacki*. № 10. 1882. S. 12–39; *Kosińska U.* Stosunki sasko-polsko-rosyjskie a sprawa Maurycego Saskiego i sukcesji kurlandzkiej w świetle relacji saskiego posła w Petersburgu Jeana Le Forta (1725–1728) // Вялікае Княства Літоўскае і суседзі: права, вайна, дыпламатыя / пад рэд. С. Ф. Сокала, А. М. Янушкевіча. Мінск, 2012. S. 349–366; *Kraushar A.* Tragikomedyja kurlandzka z czasów saskich (1727 r.). Kraków, 1893; *Strohm K.* Die Kurländische Frage (1700–1763). Eine Studie zur Mächtepolitik im Ançiem. Berlin, 1999 и др.
- ⁴ Как прослеживает Н. И. Павленко, в 1708 г. Макаров именовался государева двора подьячим, в 1710–1713 гг. — придворным секретарем; с конца 1713 г. — кабинет-секретарем; в 1722 г. — тайным кабинет-секретарем. В документах, касающихся курляндского вопроса в 1727 г., он также назван «тайным советником». См.: *Павленко Н. И.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1985. С. 236; РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 266.
- ⁵ *Анисимов Е. В., Базарова Т. А., Проскуракова М. Е.* «Наш патрон и заступник»: язык корреспондентов А. Д. Меншикова // Вестник НГУ. Серия: История, филоло-

- гия. 2022. Т. 21, № 1: История. С. 57; *Накишова М. Т.* Место и роль кабинет-секретаря А. В. Макарова в процессе становления Кабинета Е. И. В. как государственного учреждения // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2024. № 23(1). С. 44–55.
- ⁶ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 63. Оп. 1. 1727 г. Д. 1; РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 240–326 об.
- ⁷ *Накишова М. Т.* Светлейший князь А. Д. Меншиков в кругу сподвижников Петра I. СПб., 2023. С. 274–279; РГАДА. Ф. 142. Оп. 1. Д. 589. Л. 2–2 об.
- ⁸ РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 214–214 об., 236, 239, 242–245 об., 255 об. и т.д.
- ⁹ Там же. Л. 238–238 об., 241–241 об., 247–247 об. и т.д.
- ¹⁰ Там же. Л. 232–232 об.
- ¹¹ Там же. Л. 237.
- ¹² Там же. Л. 238 об.
- ¹³ Там же. Л. 278.
- ¹⁴ Там же. Л. 233–233 об., 238–238 об.
- ¹⁵ Там же. Л. 233 об.
- ¹⁶ Там же. Л. 233 об., 234–235, 237–238 об., 241–241 об., 247–247 об., 251, 266 и т.д.
- ¹⁷ Сборник Русского исторического общества. СПб., 1888. Т. 63. С. 12, 13, 18, 58, 69, 92, 148, 149, 175, 205, 242.
- ¹⁸ РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Д. 1. Ч. 5. Л. 240–241 об.; АВПРИ. Ф. 63. Оп. 1. 1726 г. Д. 20; 1727 г. Д. 1, 2, 3.
- ¹⁹ Там же. Л. 240.

DOI: 10.31168/2619-0869.2024.18

К вопросу о русской помощи в возведении православного собора в Сараеве: изготовление иконостаса

Ксения Валерьевна Мельчакова

Институт славяноведения РАН,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: kmelchakova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6011-5841

Ключевые слова: Собор Рождества Пресвятой Богородицы, Боснийский вилайет, русская благотворительность, Азиатский департамент МИД, архимандрит Игнатий (Малышев)

On the issue of Russian assistance in the construction of the Orthodox Cathedral in Sarajevo: making an iconostasis

Ksenia V. Melchakova

Institute of Slavic Studies RAS,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: kmelchakova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6011-5841

Keywords: The Cathedral Church of the Nativity of the Theotokos, Russian Charity, Asian Department of the Ministry of Foreign Affairs, Archimandrite Ignatius (Malyshev)

В 1863 г. православная община Сараева приступила к сооружению большого собора. На этот момент в главном городе Боснийского вилайета функционировала одна небольшая православная церковь Свв. архангелов Михаила и Гавриила, находящаяся в окружении 104 мечетей¹. Строительство и украшение нового храма заняло почти 10 лет. 20 июля 1872 г.* Собор Рождества Пресвятой Богородицы был торжественно освящен. Он и по сей день украшает город, здесь располагается кафедра Добробосанского митрополита.

Во второй половине XIX в. совместными усилиями Св. Синода и МИД велась разработка концепции русского церковного и дипломатического присутствия на Православном Востоке². Одним из ее принципов было архипастырское попечение над православным населением. Помощь России сараевской православной общине в деле сооружения собора была важным и удачным проектом, способствовавшим укреплению влияния среди христиан Боснийского вилайета. Ранее мы уже обращались к сюжету об организации поездки архимандрита Саввы Косановича в Россию в 1872–1874 гг. с целью сбора средств для погашения долгов сараевской общины, появившихся после возведения храма³. В данном же

* Здесь и далее даты даются по старому стилю.

случае речь пойдет об истории сооружения одного из главных элементов православного собора — иконостаса.

Иконостас, а также некоторые предметы внутреннего убранства храма были выполнены русскими мастерами. Иконы для иконостаса изготовлены в Свято-Троицкой Сергиевой пустыни под Санкт-Петербургом и переданы в дар сараевской православной общине. Это известный факт. Однако в историографии отсутствуют работы, где была бы подробнее рассказана история создания и установки иконостаса. Материалы по этому вопросу, находящиеся в открытом доступе, грешат фактическими ошибками и неточностями. В частности, встречаются неверные утверждения о работе в Сараеве шестерых русских мастеров или сведения о том, что иконостас был привезен Саввой Косановичем из России.

Поиск источников по интересующей теме производился в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ). Работа велась со следующими фондами: Славянский фонд (146), Главный архив (161/1) и Посольство в Константинополе (180). По означенному предмету было выявлено 46 документов (без учета копий и дубликатов), которые носят официальный характер — это донесения российского консула в Сараеве А. Н. Кудрявцева и секретаря консульства В. А. Якобсона в посольство в Константинополе и Азиатский департамент МИД, черновые записи и копии инструкций директора Азиатского департамента МИД П. Н. Стремоухова и посла в Константинополе Н. П. Игнатьева, письма и прошения сараевской православной общины, проекты контрактов и обязательство подрядчика на выполнение работ. Среди документов было обнаружено письмо архимандрита Свято-Троицкой Сергиевой пустыни Игнатия (Мальшева)⁴ сараевской православной общине⁵. Аналогичный текст в сокращенном варианте представлен в «Жизнеописании» архимандрита, в котором содержится краткое упоминание о пожертвовании икон для собора в Сараеве⁶. Поиск источников по теме также велся в архивном наследии Св. Синода и Славянского благотворительного комитета. На данный момент в фондах этих институций не удалось выявить материалов по интересующему вопросу.

Исследование можно отнести к направлению микроистории. Оно проводилось с применением классического хронологического метода. Частично была реконструирована история создания и установки иконостаса в Сараевском соборе. В ходе работы была предпринята попытка подчеркнуть роль «маленького человека» в деле осуществления большого проекта России. Удалось установить имена троих мастеров, принимавших участие в создании иконостаса, кафедры проповедников и архиерейского места, а также имена подрядчика, отправившего рабочих, и художника, написавшего большую часть икон. Также важно отметить, что задача оценить художественную ценность икон, иконостаса, резных и позолотных работ на данном этапе исследования не ставилась.

Ввиду того, что в сети Интернет фигурируют ошибочные сведения по заявленной теме, а в научной литературе этот вопрос практически не затрагивался, считаем необходимым тезисно изложить установленные и подтвержденные документами факты.

Главные заслуги в организации работ по изготовлению иконостаса принадлежали архимандриту Сергиевой пустыни Игнатию, чиновникам Азиатского департамента МИД (Н. П. Игнатьеву, П. Н. Стремоухову, А. Н. Кудрявцеву и В. А. Якобсону) и сараевской православной общине.

Переговоры между сараевской православной общиной и Азиатским департаментом МИД о присылке двух мастеров из России для постройки иконостаса начались в феврале 1870 г. В мае были согласованы условия найма русских рабочих для устройства внутреннего убранства храма⁷. Архимандрит Игнатий порекомендовал для выполнения работ Двора Государя наследника Цесаревича позолотных дел мастера, купца первой гильдии Ефима Ивановича Иванова (1830–1880)⁸. В начале апреля 1870 г. были подобраны подходящие кандидатуры мастеров для отправки в Сараево⁹. 3 мая 1870 г. между Азиатским департаментом МИД и Ивановым был заключен контракт¹⁰. В обязательстве значилось, что община принимала на свой счет транспортные расходы и содержание мастеров. Сверх того, Кудрявцев и Якобсон лично жертвовали по 4 руб. в месяц для рабочих¹¹.

МИД заключал два контракта: с общиной и Ивановым. Все взаиморасчеты были произведены в положенные сроки¹². Важно также отметить, что Иванов согласился выполнить работы в половину цены (2 500 руб.)¹³.

14 июня 1870 г. для постройки иконостаса в Сараево прибыли два мастера столярного дела Егор Анкудинов и Василий Иванов¹⁴. Уже в июле Якобсон докладывал, что работы быстро продвинулись и требуют скорейшего приезда золотильщиков¹⁵. 15 сентября 1870 г. до Сараева добрались два мастера позолотного дела¹⁶. К сожалению, известно имя только одного из них — Василий Чернов¹⁷. В конце декабря 1870 г. один столяр и один золотильщик отправились в Россию. Оставшегося столяра община попросила задержаться для установки икон в иконостас¹⁸.

Все это время в Сергиевой пустыни шла работа над иконами. Бóльшую часть из них выполнил выпускник Императорской Академии художеств Александр Колчин. О нем удалось найти крайне мало сведений. Согласно справке, хранящейся в МИД, Колчин в 1857 г. получил звание свободного художника¹⁹. В документах за 1872 г. он фигурирует уже в звании классного художника²⁰.

Часть икон была пожертвована членами Императорской фамилии. Дети императора Александра II, великие князья Сергей и Павел Александровичи и великая княгиня Мария Александровна даровали образ св. Александра Невского; великая княгиня Александра Петровна (супруга великого князя Николая Николаевича) — образ св. Николая Чудотворца; герцог Лейхтенбергский Евгений Максимилианович Романовский пожертвовал два образа — св. Евгения Херсонесского и св. мученицы Дарии²¹.

В апреле 1871 г. консульство получило от настоятеля Сергиевой пустыни 73 иконы. Их изготовление заняло примерно два с половиной года²². Стоимость работы превышала 7000 руб.²³

В мае 1871 г. Кудрявцев докладывал Игнатьеву, что русские мастера выполнили заказ на два месяца ранее назначенного срока. Сараевская община пригласила их сделать и

позолотить резную кафедру для проповедников и архиерейский престол²⁴.

Кудрявцев очень высоко оценил труды русских художников и мастеров, о чем писал в донесении к П. Н. Стремоухову от 12 мая 1871 г.: «...иконы, посланные в дар, и золотой иконостас поражают своим величием и благолепием не одних наших единоверцев, но и мусульман, католиков и евреев. Россия, которую Запад и Турция представляют боснякам и другим славянам невежественной, варварской, сделала в один год руками четырех простых мужиков то, чего в продолжении веков не могли сделать совокупные силы наших врагов. И поистине не знаменателен ли тот факт, что в этом далеком и глухом краю, четверо русских простолюдинов впервые показали в действительности, что значат: трудолюбие, искусство, ревность и прилежание»²⁵.

В начале 1872 г. члены православной общины разослали приглашения на освящение собора архимандриту Игнатию²⁶, П. Н. Стремоухову²⁷ и Н. П. Игнатьеву²⁸. Игнатьев отвечал консулу Кудрявцеву, что явное участие российских официальных лиц в торжестве освящения храма может вызвать проблемы у представителей сараевской православной общины²⁹. Однако посол был готов оказать содействие архимандриту Игнатию в организации поездки в Сараево. Св. Синод также дал разрешение на посещение Боснии. Настоятель Сергиевой пустыни горячо благодарил общину за приглашение, но отказался от визита, сославшись на занятость³⁰.

Консул Кудрявцев ходатайствовал о награждении архимандрита Игнатия, позолотных дел мастера Иванова и художника Колчина за их труды³¹. 20 мая 1872 г. Иванову была пожалована золотая медаль с надписью «За усердие» для ношения на шее на Станиславской ленте, а художнику Колчину — орден св. Станислава 3 степени³². 30 мая 1872 г. архимандрит Игнатий был награжден орденом св. Владимира 3-й степени³³.

Проведенное исследование нельзя назвать завершенным. Первичные результаты открывают перспективы для дальнейшего изучения вопроса присутствия России в Боснии и

Герцеговине, а также могут быть интересны исследователям русской церковной политики на Православном Востоке, российской дипломатии и благотворительности, краеведам, занимающимся историей Сараева. В будущем генерализация собранных сведений и наблюдений поможет вписать сюжет об истории одного иконостаса в более широкий контекст для изучения политики России на Балканах.

Примечания

- ¹ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 2330. 1868. Л. 32–33.
- ² См., например: *Герд Л. А.* Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном Востоке (1878–1898). М., 2006; *Смирнова И. Ю.* Митрополит Филарет и Православный Восток: из истории межцерковных связей. М., 2014. С. 272–291.
- ³ *Мельчакова К. В.* «Воин» на духовном поприще. Сараевский архимандрит Савва Косанович и его поездка в Россию в 1872–1874 гг. // *Славяне и Россия: проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв.* К 100-летию со дня рождения академика Ю. А. Писарева. Сб. статей / Отв. ред. С. И. Данченко. М., 2017. С. 72–86.
- ⁴ Архимандрит Игнатий (в миру — Иван Васильевич Малышев: 1811–1897) — родился в деревне Шишкино Ярославской губернии, в 12 лет был привезен в Петербург, работал в купеческих домах Лесникова и Малышева, в январе 1834 г. был принят в число братства Троице-Сергиевой пустыни под Санкт-Петербургом, обучался в Академии художеств, занимался иконописью, в 1839 г. принял монашеский постриг, с 1857 г. архимандрит Сергиевой пустыни, один из авторов проекта Храма Воскресения Христова на Крови (храм Спаса на Крови), сооруженного на месте гибели императора Александра II, был удостоен звания вольного общника Академии художеств, известен широкой благотворительной деятельностью. См.: *Жизнеописание архимандрита Игнатия (Малышева) бывшего настоятеля Троице-Сергиевой пустыни.* С портретом. СПб., 1899; *Сухоруков Ю. Н.* Архимандрит Игнатий (Малышев) (реконструкция биографии) // *Научные труды.* 2009. № 8. С. 63–74.
- ⁵ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 2333. 1871. Л. 45.
- ⁶ *Жизнеописание архимандрита Игнатия (Малышева)...* С. 66–68.
- ⁷ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 2332. 1870. Л. 132–133 (Л. 121–122 по второй нумерации).
- ⁸ Автору статьи удалось найти крайне мало сведений о Е. И. Иванове: по семейной легенде, его отец бежал из Сербии в Россию во время Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и из-за отсутствия паспорта стал одним из крепостных князей Гагариных в Тверской губернии. В 12 лет Ефим Иванов был отправлен в Петербург для обучения резьбе по дереву. Вероятно, посещал курсы при Академии художеств. По завершении учебы начал собственное дело. В 1858 г. снял две квартиры на Васильевском острове (5-я линия, дом 10) и в одной из них устроил столярную мастерскую. После отмены крепостного права стал веч-

ным мастером столярного цеха. В 1867 г. был зарегистрирован как ремесленник 2-го разряда, содержащий столярно-позолотную мастерскую. К началу 1870-х гг. являлся мастером Двора Его Величества. Скончался 27 марта 1880 г. После его кончины мастерская прекратила существование. См.: «Портрет неизвестного мастера: ремесла в Петербурге». Информация о выставке в Государственном музее истории Санкт-Петербурга. 16.11.2007–04.03.2008 // Музеи России. URL: <http://museum.ru/N32612> (дата обращения: 18.03.2024). Е. И. Иванов был захоронен на православном Смоленском кладбище в Санкт-Петербурге // Некрополи.рф: культурное наследие. URL: <https://xn--e1agfehiahh.xn--p1ai/index.php?id=116> (дата обращения: 18.03.2024).

- 9 АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 3947. 1864–1874. Л. 31–31 об.
- 10 Там же. Л. 37–37 об.
- 11 Там же. Л. 28.
- 12 Там же. Л. 48–48 об.
- 13 АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 2333. 1871. Л. 44.
- 14 АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 3947. 1864–1874. Л. 36. Аналогичное донесение В. А. Якобсона с ошибочным указанием даты (14 мая 1870 г.) опубликовано в издании: Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. Документы / отв. ред. Ю. А. Писарев, М. Экмечич. М., 1988. С. 236.
- 15 АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 3947. 1864–1874. Л. 34.
- 16 АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 2332. 1870. Л. 193 (Л. 182 по второй нумерации).
- 17 АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 3947. 1864–1874. Л. 56.
- 18 Там же. Л. 45.
- 19 Там же. Л. 82.
- 20 АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 48. 1872. Л. 51–52 об. Копия этого документа получена в архиве Отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН.
- 21 АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 2333. 1871. Л. 45 об.
- 22 Там же. Л. 43 об.
- 23 Там же. Л. 44.
- 24 Там же. Л. 43–43 об.
- 25 АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 3947. 1864–1874. Л. 49–49 об.
- 26 Там же. Л. 58–58 об.
- 27 Там же. Л. 74–75.
- 28 АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 2334. 1872. Л. 56–57.
- 29 АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 3947. 1864–1874. Л. 53–53 об.
- 30 АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 2333. 1871. Л. 45.
- 31 АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 2333. 1871. Л. 44; АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 3947. 1864–1874. Л. 49 об., 60–60 об.
- 32 АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 3947. 1864–1874. Л. 66, 69–69 об., 71–72; АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 48. 1872. Л. 51–52 об.
- 33 АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 3947. 1864–1874. Л. 73 об.

ПРОЕКТЫ ПЕРЕУСТРОЙСТВА ЕВРОПЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

DOI: 10.31168/2619-0869.2024.19

Влияние соглашения о Константинополе и проливах на позицию России относительно переговоров Антанты с Италией о вступлении в Первую мировую войну. Положение Сербии

Мирослав Радивоевич

Белградский университет,
Белград, Сербия;
e-mail: miroslav.radivojevic@f.bg.ac.rs;
mirrad88@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2218-7254

Ключевые слова: Босфор, Дарданеллы, Россия, Сербия, Антанта, Первая мировая война, Италия

The impact of the agreement on Constantinople and the Straits on Russia's posture in the Triple Entente negotiations on Italy's entry into the First World War. The positions of Serbia

Miroslav Radivojević

University of Belgrade,
Belgrade, Serbia;
e-mail: miroslav.radivojevic@f.bg.ac.rs;
mirrad88@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2218-7254

Keywords: Bosphorus, Dardanelles, Russia, Serbia, Triple Entente, World War I, Italy

Переговоры между Петроградом, Лондоном и Парижем о послевоенном присоединении проливов к России вступили в завершающую фазу в конце февраля — начале марта 1915 года. Причиной их активизации русской стороной стало начало Дарданелльской операции западных союзников 19 февраля, которая должна была привести к падению Константинополя и выходу Османской империи из войны. В результате Великобритания (12 марта) и Франция (10 апреля) дали обязательства о принадлежности России Константинополя и проливов, включая прилегающие территории (Фракию до линии Энос — Мидия, Галлипольский полуостров, часть малоазиатского побережья и острова Имроз и Тенедос), в случае победы Антанты в мировом конфликте и одновременной реализации их интересов на Ближнем и Среднем Востоке¹.

В статье прослеживается позиция России во время переговоров стран Антанты с Италией по территориальным уступкам для вступления в войну последней в контексте договоренностей по Константинополю и проливам. Цель исследования — определить, какое влияние оказало это чрезвычайно важное соглашение на внешнюю политику России с точки зрения защиты прав и интересов союзной Сербии. Наряду с действиями дипломатов рассматривается отношение сербского правительства к российским интересам в Константинополе и проливах, а также зависимость этого отношения от переговоров о включении Италии в конфликт на стороне Антанты. Работа написана на основе материалов из российских и сербских архивов, опубликованных сборников документов и других источников, а также литературы.

Упомянутое начало действий в отношении проливов помимо России оказало влияние также и на поведение нейтральных стран. Из них наибольший интерес проявляла единственная оставшаяся вне блоков воюющих государств «великая держава» — Италия. Ее посол в Лондоне 9 марта в письменной форме передал британскому государственному секретарю по иностранным делам сэру Эдварду Грею условия выхода из нейтралитета. В этом документе помимо

прочего были обозначены территории, на которые претендовало Королевство Сербия: Триест, вся Истрия, Далмация до Неретвы, полуостров Пелешац, а также все острова «к северу и западу от Далмации». Италия не выступала против раздела Албании между Сербией, Черногорией и Грецией, но требовала нейтральности побережья, передачи Дурреса независимому мусульманскому государству, а также уступки Италии Влёры и острова Сазани с «достаточной территорией для обороны»².

Неслучайно согласие Великобритании на уступку Константинополя и проливов было объявлено русской стороне 12 марта, на следующий день после поступления итальянского предложения в Петроград. Сэр Грей хотел угодить русским и ускорить вступление нового союзника в войну, но также дать понять, на какую уступку он идет в разрез «традиционной политики» своей страны³. Несмотря на важность полученного обещания, в России оценивали создавшуюся ситуацию с учетом того факта, что итальянские претензии посягали на территории со славянским населением. В донесении Сазонова от 15 марта, одобренном русским императором Николаем II, была предложена стратегия переговоров с Италией, в которой единственные серьезные возражения касались именно ее требований по району Адриатического побережья. Россия была готова принять уступку Триеста, всей Истрии и Кварнерских островов, но в отношении остального приморья выступала за «необходимость» оставить за Сербией и Черногорией все побережье от устья реки Крка до тогдашней черногорской границы со всеми островами. Территория от Волоско до Крки с островами должна была отойти Хорватии, независимо от политической формы ее существования после войны. Россия также выступила против требования нейтральности побережья, особенно той его части, которая предназначалась для Черногории. Понимая, что Италия будет решительно противостоять требованиям России, Сазонов также определил возможные уступки со стороны России для предстоящих переговоров. Главной задачей было в наибольшей степени обеспечить интересы

«Сербского королевства». В случае необходимости уступки Италии могли быть сделаны в северной Далмации, но в южном направлении не далее Шибеника, расположенного вблизи устья реки Крка. Таким образом, речь здесь шла в основном о территориях, предназначенных для хорватов⁴.

Позиция России о чрезмерности итальянских претензий на Адриатическое побережье имела в начале переговоров поддержку Франции и Великобритании. В то же время русские дипломаты предупреждали итальянского представителя в Петрограде, что они могут вызвать в будущем враждебность сербов и хорватов к Италии и даже союз Сербии и Австро-Венгрии против нее. Сазонов предельно ясно выразил недопустимость таких требований, которые поставили бы Сербию после Австро-Венгрии в зависимость от Италии. Тем не менее западные союзники довольно быстро уступили требованиям Италии, как это и предполагали на Певческом мосту. Уже 24 марта пришло требование из Лондона, а на следующий день — из Парижа о том, что ввиду решающей важности вступления Италии в войну следует принять все ее условия. Однако Сазонов отказался «капитулировать» и лишать Сербию и Черногорию сильных опорных пунктов на море. Аргумент о том, что Сербия как будущая морская держава станет конкурентом Италии, не имел логического обоснования. Глава русской дипломатии придерживался мнения, что минимальная часть Далмации, которая должна быть оставлена Сербии вместе с Дубровником и Метковичем, должна включать Сплит в случае передачи другой стороне Задара и Шибеника. Россия имела твердую позицию и по вопросу принадлежности островов вдоль побережья, что находило поддержку и в российском общественном мнении, которое не могло «второй раз» (после 1912 г.) спокойно наблюдать «принесение в жертву» сербской мечты получить выход к морю. Однако союзники не переставали искать способы изменить позицию России⁵.

Дарданелльская операция и переговоры союзников о Константинополе произвели разное впечатление на нейтральные страны, но как отмечал русский посол в Нише

князь Григорий Николаевич Трубецкой, из всех балканских народов только сербы искренне желали присутствия России в проливах⁶. Такой сценарий, по его словам, означал для них избежать опасности со стороны «болгарского империализма» и «возможных претензий Румынии» на полуострове⁷. С первых дней войны сербское правительство «знало», что в этом мировом конфликте Россия «попытается решить один из жизненных для нее вопросов — вопрос Константинополя и проливов»⁸. Сербские дипломаты располагали достоверной информацией о ходе секретных переговоров Антанты относительно будущего статуса проливов. О согласии Великобритании на передачу России «Босфора» посол в Париже Миленко Веснич узнал от «хорошо информированных источников» еще в начале марта. Премьер-министр Сербии Никола Пашич в конце месяца пришел к выводу, что, «судя по всему», достигнуто соглашение между всеми странами Антанты по Константинополю, что частично соответствовало истине⁹.

В Нише на основе дипломатических донесений могло сложиться впечатление, что действия в проливах вызвали обеспокоенность итальянцев о том, что раздел Османской империи будет осуществлен без них, чем объяснялись и их ускоренные военные приготовления. Интересно, что в середине марта помощник Сазонова Анатолий Нератов приватно сообщил сербскому послу Мирославу Спалайковичу свое «мнение», что возможность выступления Италии на стороне противника исключена. Сам Пашич считал, что она склонится на сторону Антанты, поскольку Австро-Венгрия и Германия не могут удовлетворить ее требования. Предположения, что что-то готовится, в конце марта превратились в новости из «достоверных источников». Из Парижа и Петрограда 27 марта пришли телеграммы о переговорах Антанты с Италией. Посол во Франции Веснич написал в Ниш, что переговоры проходят в Лондоне с участием Великобритании, России и Италии, а их главными темами являются Адриатическое море и Далмация¹⁰. С другой стороны, находившемуся в российской столице члену Югославянского комитета Франо Су-

пило в ходе разговора Сазонов сообщил о трудной ситуации по вопросу о «северной половине Адриатического побережья» и «возмутительных требованиях» Италии. По словам Супила, Россия, «нацеленная на решение вопроса о Дарданеллах», уступила под давлением и оставила югославянский вопрос для «борьбы в будущем». Как и Веснич, Супило тоже выступал за энергичное вмешательство, посредством которого официальная политика России «развеела» бы «нервозность» и задала «правильное направление»¹¹.

Однако принципиальные взгляды Сазонова на обеспечение интересов «Сербии, союзника с первого дня войны», имевшие сильную поддержку императора, вызывали в конце марта — начале апреля головную боль в Париже и Лондоне. В этот момент британское правительство снова напомнило союзнику о передаче ему Константинополя и проливов. Согласно западной точке зрения, на одной чаше весов находились адриатические острова «второстепенного значения», а на другой — вступление Италии в войну, которое, как предполагалось, должно было иметь решающее значение для ее исхода. Осознавая свое положение, итальянцы тоже не стали уклоняться от использования Константинополя в качестве аргумента на переговорах, делая намеки на то, что порты Сербии (и Черногории) могут в будущем использоваться русским флотом, что еще больше укрепит его господство на Средиземном море¹². Особенно опасная перспектива для Антанты возникла из-за угрозы Италии выйти из переговоров. Посоветовавшись по военной и стратегической стороне вопроса об уступках Италии и ее вступлении в войну с главнокомандующим русской армией великим князем Николаем Николаевичем Романовым, а также получив одобрение императора, 6 апреля Сазонов согласился на частичные уступки¹³.

Если посмотреть на сербскую и российскую точки зрения на тот момент, то можно заметить одно существенное различие. Если в Нише в качестве цели войны провозглашали объединение сербов, хорватов и словенцев и в заявлениях по поводу переговоров с Италией требовали не отдавать ей территории, населенные южными славянами, в Петрограде

всё еще полностью не склонились в пользу поддержки такого объединения. Главной задачей России на переговорах в Лондоне было отстаивание интересов сербских государств. Из-за этого Сазонов «неизбежно» и сознательно жертвовал «потребностями» хорватов и словенцев, то есть югославянской программой, и удовлетворял итальянские аппетиты уступками в этой части Адриатического побережья (Триест, Истрия, северная Далмация).

С учетом некоторых корректировок, на которых настаивала Россия на завершающем этапе разработки соглашения и часть из которых совпадала с требованиями Сербии и Черногории, по Лондонскому договору между державами Антанты и Италией от 26 апреля два сербских государства должны были получить территорию от мыса Планка до реки Дрима, включая Пелешац, а также несколько островов (Велики и Мали Дрвеник, Шолта, Чиово, Брач, Яклян и Колочеп). Кроме того, вне нейтральной зоны осталась часть побережья от точки в десяти километрах южнее Цавтата до полуострова Пелешац, а также довоенный выход Черногории к морю. Центральная часть Албании с Дурресом выделялась с целью создания там небольшого автономного нейтрального государства, в состав Италии передавалась Влёра с ее окрестностями и остров Сазани, тогда как остальную территорию планировалось разделить между Сербией, Черногорией и Грецией. В связи с тем, что всю Истрию до Кварнерского залива, включая Волоско, а также Далмацию от Лисарицы и Трибания до мыса Планка предполагалось передать Италии, де-факто Хорватии предназначалось оставшееся побережье, в том числе порты Риека, Нови и Карлобаг, а также острова Крк, Првич, Голи, Раб и Свети Гругур¹⁴.

В ходе переговоров с Италией России удалось отстоять то, что она считала интересами «сербских государств», несмотря на важность для нее получения Константинополя и проливов. Ирония в том, что в ходе этих переговоров Россия добилась гораздо большего, нежели по результатам переговоров с другими нейтральными странами позднее в 1915 году, хотя в ходе некоторых из них, например, с Румынией

и отчасти с Болгарией, она имела решающее слово. На фоне рассматриваемых в статье факторов необходимо иметь в виду еще один аспект. Порты Сербии (и Черногории) на Адриатике как порты близких союзников России — виделись русской стороной как будущие опорные пункты для ее флота в Средиземном море. Конечно, сценарий будущего владения Россией Константинополем и проливами, а также гораздо большая ее военно-морская роль были вполне приемлемы для Сербии и соответствовали сербским целям. Заметная разница существовала в видении будущего Сербии и ее территориального расширения. Россия на переговорах с Италией представляла интересы Сербии в первую очередь, а не югославянскую программу, в отношении которой на тот момент у нее не было однозначной позиции.

Примечания

- ¹ Константинополь и проливы. По секретным документам б. министерства иностранных дел / Под ред. Е. А. Адамова. М., 1925. Т. I. С. 116–118, 241–242, 244–245, 252–253; Международные отношения в эпоху империализма (далее — МОЭИ). Документы из архивов царского и временного правительств 1878–1917 / Глав. ред. М. Н. Покровский. М.; Л., 1935. С. III. Т. VII. Ч. 1. № 242, 258, 273, 282, 284, 291–292, 298–299, 301, 305–307, 312–314, 320–321, 340, 360, 369–370, 381, 387, 400, 403, 506; История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века (от русско-французского союза до Октябрьской революции) / Отв. ред. А. В. Игнатьев. М., 1997. С. 470–480.
- ² МОЭИ. Т. VII. Ч. 1. № 348.
- ³ Там же. № 349, 351–352, 355.
- ⁴ Там же. № 354, 360, 373, 378; *Radivojević M.* Serbia, Italy's entrance into World War I, and the London Agreement: A new interpretation // *Istraživanja*. 2020. № 31. С. 186–187.
- ⁵ Архив Југославије (далее — АЈ). Ф. 80. Ф. II. Оп. 11. Л. 479; МОЭИ. Т. VII. Ч. 1. № 388, 393–394, 396, 402, 408, 414; Т. VII. Ч. 2. № 417–420, 423, 426, 430, 439–441; *Marjanović M.* Londonski ugovor iz godine 1915. Prilog povijesti borbe za Jadran 1914–1917. Zagreb, 1960. С. 170–180, 190; *Поповић Н.* Односи Србије и Русије у Првом светском рату. Београд, 1977. С. 195–197.
- ⁶ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Ед. хр. 1895. Л. 18.
- ⁷ МОЭИ. Т. VII. Ч. 1. № 262.
- ⁸ Архив Српске академије наука и уметности. 9876. Л. 13.
- ⁹ Први светски рат у документима Архива Србије / Приредили Љ. Шкодрић, А. Марковић, Б. Богдановић (далее — ПСР). Београд, 2016. Т. II. № 70, 229.
- ¹⁰ Државни архив Србије. Министарство иностраних дела, Политичко одељење. 1915. р. 447. Ф. III. Д. 6. Л. 1007; ПСР. Т. II. № 135, 157, 163, 194, 214, 217, 219, 229, 234, 236–237, 242, 247.

- ¹¹ AJ. 80-II-11. Л. 473–476; МОЭИ. Т. VII. Ч. 2. № 425; ПСР. Т. II. № 238.
- ¹² AJ. 80-II-11. Л. 473–476, 500–503.
- ¹³ МОЭИ. Т. VII. Ч. 2. № 448, 450–453, 455–456, 461–463, 465, 471, 474–475, 477, 479, 485–487, 489–494.
- ¹⁴ AJ. 80-II-11, 500–505; МОЭИ. Т. VII. Ч. 2. № 485, 501, 514, 535, 537, 539, 545–546, 550, 558, 560, 563–564, 566–568, 571, 573–577, 579, 581, 585–586, 594, 612; ПСР. Т. II. № 280, 317, 327, 333–334; *Поповић Н.* Односи Србије и Русије... С. 202–208; *Радивојевић М., Бајин З.* Југословенски програм на почетку Првог светског рата // Српске студије. 2023. № 14. С. 214–217.

DOI: 10.31168/2619-0869.2024.20

**«Польша является страной,
которую нетрудно победить,
но нелегко сохранить»:
роль Д. Ллойд Джорджа в советско-
польской войне в 1920 г.**

Татьяна Дмитриевна Меркушина

МГУ имени М. В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация;
e-mail: tat.merkushina2016@yandex.ru
ORCID: 0009-0001-5798-8625

Ключевые слова: Д. Ллойд Джордж, советско-польская война, межвоенная дипломатия, польско-британские отношения, Межсоюзническая миссия

**“Poland is a country which is very easy
to conquer and not so easy to keep”:
the role of D. Lloyd George in the Soviet-
Polish war in 1920**

Tatyana D. Merkushina

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation;
e-mail: tat.merkushina2016@yandex.ru
ORCID: 0009-0001-5798-8625

Keywords: D. Lloyd George, Soviet-Polish War, interwar diplomacy, Polish-British relations, Interallied Mission to Poland

Вернувшись в Британию в июне 1919 года после подписания Версальского мирного договора, Д. Ллойд Джордж, по всей видимости, испытывал чувство триумфа: победа коалиционного правительства на парламентских выборах в 1918 г., широкая поддержка масс и участие в разработке системы нового миропорядка сделали его одним из самых влиятельных людей своего времени. Тем не менее страна за время отсутствия премьер-министра изменилась до неузнаваемости. Вслед за отказом от госконтроля, падением спроса в условиях европейского послевоенного хаоса в Великобритании начался экономический спад¹. Правительству Его Величества срочно требовались деньги, а для мира, с трудом добытого на полях военных и дипломатических сражений, снова появилась угроза.

Цель настоящей статьи — определение совокупности внутренних и внешних факторов, предопределивших позицию Д. Ллойд Джорджа по вопросу оказания союзнической помощи Польше в 1920 г. Для ее достижения мы считаем необходимым решить ряд исследовательских **задач**:

- ▶ определить причины, повлиявшие на избрание Д. Ллойд Джорджем тактики невмешательства в советско-польский конфликт в период с декабря 1919 по июль 1920 г.;
- ▶ оценить влияние внутривнутриполитической ситуации в Великобритании на соблюдение союзнических обязательств в отношении Польши;
- ▶ рассмотреть влияние решений советской торговой делегации на позицию Д. Ллойд Джорджа по вопросам вмешательства в советско-польскую войну.

Советско-польская война, начавшаяся 28 января 1919 г., стала вызовом для Д. Ллойд Джорджа: вскрывшая противоречия и разнонаправленность в действиях и целях союзников, она грозила нарушить не только взаимоотношения с поддерживающей Польшу Францией, но и спокойствие в рядах коалиционного правительства². Ллойд Джордж, поглощенный перспективами торговых переговоров с Советской Россией и укреплением британского влияния в Прибалтике и Восточной Европе³, а также вынужденный считаться с про-

должавшейся на территории России гражданской войной, победитель в которой еще не был определен, к 1920 г. смотрел на воинственную Польшу с определенным раздражением. Для того чтобы сохранить свои позиции, Ллойд Джорджу требовалось избрать тактику как можно более длительного невмешательства⁴. С декабря 1919 г. по июль 1920 г. Ллойд Джорджу придерживаться подобной тактики помогал факт того, что восточная граница Польши так и не была установлена. Временная граница, предложенная Верховным союзным советом 8 декабря 1919 года, не была признана ни поляками, ни Советами; территориальные претензии поляков на украинские и белорусские земли, принадлежащие России, высказанные еще во время выступления польской делегации на Парижской мирной конференции в феврале 1919 г.⁵, не вызывали одобрения Верховного военного совета⁶. Для того чтобы в 1920 г. начать оказывать обещанную союзниками помощь Польше, требовалось установить, в действительности ли была нарушена ее восточная граница⁷.

Вынужденный, но временный отказ от политики невмешательства произошел в июле 1920 г. на конференции в Спа. Во время беседы Ллойд Джорджа и президента Французской республики А. Мильерана начальник Имперского Генерального штаба Г. Ю. Вильсон сделал вывод о невозможности удержать Польшу без военной помощи великих держав. На обсуждение в рамках конференции было вынесено решение оказать польскому правительству помощь при условии, что оно само «воззовет к помощи» и согласится, в то же время, «урегулировать на разумных условиях территориальные споры с чехами, литовцами и украинцами» в Малой Польше⁸. Позиция была подтверждена депешей Верховного союзного совета⁹. Премьер-министр Польши В. Грабский, несмотря на уговоры начальника государства Ю. Пилсудского проявить спокойствие и умеренность¹⁰, 8 июля 1920 г. в ходе переговоров с Ллойд Джорджем, А. Мильераном и главнокомандующим вооруженными силами Франции маршалом Ф. Фошем заявил, что «для предотвращения разгрома возрожденного польского государства, защищавшего Европу от

волны большевизма»¹¹ Польше потребуется значительная моральная и материальная поддержка союзников. На следующий день, в связи с прорывом большевиков через Березину, Грабский сообщил в Варшаву, что «Англия и Франция готовы гарантировать оборону Польши, если мы откажемся от нашей политики на Востоке»¹². 10 июля на очередной встрече с членами Верховного совета Ллойд Джордж, наконец, воспользовался возможностью использовать преимущества сложившейся ситуации: великие державы обещали оказать Польше помощь «в пределах реальных возможностей»¹³ исключительно при отходе поляков за линию, определенную в декабре 1919 г. Верховным советом. Раздраженный возмущениями Грабского, касавшимися расселения поляков по линии разграничения войск, Ллойд Джордж отправил польскому премьеру следующий ответ: «...если Польша чувствует себя достаточно сильной, чтобы защищать не только свою независимость, но и права своего населения, проживающего за границей, для чего она обращается за помощью к Совету?»¹⁴. Подобная позиция премьер-министра отражала его ощущение кризиса, к лету 1920 г. ставшее все более явным: Ллойд Джордж понимал, что впервые со времен Парижа действует по принуждению. Окончательное урегулирование ситуации на советско-польском фронте было отсрочено до Лондонской конференции.

Встреча Грабского с союзниками в Спа предоставила премьер-министру возможность ненадолго вернуть контроль над ситуацией. Ллойд Джордж не мог отказаться от союзнических гарантий безопасности в отношении Польской республики¹⁵: по его инициативе 21 июля 1920 г. была создана Межсоюзническая миссия в Польше, являвшаяся скорее инструментом для умирения непокорного государства, нежели действительным рычагом для налаживания мира в Центральной и Восточной Европе. Однако уже на первом этапе миссии Ллойд Джордж понимал, что прямое вмешательство в польские дела в условиях, когда позиции Ю. Пилсудского существенно укрепились, будет иметь серьезные последствия как для стабильности ситуации в регионе, так

и для его собственных позиций на дипломатической арене: в частной переписке с премьер-министром членом миссии, секретарем кабинета министров М. Хэнки единственным вариантом спасения Польши обозначается принятие условий мира, выработанных советской стороной, признание польской участи, которую она навлекла на себя из-за неумелого руководства, и нормализация отношений с Россией ради улучшения экономического положения Великобритании за Рейном¹⁶.

Вскоре Ллойд Джорджу пришлось окончательно отказаться от политики невмешательства и определиться с выбором стороны, так как противоречия между союзниками накалились до предела. Переговоры о перемирии при посредничестве великих держав начались 20 июля, в условиях фактического вторжения Советской России на территорию этнической Польши. Явным было и нежелание обеих сторон прекратить вооруженный конфликт (так, премьер-министр называл сорвавшуюся встречу польских и советских делегатов в Минске «ломанием в открытую дверь»¹⁷). 4 августа 1920 г. Ллойд Джордж заявил представителям советской торговой делегации Л. Каменеву и Л. Красину о том, что «после значительного давления со стороны Советской России мы с Францией можем оказать им (полякам. – Т. М.) всяческую поддержку»¹⁸. 26 августа Д. Ллойд Джордж сообщил о неприемлемости советских условий перемирия, включавших в себя частичную демобилизацию польских армий¹⁹, приостановку снабжения их военным снаряжением и отъезд из страны офицеров-инструкторов Межсоюзнической миссии²⁰, а 10 сентября окончательно поставил точку в вопросе выбора стороны, просив о высылке Л. Каменева из Великобритании по обвинению во взятке в размере 75 тыс. ф. ст.²¹ лейбористскому изданию «Дэйли Геральд». Несмотря на развернувшуюся кампанию «Руки прочь от Советской России», манифест парламентариев-лейбористов и представителей рабочих синдикатов²², митинги и манифестации против войны²³, Дэвид Ллойд Джордж избрал позицию, которая, как, по-видимому, ему казалось, была способна сохранить за ним

место лидера как в Коалиционном кабинете, так и в Верховном союзном совете²⁴. В середине августа 1920 г., в условиях вероятного падения Варшавы, столицы страны, которую, по его словам, «нетрудно победить, но нелегко сохранить»²⁵, неизбежно возобновилась бы союзническая интервенция, поставив точку в вопросе торговых отношений с Советской Россией, над которыми премьер-министр работал по меньшей мере с конца 1919 г. Ллойд Джорджу пришлось бы либо уйти в отставку, как он в конце концов был вынужден сделать в 1922 году при аналогичных обстоятельствах²⁶, либо постараться сохранить свой пост путем отхода от политики консолидированных действий с союзниками. Как представляется, в 1920 году Ллойд Джордж не спасал Польшу — Польша во многом спасала Ллойд Джорджа.

Примечания

- 1 *Akroйд П.* Новая эпоха: От конца Викторианской эпохи до начала третьего тысячелетия. М., 2022. С. 159.
- 2 *Davies N.* White Eagle, Red Star: The Polish-Soviet War 1919–1920. London, 2003. P. 156.
- 3 *Pobóg-Malinowski W.* Najnowsza historia polityczna Polski. Gdansk, 1990. T. 2. S. 457.
- 4 *Davies N.* White Eagle, Red Star... P. 156.
- 5 *Sprawy Polskie na Konferencji Pokojowej w Paryżu w 1919 r. Dokumenty i materiały.* Warszawa, 1965. T. I. № 21.
- 6 *Ibid.* № 27.
- 7 *Davies N.* White Eagle, Red Star... P. 156.
- 8 *Pobóg-Malinowski W.* Najnowsza historia polityczna Polski. S. 458.
- 9 *Ibid.* S. 457.
- 10 *Ibid.*
- 11 *Ibid.*
- 12 *Ibid.*
- 13 *Ibid.* S. 460.
- 14 *Ibid.*
- 15 *Documents on British Foreign Policy.* London, 1961. № 336.
- 16 *Ibid.* № 381.
- 17 Цит. по: Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. / Под общ. ред. М. М. Наринского, А. В. Малыгина. М., 2017. Т. 1. С. 108–117.
- 18 Цит. по: Там же.
- 19 Цит. по: Там же.

²⁰ Цит. по: Там же. С. 173–175.

²¹ Цит. по: Там же. С. 121–148.

²² Цит. по: Там же. С. 190–211.

²³ Цит. по: Там же.

²⁴ *Davies N. White Eagle, Red Star...* P. 165.

²⁵ Цит. по: Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Т. 1. № 30.

²⁶ *Акроид П. Новая эпоха...* С. 174.

ИСТОРИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ. ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

DOI: 10.31168/2619-0869.2024.21

Изучение Великой Моравии на раннем этапе развития отечественной дореволюционной историографии

Кирилл Алексеевич Юрьев

Воронежский государственный университет,
Природный, архитектурно-археологический
музей-заповедник «Дивногорье»,
Воронеж, Российская Федерация;
e-mail: kirill.yuriev2012@yandex.ru
ORCID: 0009-0009-0787-3254

Ключевые слова: Великая Моравия, Кирилл и Мефодий, история Руси, историография, А. Л. Шлецер

Study of Great Moravia at the early stage of development of Russian pre-revolutionary historiography

Kirill A. Yuriev

Voronezh State University,
Natural, architectural and archaeological
museum-reserve “Divnogorye”,
Voronezh, Russian Federation;
e-mail: kirill.yuriev2012@yandex.ru
ORCID: 0009-0009-0787-3254

Keywords: Great Moravia, Cyril and Methodius, history of Rus', historiography, A. L. Schlözer

Обзорных работ, посвященных отечественной дореволюционной историографии Великой Моравии, немного. Можно вспомнить статьи Ю. Ф. Иванова и Л. П. Лаптевой. Оба исследователя анализировали труды ученых начиная с 60-х гг. XIX в., хотя первые упоминания Великой Моравии в отечественной историографии появились в XVIII в.¹ Целью данной работы является освещение Великой Моравии в русской дореволюционной историографии на раннем этапе развития.

Если говорить о степени изученности темы, то кроме вышеуказанных работ можно отметить исследования, посвященные вкладу В. Н. Татищева², А. Л. Шлецера³ и А. В. Горского⁴ в разработку кирилло-мефодиевского вопроса. То есть часть трудов дореволюционных историков в данном ключе будет рассмотрена впервые.

Ученые XVIII в. писали о «крещении» моравян Кириллом и Мефодием, считая это событие синхронным одному из «крещений Руси», отмечая, что они также перевели церковные книги на славянский язык. При этом исследователи считали, что эти события не связаны с историей Руси, кроме создания солунскими братьями алфавита, «который использовался в России». Их труды не были лишены критики источников и работ других историков. М. М. Щербатов критиковал «Печерский Патерик» за упоминание крещения моравян в качестве этапа крещения Руси, а В. Н. Татищев отмечал, что известия источников «перемешались», поэтому в церковных книгах Ростислав, Святополк и Коцел иногда называются болгарскими и русскими князьями. Он же критиковал работы «западных историков» за то, что они выставили Святополка единственным князем, который принял крещение, так как, по мнению Татищева, Ростислава крестили греки, а Святополк после его смерти «перешел к папистам». Также Татищев писал про падение Великой Моравии под натиском венгров, однако повторяя сказанное в трактате «Об управлении империей» Константина Багрянородного⁵.

Историки первой половины XIX в. продолжали исследования в схожем ключе, уточняя, что Кирилл и Мефодий перевели Библию. В качестве связи Великой Моравии с Русью

ученые отмечали, что кириллица, «изобретенная солунскими братьями», могла быть освоена варягами, принявшими христианство. Н. А. Полевой, размышляя о падении Великой Моравии, писал, что это была попытка сохранить самобытность, но «слабая» народность уступила «сильной»⁶.

На этом фоне особняком стоит исследование А. Л. Шлецера. Историки уже в XIX в. признавали его выдающиеся заслуги в деле работы с источниками, постепенно перенимая его метод критики: анализ самого текста источника и исследование степени его достоверности⁷. В своем исследовании, помимо опоры на труд Нестора, историк обращался к латинским житиям Кирилла и Мефодия и переработанным славянским житиям, которыми на тот момент историки не пользовались. Шлецер подчеркивал более подробное описание истории Кирилла и Мефодия в славянских источниках, критикуя западные за большое количество искажений. Стоит отметить обращение исследователя к франкским анналам и хроникам, что позволило ему рассмотреть историю появления Моравского княжества, чего отечественные историки тогда не делали. Также Шлецер активно критиковал западных авторов за предвзятость и выдумки: относилось это в основном к Я. Стредовскому, Т. Пешине, И. Авентину и др., — хваля Г. Добнера, во многом полагаясь на его исследование. Отдельно стоит выделить попытку дать собственную характеристику моравским князьям: Ростислав — «сильнейший князь своего времени», а Святополк — «один из небольшого числа великих людей IX в.». При этом работа Шлецера не была лишена ошибок, например, он пишет, что Моймир был христианином с 824 г., хотя крещение моравян произошло в 831 г. и т.д. Следует признать, что достоинством труда Шлецера является большое количество уточнений, не всегда справедливых, но зачастую верных. Однако отступления от кирилло-мефодиевской проблематики, в виде описания истории Моравии, были направлены на создание широкой картины истории солунских братьев. Не зря после рассмотрения истории Моймира, он называет Ростислава, Святополка и Коцела «нашими» князьями, то есть сыгравшими роль именно в истории Кирилла и Мефодия⁸.

Впоследствии отечественные исследователи начали изучать кирилло-мефодиевскую тему более специализированно. Например в работе М. А. Максимовича дается описание Моравской миссии Кирилла и Мефодия более точное и детальное, чем в предыдущих работах отечественных исследователей, но достаточно краткое⁹. Одним из поворотных моментов в изучении этой темы считается статья А. В. Горского 1843 г. В ней он заново открыл славянские Жития Кирилла и Мефодия для исторической науки. После исследования Шлецера Й. Добровский в своей работе не воспринял серьезно славянские жития солунских братьев, а последующие историки их начали игнорировать. Горский в своей статье составил новую биографию славянских первоучителей, основанную на славянских житиях, которые впоследствии начали называться Паннонскими, так как, по предположению Горского, они были написаны в Паннонии после смерти Мефодия¹⁰.

В этот период в работах исследователей появляются следующие тенденции: использование широкого круга источников — недавно открытых славянских и латинских, как известных, так и не использовавшихся ранее; размышления о христианизации Моравии; составление списков книг, которые, вероятно, перевели Кирилл и Мефодий; дискуссии о первичности глаголицы или кириллицы¹¹.

Подводя итог, следует отметить, что ранний этап отечественной дореволюционной историографии можно охарактеризовать тем фактом, что доминировала кирилло-мефодиевская тематика. Исследователи писали о солунских братьях в работах, посвященных истории России, но зачастую связь между их деятельностью в Моравии и Древней Русью прослеживалась слабо; в этом ключе больше подходил эпизод падения Великой Моравии под натиском венгров, так как последние пришли в Паннонию через территорию Руси. Выходы за пределы этих тем, как в случае Шлецера, можно назвать скорее исключением.

Возвращаясь к началу данной работы, можно выделить два этапа развития русской дореволюционной историографии: XVIII в. — 50-е гг. XIX в. и 60-е гг. XIX в. — 1917 г.

Второй период можно охарактеризовать попыткой описания полной политической истории Великой Моравии; рассмотрением ее под различными углами, например в рамках борьбы славян с франками и т.д.; а кирилло-мефодиевская тематика на втором этапе стала одной из наиболее исследуемых проблем. При этом многие тенденции первого этапа развились во втором: обращение к широкому кругу источников, в том числе и франкским анналам; разработка Паннонских житий солунских братьев; дискуссии о первом славянском алфавите и т.д.¹².

Примечания

- 1 *Иванов Ю. Ф.* Великая Моравия в русской дореволюционной историографии // Великая Моравия: ее культурное и историческое значение / Отв. ред. Г. Э. Санчук, Й. Поулик. М., 1985. С. 51–53; *Лаптева Л. П.* Чешская феодальная история в освещении русской историографии XIX — начала XX в. // *Лаптева Л. П.* История западных и южных славян в освещении русской историографии XIX–XX вв. СПб., 2014. С. 9–39.
- 2 *Черных Е. А.* Осмысление проблемы кирилло-мефодиевского наследия историков В. Н. Татищевым // XVI Пасхальные чтения. Материалы шестнадцатой Международной научно-методической конференции «Гуманитарные науки и православная культура» / Ред. Д. В. Абашева. М., 2019. С. 146–152.
- 3 *Лавров П. А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности // Труды Славянской комиссии / Ред. Б. М. Ляпунов. Л., 1930. Т. I. С. IV–VIII; *Черных Е. А.* Осмысление проблемы кирилло-мефодиевского наследия А. Л. Шлецером // Гуманитарные исследования Центральной России. 2022. № 3 (24). С. 38–45.
- 4 *Флоря Б. Н.* Сказания о начале славянской письменности и современная им эпоха // Сказания о начале славянской письменности / Отв. ред. З. В. Удальцова. М., 1981. С. 9; *Петров А. Н.* Пятидесятилетие научной разработки славянских источников для биографии Кирилла и Мефодия. (1843–1893). М., 1894. С. 1–4; *Мельков А. С.* Исполни знания: жизнеописание протоиерея А. В. Горского. М., 2012. С. 117–118.
- 5 *Татищев В. Н.* История Российская с самых древнейших времен. М., 1768. Кн. 1. Ч. 1. С. 20–26, 178, 213; *Он же.* История Российская с самых древнейших времен. М., 1773. Кн. 2. С. 15–17, 368–371; *Ломоносов М. В.* Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года. СПб., 1766. С. 123; *Щербатов М. М.* История Российская от древнейших времен. СПб., 1770. Т. I. С. 196–197, 269; *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1991. С. 169.
- 6 *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1818. Т. I. С. 121, 127–128, 163; *Полевой Н. А.* История русского народа. М., 1829. Т. I. С. 94–98; *Он же.* История русского народа. М., 1830. Т. II. С. 21, 29.

- ⁷ *Васильев Ю. А.* Начало исторической науки в Европе: тезаурус Августа Людвига Шлецера // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 2. С. 54.
- ⁸ *Шлецер А. Л.* Нестор. Русския летописи на древле-славенском языке. СПб., 1816. Ч. II. С. 406–584; *Лавров П. А.* Материалы по истории... С. IV–VIII; *Notae de episcopis Pataviensibus // Magnae Moraviae fontes historici / Ed. L. Havlík, D. Bartoňková.* Brno, 1970. IV. Leges, textus iuridici, supplementa. S. 407.
- ⁹ *Максимович М. А.* История древней русской словесности. Киев, 1839. Кн. 1. С. 148–152.
- ¹⁰ *Горский А. В.* О свв. Кирилле и Мефодии // Москвитянин. 1843. Ч. III. № 6. С. 405–434; *Лавров П. А.* Материалы по истории... С. VIII–IX; *Петров А. Н.* Пятидесятилетие научной разработки... С. 4.
- ¹¹ *Архимандрит Макарий.* История христианства в России до равноапостольного князя Владимира. СПб., 1846. С. 195–196, 215–223; *Бодянский О. М.* О времени происхождения славянских письмен. М., 1855. С. 213–227, 370–373.
- ¹² *Иванов Ю. Ф.* Великая Моравия в русской... С. 53–66; *Лаптева Л. П.* Чешская феодальная история... С. 9–39.

DOI: 10.31168/2619-0869.2024.22

Классификации народов во втором издании «Описания всех обитающих в Российском государстве народов» И. Г. Георги*

Артём Юрьевич Перетяtko

Институт социологии и регионоведения ЮФУ,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация;
e-mail: ArtPeretatko@yandex.ru
ORCID 0000-0003-2779-2223

Ключевые слова: народоописания, история этнографии, картина мира, И. Г. Георги, М. И. Антоновский

---

* Исследование выполнено при поддержке Программы стратегического академического лидерства Южного федерального университета («Приоритет 2030»).

Classifications of peoples in the second edition of “Description of all peoples living in the Russian state” by I. G. Georgi

Artyom Yu. Peretyatko

Institute for Sociology and Regional Studies SFedU,
Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: ArtPeretatko@yandex.ru
ORCID 0000-0003-2779-2223

Keywords: people-describing, history of ethnography, picture of the world, I. G. Georgi, M. I. Antonovskii

«Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей» И. Г. Георги (1729–1802) — важнейшее этнографическое исследование XVIII в., которое, по определению С. А. Токарева, «должно было удовлетворить возрастающий интерес русского образованного общества к народам своей страны»¹. Фундаментальное, прекрасно иллюстрированное, «Описание всех обитающих в Российском государстве народов» долго оставалось единственной работой, претендующей на основательное описание всех народов Российской империи². Соответственно, данная книга влияла и на представления российского общества о соотношении народов друг с другом. И нас будет интересовать на первый взгляд частный, но в действительности очень важный вопрос: как в этом издании выстраивалась общая классификация народов.

Это вопрос важен для того, чтобы понять, что считалось народом в российском научном дискурсе XVIII в. Ряд авторов этой эпохи использовали понятие «народ» как интуитивно понятное, не давая ему четкого определения. Например, В. Н. Татищев (1686–1750) в одном из своих трудов призывая разделять понятия «область, предел, град и пр.», далее

указывал что «народ есть особое от оных», но не сообщал, как выделять и классифицировать народы³. И обращение к фундаментальному обобщающему труду в подобных условиях помогает понять логику выделения в нем народов из общей массы населения Российской империи и определения степени их близости.

И. Г. Георги выполнил систематизацию народов весьма своеобразно. Позднейшие историки, высоко оценивая данное исследование, пытались выявить в нем единый принцип классификации народов. С. А. Токарев утверждал, что в своей систематизации народов И. Г. Георги руководствовался «историко-лингвистическим принципом, но комбинировал его с географическим»⁴. М. В. Лескинен утверждает еще однозначнее: «В основе структуры описания Георги был положен географо-лингвистический принцип»⁵. Исключение составляют А. В. Головнёв и Т. С. Киссер, однако их представление об общей систематике И. Г. Георги некорректно уже потому, что та систематика, которую они приписывают И. Г. Георги, в действительности описана в издательском предуведомлении ко второму русскоязычному изданию и, как мы покажем далее, не соответствует логике распределения народов по томам⁶. Оговорим, что подобный интерес именно ко второму русскоязычному изданию данного труда не случаен: дело в том, что оно было значительно дополнено, прежде всего, материалами, касающимися «россиян» и написанными литератором М. И. Антоновским (1759–1816)⁷. К сожалению, у А. В. Головнёва и Т. С. Киссер присутствуют и другие, более частные ошибки в интерпретации: например, четвертой группой народов из первоисточника названы «народы, издревле населяющие России», в то время как в оригинале это не название или определение группы, а характеристика, даваемая группе народов, называемых «Могулы или Монголь»⁸.

Первые два тома издания И. Г. Георги можно рассматривать как систематизированные по лингвистическому принципу, поскольку они повествуют о финских и татарских народах — однако сам И. Г. Георги в «Предуведомлении» ко второму

русскоязычному изданию своей книги ни словом не упоминает, что руководствовался в них именно лингвистической классификацией⁹. Описывая же, например, финские народы (называемые им «руссами»), он трактует их не только как лингвистическое единство, отмечая сходство в «телообразии, общенародных свойствах, языке, нравах, одежде, суевериях и проч.»¹⁰. Аналогичным образом, отделяя татар от монгол, И. Г. Георги обращал внимание не только на различия их языка, но и на то, что они «нимало лицом не похожи»¹¹.

Оставшиеся два тома «Описания всех обитающих в Российском государстве народов» имеют еще менее очевидную логику систематизации народов. В третий том вошли «особенные самостоятельные народы», фактически — те группы народов, которые живут исключительно в Сибири и исповедуют «шаманское идолослужение»¹². Для нас особенно важно, что, описывая одну из подобных групп, «восточные сибирские народы», И. Г. Георги оговаривал, что объединяет их по «смежности», а не «древнему их единородству»¹³. И на наш взгляд, подобная терминология самого автора лучше объясняет его классификацию, чем интерпретации позднейших ученых. В первых трех томах И. Г. Георги старался классифицировать народы по их «единородству», то есть предполагаемому единству происхождения, выражавшемуся как в языке, так и во внешности, обычаях, нравах и т.п. — но один раз допустил отход от этого принципа, выделив группу народов по их «смежности».

Наконец, в последний, четвертый том, вошли все остальные народы, от калмыков и монголов до немцев и «россиян»¹⁴. В рамках этого последнего тома мы встречаемся и с делением народа на части по религиозному принципу: в качестве отдельных народов фигурируют «калмыки», «крещеные ставропольские калмыки» и «мугаммеданские калмыки»¹⁵. «Россияны» (причем без деления на великороссов, малороссов и белорусов) и «козаки» также выступают отдельными народами, но объяснения этому в «Предуведомлении» И. Г. Георги нет¹⁶. Итак, в классификации народов И. Г. Георги, вопреки утверждениям позднейших авторов, не прослеживается еди-

ной логики, и хотя народы чаще всего выделяются по предполагаемому «единородству», но иногда — по географическим и даже религиозным принципам. Неясность и запутанность этой системы способствовали предложению иной, более ясной классификации народов во втором русскоязычном издании «Описания всех обитающих в Российском государстве народов» в издательском «Предуведомлении».

Автор этого «Предуведомления» (вероятно, М. И. Антоновский) четко выделял 5 групп народов, очевидно, исходя из того же «единородства», однако допуская куда больше фактических ошибок и одновременно делая всю систему более стройной. Первую группу составляли «руссы», то есть финны, однако в эту группу были внесены также шведы и датчане, в случае которых сомнительно, чтобы автор не знал, что они не являются финноязычными¹⁷. Во вторую группу были включены «славяне» (без «россиан», но с позиционируемыми в качестве отдельных племен «малороссианами», «украинцами» и «галичанами»), в третью — «татары» (включая ряд нетюркоязычных кавказских народов), а в четвертую — «монголь» (примерно соответствующие современному представлению о них)¹⁸. Наконец, в пятую группу входили все «пришельцы», то есть народы, исторически в Российской империи не жившие (например, немцы или греки)¹⁹.

Таким образом, из пяти основных групп народов Российской империи, выделенных в издательском «Предуведомлении», только две («руссы» и «татары») получили свои тома издания, первый и второй соответственно. В третий том вошли народы, согласно «Предуведомлению», «еще не решенные о принадлежности их к какому-либо из главных и первоначальных Российских Народов»²⁰. Впрочем, реальности это утверждение не соответствовало — часть описанных в этом томе народов, например чукчи и камчадалы, буквально несколькими страницами ранее были включены в список «руссов»²¹. В четвертом томе описывались «монголь», а вот систематического описания народов-пришельцев и славянских народов как единой группы в издании не было вовсе (при этом наименее представлены оказались славяне, с уче-

том того, что «россиань» трактовались как результат смешения руссов и славян)²².

Но наиболее любопытно то, что «козаки» также не вошли ни в одну из этих пяти групп. Однако причины этого были иными по сравнению с народами, описанными в третьем томе. Автор издательского «Предуведомления» однозначно писал, что «козаки» представляют собой «сословие», причем они «получили свое существование из тех же Народов первоначальных, населяющих Россию»²³. Однако далее он заявлял, что «козаки» — «как бы особый народ по многочисленности своей и по отменному одеянию и обычаям»²⁴. Поэтому он считал возможным не просто описывать «козаков» в качестве отдельного народа, но и описывать отдельно «каждых» «козаков» (то есть различные казачьи войска)²⁵. Таким образом, здесь мы видим еще один принцип выделения целой группы народов — на основании их многочисленности, отдельного одеяния и обычаев, притом что по принципам единокровства, лингвистическому, религиозному и даже географическому данные народы должны быть включены в одну из пяти базовых групп.

Нам остается констатировать, что во втором издании «Описания всех обитающих в Российском государстве народов» фактически предлагается не одна, а две системы классификации народов: первая из них дана в «Предуведомлении» И. Г. Георги, и на ней основано собственно разделение народов по томам, а вторая в издательском «Предуведомлении», вероятным автором которого является М. И. Антоновский. Вопреки распространенному в современной науке мнению, ни одну из этих классификаций нельзя назвать не только в полной мере основанной на историко-лингвистическом / географо-лингвистическом принципе, но и вообще основанной на каком-то едином принципе. Как мы видим, И. Г. Георги и М. И. Антоновский в основном исходили из принципа «единокровства», то есть общего происхождения, проявляющегося в языке, но не только, однако отдельные группы народов выделялись ими на основе географического принципа (И. Г. Георги) и даже многочисленности и наличия собственных обычаев (М. И. Антоновский), а отдельные народы — на основании их религии.

Примечания

- 1 *Токарев С. А.* История русской этнографии. М., 2015. С. 130.
- 2 Там же. С. 133.
- 3 *Татищев В. Н.* Избранные труды по географии России. М., 1950. С. 229.
- 4 *Токарев С. А.* История русской этнографии. С. 135.
- 5 *Лескинен М. В.* Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности. М., 2010. С. 42.
- 6 *Головнёв А. В., Киссер Т. С.* Этнопортрет империи в трудах П. С. Палласа и И. Г. Георги // Уральский исторический вестник. 2015. № 3 (48). С. 65–66.
- 7 *Лескинен М. В.* Поляки и финны в российской науке... С. 45.
- 8 *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 1799. Ч. I. С. VII; *Головнёв А. В., Киссер Т. С.* Этнопортрет империи... С. 65–66.
- 9 *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов... СПб., 1799. Ч. I. Без страницы (предуведомление).
- 10 Там же. С. 2.
- 11 *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов... СПб., 1799. Ч. II. С. 2.
- 12 *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов... СПб., 1799. Ч. I. Без страницы (предуведомление).
- 13 *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов... СПб., 1799. Ч. III. С. 53.
- 14 *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов... СПб., 1799. Ч. I. Без страницы (предуведомление).
- 15 Там же.
- 16 Там же.
- 17 *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов... СПб., 1799. Ч. I. С. VI.
- 18 Там же. С. VI–VII.
- 19 Там же. С. VII.
- 20 Там же. С. XIII.
- 21 Там же. С. VI, XIII.
- 22 Там же. С. XIV.
- 23 Там же. С. VII.
- 24 Там же.
- 25 Там же.

DOI: 10.31168/2619-0869.2024.23

Как выстроить историю Западной Руси вокруг святого? Св. Афанасий Брестский в концепции епископа Иосифа (Соколова)*

Виктор Ильич Короневский

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: iliich2000@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5910-6799

Ключевые слова: Афанасий Филиппович, Иосиф Соколов, Западная Русь, православие, святость, М. О. Коялович, агиография

How to create the concept of the Western Rus' history based on a saint? St. Athanasius of Brest in Bishop Joseph Sokolov's theory

Viktor I. Koronevskii

St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: iliich2000@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5910-6799

Keywords: Athanasius of Brest, Joseph Sokolov, the Western Rus', Orthodoxy, sanctity, M. Koyalovich, hagiography

В последней трети XIX — начале XX в. на территории белорусско-литовских (северо-западных) губерний Российской империи в больших количествах издавались жизнеописания местных святых. В этот же период появилось немало работ

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-28-00538): «Понятия и категории в социально-политическом дискурсе государств Восточной Европы в Раннее Новое время».

по истории региона, включая концептуальные труды, претендующие на объяснение всего исторического пути края, именовавшегося Западной Русью.

До 1890-х гг. местная агиографическая и историографическая традиции, как правило, не оказывали друг на друга определяющего влияния. В трудах историков святые обычно упоминались как персонажи, связанные с какими-то конкретными событиями местной истории. Из числа других деятелей своей эпохи они никак не выделялись, на их святости внимание не акцентировалось¹. В то же время в жизнеописаниях местных святых исторический контекст, как правило, играл второстепенную роль, зачастую сводясь к характеристике положения православия во времена жизни святого².

Но на рубеже XIX–XX вв. в Слуцке³, Полоцке⁴, Гродно⁵ и Бресте начинают создаваться исторические нарративы, авторы которых, основываясь на достижениях современной историографии, рассматривают историю города, епархии или всей Западной Руси на длительном временном промежутке, и при этом в центр своего повествования помещают местных святых. На примере одного из таких текстов, посвященных Св. Афанасию Брестскому, мы предпримем попытку ответить на вопрос: каким образом комплекс воззрений на святого, уходящий корнями в раннемодерную агиографическую традицию, мог быть встроен в созданную во второй половине XIX в. историческую концепцию?

Афанасий Брестский (Филиппович) — живший в первой половине XVII в. игумен брестского Симеоновского монастыря, ярый противник унии, в 1648 г. убитый католиками. В самой обители вскоре после смерти он начинает почитаться как мученик, погибший за свою верность православию и борьбу с унией. При этом ему приписывается посмертное заступничество за православных и помощь в сохранении своей веры. Ключевым сюжетом, связанным с мученичеством Афанасия, считается пророчество об итоговом торжестве православия над унией и о бедах, которые ждут Речь Посполитую, если в ней продолжатся гонения на православных⁶. С 1860-х гг. он обретает все большую известность за преде-

лами монастыря. В 1870-е гг. Афанасий привлекает внимание специалистов по истории XVII в.: его участие в событиях 1620–1640 гг. рассматривается в работах Н. И. Костомарова и О. И. Левицкого.

Крупнейший из посвященных святому трудов, в рамках которого и предпринимается попытка совместить агиографическую традицию с достижениями современной историографии, был издан в 1899 г.⁷ Его автором стал епископ Иосиф (Соколов), прежде бывший архимандритом виленского Троицкого монастыря, а в 1891–1897 гг. занимавший должность Брестского епископа, викария Литовской епархии.

Несмотря на заметное влияние указанных выше трудов Н. И. Костомарова и О. И. Левицкого⁸, основой воззрений на западнорусскую историю для епископа Иосифа является концепция М. О. Кояловича. Взгляд на унию как на ключевую причину бедствий православной веры и русской народности в Западной Руси, противопоставление православного русского народа и польской шляхты, акцент на близости с «родной по вере и народности» Москвой, убежденность в том, что «эта беспорядочная Речь Посполитая» в результате исторической неизбежности «сама собою развалилась» — эти тезисы, являющиеся для Иосифа (Соколова) ключевыми, по-видимому, восходят именно к М. О. Кояловичу⁹.

Каким образом епископ Иосиф встраивает сюжеты об Афанасии с его мученичеством, пророчеством и посмертным заступничеством за православных в концепцию М. О. Кояловича, в рамках которой ни святость, ни чудеса не играют никакой роли?

Во-первых, Иосиф (Соколов) характеризует брестского игумена как представителя православного западнорусского народа: «...он есть западно-русский православный человек». При этом, по мнению автора, Афанасий воплощает собой определенный «тип», характерный для эпохи: «тип образованного западно-русского православного инока первой половины XVII века, ревностнейшего поборника православия и русской народности». Именно этой группе епископ отводит роль главной силы, противостоящей унии и защищающей

православную веру и русскую народность. Соответственно, для Иосифа (Соколова) Афанасий не является уникальным деятелем. Он олицетворяет собой западнорусский народ и, в особенности, ту его часть, которая наиболее активно борется за веру и народность — православных иноков¹⁰.

Во-вторых, автор реинтерпретирует сюжеты, связанные с пророчеством святого. Не отрицая принятого в агиографии взгляда на Афанасия как на пророка, он наделяет его статусом «человека истории». Епископ Иосиф, считавший «свершение исторического приговора» над Польшей и торжество православия над унией неизбежным, представил Афанасия как человека, который уже в середине XVII в. предвидел это, поскольку ему было дано «святое историческое прозрение». Во многом как приговор Речи Посполитой епископ интерпретирует и само мученичество. В то время как в рамках жизнеописаний Афанасия этническая и, тем более, социальная принадлежность его убийц существенной роли не играют, автор ассоциирует их с «шляхетными панями». Гибель игумена, который «положил жизнь за святое православие и православно-русскую народность», по мнению епископа, пала «навсегдашним позорным пятном» на «фанатическую польскую шляхту»¹¹.

В-третьих, автор распространяет влияние Афанасия на судьбу православия и русской народности в Западной Руси за хронологические границы его земной жизни. Утверждается, что память о брестском игумене и его подвиге всегда была жива в среде православного западнорусского населения, а его «Диариуш» и описывающий мученичество «Памятник» («Мемориал») «составляли любимое чтение грамотного русского люда». «Вещий голос» святого, пишет автор, «неумолкаемым эхом носился во всем западно-русском народе». Епископ Иосиф также переосмыслил идею о небесном заступничестве Афанасия: в то время как в предшествующих текстах о его патронате над конкретным регионом речи не идет, в рассматриваемой работе он характеризуется как «небесный, навсегдашний уже покровитель Западной окраины Руси»¹².

Таким образом, в результате синтеза брестской агиографической традиции и идей современных ему историков, в первую очередь М. О. Кояловича, Иосиф (Соколов) создает нарратив, в рамках которого определяющую роль в судьбе Западной Руси играет святой игумен. Концепция епископа Иосифа становится своеобразным компромиссом между «историческим» и «жизненным» подходами к описанию судьбы Афанасия. С одной стороны, образ мученика частично обмирщается, становится менее сакральным: практически исчезают ассоциации с традиционным для христианской агиографии мученическим архетипом, святой наделяется четкой этнической принадлежностью и соотносится с конкретным «типом», присущим определенному историческому контексту. Связанные с ним чудеса также частично десакрализируются: пророчество обретает черты «исторического прозрения». С другой стороны, не только сохраняется, но и выходит на первый план ключевой атрибут, присущий житиям и несвойственный светской историографии: непреходящий характер подвига святого, вневременное значение тех идеалов, за которые он принял смерть, благодаря чему и становится возможным восприятие мученика как ключевой фигуры в истории региона.

Примечания

- ¹ См., например: *Говорский К. А.* История Полоцкой епархии // Российский государственный исторический архив. Ф. 834. Оп. 2. Д. 1758. Л. 167–168.
- ² См., например: *Михаил (Дубровский), протоиерей.* Житие преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой. Полоцк, 1885. С. 1–12.
- ³ *Серно-Соловьевич Ф. Ф.* Древне-Русский город Слуцк и его святыни. Вильна, 1896. 38 с.
- ⁴ *Зорин Н. И.* Минувшее и настоящее г. Полоцка. Полоцк, 1910. 36 с.
- ⁵ *Иоанн (Корчинский), протоиерей.* Страдальцы и мученики за веру православную и народность русскую в Западной Руси, в частности в Гродненской губернии (посвящается простому Западнорусскому народу) // Гродненские епархиальные ведомости. 1909. № 24–25. С. 245–266; № 27. С. 271–292; № 29. С. 293–306.
- ⁶ *Василий (Серно-Соловьевич), протоиерей.* Материалы к «Сказанию» о Св. преподобно-мученике Афанасии Филипповиче // Литовские епархиальные ведомости. 1864. № 1. С. 21–28.
- ⁷ *Иосиф (Соколов), епископ.* Святой преподобно-мученик Афанасий, игумен Брестский. Подробное историческое о нем повествование — с изображением его.

Святой мученик Гавриил Заблудовско-Слуцкий. Исторические о нем и его чествовании сведения. Воронеж, 1899. 173 с.

- ⁸ Тезис о «типичности» Афанасия восходит к Н. И. Костомарову: *Костомаров Н. И. Афанасий Филиппович, борец за православную веру в Западной Руси*. С. 40. Из работы О. И. Левицкого некоторые фрагменты заимствованы дословно. Ср.: *Левицкий О. И. Афанасий Филиппович, игумен Брест-Литовский, и его деятельность в защиту православия против унии*. Киев, 1878. С. 2, 29; *Иосиф (Соколов), епископ*. Святой преподобно-мученик Афанасий... С. 2, 129.
- ⁹ *Коялович М. О. Лекции по истории Западной России*. М., 1864. С. 301, 335, 358–359.
- ¹⁰ *Иосиф (Соколов), епископ*. Святой преподобно-мученик Афанасий... С. 1–2, 6, 124.
- ¹¹ Там же. С. 125–127.
- ¹² Там же. С. 127, 129.

DOI: 10.31168/2619-0869.2024.24

Турбулентные события на пост-югославском пространстве первой половины 1990-х в «зеркале» реакций государственных деятелей и экспертов КНР

Янь Лэй

Институт славяноведения РАН,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: 846928122@qq.com
ORCID: 0009-0008-9444-4265

Ключевые слова: распад Югославии, кризис на пост-югославском пространстве, урегулирование, СМИ и эксперты КНР

Turbulent Events in the Post-Yugoslav Space, 1991–1995, through the “Mirror”: State Officials and Experts of the PRC

Yan Lei

Institute of Slavic Studies RAS,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: 846928122@qq.com
ORCID: 0009-0008-9444-4265

Keywords: dissolution of Yugoslavia, crisis in the Post-Yugoslav Space, settlement, Chinese Media and Experts

В 1991 г. вспыхнула новая фаза югославского кризиса, продлившаяся до декабря 1995 г. Начался новый этап в длительной и болезненной дезинтеграции — официальный распад многонационального югославского государства. В 1991 г. Словения, Хорватия, Македония и БиГ объявили о своей независимости по результатам соответствующих референдумов. Начавшиеся после этого вооруженные конфликты, разнообразные по своей длительности и интенсивности, продолжались до 1995 г. Это были: «Десятидневная война» в Словении, военные действия в Хорватии, названные *гражданской войной* в Белграде и *отечественной войной* в Загребе, а также война в Боснии как наиболее длительная и ожесточенная за все эти годы. В *третьей Югославии* (СРЮ / Сербии и Черногории) происходила непростая трансформация правящего режима под контролем С. Милошевича, которому оппозиционные партии и их лидеры пытались то бросить вызов, то протянуть руку помощи. С посредническими миссиями и усилиями по урегулированию в эти годы выступали самые разные акторы: великие державы, миротворческие силы ООН, различные посреднические миссии государственных и общественных деятелей. Против СРЮ международным сообществом были введены серьезные санкции и установлена зона ограничения полетов. Наиболее сложным оказалось урегулирование в БиГ, где марафонский процесс мирного урегулирования прерывался жестокими инцидентами, в результате которых международное сообщество, как правило, обвиняло сербов. В 1994 г. там произошло новое ужесточение конфликта при одновременном обострялись противостояния между великими державами относительно подходов и мер по урегулированию югокризиса. Под давлением прежде всего США Белград был вынужден пойти на значительные уступки и оказать давление на боснийских сербов. В 1994–1995 гг. США присвоили себе главную роль в урегулировании ситуации в бывшей Югославии: самолеты НАТО многократно наносили удары по позициям боснийских сербов. Вашингтон выдвинул план урегулирования из семи пунктов, а также покровительствовал Загребу в воен-

ных операциях против сербских регионов в Хорватии. Под угрозой создания мусульманско-хорватской федерации и самого разностороннего давления сербы в БиГ в итоге пошли на уступки. Этот период закончился достижением в США дейтонских договоренностей и их подписанием в декабре 1995 г. в Париже. В соседней Хорватии ее правительство и представители сербских районов подписали «Эрдутское соглашение», что предусматривало завершение вооруженного противостояния в этой республике. Гражданские войны на территории исчезнувшей СФРЮ закончились.

Позиция китайского правительства по вопросам событий в бывшей Югославии в первой половине 1990х гг. была достаточно ясной: оно выступало за мирное и справедливое урегулирование противоречий в рамках ООН, выражало несогласие с введением экономических санкций, осуждало внешнее вмешательство и использование силы для разрешения межнациональных споров. Так, 30 мая 1992 г., когда СБ ООН принял резолюцию 757 о введении санкции против СРЮ, представитель КНР воздержался при голосовании, заявив, что «китайская делегация поддерживает принятие международным сообществом подходящих мер для скорейшего разрешения кризиса», призывая к «прекращению всех вооруженных столкновений и любой формы вмешательства»¹.

31 марта 1993 г., когда СБ ООН принял резолюцию 816 о принудительном исполнении решения о запрете полетов над БиГ, Представитель КНР воздержался при голосовании, заявив, что «сохраняет оговорки в отношении разрешения использования силы в вопросе о зоне запрета полетов»².

14 февраля 1994 г. заместитель постоянного представителя КНР при ООН Чэнь Цзянь, выступая на заседании Совета Безопасности по боснийскому вопросу, вновь выразил несогласие с военным решением конфликта. При этом он заявил: «Дальнейшие военные действия в БиГ не способствуют политическому урегулированию, а могут иметь только негативные последствия». Применение авиации Китай считал допустимым «только для самообороны миротворческих сил»³.

Наиболее полно позицию КНР по отношению к событиям в регионе бывшей Югославии изложил 10 апреля 1995 г. вице-премьер Госсовета и министр иностранных дел Китая Цянь Цичэнь во время визита в Белград. В речи на совместном заседании комитетов по внешней политике обеих палат Скупщины СРЮ он подчеркнул, что «Китай выступает за мирное разрешение разногласий, уважение независимости, суверенитета и территориальной целостности государств региона, соблюдение прав меньшинств, отказ от силового вмешательства и санкций, а также невмешательство во внутренние дела других стран»⁴. Вслед за этим Китай приветствовал договоренности в Дейтоне. 23 ноября 1995 г. представитель МИД Китая заявил: «Китай приветствует подписание тремя сторонами в бывшей Югославии мирного соглашения по БиГ»⁵.

Следуя принципу «Оставаться в тени до поры, скрывая свои намерения» во внешней политике для преодоления дипломатической изоляции, Китай пошел на признание новых независимых государств и в подходящее время устанавливал с ними дипломатические отношения. После образования СРЮ 27 апреля 1992 г. Китай признал Словению и Хорватию, а в мае установил с ними официальные дипломатические отношения. В феврале и октябре того же года Ассоциация народной дипломатии Китая (АНДК) пригласила представителей Словении и Хорватии с визитами в КНР для укрепления двусторонних связей. В отношении БиГ китайское правительство поддержало ее вступление в ООН, а 3 апреля 1995 г. установило с ней дипломатические отношения. 12 октября 1993 г. Китай и Македония установили дипломатические отношения на уровне послов. Относительно спора о названии Македонии Китай выразил надежду, что стороны урегулируют его посредством диалога и консультаций.

Событиям 1991–1995 гг. китайские СМИ придавали большое значение, всесторонне освещая действия и позиции участников событий. Журнал «Знания о мире» создал специальную рубрику «Югославские проблемы», а еженедельное издание

агентства Синьхуа «Ляован» в рубрике «Сегодняшний мир» опубликовал серию аналитических статей о развитии кризиса на пост-югославском пространстве.

Газета *Жэньминь Жибао* почти на ежедневной основе публиковала новости из балканского региона. В ней размещались комментарии и аналитические статьи в связи с важными событиями. Так, 20 февраля 1993 г. в связи с планом Вэнса-Оуэна была опубликована статья «План урегулирования боснийского конфликта и реакции сторон»⁶. В отношении программы совместных действий в Боснии, предложенной посредниками, была опубликована аналитическая статья, в которой с позиций беспристрастного наблюдателя отмечалось различное отношение сторон конфликта к этим предложениям. Указывалось, что план составлен так, что дает широкие возможности толкования, а разногласия между Европой и США не были полностью устранены⁷. После Сараевского кризиса 23–24 февраля 1994 г. были опубликованы два аналитических материала с характерными заголовками: «Корректировка США политики по Боснии и Герцеговине»⁸ и «Россия активно участвует в урегулировании боснийского конфликта»⁹. Их авторы обратили внимание на значительные изменения в позициях России и США по боснийскому вопросу. 28 сентября 1995 г. вышла статья, в которой утверждалось: «...США по-прежнему надеются сыграть роль “арбитра” в конфликтах на мировой арене»¹⁰. В СМИ также публиковались специальные обзоры в конце года. Так, 24 декабря 1991 г. была опубликована статья «Югославия: конфликт и раскол 1991 года»¹¹. В конце 1994 г. были опубликованы итоговые материалы «Боснийский кризис: от обострения к ослаблению напряженности»¹² и «Россия стремится восстановить статус великой державы»¹³, обобщающие развитие боснийского кризиса в 1994 г. и произошедшие по мнению экспертов изменения во внешней политике России. В конце 1995 г. в связи с подписанием Дейтонских соглашений в *Жэньминь жибао* вышли как новостные материалы, так и статьи «Босния: ослабление под влиянием вмешательства»¹⁴, «Босния и Герцеговина: от войны к миру»¹⁵.

События первой половины 1990-х гг. были предметом изучения в работах китайских ученых, которые опубликовали серию материалов, посвященных югославскому кризису этого периода, включая монографии и статьи. Среди монографий были: «Гражданская война и распад Югославии»¹⁶, «Национальный кризис в процессе распада Югославии»¹⁷, «Трансформация Югославии»¹⁸. В первой из них описывались исторические распри между республиками, этнические противоречия, экономические конфликты, политические реформы и процесс распада Югославии. Во второй — анализировались исторические корни и современное состояние этнических противоречий, ставших причиной югославского кризиса, а также перспективы его развития и возможные модели разрешения. Третья монография стала первой в Китае, полностью посвященной войне в Боснии и Герцеговине: в ней подробно рассматривались история, этнический и религиозный состав населения, процесс обретения независимости, причины внутреннего конфликта, вмешательство внешних сил и мирный процесс.

Несколько монографий было написано в Китае и о сложных событиях в БиГ. Одна из них, «Затянувшаяся гражданская война в БиГ»¹⁹, вышла по горячим следам еще в 1995 г. Эксперты публиковали книги о войне в Боснии и после 1995 г.: «Вихрь войны в БиГ»²⁰, «Рыдающая река Дрина — правдивые записи о войне в БиГ»²¹ и т.д. На примере событий гражданской войны в БиГ ученые проанализировали развитие кризиса, процесс посредничества и соперничества великих держав. К таким работам относятся: «Конкуренция Европы, США и России в БиГ»²², «Дипломатия великих держав и боснийский кризис»²³, «Распад бывшей Югославии и хроника гражданской войны в БиГ»²⁴ и «Хроника гражданской войны в БиГ»²⁵.

Среди работ ученых КНР о регионе очевиден большой интерес к гражданской войне в БиГ, в то время как работ, посвященных Македонии и Хорватии, было меньше — в основном статьи. Интерес исследователей к событиям в Хорватии был сведен к событиям ее борьбы за независимость в на-

чале 1990-х годов, прежде всего к военным противостояниям в республике. Например, статьи «Обзор сербских и хорватских вооруженных конфликтов в Югославии»²⁶, «Пылающая Югославия»²⁷, «Боль Вуковара»²⁸. Внимание привлекла также и военная операция в августе 1995 г. Ей были посвящены статьи «“Буря” пронеслась по Крайне»²⁹ и «Взгляд сквозь пороховой дым на соперничество великих держав»³⁰. В то же время статьи о Македонии (к примеру, «Проблема Македонии, беспокоящая Грецию»³¹ и «Греция и Македония достигли соглашения»³² в основном касались ее разногласий с Грецией.

Следует отметить, что в этот период в Китае было относительно мало академических статей, посвященных политике России в отношении бывшей Югославии. Из известных автору работ выделяется статья Гао Хэна «Проблема Боснии и Герцеговины и политика России»³³, которая одной из первых в Китае специально анализировала политику России в отношении бывшей Югославии. Автор раскрыл в ней причины и контекст изменения политики России в отношении Боснии и Герцеговины в начале 1993 г. После 1995 г. изучение политики России было продолжено. В 1997 г. вышла работа Чжу Хинцяо «Война в Боснии и Герцеговине и отношения между США, Европой и Россией»³⁴, в которой автор рассмотрел вопросы конкуренции и взаимозависимости между США, Европой и Россией в ходе войны в Боснии и Герцеговине, а также выявил причины, вследствие которых Россия стремилась выйти из подчинения Запада и обрести статус великой державы. В 2001 г. Сюй Чжисинь в работе «Политика России в отношении Югославии: история и реальность»³⁵ впервые систематически проанализировал стратегические факторы и характерные черты политики России в отношении бывшей Югославии в 1990-е годы. В дальнейшем изучение этой темы было продолжено. В 2018 г. она нашла подробное освещение в работах Ли Ти. В опубликованных исследовательницей двух статьях «Корректировка и трансформация балканской политики России»³⁶ и «Исторический анализ политики России в отношении Балкан»³⁷

и монографии «Россия и Балканы: исторический анализ с позиций геополитики»³⁸. По мнению автора, балканский регион всегда был стратегическим местом, о котором мечтала Россия. Столкнувшись с югославским кризисом, Россия проявила высокую степень внимания, активно участвовала в разрешении кризиса, стремясь сохранить свои традиционные интересы в Балканском регионе. Автор полагает, что именно панславизм способствовал переходу с середины 1992 г. политики России на Балканах от «одностороннего» подхода к «выборочному». По мнению Ли Ти, в целом, несмотря на значительное превосходство сил НАТО, возглавляемых США, Россия смогла максимально сохранить статус великой державы на Балканах.

Проведенный анализ собранного материала позволяет утверждать, что как китайские ученые, так и правительство КНР уделяли значительное внимание событиям на постъюгославском пространстве в 1991–1995 гг. Китайское правительство рассматривало международные вопросы, связанные с кризисом на постъюгославском пространстве в 1991–1995 гг., с большой осторожностью, настаивая на поддержании и развитии дружественных отношений с новыми государствами на основе пяти принципов мирного сосуществования, не вмешиваясь во внутренние дела других стран, уважая выбор народов разных стран, поддерживая разрешение разногласий мирным путем, противодействуя военным действиям и односторонним санкциям, поддерживая международные усилия, способствующие мирному разрешению конфликтов. Эти подходы явились глубоким отражением двух принципов внешней политики Китая: *Спокойно реагировать* и *Оставаться в тени до поры, скрывая свои намерения*.

Академические круги Китая, как в первой половине 1990-х гг., так и в последующем, проявляли значительный интерес к происходившему в регионе и осуществляли углубленный анализ динамики региональных конфликтов. Исследования китайских ученых по распаду и конфликтам на пост-югославском пространстве охватывают широкий спектр областей, включая историю, политику, экономику и между-

народные отношения. Они всесторонне проанализировали исторический контекст распада Югославии, этнические противоречия, экономические проблемы и международное вмешательство. При анализе югославских проблем китайские ученые особое внимание уделяли отношениям и взаимодействию между великими державами, особенно роли и политике России. Изучение событий 1991–1995 гг. не только касалось проблем самой бывшей Югославии, но затрагивало и изменения в международном политическом ландшафте после окончания холодной войны, а также статус и стратегии России на международной арене.

Следует отметить, что в китайской академической среде существует некоторая путаница в использовании терминов, таких как «югославский кризис», «распад Югославии», «бывший югославский кризис» и «постъюгославское пространство» для описания серии событий, происходивших в 1991–1995 гг. на Балканах.

В целом политика России в отношении кризиса на постъюгославском пространстве, с точки зрения китайских ученых, являлась частью внешней политики России. Она постоянно адаптировалась под влиянием меняющейся внешней ситуации и национальных интересов. Ученые пришли к выводу, что ее суть заключается в соперничестве с западными странами, особенно с США. Однако из-за отсутствия у России сил и средств для достижения целей политики ее поддержка СРЮ в основном проявлялась на политическом и моральном уровнях.

Примечания

- ¹ Лю Хожун. Представитель Китая в Совете Безопасности призывает принять соответствующие меры для разрешения кризиса в Боснии и Герцеговине // Жэньминь Жибао. 01.06.1992. С. 6. = 刘火荣. 中国代表在安理会上呼吁采取适当措施解决波黑危机 // 人民日报. 01.06.1992. С. 6.
- ² Хэ Хунсэнь. Совет Безопасности решает принудительно исполнить решение о запрете полетов над Боснией и Герцеговиной, наш представитель вновь заявляет о своих оговорках в отношении применения силы // Жэньминь Жибао. 02.04.1993. С. 6. = 何洪森. 安理会决定强制执行波黑禁飞决议 我代表重申对使用武力保留立场 // 人民日报. 02.04.1993. С. 6.

- 3 *Хэ Хунсэн*. Китай выступает против решения конфликта в Боснии и Герцеговине силой // Жэньминь Жибао. 16.02.1994. С. 6. = 何洪森. 中国反对武力解决波黑冲突 // 人民日报. 16.02.1994. С. 6.
- 4 *Ху Сицзинь*. Цянь Цицэнь излагает позицию Китая по кризису в бывшей Югославии // Жэньминь Жибао. 12. 04.1995. С. 6. = 胡锡进. 钱其琛阐述中国对前南危机立场 // 人民日报. 12. 04.1995. С. 6.
- 5 Агентство Синьхуа. Пресс-секретарь МИД Китая выступил с заявлением. Китай приветствует подписание трехсторонними сторонами соглашений о мире в Биг // Жэньминь Жибао. 23.11.1995. С. 4. = 新华社. 外交部发言人发表谈话 中国欢迎前南三方签署波黑和平协议 // 人民日报. 23.11.1995. С. 4.
- 6 *Цы Жулин*. План урегулирования боснийского конфликта и реакции сторон // Жэньминь Жибао. 20.02.1993. С. 6. 慈汝岭. 解决波黑冲突方案及各方反应 // 人民日报. 20.02.1993. С. 6.
- 7 *Ху Сицзинь*. Первоначальный анализ «Программа совместных действия в Боснии» // Жэньминь Жибао. 29.05.1993. С. 6. 胡锡进. 欧美五国波黑“联合行动计划”初析 // 人民日报. 29.05.1993. С. 6.
- 8 *Бао Шишао*. Корректировка США политики по Боснии и Герцеговине // Жэньминь Жибао. 23.02.1994. С. 6. = 鲍世绍. 美国调整波黑政策 // 人民日报. 23.02.1994. С. 6.
- 9 *Лью Яньсун*. Россия активно участвует в урегулировании боснийского конфликта // Жэньминь Жибао. 24.02.1994. С. 6. = 吕岩松. 俄罗斯积极参与调解波黑冲突 // 人民日报. 24.02.1994. С. 6.
- 10 *Ли Вэньчжэн*. США захватили инициативу в решении боснийского вопроса // Жэньминь Жибао. 28.09.1995. С. 6. 李文政. 美国夺取解决波黑问题主导权 // 人民日报. 28.09.1995. С. 6.
- 11 *Янь Чжэн*. Югославия: конфликты и раскол 1991 года // Жэньминь Жибао. 24.11.1991. С. 7. = 严正. 南斯拉夫: 冲突分裂的1991 // 人民日报. 24.11.1991. С. 7.
- 12 *Ху Сицзинь*. Боснийский кризис: от обострения к ослаблению напряженности // Жэньминь Жибао. 28.12.1994. С. 7. = 胡锡进. 波黑危机: 从激化到缓和 // 人民日报. 28.12.1994. С. 7.
- 13 *Лью Яньсун*. Россия стремится восстановить статус великой державы // Жэньминь Жибао. 30.12.1994. С. 7. = 吕岩松. 俄谋求恢复大国地位 // 人民日报. 30.12.1994. С. 7.
- 14 *Ху Сицзинь*. Босния: ослабление под влиянием вмешательства // Жэньминь Жибао. 20. 12.1995. С. 7. = 胡锡进. 波黑: 干预下的缓和 // 人民日报. 20.12.1995. С. 7.
- 15 *Гу Пинь*. Босния и Герцеговина: от войны к миру // Жэньминь Жибао. 15.12.1995. С. 7. = 古平. 波黑: 从战争走向和平 // 人民日报. 15.12.1995. С. 7.
- 16 *Сюй Куньмин*. Гражданская война и распад в Югославии. Пекин, 1993. 109 с. = 徐坤明. 南斯拉夫内战和解体. 北京: 新华出版社. 1993. 109 с.
- 17 *Хао Шюань*. Национальный кризис в процессе распада Югославии. Чэнду, 1993. 261 с. = 郝时远. 南斯拉夫联邦解体中的民族危机. 成都: 四川人民出版社. 1993. 261 с.
- 18 *Чжао Найбин, Ван Лиминь*. Трансформация Югославии. Гуанчжоу, 2002. 509 с. = 赵乃斌、汪丽敏. 南斯拉夫的变迁. 广州: 广东人民出版社. 2002. 509 с.
- 19 *Хао Шюань*. Затянувшаяся гражданская война в Биг. Пекин, 1995. 233 с. = 郝时远. 旷日持久的波黑内战. 北京: 中央民族大学出版社. 1995. 233 с.

- ²⁰ Лю Хунчао. Вихрь войны в Биг. Пекин, 1998. 125 с. = 刘洪潮. 波黑战争风云. 北京: 大众文艺. 1998. 125 с.
- ²¹ Фан Мин, И Чюань, Чао Цзинь. Рыдающая река Дрина — правдивые записи о войне в Биг. Пекин, 1996. 387 с. = 方明、一泉、超金. 呜咽的德里纳河——波黑战争实录. 北京: 改革出版社. 1996. 387 с.
- ²² Ян Шухэн. Конкуренция Европы, Америки и России в Боснии и Герцеговине // Мир и развитие. 1994. № 3. С. 29–32. = 杨淑珩. 欧、美、俄在波黑的角逐 // 和平与发展. 1994. № 3. С. 29–32.
- ²³ Сюн Фейюнь. Дипломатия великих держав и кризис в Биг // Исследования Центральной Азии и Восточной Европы. 1995. № 3. С. 66–72, 32. = 熊飞云. 大国外交与波黑危机 // 东欧中亚研究. 1995. № 3. С. 66–72, 32.
- ²⁴ Ма Сипу. Распад Югославии и хроника гражданской войны в Биг // Восточная Европа. 1994. № 4. С. 13–20. = 马细谱. 前南斯拉夫解体和波黑内战大事记 // 东欧. 1994. № 4. С. 13–20.
- ²⁵ Ма Сипу. Хроника гражданской войны в Биг // Восточная Европа. 1996. № 1. С. 1–11. 马细谱. 波黑内战大事记 // 东欧. 1996. № 1. С. 1–11.
- ²⁶ Ли Юн, Чэнь Цывэй. Обзор сербских и хорватских вооруженных конфликтов в Югославии // Советские и восточные проблемы. 1992. № 1. С. 22–26, 34. = 李勇, 陈熙玮. 南斯拉夫克、塞武装冲突综述 // 苏联东欧问题. 1992. № 1. С. 22–26, 34.
- ²⁷ Ли Говэй. Пылающая Югославия // Международное новостное сообщество. 1991. № Z1. С. 4–10. = 李国威. 燃烧的南斯拉夫 // 国际新闻界. 1991. № Z1. С. 4–10.
- ²⁸ Кун Ханьбин. Боль Вуковара // Знания о мире. 2011. № 17. С. 60–61. = 孔寒冰. 武科瓦尔之痛 // 世界知识. 2011. № 17. С. 60–61.
- ²⁹ Ли Цзюнь. «Буря» пронеслась по Крайне // Знания о мире. 1995. № 17. С. 21–23. = 李君. “风暴”席卷克拉伊纳 // 世界知识. 1995. № 17. С. 21–23.
- ³⁰ Тань Дунбай. Взгляд сквозь пороховой дым на соперничество великих держав // Еженедельник «Ляо ван». 1995. № 34. С. 7. = 谭东白. 透过硝烟看大国角逐 // 瞭望新闻周刊. 1995. № 34. С. 7.
- ³¹ Ли Чэнгуй. Проблема Македонии, беспокоящая Грецию // Еженедельник «Ляо ван». 1992. № 34. С. 39–40. = 李成贵. 困扰希腊的马其顿问题 // 瞭望新闻周刊. 1992. № 34. С. 39–40.
- ³² Мэн Сянчин. Греция и Македония достигли соглашения // Знания о мире. 1995. № 20. С. 19–21. = 孟祥青. 希腊和马其顿言和 // 世界知识. 1995. № 20. С. 19–21.
- ³³ Гао Хэн, Ван Лиминь. Проблемы Боснии и Герцеговины и политика России // Мир и развитие. 1993. № 3. С. 28–30, 2. = 高恒, 汪丽敏. 波黑问题和俄罗斯的政策 // 和平与发展. 1993. № 3. С. 28–30, 2.
- ³⁴ Чжу Хинцяо. Война в Боснии и Герцеговине и отношения между США, Европой и Россией // Исследования Восточной Европы и Центральной Азии. 1997. № 4. С. 57–60. = 朱行巧. 波黑战争与美俄欧关系 // 东欧中亚研究. 1997. № 4. С. 57–60.
- ³⁵ Хюй Чжисинь. Политика России в отношении Югославии: история и реальность // Исследования Восточной Европы и Центральной Азии. 2001. № 5. С. 18–23, 95–96. = 许志新. 俄罗斯对南斯拉夫政策: 历史与现实 // 东欧中亚研究. 2001. № 5. С. 18–23, 95–96.

- ³⁶ *Ли Ти*. Корректировка и трансформация балканской политики России // Исследования России, Центральной Азии и Восточной Европы. 2018. № 2. С. 50–64, 157. = 李提. 俄罗斯巴尔干政策的调整与转变 // 俄罗斯东欧中亚研究. 2018. № 2. С. 50–64, 157.
- ³⁷ *Ли Ти*. Исторический анализ политики России в отношении Балкан // Научные исследования. 2018. № 3. С. 140–145. 李提. 俄罗斯对巴尔干政策的历史分析 // 学术研究. 2018. № 3. С. 140–145.
- ³⁸ *Ли Ти*. Россия и Балканы: исторический анализ с позиций геополитики. Пекин, 2018. 227 с. = 李提. 俄罗斯与巴尔干: 地缘政治视角下的历史探析. 人民出版社. 2018. 227 с.

Секция

⊗
«ЯЗЫКОЗНАНИЕ»
⊗

ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА ПАМЯТНИКОВ СЛАВЯНСКОЙ КНИЖНОСТИ

DOI: 10.31168/2619-0869.2024.25

К вопросу о некоторых жанровых особенностях старорусских *памятей*

Наталья Павловна Иордани

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: iordani.natasha@yandex.ru
ORCID: 0009-0001-2709-7223

Ключевые слова: старорусский язык, деловая письменность, жанр, память, формуляр деловых документов

On Some Genre Features of Middle Russian *pamiat'*

Natalia P. Iordani

V. V. Vinogradov Russian Language Institute,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: iordani.natasha@yandex.ru
ORCID: 0009-0001-2709-7223

Keywords: Middle Russian language, documentation, genre, *pamiat'*, document form

Слово *память*, используемое для обозначения жанра деловой письменности, в старорусский период объединяло большое количество разнородных документов. В рамках настоящей работы будут проанализированы *памяти*, созданные в приказных избах Смоленска (далее — Пам. Смол., хра-

няются в коллекции *Smolenskarkivet* Государственного архива Швеции (*Svenska Riksarkiv*¹), Якутска (далее — Пам. Якут., хранятся в РГАДА в составе фонда № 1177²), а также в Валдайском Иверском монастыре (далее — Пам. Ивер., изданы арх. Леонидом³), на материале которых мы рассмотрим черты, свойственные этому жанру деловой письменности. Все исследованные нами *памяти* представляют собой документы распорядительного характера, однако в XVI–XVII вв. таким образом могли именоваться и источники иного содержания⁴. Последние в рамках настоящей работы рассматриваться не будут.

Важным вопросом, связанным с изучением *памятей* как жанра деловой письменности, является характер отношений между адресантом и адресатом такого рода источников. Дело в том, что М. Н. Тихомиров определял *память* как документ, который используется для взаимодействия независимых друг от друга органов власти⁵. Однако в научной литературе можно встретить прямо противоположную точку зрения: А. Н. Качалкин характеризует «памяти» как документы распорядительного характера, представляющие собой «предписание старшего по положению лица (а вскоре и учреждения) на конкретные действия своих подчиненных»⁶.

Обратимся к материалу. Исследованные нами *памяти* составлялись от лица воеводы (или двух воевод, что было характерно для таких крупных городов и поселений, как Смоленск и Якутский острог), которому в разной степени подчинялись все городские учреждения⁷. С одной стороны, *памяти* могли адресоваться непосредственным подчиненным воевод — подьячим, городовым приказчикам (городничим) и т. д. С другой стороны, исследованные нами *памяти* отсылались в губные и земские избы, на таможенную и пр., которые представляли собой отдельные учреждения, но находились в разной степени зависимости от воеводы и были обязаны исполнять полученные от него предписания⁸.

Сходным образом организованы *памяти* Валдайского Иверского монастыря: писались они от лица архимандрита к его непосредственным подчиненным — посельским

старцам, приказчикам, старостам и др., которые управляли монастырскими вотчинами и следили за сельскохозяйственными работами⁹. С другой стороны, адресатами *памятей* становились и настоятели приписных монастырей, представляющих собой отдельную общину со своим уставом и угодьями, но находящих в подчинении у игумена основного монастыря¹⁰.

Некоторые данные об адресантах и адресатах исследованных *памятей* представлены в таблице:

	адресант	Адресат
Пам. Смол.	воеводы М. Б. Шеин и П. И. Горчаков	посадские старосты Л. Горбачев и Ю. Огопьянов; судья И. П. Ленин; городничий С. Л. Охматов; таможенный голова А. Кошкин и др.
Пам. Якут.	воеводы П. П. Головин и М. Б. Глебов	письменный голова В. Д. Мягков; атаман О. Галкин; таможенный голова Д. Трубников; пятидесятник М. Васильев и др.
Пам. Ивер.	архимандрит Дионисий; архимандрит Филофей и др.	строитель Илья; черный священник Паисий; посельские старцы Авраамий и Олимпий и др.

Таким образом, исследованные нами *памяти* строятся по модели «начальник — подчиненный», описанной А. Н. Качалкиным.

В научной литературе также поднимается вопрос о наличии у *памятей* строгого формуляра, что было характерно для прочих жанров деловой письменности. Так, говоря о *памятях*, исследователи отмечают, что начинались они с устойчивой формулы *Лѣта ... въ ... день ...* затем следовала ссылка на царский указ, в соответствии с которым давалось то или иное распоряжение¹¹. Среди исследованных нами источников встречается достаточно много *памятей*, составленных подобным образом:

- (1) *Лѣта зрмѡ ² октяб^ря въ иі ^{де} по з^сдрѣву ирѣву и великого кнѣзя Михаила Ѡдоровича всеа Русіи ука^зу сто^рники і воеводы Пе^тръ Пе^трови^ч Голови^ч да Ма^твъи Богданови^ч Глѣбо^в ... велѣли гѣха^{ми} снѣ боя^рскому Ивану Пи^гникову... о^м Ле^нского волокового симо^вя в ве^рхъ по Илимю рекѣ до Коса^нки рѣчки и гѣдучи имѣ по Илимю рекѣ описа^{ми} по обе стороны Илима рекѣ на волоки и паше^нные мѣста.* Пам. Якут. № 82. Л. 21. 1641 г.

Однако, как показывает материал, формула *Лѣта ... въ ... день ...* не была единственно возможной. Например, некоторые якутские *памяти* начинаются иначе:

- (2) *Памя^н Ко^ндра^тю Мяси^ну в то^н чтобы бы^т на з^сдре служ^бе на Витимѣ рекѣ зимовали на усть Котомры реки въ ясаши^но зимо^ве.* Пам. Якут. № 82. Л. 57. 1641 г.

Некоторые *памяти*, присланные из Валдайского Иверского монастыря, начинаются не с даты их создания, а с благословения игумена:

- (3) *Пречистые Богородицы Иверского монастыря архимарита [так в изд.] Филовея съ братъею въ нашу отчину въ Ѡдоровской монастырь брату нашему строителю Ильѣ благословеніе въ нынѣшнемъ во 167 году августа въ [пропущено числительное] день писано къ намъ въ Иверской монастырь въ грамотъ великого государя святѣйшаго Никона патріарха московского... и какъ къ тебѣ ся наша память придетъ и тебѣ бѣ по указу*

вельти безоплошно ловить рыбу въ рѣкахъ и въ озерехъ неводами. Пам. Ивер. № 111. 1659 г. сп. XVII в.

Ссылка на царский или патриарший указ, которую М.Н. Тихомиров считает жанрообразующей чертой, в *памятях* присутствует не всегда: в ряде случаев распоряжения исходят от самого воеводы — представителя власти, наделенного полномочиями самостоятельно принимать решения. Таковы, например, все смоленские *памяти* (кроме Пам. Смол. № 8. Л. 5). Например:

(4) *Лѣта зрїи году сентяб^ря в з^{ден} по прїкасу з^{др}ѣва боярина і воево^д Михаила Борисови^ч Шеи^ч княз^я Пем^рь Иванови^ч Го^рчако^в... вѣлели Васи^ю Пем^рыкину по памяти са при^ни^сю діака Никона Оле^ксѣева до^зрети и^змерити в Пя^нницко^м ко^нце в Камено^м городѣ поса^дцко^в члѣвка О^ксено^в дво^в.* Пам. Смол. № 364. Л. 1. 1609 г.

Исследователи также отмечают, что наиболее частотными языковыми средствами, оформляющими распоряжения, изложенные в *памятях*, являются конструкции *Д. п.* + инфинитив и *Д. п.* + инфинитив с частицей *бы*¹². В исследуемых нами текстах эти конструкции встречаются очень часто. Таковы, например, тексты, составленные от имени игуменов Валдайского Иверского монастыря (см. № 118, 124, 125, 128 и др.):

(5) *И приставу Арефкѣ, прїѣхавъ въ тоє Осѣченскую волость и въ Николской погостъ... тѣмъ бѣглымъ крестьяномъ **взяти** роспись, да по той росписи тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ, сыскавъ, **отдати** Иверского монастыря архимариту Діонисію съ братьею.* Пам. Ивер. № 111. 1658 г.

(6) *И какъ къ вамъ ся наша память придетъ, и вам **бы** тому попу Петру отъ церкви Божїи **не отказывать** и служить божественную службу въ церкви Божїи по^не^дѣлно съ тобой попомъ Иваномъ.* Пам. Ивер. № 376. 1690 г.

Однако едва ли можно считать конструкции *Д. п.* + инфинитив и *Д. п.* + инфинитив с частицей *бы* жанрообразу-

ющими. Дело в том, что в исследованных нами источниках распоряжения выражаются самыми разнообразными языковыми средствами: среди них можно отметить как повелительное наклонение, так и императивные конструкции с неимперативными глагольными формами, что характерно не только для старорусского¹³, но и для современного периода¹⁴. Так, например, в одной из *памятей*, составленной подьячими Валдайского Иверского монастыря, побуждение выражается инфинитивом с частицей *бы*, а затем следует императив:

- (7) *И какъ вамъ ся наша память и тѣ жерноковы придуть... а для валовъ послать бы вамъ, кого пригоже, съ сею нашей паметью на Вышней Волочекъ, чтобъ вышневолоцкіе крестьяне, и swoichъ къ нимъ для помощи прибавте, чтобъ тамъ гдѣ валы сыскали добрые и выскъши привезли въ село Выдропускъ. Пам. Ивер., № 128.4. 1658 г.*

В смоленских *памятях* конструкции с независимым инфинитивом чередуются с формами сослагательного наклонения, которые выступают с субъектами в 3-м лице, а инфинитив с частицей *бы* в них не встречается вовсе:

- (8) *Лѣта зрїи² нолѣря въ и^{де} по приказу боярина и воево^д Михаила Борисовича Ше^{на}на кнѣзя Пе^мра Ивановича Гор^пчакова памя^м поса^дци^м старо^та^м Луке Гор^пбочову да Ю^рю Го^нянову велѣти и^м биричю кликати в бо^шо^м то^ргу и по малы^м Та^ржко^м ... на хороме^х бы* [над строкой: *всякие люди*] *стави^ти* [над строкой: *кади болшиие*] *с водою и^с веники. Пам. Смол. № 301. Л. 2. 1609 г.*

В якутских *памятях*, проанализированных в рамках настоящей работы, как правило распоряжения излагаются от имени царя с помощью форм прошедшего времени от глаголов *велѣти* или *указати* в сочетании с инфинитивом. Например:

- (9) *Лѣта зрми² ѳеврала въ* [пропущено числительное] *де по г^сдрѣву ирѣву и великого кнѣзя Михаила Ѳеодоровича всеа Русїи ука^зу на Лѣну реку томоженному головѣ дружине Тру^бникову указал г^сдрѣ ирѣ... бы^ти на свое^и г^сдрѣ*

службе на Великоⁱ рекъ Льне... а в таможе^номъ зборе в собоиноⁱ десятоⁱ пошине... в таможе^ныхъ доходе ... помѣсечно **считать**. Пам. Якут. № 82. Л. 9. 1640 г.

Однако в некоторых якутских *памятях* встречаются и конструкции с инфинитивом, а также изъяснительные придаточные, вводимые союзом *чтобы*. Например:

(10) *Лѣта зрми² июня въ ві^{де} по г^дрву црѣву і великого кнзя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи ука^{зу} памя^м писмянному головѣ Васи^ю Да^ншиловичю Мя^хкову **тѣхати** ему Енисѣ^вского уѣ³ду до др⁶ни Жа^ркова а доѣха⁶ Красноярского пятидеся^тника Савастьяна Семенова взя^т у него ... о^тписки которые с ни^н **послати** ко г^дрю црѣю.* Пам. Якут. № 82. Л. 4. 1640 г.

(11) *Памя^м Ко^ндра^мю Мясину в то^н **чтобы бы^т** на г^дре службе на Витимѣ рекѣ **зимовали** на усть Котомры реки въ ясаино^н зимо⁶е.* Пам. Якут. № 82. Л. 57. 1640 г.

Описанные выше глагольные формы и синтаксические конструкции могли выражать и прохибитивное значение. Так, например, в смоленских *памятях* довольно часто встречаются запреты, введенные воеводами из-за того, что город находился в осаде. Оформляются подобные запреты формами сослагательного наклонения и конструкцией с независимым инфинитивом:

(12) *Лѣта зрїи ноя^бря въ к² [пропущено день]... памя^м Ивану Пе^тровичю Ленину... а хто на ко² у^чне^т би^ти чело^н о суде... Ивану тѣ^х люде^н в тѣ^х дѣл^х **не судити** и суда никому ни на ко² **не дава^т**и... А нѣ^то **бы** ни⁶ которую половину дру² к другу **не вступа^тся** и стоя^нщико⁶ в чюжюю половину нѣ^то ни х кому **не пу^к**а^т.* Пам. Смол. № 428. Л. 4. 1609 г.

Конструкция *Д. п.* + инфинитив с частицей *бы* также встречается в контекстах с прохибитивным значением:

(13) *Паметь поселскому старцу Аврамью, въ село Выдропускъ, отъ соборнаго старца Паусея... да какъ поспѣять у васъ колесная дѣла, и инья мудреная дѣла мелничная, и тебѣ бѣ, братъ съ Мѣдяна по два плотника лутшихъ, а держать ихъ на перемѣну понедѣлна;*

да и кунчановскихъ плотниковъ, кои у тебя лутчи есть, какъ придетъ къ мудрому дѣлу, и тебѣ бѣ ихъ не отпускатъ. Пам. Ивер. № 128. 1658 г.

Таким образом, становится понятно, что формуляр *памяти* как жанра деловой письменности характеризовался высокой степенью вариативности даже в пределах одной приказной избы. Мы полагаем, что это связано с тем, что *память* — это инструмент взаимодействия местных органов светской или монастырской власти, что отличает их от документов других жанров, которые оформляли отношения приказных изб в разных уголках страны со столичными приказами. Таковыми являются челобитные, которые писались на местах по определенному образцу и отправлялись в Москву, отличающиеся высокой степенью клишированности. Другим подобным примером могут служить жалованные грамоты — документы, присваивающие в собственность земельные угодья, устанавливающие льготы и закрепляющие определенные права, которые составлялись в московских приказах от имени царя в соответствии со строгим формуляром и направлялись в приказные избы. *Памяти*, в свою очередь, оставаясь документами внутреннего пользования, могли писаться более вольно.

Примечания

- ¹ Riksarkivet. Smolenskarkivet 1604–1611.
- ² РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. 1.
- ³ Русская историческая библиотека. Т. V. СПб., 1878. С. 1.
- ⁴ Качалкин А. Н. Жанры русского документа допетровской эпохи. Часть II. Филологический метод анализа документов. М., 1988. С. 69.
- ⁵ Тихомиров М. Н. Приказное делопроизводство в XVII в. // Тихомиров М. Н. Российское государство в XV–XVII вв. М., 1973. С. 471.
- ⁶ Качалкин А. Н. Жанры русского документа... С. 70.
- ⁷ Андреевский И. Е. О наместниках, воеводах и губернаторах. СПб., 1864. С. 64–67.
- ⁸ Российский государственный архив древних актов. Путеводитель. Т. 3. Ч. 1. М., 1997. С. 47–50.
- ⁹ Кустова Е. В. Особенности послушаний монашествующих в XVIII в. (по материалам Вятской и Великопермской епархии) // Вестник Вятского государственного университета. 2013. № 2. С. 41.

- ¹⁰ Литвинова Л. В. Монастырь // Православная энциклопедия. М., 2003. С. 551.
- ¹¹ Качалкин А. Н. Жанры русского документа... С. 70.
- ¹² Рудозуб Е. А. Стилеобразующие средства на уровне слова в документах XVII века (на примере жанра «Память») // Вестник Омского университета. 1998. № 3. С. 52.
- ¹³ Булаховский Л. А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1958. С. 352
- ¹⁴ Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива: Русский императив. Л., 1986. С. 195.

DOI: 10.31168/2619-0869.2024.26

Церковнославянизмы в румынском языке

Юлия Вадимовна Островская (Горноскуль)

Независимый исследователь,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: aorist_ost@outlook.com
ORCID: 0009-0009-4701-4841

Ключевые слова: религиозный язык, теолингвистика, архаизм, церковнославянский язык, Румыния

Church Slavic words in the Romanian language

Yulia V. Ostrovskaya (Gornoskul)

Independent researcher,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: aorist_ost@outlook.com
ORCID: 0009-0009-4701-4841

Keywords: religious language, theolinguistics, archaism, Church Slavic language, Romania

Статья посвящена церковнославянской лексике в румынском языке, заимствованной при усвоении кирилло-мефодиевской традиции. Цель — рассмотреть формат заимствования,

а также уточнить статус такой лексики в старорумынском и современном румынском языках. Поскольку данный вопрос затрагивает непосредственно проблему взаимодействия языка и религии, мы предлагаем исследовать его в рамках такого раздела языкознания, как теолингвистика. Теолингвистика занимается исследованием религиозного языка в узком и широком понимании этого термина¹.

С точки зрения сопоставительной теолингвистики румынский язык представляет собой обширное поле для исследований. Являясь православной страной с романской культурно-языковой общностью, своей уникальностью Румыния отчасти обязана кирилло-мефодиевскому наследию. Благодаря ему Румыния стала частью мира, называемого Н. И. Толстым *Pax Slavica Orthodoxa*².

Этнолог П. П. Панаитеску указывает, что уже с VI в. на юго-востоке современной Румынии местное население смешивалось с южными славянами, вследствие чего в языке сформировался значительный пласт славянизмов³. Такое соседство подготовило почву для внедрения под влиянием традиции Болгарского царства литургии по православному образцу, которая вытеснила латинскую обрядность. В течение X–XI вв. богослужение на старославянском языке закрепилось во всех землях современной Румынии⁴. Далее, благодаря живым связям с кирилло-мефодиевской традицией, в XIII в. фактически сложился влахо-молдавский извод церковнославянского языка (далее — ЦСЯ)⁵.

Подчеркнем, что речь идет не просто о заимствовании терминов, как в сфере торговли или военного дела. Н. И. Толстой относит ЦСЯ к «ограниченному числу исторически засвидетельствованных общих, надэтнических (наднациональных) священных (сакральных) и культурных (книжных, литературных) языков»⁶. Итак, население будущей Румынии переняло священный язык православной церкви. Как известно, религиозный фактор оказывает мощное влияние на сознание народа: вырабатывает духовные ценности, формирует оценку действительности и исторических событий. Таким образом, в зависимости от вероисповедания складывается своя рели-

гиозная картина мира, которая, в свою очередь, отражается в языковой картине мира⁷.

К XV в. ЦСЯ влахо-молдавского извода получил статус языка культуры: при княжеских дворах и монастырях открывались школы, где обучали славянской грамоте и кириллическому письму. Кириллица стала официальным письмом не только церкви, но и придворной канцелярии⁸. В плане языковой ситуации это привело к диглоссии, поскольку в обиходе использовались местные наречия старорумынского языка. Князья Молдовы и Валахии, несомненно, следовали византийскому принципу «симфонии властей»: они поддерживали церковь, закрепив за литургическим языком наднациональный культурный статус, а церковь служила опорой княжеской власти. Поэтому закономерно, что нападки на ЦСЯ начались именно при ослаблении централизованной власти и растущем авторитете боярских семейств. Разрушение феодального строя в румынских княжествах сопровождалось активной работой по переводу богослужебных книг на «бытовую», всем понятный язык с целью отправлять на нем службы.

Н. И. Толстой характеризует конец XVIII — начало XIX в. как эпоху перехода к новой литературно-языковой ситуации во всех землях православного мира⁹. Румыния не стала исключением; более того, она взяла курс на Запад и порвала с кирилло-мефодиевской традицией. Однако, несмотря на политику языкового пуризма и релатинизации последних веков, ЦСЯ сохранил за собой определенные рубежи.

Ниже в качестве иллюстрации мы рассмотрим ряд церковнославянизмов, в той или иной форме сохранившихся в румынском языке. Для анализа мы используем лексикографические данные словаря ЦСЯ, толкового словаря румынского языка и румынского словаря православной теологии¹⁰.

Значительная часть церковнославянизмов относится к сфере литургики, то есть практической стороне проведения богослужений. Такие термины образуют консолидированные группы, перенятые в комплексе с обрядами:

- Церковные службы: *vecernia* ‘вечерня’, *pravecernița* ‘повечерие’, *polunoșnița* ‘полунощница’, *utrenia* ‘утреня’, *ceasurile* ‘часы’, *obednița* ‘обедня’.
- Церковные праздники: *Blagoveștenie* ‘Благовещение Пресвятой Богородицы’, *Pobrejenie* ‘Преображение Господне’, *Stretenie* ‘Сретение Господне’, *Bogoiavlenie* ‘Богоявление Господне’, *Pocroava* ‘Покров Пресвятой Богородицы’.
- Гимнография: *peasnă* ‘песня’, *slavoslovie* ‘славословие’, *podobie* ‘подобен’, *pricesne* ‘причестны’, *bogorodicin* ‘богородичен’, *svetilnă* ‘светилен’.
- Церковная атрибутика: *jertfelnic* ‘жертвенник’, *pristol* ‘престол’, *cădelniță* ‘кадильница’, *tiplotă* ‘теплота’ (запивка).
- Церковные саны: *vlădică* ‘владыка’, *blagociu* ‘благочинный’, *duhovnic* ‘духовник’, *stareț* ‘старец’.

Другая доля заимствований приходится на сферу теоретического богословия. В первую очередь, это ядерные концепты вероучения: *Sfântul Duh* ‘Святой Дух’, *straste* ‘страсти’, *taină* ‘тайнство’, *rocaință* ‘покаяние’, *spăsenie* ‘спасение’.

При этом к этапу первой южнославянской волны во влахо-молдавском языке уже имелся набор литургических лексем из латыни, репрезентирующих базовые понятия: *botez* ‘крещение’, *crucea* ‘крест’, *înviere* ‘воскресение’ и пр. Подчеркнем, что подобные ключевые лексемы вжились в ткань нового языка церкви, не получив замены в ЦСЯ.

Как отмечалось выше, для языковой ситуации в румынских княжествах вплоть до XVIII в. была характерна диглоссия. Этим обусловлено большое количество латино-славянских дублетов в религиозной сфере. Однако семантическое наполнение таких лексем не всегда совпадает полностью.

Для примера возьмем церковнославянизм *praznic* и латинизм *sărbătoare* (‘праздник’).

Толковый словарь румынского языка (DEX ‘98) определяет лексему *praznic* как: 1. Трапеза в честь поминовения усопшего либо в честь покровителя церкви. 2. Церковный праздник.

Лексема *sărbătoare* определяется как: 1. Торжество. 2. День, посвященный богослужению в честь празднования религиозного события или в честь святого.

Как мы видим, латинский дублет отличается «профанным» семантическим компонентом, в то время как церковнославянизм сохранил строго религиозную коннотацию.

Примечательно, что ЦСЯ, бывший «высоким» языком духовенства и власти, сохранился преимущественно в просторечии. Например, лексема *țârcovnic* ‘церковник’, которая в результате расширения смысла приобрела значение ‘певчий’ (в церковном хоре), или междометный фразеологизм *bogdaproste* ‘Прости Господи’ (‘Бог да простит’).

Отдельный пласт церковнославянизмов осел в диалектах¹¹. Для иллюстрации приведем локализм, зафиксированный в Трансильвании, — лексема *vascris* (усеченная форма от хайретизма «Христос воскрес»), сохранившая два значения: 1. Воскресение Иисуса Христа. 2. Пасхальное богослужение.

Наконец, некоторые церковнославянизмы развили дополнительное переносное значение и в таком виде вошли в разговорный язык: *a face pe mironosița* ‘строить из себя невинную овечку’ (дословно ‘притворяться мироносицей’).

Настоящее исследование позволяет нам сделать следующие выводы. Под влиянием традиции Болгарского царства население будущих румынских княжеств переняло православное богослужение вкупе с сакральным языком (ЦСЯ), влахо-молдавский извод которого позднее стал надэтническим языком священства, власти и культуры. Таким образом, дальнейшее культурное развитие румынских княжеств протекало в русле кирилло-мефодиевской традиции. После разрыва со славянским миром румынская языковая картина мира претерпела критические изменения. Однако церковнославянизмы по-прежнему составляют определенную часть лексического состава языка. Анализ лексикографических данных современных словарей румынского языка позволяет установить, что традиционная литургическая лексика все еще используется для репрезентации церковных реалий

(названия служб, атрибутика и т.д.), соседствуя с латинскими и румынскими дублетами.

Данная область представляет интерес в плане сопоставления лексических единиц ЦСЯ, русского и румынского языков, которые обнаруживают любопытные сходства и различия. Подобные исследования в поле теолингвистики и этнолингвистики актуальны по причине как общего православного вероисповедания наших народов (и следовательно, общих духовных принципов, отраженных в языке), так и принадлежности к Балканскому языковому союзу.

Примечания

- ¹ *Гадомский А. К.* Религиозный язык — теолингвистика — языкознание // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. 2007. Т. 20 (59). № 1. С. 287–293.
- ² *Толстой Н. И.* Церковнославянский и русский: их соотношение и симбиоз // Вопросы языкознания. 2002. № 1. С. 85.
- ³ *Panaïtescu P. P.* Începuturile și biruința scrisului în limba română. București, 1965. P. 13.
- ⁴ *Panaïtescu P. P.* Contribuții la istoria culturii românești. București, 1971. P. 16.
- ⁵ *Рогов А. И.* Очерки истории культуры славян. Т. 1. М., 1996. С. 423.
- ⁶ *Толстой Н. И.* Церковнославянский и русский... С. 81.
- ⁷ *Галиева М. Р.* Религиозное сознание в языковой картине мира // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2015. № 716. С. 36–46.
- ⁸ *Panaïtescu P. P.* Contribuții... P. 17.
- ⁹ *Толстой Н. И.* Церковнославянский и русский... С. 88.
- ¹⁰ Полный церковнославянский словарь / сост. свящ. Г. Дьяченко. М., 2004; Dicționarul explicativ al limbii române (DEX '98), ediția a II-a / I. Coteanu, L. Mareș. București, 1998; Dicționar de Teologie Ortodoxă / S. Buchiu, I. Tulcan. București, 2019.
- ¹¹ *Teleoacă D.* Aspecte lexicale arhaice în textul biblic actual // Limba română: direcții actuale în cercetarea lingvistică. București, 2017. P. 167–177.

DOI: 10.31168/2619-0869.2024.27

К вопросу о принципе перевода фрагмента трактата Св. Августина “De Civitate Dei” в польской и церковнославянской традиции

Зоя Варфоломеевна Вальтер

МГУ им. М. В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: zoya.walther@gmail.com
ORCID: 0009-0003-9478-5207

Ключевые слова: история русского литературного языка, принципы перевода, польско-церковнославянские переводы, латинско-польские переводы

On the Principle of Translation of a Fragment of St. Augustine’s Treatise “De Civitate Dei” in Polish and Church Slavonic Tradition

Zoya V. Valter

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: zoya.walther@gmail.com
ORCID: 0009-0003-9478-5207

Keywords: history of the Russian literary language, principles of translation, Polish-Church Slavonic, Latin-Polish translations

Пророчества Сивилл были широко известны в античную эпоху (о них упоминали Платон в «Федре», Вергилий в «Буколиках» и «Энеиде», Варрон и пр.). В более позднее время о Сивиллах писали такие авторы, как Ф. Барбьери в *De Christo vaticinia, ex vetustiss, codice descripta* («Пророчество Сивилл о Христе, описанное в кодексе» — в нем он под-

робно описывает каждую пророчицу) и Лактанций в *Divinae institutiones* («Божественные установления»).

В Польше пророчицы стали известны в XV в. благодаря иконографии¹. Во второй половине XVI в. М. Бельский в работе *Kronika, to jest historia świata* («Хроника, то есть история света» — третьем издании «Хроники всего света»)², ссылаясь на известные ему латинские и греческие трактаты, помещает главу “*O liczbie a wywodzie Sybil*” («О числе и происхождении Сивилл»), точные источники которой до сих пор не были определены. Среди современных работ, в которых анализировался текст польского автора, следует упомянуть статью И. Бессонова. В ней исследователь, делая акцент на труде Лактанция “*Divinae institutiones*”, не упоминает о других возможных источниках главы хроники Бельского³.

На данный момент нам удалось выявить следующие источники, которыми пользовался польский автор: это упомянутые выше трактаты Барбьери и Лактанция, а также труд святого Августина “*De Civitate Dei*” («О граде Божьем»), глава “*De vita beata*” («О блаженной жизни») — последнему будет уделено внимание в настоящей статье.

В церковнославянской традиции русского извода Сивиллы появляются значительно позже — во второй половине XVII в. Первые тексты о пророчицах, о которых мы будем говорить более подробно, были переведены по нашим данным с двух языков — польского («Предисловие о Сивиллах ото всех историков, сиречь повестников» в «Хронографе» XVII в.⁴) и греческого («Книга о Сивиллах» Н. Спафария⁵).

Оба перевода содержали стихотворный фрагмент из 18-й книги, «О блаженной жизни», трактата Св. Августина «О Граде Божьем» с одной разницей: Н. Спафарий использовал греческий вариант «и³ древніа харатейныа книги еллинскїа»⁶, в то время как М. Бельский опирался на латинский образец, а вслед за ним и неизвестный русский книжник, переведивший польскую главу.

Таким образом, целью нашей работы было кратко охарактеризовать некоторые принципы перевода стихотворения Св. Августина с греческого и польского языков.

1. Акrostих

На данный момент нам известны два источника идентичного содержания — латинский (1) и греческий (2), которые образуют следующие акrostихи: (1) IESVCS CREISTOS TEVD NIOS SOTE⁷; (2) ΙΗΣΟΥΣ ΧΡΙΣΤΟΣ ΘΕΟΥ ΥΙΟΣ ΣΩΤΗΡ⁸ (Иисус Христос Божий Сын Спаситель). Как видим, в латинском источнике представлен греческий вариант акrostиха, перенесенный в другой тип письма (латиницу), несмотря на то что Св. Августин в своем трактате предлагает два способа прочтения: *Flaccianus <...> Graecum nobis codicem protulit, carmina esse dicens Sibyllae Erythraeae, ubi ostendit quodam loco in capitibus uersuum ordinem litterarum ita se habentem, ut haec in eo uerba legerentur: Iesus Chreistos Theou uios soter, quod est Latine, Iesus Christus Dei filius saluator*⁹ (Флакциан <...> принес нам греческий кодекс, говоря, что это — песнь (предсказание) Эритрейской сивиллы, в которой указал на одно место, где заглавные буквы стихов расположены в таком порядке, что в них следующие слова читаются: ΙΗΣΟΥΣ ΧΡΙΣΤΟΣ ΘΕΟΥ ΥΙΟΣ ΣΩΤΗΡ, на латыни *Iesus Christus Dei filius saluator*, т.е. Иисус Христос Божий Сын Спаситель).

Однако не все известные нам переводчики передавали данную особенность. М. Бельский, пользовавшийся латинским вариантом текста, по-своему перевел стихотворение и исключил из польского варианта акrostих. Русский книжник, вероятнее всего, не имевший перед собой латинского оригинала, во всем следует Бельскому.

<i>Znamię sądnego dnia będzie /</i>	Знама су ^н аго дн ^и буде ^т
<i>Ziemia się zapoci wszędzie.</i>	Земля во ^з могне ^т ве ^з де
<i>Bowiem przydzie Panstworzenia /</i>	Поне ^ж прииде гд ^ѣ
<i>Na świat z nieba dla sądzenia</i> ¹⁰	Создания на вселенуо с нбси ¹¹

Н. Спафарий, придерживавшийся греческого варианта стихотворения, добавляет в перевод «краеграніе» (акrostих, краестишие)¹², но исключает данную часть: ΘΕΟΥ ΥΙΟΣ ΣΩΤΗΡ, зашифровывая только: Я ИСОВС ХРИСТОС ΘС ХРИСТОС (ΘС, вероятно, является сокращением от ὁ Θεός).

2. Принципы перевода

Как уже было сказано ранее, М. Бельский исключает из своего перевода акростих и по-своему переводит данный текст. Польский автор часто дополняет или сокращает оригинал. Например, в стихах: *E caelo rex adveniet per saecula futurus / Scilicet ut carnem praesens, ut iudicet orbem*¹³ → *Bowiem przydzie Panstworzenia / Na świat z nieba dla sądzenia*¹⁴ лексемы *rex* и *saecula* заменяются авторским словом, оформленным как сложное: *Panstworzenie* (т.е. *Panstwo tworzenie* — сотворение мира / государства); исключается упоминание о том, что Иисус явился во плоти на Землю: *ut carnem praesens* вместе с наречием *scilicet* ‘а именно, вот’, имеющим модальное значение.

В следующем примере лексемы, употребленные в оригинале в ед. ч. *incredulus atque fidelis* «неверящий и верный» передаются при переводе местоимением *wszyscy* (в латинском варианте используется ед. ч. в качестве поэтизма): *Unde Deum cernent incredulus atque fidelis*¹⁵ → *Dyrzą go wszyscy swym okiem*¹⁶, которое конкретизируется в следующем стихе, не имеющем латинского эквивалента: *Zli, do brzy, każdy swym tokiem*; глагол в буд. вр. *cernent* (увидят) переводится конструкцией с существительным в наст. вр.: *dyrzą swym okiem*. Вызывает вопросы, какой именно глагол предполагался в польской словоформе *dyrzą* — такой формы, как *dyrzeć*, нет. Таким образом, возможны два варианта лексем: (1) *darzeć* (благословлять)¹⁷ или (2) *durzeć* (ошеломлять, одурманивать)¹⁸, при выборе между ними мы считаем наиболее точным первый вариант.

Церковнославянский перевод с польского близок к словословному, например, *Znamię sądnego dnia będzie / Ziemia się zarosi wszędzie* ← *Знама су^онаго дни буде^м / Земля во^змогне^м ве^зде*¹⁹. В некоторых стихах обнаруживаются некоторые отступления, например, в следующем стихе: *Dyrzą go wszyscy swym okiem*²⁰ ← *узря^м его вси своима очима*²¹ находим одно отличие от польского оригинала: переводчик реагирует на лексему *oko* ‘глаз’, предполагающую парность данного органа, и использует дв. ч., в то время как в польском тексте используется ед. ч.: *swym okiem* ← *своима очима*. Отсутствие

дв. ч. в польском языке может объясняться простым следованием рифме: *Dyrzą go wszyscy swym okiem // Zli, dobrzy, każdy swym tokiem*²², в то время как русский книжник рифмы нигде не соблюдает, поэтому ничто не препятствует ему исправлять грамматику. В церковнославянском тексте также встречаются прямые заимствования, например, *každy swym tokiem*²³ ← *всякъ своимъ токемъ*²⁴; *W majestacie swym*²⁵ ← *В маистате своемъ*²⁶.

Перевод Н. Спафария, выполненный с древнегреческого оригинала, также имеет свои особенности. Греческий аорист регулярно передается настоящим и будущим временем: (1) *ἰδρώσα* (*ιδρώσει*)²⁷ γὰρ χθὼν σημαίων (σημείων) ὅτι ἔσαι, *Ἡξει δ' οὐρανόθεν βασιλῆς* (*βασιλεὺς*) *αἰῶσιν ὁ μέλλων*²⁸ ← *Яко во³ потъе^m земля егда судъ знама³ будеть Из нба же прїидеть црѣ вѣкω⁶ будущїи*²⁹; вероятнее всего, книжник интерпретировал греческие формы в гномическом значении (вневременное действие), которое как правило передается настоящим временем³⁰. Параллельно с аористом в оригинале попадают формы будущего времени: (2) *Ὀψονταὶ δὲ θεὸν μέροτες πιστοὶ καὶ ἄπιστοὶ*³¹ ← *Оузр^m же бга³ вгьрнїи и невгьрнїи члїы*³². При этом в латинском оригинале преобладает будущее время: *tellus sudore madescet* (ср. *Земля во³мокне^m (się zapoci) ве³де*); *E caelo rex adveniet* (ср. *прииде (przydzie) гдѣ с нбси*); *Deum cernent* (ср. *узря^m (dyrzą) его*) и пр.

В представленных примерах мы также можем наблюдать реализацию дополняющего перевода: в (1) добавляется лексема *судъ*; заметим, что в латинском оригинале есть упоминание суда: *I Iudicii signum tellus sudore madescet*³³. В обоих примерах Н. Спафарий также меняет порядок слов.

Таким образом, на данный момент нам известно два варианта перевода стихотворения Св. Августина на церковнославянский язык с греческого и польского (через латинский) языков, которые существенно отличаются друг от друга, несмотря на то что переводчики (Н. Спафарий и неизвестный книжник) старались во многом следовать исходным текстам. Такое расхождение происходит из-за вольной передачи М. Бельским латинского стихотворения, которое было переведено на церковнославянский неизвестным книжником.

Примечания

- ¹ *Piętka R.* Sybilla współczesna. Motywy sybillińskie w literaturze XX wieku // SYMBO-LAE PHILOLOGORUM POSNANIENSIIUM GRAECAE ET LATINAE. 2008. XVIII. S. 175.
- ² *Bielski M.* Kronika wszytkiego świata. Kraków, 1564 // Zakład Narodowy im. Ossolińskich. XVI. F. 4111.
- ³ *Бессонов И.* «Сивиллино пророчество о судном дни» в старообрядческой книжности XVIII–XIX вв. // Старообрядчество: история, культура, современность: материалы / ред.-сост. В. И. Осипов и др. М., 2014. С. 49.
- ⁴ ОР РГБ. Ф. 256. № 456. Л. 459 об. — 462 об.
- ⁵ *Спафарий-Милеску Н. Г.* Книга о Сивиллах // ОР РГБ. Ф. 256. № 227.
- ⁶ Там же. Л. 45.
- ⁷ *Augustini A.* De Civitate Dei. URL: <https://www.thelatinlibrary.com/augustine/civ18.shtml> (дата обращения: 30.04.2024).
- ⁸ *Спафарий-Милеску Н. Г.* Книга о Сивиллах... Л. 44 об. — 48 об.
- ⁹ *Augustini A.* De Civitate Dei...
- ¹⁰ *Bielski M.* Kronika wszytkiego świata... L. 135–136 об.
ОР РГБ. Ф. 256. № 456. Л. 461 об.
- ¹¹ *Спафарий-Милеску Н. Г.* Книга о Сивиллах... Л. 46.
- ¹² *Augustini A.* De Civitate Dei...
- ¹³ *Bielski M.* Kronika wszytkiego świata... L. 135.
- ¹⁴ *Augustini A.* De Civitate Dei...
- ¹⁵ *Bielski M.* Kronika wszytkiego świata... L. 135 об.
- ¹⁶ *Bielski M.* Kronika wszytkiego świata... L. 135 об.
- ¹⁷ Словник języка polskiego / red. W. Doroszewski. URL: <https://sjp.pwn.pl/doroszewski/darzyc;5419691.html> (дата обращения: 30.04.2024).
- ¹⁸ Словник języка polskiego / red. W. Doroszewski. URL: <https://sjp.pwn.pl/doroszewski/durzyc;5423472.html> (дата обращения: 30.04.2024).
- ¹⁹ ОР РГБ. Ф. 256. № 456. Л. 461 об.
- ²⁰ *Bielski M.* Kronika wszytkiego świata... L. 135 об.
ОР РГБ. Ф. 256. № 456. Л. 461 об.
- ²¹ *Bielski M.* Kronika wszytkiego świata... L. 135 об.
- ²² *Bielski M.* Ibid.
- ²³ ОР РГБ. Ф. 256. № 456. Л. 461 об.
- ²⁴ *Bielski M.* Kronika wszytkiego świata... L. 135 об.
- ²⁵ ОР РГБ. Ф. 256. № 456. Л. 461 об.
- ²⁶ *Правки греческого текста делаются по изданию Χρησμοι Σιβυλλιακοι. Oracula Sibyllina / rec. A. Rzach. Vienna, 1891. P. 153–156.*
- ²⁷ *Спафарий-Милеску Н. Г.* Книга о Сивиллах... Л. 45 об.
- ²⁸ Там же. Л. 46.
- ²⁹ *Янзина Э. В.* Учебник древнегреческого языка. М., 2020. Ч. 1. С. 115.
- ³⁰ *Спафарий-Милеску Н. Г.* Книга о Сивиллах... Л. 45 об.
- ³¹ Там же. Л. 46.
- ³² *Augustini A.* De Civitate Dei...

Лексические заимствования в Толковом Апокалипсисе (Киев, 1625 г.)

Лидия Ильинична Шутова

МГУ им. М. В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: lidia.shoutova@gmail.com
ORCID: 0009-0005-3780-869X

Ключевые слова: перевод Нового Завета, Киево-Печерская Лавра, глоссы, переводческая техника, лексические регионализмы

Lexical Borrowings in the Explanatory Apocalypse (Kiev, 1625)

Lidia I. Shoutova

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: lidia.shoutova@gmail.com
ORCID: 0009-0005-3780-869X

Keywords: lexical borrowings, New Testament translation, Kiev-Pechersk Lavra, marginalia, translation techniques, regional vocabulary

Апокалипсис с толкованиями Андрея Кесарийского¹ был издан в типографии Киево-Печерской Лавры в 1625 г. и сопровождается обширным маргинальным материалом, эксплицирующим переводческие интенции книжников. В некоторых случаях чтения глосс отражают процесс лексического заимствования, осуществляемого посредством адаптирующего перевода.

Адаптирующие глоссы — глоссы, направленные на подбор наиболее точного семантического соответствия ориги-

нальному чтению (лексемы, сосредоточенные в них, являются «адаптирующими эквивалентами»)². Рассмотрим примеры соотнесения церковнославянизмов с элементами «простой мовы» и с заимствованиями из польского.

Толкование на Откр. 4:4 Но или сие естъ, или паче оукрашенныа дѣлани и словом, Требѣ раздѣлѣвати, знаменѣемо чрезъ двадесѣтъхъ четьри стѣхѣа [греческиа] чтьи да искушлетъ. Л. 20. Εἶτε δὲ τοῦτό ἐστιν, εἶτε μᾶλλον τοὺς πρὸς ταῖς πράξεις καὶ τῷ λόγῳ κεκοσμημένους, χρῆ νοεῖν τὸ διὰ τῶν εἰκοσιτεσσάρων **στοιχείων** δηλούμενον, ὁ ἀναγινώσκων δοκιμαζέτω. Стр. 253. Наблюдаем в данном контексте лексическую мену: стѣхѣа – бѣкварѣ. Фиксация существительного бѣкварѣ датируется XVII веком; в значении ‘букварь, азбука’ встречается в Бумагах Петра I: Петра Алексеевича на оклейкѣ бѣкварѣ бархатѣ черкчатого три вершка³. В Лексиконе Памвы Берынды 1627 г. лексема определяется следующим образом: стѣхѣа лѣтеры азбѣчныи, ижѣ зъ нихъ всѣ книги сѣтъ написаны⁴. НКРЯ же в качестве единственного примера приводит отрывок из описи Московского Успенского собора, составленной в 1701 г.: Книги бѣкварѣ словено-греко-латинский, по окрѣзѣ по зеленон³. Вероятно, **στοιχείων** в значении ‘начала, основы или уроки’ по созвучию выведено в виде лексемы во внутритекстовой глоссе стѣхѣа⁵, а в маргинальной глоссе прокомментировано посредством славянизма бѣкварѣ.

Подирѣ — в долгѣю ажѣ до кортокѣ шатѣ. Л. 14. Несмотря на раннюю освоенность грецизма *подирѣ* (от *ποδήρις* — длинное одеяние⁶), данная лексема трактуется книжниками посредством регионально окрашенной глоссы, включающей в себя полонизм *шата* (ср. польское *szata* — риза). Характерно, что в Синониме славеноросской 1619 г.⁵ *подирѣ* соотносится с *ризон* *долгон*, а *шата* — с *ризон*. Так книжниками реализуется принцип адаптирующего перевода.

Толкование на Откр. 5:4 Конь же рыжий или изманиа кровин прикладъ етъ, или ражеженнаго за Христа пострадавшихъ разложения знаменѣ. Л. 26. Ὁ δὲ πύρρὸς ἵπλος, ἢ τῆς ἐκχύσεως τῶν αἱμάτων, ἢ τῆς πετωμένης τῶν ὑερ Χριστοῦ πασχόντων **διαθέσεως** σύμβολον. Стр. 265. Лексеме *разложения* глосса дает пояснение с использованием латинизма *Движенѣа* *сердечнаго*, то етъ *лффектѣ*.

В латинской части билингвы, которая использовалась при переводе, данный контекст читается с существительным *af-fectum: Porro equus rufus, aut effusi sanguinis symbolum est, aut inflammisim illorum affectum significat, qui mortem pro Christo oppetierunt*. Таким образом, это редкий случай обращения книжников именно к латинскому тексту издания. Существительное *аффектъ* в значении ‘чувства’ встречается в памятниках не ранее второй половины XVII в.⁷ В Лексиконе Берынды данная лексема не обнаруживается, однако в Синониме славеноросской *афектъ* определяется как *страсть, движение сердечное*⁵; в Лексиконе латинском Славинцкого — *affectus — страсть, движение*⁸. Мы можем предположить, что рассматриваемый латинизм воспринимается книжниками как недостаточно освоенный и потому, для дальнейшего вхождения в языковой фонд, фиксируется в маргиналии. Лексеме дается определение, а также устанавливается соотношение со славянизмом *разложениа*. Кроме того, обратим внимание на чтение *прикладъ*, глоссируемое греческой единицей *σύβολον*. В словаре Фасмера значение данной лексемы выводится через сравнение с аналогами в западнославянских языках (чешск. *příklad* и польск. *przykład*) и датируется XVII–XVIII вв.⁹ В Синониме определяется как *вбръзъ, указание*. Вероятнее всего, через польский язык лексема проникла в живой язык¹⁰; ее фиксация в памятнике письменности свидетельствует об усвоении формы.

Так, в авторском обращении к читателю книжником на поле выносятся славянская лексема *писаниа*, поясняющая иноязычное слово латинского происхождения *стгль что чѣдно естъ, аще в различныхъ Писанихъ различного стгала Писецъ употребляетъ* книжником на поле выносятся славянская лексема *писаниа*. Отметим, что латинизм *стгль* не зафиксирован в СлРЯз XI–XVII в., а результаты старорусского подкорпуса НКРЯ³ позволяют говорить о том, что раннее употребление данной лексемы датируется XVIII в.: «Ежели я не умею и не могу по различию вещей различать *стиль*, то почему меня должно называть *пиитом?*» (В. К. Третьяков. Горация Флакка «Эпистола к Пизонам о стихотворении и поэзии» с латинских

стихов прозой 1751–1752 гг.). Аналогичным образом словарь Фасмера датирует лексему петровской эпохой⁴. При этом в лексиконе Славинецкого латинизм *stylus* присутствует и определяется как: *столъпъ, стѣбъ, образъ писанія*⁸. Киевские книжники латинизм, воспринимаемый как недостаточно освоенный, поясняют славянизмом.

Откр. 21:15 И *измѣри градъ Тростю дванадесатъ Тисацин стадин*: *долгота ево, и широта, и высота равныа еуть*. Л. 109. Καὶ ἐμέτρησε τὴν πόλιν ἐν τῷ καλὰμῳ ἐπὶ *σταδίων* δώδεκα χιλιάδων τὸ μῆκος αὐτῆς, καὶ τὸ πλάτος καὶ τοῦψοσι ἴσα ἐστί. Стр. 433. Сравним с редакцией Великих Миней Четых, употребляющей существительное *стадин*: *Измѣрнѣтѣ градъ тростю на стадин дванадесатѣ тисацин: и долгота и широта и высота его равна еуть*. Стлб. 1786. Чтение основного текста со старым грецизмом соответствует как ВМЧ, так и греческому оригиналу — транслитерация *σταδίων*. Так, грецизм *стадии* (в значении меры длины = 185–210 м) отмечается и в Зографском, и в Маринском, и в Ассеманиевом Евангелиях¹¹. Славянизм *гонз* (обычно во мн. ч.) в значении ‘местной единицы измерения пахотной земли и расстояния’ с точки зрения регистравой принадлежности отличается от старославянизма — обычно встречается в грамотах. Лексема *гоны* рассматривается редакторами как потенциальный субститут грецизма.

Толкование на Откр. 20:19 *Не съзтакъ, ниже същество во Твари истреблетъся и погнетъ, но образъ преходитъ мира сего, ирѣчь, взнихже преступление бытъ: занеже вѣтъша чловекъ в нихъ*. Л. 102. Οὐχὶ ἡ ὑπόστασις, οὐδὲ ἡ οὐσία, τῆς κτίσεως ἐξαφανίζεται ἀληθῆς γάρ καὶ βέβαιος ὁ συστησάμενος αὐτήν, ἀλλὰ τὸ σχῆμα παράγει τοῦ κόσμου τούτου τούτέστιν, ἐν οἷς ἡ παράβασις ἐγένετο ὅτι ἐπαλαιώθη ὁ ἄνθρωπος ἐν αὐτοῖς. Стр. 420. Греческое чтение *χημα* как оригинальное чтение для лексемы *образъ* выносится в маргиналию и имеет графически неверное написание (пропущена начальная -σ-). В словаре греческая единица определяется как *σχῆμα* — 1) внешний вид, облик (этого мира); 2) образ, облик, подобие, природа. *σχῆματι εὐρεθεῖς ὡς ἄνθρωπῶπος* — приняв человеческий облик, став во всем подобным человеку (Флп. 2:7)⁶. Кроме того, наравне с грече-

ской лексемой книжниками приводится и славянский регионализм — полонизм *кштальчъ* ‘вид, форма’: лексема входит в употребление через польский язык — *kształt* (из немецкого *G(e)stalt*). Характерно, что распространение существительное получает в XVII в.⁷ Обратим внимание, что в Лексиконе Беринды лексема *кштальчъ* фиксируется в контекстах, определяющих однокоренные слова: *оуразъю* — *чворъ*, *формъю*, *кштальчю*; *образованне* — *формованье*, *кштальчъ вычисненье*⁵.

Отметим также случай употребления маркированной единицы — полонизма: *аргументъ апокалиписъ*. Характерно, что существительное *аргументъ* фиксируется впервые не ранее XVII в. в значении ‘сведение о чем-либо, довод, свидетельство’; в Лексиконе Славинецкого: *argumentum* — *извѣчъ*, *докод*⁸. Подобным же образом глагол *аргументовати* в значении ‘сообщать какие-либо сведения, свидетельствовать’ под влиянием польского языка (*argumentować*) закрепляется не ранее XVII в.⁹ Фасмер отмечает, что форма с ударением на конце свидетельствует о латыни или немецком как о донаторе, в то время как на первом гласном — о польском посредничестве⁹.

Аналогичным образом в издание вводится лексема *декретъ*: *изрече декретъ*. Существительное *декретъ* в значении ‘приговор; решение, повеление’ появляется в памятниках не ранее XVII в.⁷ Результаты НКРЯ позволяют говорить о более ранней спорадической фиксации: *де*, *декретъ знаменитѣ произведенъ отъ великаго сонница* (Андрей Курбский. История о великом князе Московском; 1564–1583 гг.). Фасмер же указывает в качестве нижней границы 1635 г., но замечает, что активное распространение заимствование получило лишь при Петре I благодаря латинскому или немецкому влиянию⁹.

Таким образом, мы видим, что издание в типографии КПЛ книг с обширным маргинальным материалом имело своей целью не только устранение текстологических лакун восточнославянского Апокалипсиса, но и освоение лексических единиц, их первичной фиксации, необходимой для дальнейшего вхождения в узус.

Примечания

- ¹ Толкование на Апокалипсис. Киев: Типография Лавры, 1625.
- ² *Пентковская Т. В.* Адаптирующие глоссы в поздних церковнославянских переводах с греческого // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2016. № 1. Стр. 26–44.
- ³ Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 26.03.2024).
- ⁴ Лексикон славеноросский. Киев: Типография Лавры, 1627.
- ⁵ Синонима славеноросская. Киевъ: Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, 1888.
- ⁶ Греческо-русский словарь Нового Завета. Перевод краткого греческо-английского словаря Б. М. Ньюмана / рус. пер. и ред. В. Н. Кузнецовой. М., 2012.
- ⁷ Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. Д. Н. Шмелев. М., 1975. Т. 1. С. 46, 58, 351; Т. 4. С. 203.
- ⁸ Лексикон словено-латинский Епифания Славинецкого / подг. В. В. Німчук. Киев, 1973.
- ⁹ *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 томах. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М., 1986. Вып. 4. С. 760; Вып. 2. С. 440; Вып. 1. С. 84, 495.
- ¹⁰ *Пентковская Т. В.* «Поучения» Аввы Дорофея в киевском издании 1628 года: характер редакторской правки // Шестнадцатые Загребинские чтения. СПб., 2022. С. 291.
- ¹¹ Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1994.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ГРАММАТИКИ СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

DOI: 10.31168/2619-0869.2024.29

Однократный способ глагольного действия в хорватском языке в сопоставлении с русским

Данил Сергеевич Соколов

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: sokolovdanil.uch@gmail.com
ORCID: 0009-0008-5959-5885

Ключевые слова: однократный способ глагольного действия, семельфактив, хорватский язык, словообразование

A Semelfactive Lexical Aspect in Croatian Compared to one in Russian

Danil S. Sokolov

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: sokolovdanil.uch@gmail.com
ORCID: 0009-0008-5959-5885

Keywords: a semelfactive lexical aspect, Croatian, word formation

Введение

Способ глагольного действия — тип модификации глагольного действия, характеризующий протекание действия во времени. Категория способа действия тесно связана с категорией вида¹, при этом вид и способ действия «рассматри-

ваются как явления разного порядка, хотя и относящиеся к одной и той же понятийной сфере. А именно, вид является грамматической категорией, а способ действия — словообразовательной². Существует две точки зрения относительно этой категории: 1) согласно более узкому ее пониманию, к разным способам глагольного действия (далее — СД) относятся только глаголы, имеющие специальные префиксы и суффиксы (В. В. Виноградов, Н. С. Авилова, Е. А. Земская); 2) согласно более широкому пониманию этой категории, к разным СД относятся глаголы, имеющие определенную семантику протекания во времени, а в состав категории входят как глаголы, имеющие соответствующую морфемную характеристику, так и глаголы, не имеющие ее (Ю. С. Маслов, А. В. Бондарко). В нашей статье мы придерживаемся первой точки зрения.

Цель нашей работы — описать однократный (семельфактивный) СД в хорватском языке и сравнить его с русским. Для сопоставления глаголов однократного СД в хорватском и русском языках, а также для нахождения уникальных словообразовательных моделей используется поиск по начальной форме слова в параллельном корпусе InterCorp³.

Хорватские ученые пишут об однократных (семельфактивных) глаголах прежде всего в контексте описания словообразовательных аффиксов (см. работы С. Бабича⁴ и авторского коллектива под руководством Э. Барич⁵). Заметим, что авторы обоих трудов отмечают в качестве аффикса однократных глаголов лишь суффикс *-nu-*, не рассматривая другие форманты, маркирующие значение однократности в хорватском языке. Иной подход демонстрируют А. Г. Кречмер и Г. Невекловский, обращающиеся к понятию СД и рассматривающие его как семантическую категорию (примеры глаголов однократного СД — *pasti* '(у)пасть', *skočiti* 'прыгнуть', *gurnuti* 'толкнуть')⁶.

Однократный СД «обозначает один “квант” деятельности, описываемой исходным глаголом»⁷. Глаголы этого СД образованы от имперфективных глаголов, обозначающих многоактные и гомогенные ситуации.

Глаголы однократного СД, образованные от многоактных глаголов

К этой группе относятся глаголы, обозначающие один из многих «квантов» определенного действия (например, *mahnuti* ‘махнуть’ от *mahati* ‘махать’). Для хорватского, как и для русского, суффикс *-ni-* является в данной словообразовательной модели самым продуктивным. Он присоединяется к основам имперфективных глаголов (именно многоактных) только с суффиксом *-a*⁸. В русском языке большинство исходных глаголов при таком словообразовании тоже имеет суффикс *-a-*, однако встречаются и исключения (*пальнуть*, *кольнуть* < *палить*, *колоть*).

В хорватском языке образование некоторых глаголов однократного СД характеризуется специфическими фонетическими особенностями. Так, у некоторых глаголов существует две формы, различающихся по утрате / сохранению согласной в основе. Например, глаголы *kanuti*, *kapnuti* < *kapati* ‘капать’; *šanutu*, *šapnuti* < *šaptati* ‘шептать’; *manuti*, *mahnuti* < *mahati* ‘махать’. Иногда в результате такого разделения глаголы начинают различаться по смыслу: *manuti* в хорватском значит ‘избегать чего-то’, ‘избавить от чего-то’, а *mahnuti* — ‘махнуть’. Связь между этими словами очевидна (в русском такую семантическую связь демонстрирует глагол *отмахнуться* в значении ‘оставить без внимания’), однако их значения довольно сильно отличаются:

- (1) **Mani** me tih gluposti. ‘Избавь меня от этих глупостей’.
- (2) **Mahnuo** je i otišao. ‘Он махнул рукой и вышел’.

Интересны в связи с этим разговорные глаголы *šenuti* ‘сойти с ума’, ‘тронуться’ и *šetnuti* ‘немного погулять’. Можно предположить, что между ними есть лексическая связь, подобная той, что есть у глаголов *manuti* и *mahnuti*. Ср. хорв. *šenuti* *rateći* с русским *тронуться* *умом*.

Многие глаголы с суффиксом *-ni-* / *-ну-* в хорватском и русском языках структурно эквивалентны. Например, *kihnuti* ‘чихнуть’, *zijeવnuti* ‘зевнуть’, *treпnuti* ‘моргнуть’, *gutnuti* ‘глотнуть’, *pljunuti* ‘плюнуть’, *pljesnuti* ‘хлопнуть’,

štucnuti ‘икнуть’, *puhnuti* ‘дунуть’ и т.д. Однако зачастую структурно тождественные эквиваленты отсутствуют. В хорватском отсутствует суффикс *-ani-*, который в русском языке выделяется рядом исследователей. Он маркирует значение «однократно и интенсивно или экспрессивно, резко совершить действие»⁹ (*долбануть, мазануть, психануть*).

Приставка *za-* в хорватском языке также являет собой достаточно продуктивную словообразовательную модель однократного СД: *zakašljati (se)* ‘кашлянуть’, *zatreptati* ‘моргнуть’, *zaljuljati* ‘качнуть’, *zasjati* ‘сверкнуть’. От одного глагола может быть образовано несколько глаголов однократного СД (*trepnuti* и *zatreptati* — синонимы, т.к. они взаимозаменяемы в рамках предложения). На примере (3) видно, что глаголу с приставкой *za-* приписана именно семантика однократности действия:

- (3) *Sada se nije čulo ništa; u daljini od dvadesetak jardi čekali su da netko šušne, zakašlja se, kihne...* ‘Не было слышно ни звука; а что если в каких-нибудь десяти метрах они ждут, чтобы мы **шелохнулись, кашляли, чихнули...**’

Стоит отметить, что приставка *za-* служит также для образования глаголов начинательного СД, поэтому глагол *zatreptati* может значить и ‘моргнуть’, и ‘заморгать’. В русском приставка *za-* не образует глаголы однократного СД.

Однократное мгновенное действие представлено также немногочисленным рядом глаголов, структурные эквиваленты которых есть в русском¹⁰, с основообразующим суффиксом *-i-*: *baciti* ‘бросить’, *stupiti* ‘ступить’, *skočiti* ‘прыгнуть’ — и глаголами с приставкой *u-*: *ubosti* ‘уколоть’, *ugristi* ‘укусить’.

Глаголы однократного СД, образованные от гомогенных глаголов

К этой группе относятся глаголы, описывающие действие, не состоящее из множества повторяющихся квантов. Например: *grnuti* ‘устремитесь’, *svanuti* ‘рассвести’, *zovnuti* ‘позвать’. В отличие от слов, образованных от многоактных глаголов, для образования глаголов этой группы необязательно,

чтобы в производящем слове был суффикс *-а-*. Это свойственно для обоих языков. Например, в хорватском это глаголы *jurnuti* 'погнаться' < *juriti* 'гнаться', *šiznuti* 'взбеситься' < *šiziti* 'сходить с ума, беситься', *vinuti se* 'взвиться' < *viti se* 'вить-ся', *planuti* 'полыхнуть, распалиться' < *paliti* 'палить, жечь'; а в русском: *дунуть* < *дуть*, *глянуть* < *глядеть*, *кутнуть* < *кутить*. Представляют интерес хорватские слова, не имеющие структурных эквивалентов в русском, такие, как: *banuti* (4) 'ворваться' (резко, одномоментно), *živnuti* 'взбодриться', *kleknuti* 'преклониться', *zovnuti* 'позвать':

- (4) **Banuo** sam jednog jutra u Belbovu radnu sobu...
'Утром я **ворвался** в кабинет Бельбо'.

В русском языке глаголы на *-ну-*, образованные от глаголов, обозначающих гомогенные процессы, стилистически окрашены, поскольку компоненты «быстро» и «сильно» в значении этого СД представляют действие как совершаемое как бы «походя» (*кутнуть*, *мазнуть*, *курнуть*)¹¹. В хорватском языке этому суффиксу ближе семантика малого количества действия, чем небрежного отношения к действию, как в русском: *dremnuti* 'вздремнуть', *pjevnuti* 'немного попеть', *šetnuti* 'быстро/немного прогуляться', *spavnuti* 'немного поспать'¹².

Существует ряд глаголов однократного СД, образованных от гомогенных глаголов, однако не наделенных значением малого количества действия: *viknuti* 'крикнуть', *kliznuti* 'скользнуть', *dokinuti* 'остановиться', *dignuti* 'поднять'.

В хорватском языке не имеет структурного соответствия словообразовательный тип «с- + гомогенный глагол», также обозначающий однократность действия¹³, ср. *сглупить*, *слетать*, *соригинальничать*, *струсить*.

Таким образом, в рассмотренных языках наблюдается сходство в образовании глаголов однократного СД (аффиксы *-ни-*, *-и-*, *и-*), однако есть и отличия: в хорватском значение однократности могут иметь глаголы с приставкой *za-*, в русском — с приставкой *с-* (см. табл. 1). В хорватском наблюдается изменение семантики слова при утрате согласной при образовании глагола однократного СД, отсутствующее в русском. В обоих языках при словообразовании различаются глаголы многоактных и гомогенных ситуаций.

	Хорватский	Русский
-nu- (-ну-)	+	+
-i- (-и-)	+	+
u- (у-)	+	+
za- (за-)	+	-
s- (с-)	-	+
-anu- (-ану-)	-	+

Табл. 1. Соответствия и несоответствия в выражении СГД в хорватском и русском языках

Примечания

- ¹ Бонадрко А. В. Русский глагол Л., 1967. С. 41.
- ² Зализняк Анна А. Способ действия // Энциклопедия «Кругосвет». URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/SPOSOB_DESTVIYA.html (дата обращения: 18.03.2024).
- ³ Rosen A., Vavřin M., Zásina A. J. Korpus InterCorp, verze 15 z 11.11.2022. Ústav Českéo národního korpusu FF UK. Praha, 2017. URL: <http://www.korpus.cz> (дата обращения: 18.03.2024).
- ⁴ Babić S. Tvorba riječi u hrvatskome književnome jeziku. Zagreb, 2002. S. 517.
- ⁵ Barić E. et al. Hrvatska gramatika. 2. izd. Zagreb, 1997. S. 374.
- ⁶ Кречмер А. Г., Невекловский Г. Сербохорватский язык (сербский, хорватский, боснийский, черногорский языки) // Языки мира: Славянские языки / Ред. колл.: А. М. Молдован, С. С. Скорвид и др. Изд. 2, испр. и доп. СПб., 2017. С. 174–175.
- ⁷ Зализняк Анна А. Способ действия...
- ⁸ Там же.
- ⁹ Лопатин В. В., Улуханов И. С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М., 2016. С. 718.
- ¹⁰ Varnetová V. et al. Русская грамматика. Praha, 1979. Díl 1. S. 262.
- ¹¹ Зализняк Анна А. Способ действия...
- ¹² Babić S. Tvorba riječi u hrvatskome književnome jeziku... S. 534.
- ¹³ Лопатин В. В., Улуханов И. С. Словарь словообразовательных аффиксов... С. 219.

Можно ли посчитать неопределенные местоимения?

Роман Сергеевич Фисун

Регенбургский университет,
Регенбург, Германия;
e-mail: fisun.roman@gmail.com
ORCID: 0000-0002-3074-5172

Ключевые слова: неопределенность, кодификация, грамматическая традиция, славянские языки, грамматики

Is it Possible to Count Indefinite Pronouns?

Roman S. Fisun

University of Regensburg,
Regensburg, Germany;
e-mail: fisun.roman@gmail.com
ORCID: 0000-0002-3074-5172

Keywords: indefiniteness, codification, grammatical tradition, Slavic languages, grammars

В русской традиции перечень серий неопределенных местоимений (НМ) часто воспринимается как весьма стабильный: кодифицированные серии четко отделены от так называемых «составных местоимений» типа рус. *кто бы то ни было* или *что угодно*. Однако оказывается, что составить список кодифицированных неопределенных серий — не такая тривиальная задача для многих славянских языков. В данной статье делается попытка выявить и посчитать кодифицированные НМ в русском, украинском, польском, чешском и хорватском языках. Материалом исследования стали научные грамматики (включая академические) и авторитетные грамматические описания.

Русский язык

В русских академических грамматиках¹ упоминаются только пять маркеров неопределенности (далее — модификаторы): префиксальные *не-*, *кое-* (*кой-*) и постфиксальные *-то*, *-либо*, *-нибудь*. Большинство грамматик русского языка следуют этой традиции². Особый взгляд на список модификаторов имеет Пражская грамматика³. Она подчеркивает открытость границ группы и дополнительно упоминает преф. *Бог весть*, *Бог знает*, *невесть*, *неизвестно*, *хоть* и постф. *(бы) ни*, *угодно*.

Корпусная грамматика русского языка⁴ также называет дополнительные серии на *бы то ни было* и *угодно*. Эти серии описываются как неотъемлемая часть системы НМ: *бы то ни было* как местоимение отрицательной поляризации, а *угодно* как единственная серия, выражающая только значение свободного выбора.

Украинский язык

Большинство украинских грамматик⁵ приводит пять префиксальных (*аби-*, *будь-*, *де-*, *казна-*, *хто зна*) и два постфиксальных НМ (*-сь*, *-небудь*), которые в соответствии с точкой зрения, принятой в русистике, могут рассматриваться как традиционные. Более пространственный список приводит И. П. Ющук⁶, упоминая дополнительно *бозна-* и *невідь-*. Постфиксальный модификатор *будь* встречается в грамматиках реже, чем префиксальный⁷. В грамматике под ред. М. Т. Доленко⁸ отсутствуют такие частотные модификаторы, как *де-* и *-сь*. В списке Ю. В. Стечишина⁹ нет *аби*, *будь*, *казна* и *хто зна*.

Польский язык

Все исследованные польские грамматики содержат префиксальные НМ на *-kolwiek* и *-ś*. Только они могут быть оценены как общепринятые. *Byle* и *baqđz* упоминаются реже: каждое в четырех грамматиках.

Академическая грамматика¹⁰ и грамматика А. Нагурко¹¹ содержат только *-kolwiek* и *-ś* и не приводят ни одного префиксального модификатора. У В. Дорошевского¹² дополни-

тельно есть постфиксальный *bądz*. *Nie-* и постф. *bądz* есть в списке М. Скибицкого¹³; *byle* и постф. *bądz* у Д. Белец¹⁴; *byle* и *nie-* в грамматике под ред. Б. Бартницкой¹⁵. И. Садовска¹⁶ приводит четыре серии, а М. Загурска-Брукс¹⁷ упоминает больше НМ, чем другие: кроме *-kolwiek* и *-ś* в ней есть префиксальные (*byle, lada, nie*) и одна постфиксальная (*bądz*) серия.

Чешский язык

Для чешского языка было проанализировано шесть грамматик¹⁸, и в каждой упоминаются четыре серии на *leda-*, *ně-*, *-koli(v)* и *-si*. Еще четыре встречаются каждая в пяти грамматиках: *kde-*, *málo-* и *všeli-* отсутствуют у М. Чеховой¹⁹, а *lec-* — у З. Русиновой и М. Некулы²⁰. Эти модификаторы предлагается считать традиционными для чешской традиции.

Грамматика под ред. М. Комарека²¹ содержит наиболее длинный список из 16 модификаторов:

префиксальные:

- (1) *bůhví-*, *čtví-*, *kde-*, *kdoví-*, *kdožví-*, *lec-*, *leda-*, *málo-*, *ně-*, *nevím-*, *pánbůhví-* / *pánbůví-* / *pámbuví*, *sotva-* / *sotva*, *všeli-* / *všel-*, *zřídka-* / *zřídka-*

постфиксальные:

- (2) *-koli(v)*, *-si*

У Русиновой и Некулы²² по сравнению с ним отсутствуют *kdoví-*, *kdožví* и *lec-*, но есть *bůhsud*. Самый же короткий список из шести НМ — в грамматике Чеховой²³: *lec-*, *leda-*, *ně-*, *sotva-*; *-koli(v)*, *-si*.

Хорватский язык

Т. Маретич приводит в списке НМ только те единицы, которые имеют слитное написание²⁴:

префиксальные:

- (3) *gdje-*, *i-*, *koje-*, *ne-*, *sav-* / *sva-* / *sve-*, *što-*

постфиксальная:

- (4) *-god*

С. Тежак и С. Бабич²⁵ приводят 9 НМ: дополнительно называются префиксальные *bilo* и *ma* и постфиксальное раздельное *god*. Е. Барич и др.²⁶ выделяют 13 префиксальных (+ *po-*, *pone-*, *makar*, *bud*, *budi*, *bilo*) и восемь постфиксальных (+ *tu drago*, *ti volja*, *te volja*, *hoćeš*, *hoće-*, *bilo*) НМ. В то же время Й. Силич и И. Пранькович²⁷ предлагают более узкий список из четырех префиксальных (*ne-*, *i-*, *sav-/sva-/sve-*, *koje-*, *gdje-*), одной постфиксальной серии (*-god*) и целого ряда «частиц», присоединяющихся к местоименным корням и выполняющих функцию НМ: *ma*, *god*, *bilo*, *tu drago*, *god tu drago*.

Б. Кунцманн-Мюллер²⁸ также указывает на неоднородность категории, ядром которой она считает «серии из вопросительных местоимений и различных аффиксов»²⁹ (*ne-*, *pone-*, *i-*, *koje-*, *što-*, *gdje-*, *-god*, *god*). Кроме того, она перечисляет «идиоматизированные выражения, стоящие до или после местоимения»:

префиксальные:

(5) *ma*, *makar*, *bilo*

постфиксальные:

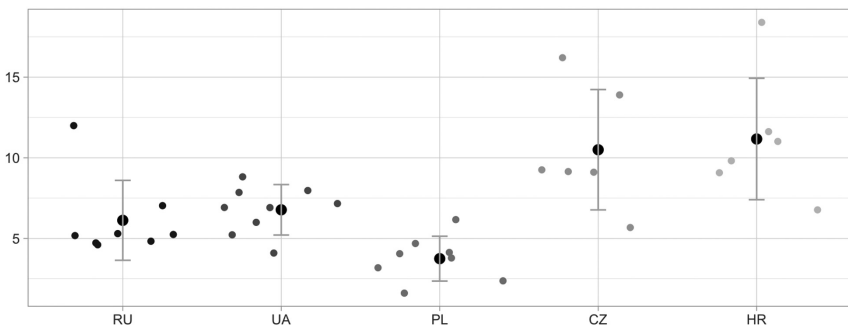
(6) *tu* (*ti*, *vam*) *drago*

И. Маркович³⁰ упоминает четыре, как он их называет, неопределенных префикса (*ne-*, *i-*, *pone-*, *sva-*), а также три препозитивные (*bilo*, *ma*, *makar*) и три постпозитивные частицы (*bilo*, *god*, *tu drago*).

Выводы

Диаграмма на рисунке 1 представляет количество серий НМ в проанализированных грамматиках и показывает стандартное отклонение. По нему видно, насколько разными могут быть взгляды грамматистов на перечень модификаторов, т.е. оно коррелирует с тем, насколько стабильным воспринимается инвентарь НМ в каждой традиции, что также может свидетельствовать и о стабильности категорий в языке. Польская грамматика представляется наиболее стабильной со средним значением 3,8 серии и наименьшим

стандартным отклонением 1,4. Русская грамматическая традиция с 6,1 серии имеет стандартное отклонение 2,5, что показывает, что помимо преобладающего мнения о пяти модификаторах, некоторые грамматики все же имеют сильно отличающиеся списки. Среднее количество модификаторов в украинском немного выше — 6,8, а меньшее стандартное отклонение в 1,6 показывает, что оно также более стабильно, чем в русском. В грамматиках чешского и хорватского в среднем упоминается значительно больше местоимений: 10,5 и 11,2 соответственно. Однако большие отклонения в 3,7 и 3,8 показывают, что это число нестабильно и сильно варьируется. Это говорит о том, что категория воспринимается более расплывчато, чем в других традициях.

Рис. 1. Упоминание серий НМ в славянских грамматиках.

Маленькие точки соответствуют количеству серий в отдельном описании, их цвет зависит от языка. Большие черные точки показывают среднее количество серий для языка. Полосы ошибок соответствуют стандартному отклонению.

Таблица 1 обобщает так называемые «традиционные» неопределенные серии для каждого языка. Как видно, наименьшее количество НМ постулируется для польского. Пять неопределенных серий типичны для русского. В украинской грамматической традиции укоренены семь серий. В грамматиках чешского и хорватского обычно упоминается большее — восемь — число модификаторов.

Язык	RU	UA	PL	CZ	HR
префиксальные модификаторы	не- кое- (кой-)	аби- будь- де- казна хто зна	/	leda- ně- kde- málo- všeli- lec-	bilo gdje- i- koje- ne- ma sva-/sav-/sve-
постфиксальные модификаторы	-то -либо -нибудь	-сь -небудь	-kolwiek -ś	-koli(v) -si	-god
Σ	5	7	2	8	8

Табл. 1. Традиционные модификаторы

Итак, не только посчитать все НМ языка, но также и решить более частный вопрос — какие местоимения кодифицированы в языке — оказывается практически невозможным.

Примечания

- ¹ Виноградов В. В., Истрина Е. С. Бархударов С. Г. Грамматика русского языка. М., 1960; Шведова Н. Ю. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970; Она же. Русская грамматика. М., 1980.
- ² Gabka, K. Die russische Sprache der Gegenwart. Band 2: Morphologie. Düsseldorf, 1975. С. 339; Шведова Н. Ю., Лопатин В. В. Русская грамматика. М., 1990. С. 204; Tauscher E., Kirschbaum E. Grammatik der russischen Sprache. Berlin, 1962.
- ³ Barnetová V. et al. Русская грамматика. Díl 2. Praha, 1979.
- ⁴ Проект корпусного описания русской грамматики. URL: <https://www.rusgram.ru> (дата обращения: 12.03.2023).

- ⁵ *Жовтобрюх М. А., Кулик Б. М.* Курс сучасної української літературної мови. Київ, 1961; *Білодід, І. К.* Сучасна українська літературна мова. Київ, 1969. С. 265–266; *Русановский В. М.* Украинская грамматика. Киев, 1986; *Пономарів О. Д.* Сучасна українська мова. Київ. С. 166; *Ющук І. П.* Українська мова. Київ, 2008. С. 366; *Вихованець І. Р., Городенська К. Х.* Граматика сучасної української літературної мови: морфологія. Київ, 2017. С. 241.
- ⁶ *Ющук І. П.* Українська мова... С. 366
- ⁷ *Stechishin J. W.* Ukrainian grammar. Winnipeg, Man., 1977; *Русановский В. М.* Украинская грамматика... *Вихованець І.Р., Городенська К.Х.* Граматика...
- ⁸ *Доленко М. Т., Дацюк А. Г., Кващук А. Г.* Сучасна українська мова. Київ, 1974. С. 204.
- ⁹ *Stechishin J. W.* Ukrainian grammar. P. 173–177.
- ¹⁰ *Grzegorzczkova R., Laskowski R., Wróbel H.* Gramatyka współczesnego języka polskiego. T. 2: Morfologia. Warszawa, 1999.
- ¹¹ *Nagórko A.* Podreczna gramatyka języka polskiego. Warszawa, 2005. S. 155–157.
- ¹² *Doroszewski W.* Podstawy gramatyki polskie. Warszawa, 1963. S. 217.
- ¹³ *Skibicki M.* Polnische Grammatik. Hamburg, 2007. S. 190–194.
- ¹⁴ *Bielec D.* Polish: An Essential Grammar. London, 2012. P. 206–208.
- ¹⁵ *Bartnicka B., Hansen B., Klemm W., Lehmann V., Satkiewicz H.* Grammatik des Polnischen. München, 2004. S. 291–294.
- ¹⁶ *Sadowska I.* Polish: A Comprehensive Grammar. London, 2012. P. 299–303.
- ¹⁷ *Zagórska Brooks M.* Polish Reference Grammar. The Hague, 1975. P. 305–306.
- ¹⁸ *Havránek B., Jedlička A.* Česká mluvnice. Praha, 1981; *Komárek M., Kořenský J., Petr J.* Mluvnice češtiny 2. Tvarosloví. Praha, 1986; *Rusínová Z., Nekula M.* Morfologie // *Karlík P., Nekula M., Rusínová Z.* (eds.) Příruční mluvnice češtiny. Praha 1996. S. 227–368; *Čechová M. et al.* Čeština. Praha, 2000; *Cvrček V. et al.* Mluvnice současné češtiny. Praha, 2010; *Štícha F. et al.* Akademická gramatika spisovné češtiny. Praha, 2013.
- ¹⁹ *Čechová M. et al.* Čeština...
- ²⁰ *Rusínová Z., Nekula M.* Morfologie... S. 227–368.
- ²¹ *Komárek M., Kořenský J., Petr J.* Mluvnice češtiny...
- ²² *Rusínová Z., Nekula M.* Morfologie...
- ²³ *Čechová M. et al.* Čeština... S. 208.
- ²⁴ *Maretić T.* Gramatika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. Zagreb, 1963. S. 198–200.
- ²⁵ *Težak S., Babić S.* Gramatika hrvatskoga jezika. Zagreb, 1996. S. 113–114.
- ²⁶ *Barić E. et al.* Hrvatska gramatika. Zagreb, 1997. S. 296–297.
- ²⁷ *Silić J., Pranjković I.* Gramatika hrvatskoga jezika za gimnazije i visoka učilišta. Zagreb, 2007. S. 127–128.
- ²⁸ *Kunzmann-Müller, B.* Grammatikhandbuch des Kroatischen unter Einschluß des Serbischen. Frankfurt am Main, 2002. S. 164–168.
- ²⁹ *Idem.* S. 164.
- ³⁰ *Marković I.* Uvod u jezičnu morfologiju. Zagreb, 2013. S. 332.

Целевой инфинитив в простом предложении в сербском языке

Мария Ивановна Хажомия

Православный
Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: semper_gaudete@outlook.com
ORCID: 0009-0009-0960-2300

Ключевые слова: инфинитив, значение цели, сербский язык, предложно-падежные конструкции

Infinitive of Purpose in Simple Sentence in Serbian

Maria I. Khazhomia

St Tikhon's Orthodox University,
Moscow, Russia;
e-mail: semper_gaudete@outlook.com
ORCID: 0009-0009-0960-2300

Keywords: infinitive, purpose, prepositional-case constructions, Serbian

В сербском языке целевое значение в простом предложении выражается разнообразными средствами: предложно-падежными конструкциями с предлогами *ради*, *због*, *у циљу*, *с циљем*, *у сврху* и др.; глагольными конструкциями с зависимым целевым инфинитивом; деепричастными конструкциями. Цель настоящей статьи — рассмотреть функционирование зависимого инфинитива цели в сербском предложении, опираясь на материал сербской художественной литературы, интернет-текстов, параллельного (русско-сербского) подкорпуса Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ).

Глагольная конструкция с зависимым целевым инфинитивом

Одним из способов выражения значения цели в сербском языке является глагольная конструкция с целевым инфинитивом, состоящая из личной формы глагола (обозначает главную ситуацию) и инфинитива (представляет целевую ситуацию): *И тај пошао мудрост просипати* (И тот **отправился рассыпать** мудрость* — Б. Ђопић); *Препоручујем Вам, дакле, да објавите тамошњим чиновницима да је инајдер дошао узети мере за грађење униформе* (Я рекомендую вам, следовательно, сообщить тамошним чиновникам, что портной **пришел снять** мерки для изготовления униформ — Јован Обреновић, 1837). Стоит отметить, что в современном сербском языке употребление целевого инфинитива характерно преимущественно для западных регионов: *Дошао си Босну походити, српски не знаш добро говорити, ево тебе наша граматика, из мојега аутоматика!* (Ты **пришел ходить** по Боснии, по-сербски не умеешь хорошо говорить, вот тебе наша грамматика из моего автомата! — М. Капор); *Išao sam platiti neke račune i kad sam se vratio do auta, račune sam htio staviti u fascikl¹* (Я **пошел оплатить** кое-какие счета, и когда вернулся к машине, хотел положить счета в папку; Босния); *Prvi bih otišao uzeti arapske pare²* (Я бы первым **пошел взять** арабские деньги; Босния).

В художественной литературе целевой инфинитив встречается, например, у М. Глишича (Валево): *Odatle se krenu kapetan obilaziti ostala sela* (Оттуда капитан **отправился обходить** остальные деревни); *Vaš kad se gazda Milun prikuči ka kolu, prekide se igra i onaj Srejin momčić zađe kupiti bakšiš* (Как только хозяин Милун приблизился к хороводу, танец прервался, и тот парнишка Срея пошел **собирать** чаевые); у Я. Веселиновича (Шабач): *Опогани ми тучак псето турско!* — *рече хладно, па оде гледати друге послове...* (Опо-

* Здесь и далее, если пример не из параллельного корпуса или не указано иное, перевод примеров выполнен автором статьи.

зорила мне жернов турецкая псина! — сказал он холодно и пошел **заниматься** другими делами...).

М. Шафер отмечает, что в текстах И. Секулич (в которых в принципе инфинитив встречается достаточно часто) целевой инфинитив появляется при глаголе *дати* и его можно заменить на предложно-падежную конструкцию **на + акузатив**: *да дате оправити* = *да дате на оправку*³ (сдадите в ремонт).

Стоит обратить внимание на то, что во всех вышеуказанных примерах целевой инфинитив сочетается с непереходными глаголами движения, либо изменения состояния или местоположения.

Предлог *за* + инфинитив

В сербском языке есть еще одна конструкция, в которой используется инфинитив цели: это предлог **за + инфинитив** (предложный инфинитив⁴). В современном языке он может иметь нейтральную или экспрессивную стилистическую окраску. Б. Тошович указывает, что предложный инфинитив — не новое синтаксическое явление, а встречается еще у П. Негоша (XIX в.): *Хајте мени под мојим шатором, ти, владику, и главни сердари, само да сте цару на бјелегу, **за примити** од мене дарове, па живите као досле што сте* (Горски вијенац) (Под шатер мой приходи сегодня ты, владыка, вместе с главарями, **чтобы** у царя быть на примете и **принять** дары мои как милость, а потом живите как хотите (перевод Ю. Кузнецова)).

Однако Б. Остоич замечает, что «первый раз рассматриваемая конструкция фиксируется в восточной части сербохорватской языковой территории в 1189 г., затем на юге в 1407 г.»⁵ Считается, что данная синтаксическая конструкция возникла в сербском языке под влиянием немецкого, итальянского и французского языков. Однако тот же Б. Остоич не согласен с этим мнением и считает, что конструкция **за + инфинитив** — балканизм, соотносимый с соответствующими особенностями синтаксиса греческого языка⁶.

Данная конструкция вызывает много споров среди лингвистов. Так, М. Стеванович еще 50 лет назад писал о том, что инфинитив с предлогом употреблять нельзя⁷, но в наши дни «предложный инфинитив все сильнее вторгается во все функциональные стили»⁸, встречается в устном народном творчестве, в административно-правовых документах, у ранних авторов, в языке современников, в газетах и т.п.⁹: *da li treba smanjiti budžete u 2009. za srezati troškove?* (Нужно ли сократить бюджет в 2009 году, чтобы уменьшить расходы? — *Politika*, 2009)¹⁰. Предложный инфинитив в такой конструкции можно заменить на придаточное цели: *O сомнабулијама које кажу “ћирилица више замара очи”, “тежа је за писати”, оvdје се нећемо бавити* (О сомнамбулах, которые говорят “кириллица больше утомляет глаза”, “она сложнее для письма”, здесь мы говорить не будем). = ... *тежа је да би се на њој писало*¹¹.

Перевод целевого инфинитива с русского языка на сербский

Обращение к параллельному подкорпусу НКРЯ позволяет в некоторой мере описать языковую ситуацию на территории современной Сербии: в современном литературном языке инфинитив цели не используется. При переводе с русского языка предложений с целевым инфинитивом переводчики предпочитают инфинитиву иные грамматические конструкции:

1) предложно-падежные конструкции:

- а) *у + акуз*: *Когда его приглашали ловить рыбу, отказывался. — Када су га позвали у риболов, одбио је* (С. Довлатов. Ариэль / С. Довлатов. Аријел. Прев. З. Ћерић, 2012),
- б) *на + акуз*: *вон Юшка уж работать пошел, пора вставать — ево, Јушка је већ кренуо на посао, време је устајати* (А. Платонов. Юшка / А. Платонов. Јушка. Прев. В. Јагличић, 2015);

- 2) **придаточные предложения с союзом да би + л-форма**: *Он не понимал, зачем ему умирать, когда он родился жить.* — *Он није схватао зашто би умирао, кад се већ родио да би живео.* (А. Платонов. Юшка / А. Платонов. Јушка. Прев. В. Јагличић, 2015);
- 3) **да-конструкция (далее — ДАК)**: *Приходила Фауна жаловаться на мужа.* — *Долазила је Фауна да се жали на мужа* (С. Довлатов. Игрушка / С. Довлатов. Играчка. Прев. З. Ђерић, 2012); *Мать посадила его, сонного, на печку, укрыла одеялом и ушла работать.* — *Мајка га је посадила, сањивог, на пећ, прекрила јорганом и отишла да ради* (А. Платонов. Цветок на земле / А. Платонов. Цветић на земљи. Прев. В. Јагличић, 2015).

Однако и в ранее переведенных с русского языка произведениях (согласно данным НКРЯ) целевой инфинитив не встречается, только ДАК: *Мы, Константин Гаврилыч, купаться пойдём.* — *Константине Гавриловичу, ми идемо да се купамо* (А. П. Чехов. Чайка / А. Чехов. Галёб. Прев. К. Тарановски, 1949); *Зурин пригласил меня отобедать с ним вместе чем бог послал, по-солдатски.* — *Zurin te pozva da se s njim založim, po vojnički, što je Bog dao* (А. С. Пушкин. Капитанская дочка / А.С. Puškin. Kapetanova kći. Прев. В. Ковачевић, 1965).

Итак, в отличие от большинства других славянских языков в сербском языке зависимый целевой инфинитив ограничен в употреблении и обычно является особенностью разговорной речи или регионального варианта языка. Такой инфинитив часто находится в зависимой позиции от глаголов движения или изменения состояния / местоположения. Предложный инфинитив, являющийся «экономичным» аналогом придаточного предложения цели, связан в первую очередь с разговорным стилем, однако нередко используется в языке СМИ и даже в официально-деловом стиле. Тем не менее конструкция *за + инфинитив* считается субстандартной, и ее употребление многими лингвистами не приветствуется. При переводе целевого инфинитива с русского

языка на сербский переводчики прибегают не к инфинитиву цели, а к иным грамматическим средствам (предложно-падежным конструкциям, ДАК, придаточным предложениям с *да би* + *л-форма*).

Примечания

- ¹ *Ispao mu novčanik na ulici, vozači kupili novac* // bigportal.ba : электронный журнал. URL: <https://bigportal.ba/ispao-mu-novcanik-na-ulici-vozac-i-kupili-novac/> (дата обращения: 06.10.2024).
- ² *Prvi bih otišao uzeti arapske pare* // tiket.ba : электронный журнал. URL: <https://tiket.ba/prvi-bih-otisoao-uzeti-arapske-pare/> (дата обращения: 06.10.2024).
- ³ *Шафер М.* Средства за исказивање намере и намене у савременом српском језику // Прилози проучавању језика 46. Нови Сад: Одсек за српски језик и лингвистику Филозофског факултета Универзитета у Новом Саду, стр. 140–141.
- ⁴ *Тошович Б.* Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского/хорватского языков — М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 301.
- ⁵ *Остојић Б.* О двјема спорним конструкцијама у српском језику (за + инфинитив и за + акузатив у значењу одређивања правца кретања) // НАШ језик. 2019. 50. 2. С. 170.
- ⁶ *Он же.* С. 171.
- ⁷ *Stevanović M.* Savremeni srpskohrvatski jezik (Gramatički sistem i književnojezička norma): Т. II. Beograd: Naučna knjiga, 1975. S. 775.
- ⁸ *Тошович Б.* Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского/хорватского языков — М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 302.
- ⁹ *Остојић Б.* О двјема спорним конструкцијама у српском језику (за + инфинитив и за + акузатив у значењу одређивања правца кретања) // НАШ језик. 2019. 50. 2. С. 172.
- ¹⁰ Пример приводится в работе: *Ajđžanović J., Dražić J.* Sintaksičko-semantička analiza konstrukcije za + infinitiv i njene pragmatičke implikacije // Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду. Књига ХLI-1 (2016).
- ¹¹ *Латино и Методије:* Којим писмом пишеш? // Нећу да потпишем уговор на латиници : сайт. URL: http://necuugovornalatinici.palankaonline.info/2013/09/blog-post_21.html (дата обращения: 06.10.2024).

Глаголы зрительного восприятия в сербском и русском языках*

Виктория Валерьевна Каприелова

МГУ им. М. В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: nikakap@mail.ru
ORCID: 0009-0006-7314-3098

Ключевые слова: семантика, семантический переход, синхронная полисемия, типология, близкородственные языки

Verbs of Visual Perception in Serbian and Russian

Viktorija V. Kapriellova

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation; e-mail: nikakap@mail.ru
ORCID: 0009-0006-7314-3098

Keywords: semantics, semantic shift, synchronic polysemy, typology, closely related languages

Хотя глаголы зрительного восприятия являются одной из наиболее важных семантических групп, сложно найти работы, посвященные комплексному описанию их семантики в сербском языке. В основном объектом исследования становятся значения глаголов *видети* и *гледати*, связанные с физической перцепцией¹.

Тем не менее нам кажется актуальным целостное изучение системы значений глаголов зрительного восприятия в сербском языке, поэтому целью данного исследования является анализ семантики и употребления сербских глаголов

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, грант № 22-18-00586

сматрати, видети и гледати, в том числе путем сопоставления с русскими глаголами *видеть* и *смотреть*.

Материал данного исследования — толковые словари сербского и русского языков, веб-корпус сербского языка srWaC².

Первая особенность системы сербских глаголов визуального восприятия — утрата глаголом *сматрати* значения ‘смотреть’; сейчас он означает лишь ‘считать, иметь мнение’³. В результате семы, связанные с восприятием визуальной информации (и в русском языке закрепленные за глаголом *смотреть*), распределяются между лексемами *гледати* и *видети*, преимущественно в пользу *гледати*. Значит, для нас имеет смысл сопоставлять глаголы *гледати* и *смотреть*; *видети* и *видеть, смотреть*.

Структура значений русских и сербских глаголов зрительного восприятия устроена похожим образом. Если мы сравним толкования глагола *смотреть* в «Большом толковом словаре русского языка»⁴ и глагола *гледати* в Словаре Матицы Сербской⁵, мы обнаружим у них 5 пересекающихся значений. Проделав ту же операцию с толкованиями глаголов *видеть*⁶ и *видети*⁷, мы можем выявить у них 6 общих значений.

В большой мере это связано с семантическими переходами, которые произошли и для русского, и для сербского глагола. Под семантическим переходом мы понимаем «наличие некой концептуальной смежности (имеется в виду смежность соответствующих концептов в ментальном пространстве) между двумя языковыми значениями А и В, проявляющейся в том, что данные два значения совмещаются в пределах “одного слова в широком смысле”»⁸. То есть между русскими и сербскими глаголами существуют семантические параллели (приведены в Таблице) — «воспроизведения некоторого семантического перехода в другом слове»⁹, что, вероятно, связано с общностью развития рассматриваемых литературных языков. Так, переход ‘видеть’ → ‘понимать’ фиксируется уже для старославянского глагола *viděti* согласно употреблением в Мариинском Евангелии¹⁰.

Семан- тический переход	Глагол			
	<i>Видети</i>	<i>Гледати</i>	<i>Видеть</i>	<i>Смотреть</i>
Видеть/смотреть (далее: в/см) → считать, иметь мнение	+	+	+	+
в/см → сознавать, понимать	+		+	
в/см → встречать(ся)	+		+	
в/см → получать, иметь	+		+	
в/см → находиться		+		+
в/см → искать информацию		+		+
в/см → заботиться		+		+

Табл. Семантические параллели в русских и сербских глаголах зрительного восприятия

Но несмотря на видимую схожесть структура значений сербских глаголов несколько отличается от значений русских глаголов. Так, уже история развития глагола *сматрати* показывает, что для сербских глаголов связь идей зрительного восприятия и интеллектуальной деятельности значительно теснее, чем для русских.

Глаголы русского языка *видеть* и *смотреть* противопоставлены друг другу по признаку 'контролируемость действия': глагол *видеть* в основном обозначает пассивное восприятие информации, за исключением значения 'иметь встречу с кем-то'¹¹, в котором чаще используется глагол *увидеться*; также он не имеет формы императива, то есть не мо-

жет обозначать действие, которое субъект осуществляет намеренно. Система сербских глаголов зрительного восприятия устроена несколько иначе.

Хотя глагол *видети* считается глаголом пассивного восприятия¹², на самом деле он обозначает более активные действия, чем русское *видеть*.

Данный глагол проходит следующее семантическое развитие: 'получить зрительный опыт' (1) → 'на основе зрительного опыта сделать выводы о наблюдаемой ситуации' (2) → 'на основе опыта сделать выводы об абстрактной ситуации' (3).

- (1) *U pozadini vidim prašinu koja je pala na sto* (Сзади я вижу пыль, упавшую на стол)*.
- (2) *Vidim da velikom broju ljudi ni malo nije teško da mrze i uvrede nekog* (Я вижу, что многим людям совсем не сложно ненавидеть и оскорблять).
- (3) *Ja sam razmislila i videla sam da uzimati krediti ni kod jedne banke u Srbiji nije razumno* (Я подумала и поняла, что ни в одном из банков Сербии неразумно брать кредит).

Непрямые значения глагола *видети* зачастую связаны с анализом информации, полученной субъектом восприятия, что уже является активным действием. Проанализировав ситуацию, субъект формирует некоторое представление о ней:

- (4) *Recite kako vidite problem kulturnog identiteta?* (Расскажите о вашем представлении о проблеме культурной идентичности).

Глагол *видети* может быть связан не только с восприятием информации, но и с ее поиском, с целенаправленным получением опыта (5):

- (5) *Prošetaj do Altine, pa vidi tamo kakve su vile iznikle, a kakva se muzika sluša...* (Прогуляйся до Алтины, посмотри, какие феи там завелись и какую музыку они слушают...)

* Здесь и далее перевод примеров авторский.

Поэтому неудивительно, что с помощью этого глагола говорящий может сверять свой собственный опыт с опытом собеседника:

- (6) *Ova pomoć mi znači sve, jer sam kao što **vidite**, ostao bez krova nad glavom* (Эта помощь для меня значит все, я ведь, как вы видите, остался без крыши над головой).

Когда в качестве полученного опыта выступает некоторая информация, глагол *videti* близок по значению с глаголом *znati* 'знать':

- (7) *Kao što smo **videli** iz prethodnih studija...* (Как мы знаем из предыдущих исследований...)

Именно в этом значении он употребляется в контекстах, связанных с будущим:

- (8) *Uostalom, **videćemo** vrlo brzo sta će biti, ali dobro biti neće* (В остальном, очень скоро мы узнаем, что будет, но точно ничего хорошего).

Если *videti* связан с идеей формирования представления о некотором явлении, то *gledati* обозначает 'знакомство с некоторой информацией для вынесения собственной оценки':

- (9) *Ljudi upotrebite logiku, ne slusajte reči nego **gledajte** dela i rezultate tih dela* (Люди, воспользуйтесь логикой, не слушайте слова, а смотрите на дела и результаты этих дел).

Гледати также используется для введения точки зрения говорящего, которой он хочет поделиться (10) или даже навязать ее слушающему (11):

- (10) ***Gledajte** deco, imam neki kapital koji sam po sebi ne može ništa da proizvede, jer mrtva stvar ništa ne proizvodi* (Послушайте, дети, у меня есть капитал, который сам по себе ничего не может произвести, потому что мертвая вещь ничего не производит).
- (11) *Lepa stvar reče. **Gledajte** kako sija i blista* (Хорошая вещь, сказал он. Посмотрите, как сияет и сверкает).

Ср.: ‘посмотрите и согласитесь, что она действительно красивая, сияет и сверкает; разделите мое мнение’.

В глаголе *gledati*, действительно, сема ‘контролируемость действия’ более значима, чем в *videti*. Так, в некоторых контекстах *gledati* близко по значению к глаголу *naziti* ‘быть внимательным, внимательно смотреть’¹³:

(12) *Gleda kako rade druga deca pre nego što pokuša uraditi samo* (Он наблюдает, как это делают другие дети, прежде чем попробовать самому).

А иногда он употребляется в значении ‘искать’:

(13) ... *pa gledajte malo po svom dvoristu odakle duva* (... поищите в своем дворе, откуда дует).

В наибольшей степени сема ‘контроль над ситуацией’ актуализируется в конструкции *gledati da* + презент, в которой глагол приобретает значение ‘постараться сделать что-то’ (14), в том числе контролировать свое эмоциональное состояние (15):

(14) *Gledaću da to popravim ubuduće* (Постараюсь исправить это в будущем).

(15) *Zato uvek gledajte da budete smireni* (Поэтому всегда старайтесь быть спокойными).

Таким образом, при кажущейся схожести систем глаголов зрительного восприятия в русском и сербском языках глаголы *videti* и *gledati* более активно, чем глаголы *видеть* и *смотреть*, употребляются в значениях, связанных с мыслительной деятельностью, и часто обозначают действия, требующие более высокой степени контроля над ситуацией, чем соответствующие глаголы русского языка.

Примечания

¹ Марковић Ж. Глагол *videti* у српском и словеначком језику // Slavistična revija. 2023. N. 1. S. 79–94; Čilaš Mikulić M. Vidiska svojstva glagola fizičke percepcije vidjeti i gledati u hrvatskome jeziku // Časopis Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje. 2014. N. 40/1. S. 77–91.

² Corpus info: srWaC (Serbian Web) // CLARIN.SI. URL: https://www.clarin.si/noske/run.cgi/corp_info?corpname=srwac&struct_attr_stats=1&subcorpora=1 (дата обращения: 14.03.2024).

- ³ Вујанић М. и др. Речник српскога језика. Нови Сад, 2007. С. 1244.
- ⁴ Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб, 2000. С. 1219.
- ⁵ Вујанић М. и др. Речник српскога језика... С. 199.
- ⁶ Большой толковый словарь русского языка... С. 130.
- ⁷ Вујанић М. и др. Речник српскога језика... С. 146.
- ⁸ Зализняк А. А. Семантический переход как объект типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 33.
- ⁹ Зализняк А. А. Русская семантика в типологическом аспекте. М., 2013. С. 393.
- ¹⁰ Grković-Mejdžor J. Semantika glagola čulne percepcije u staroslovenskom jeziku // Slavistična revija. 2011. N. 1. S. 14.
- ¹¹ Большой толковый словарь русского языка... С. 130.
- ¹² Марковић Ж. Глагол видети... С. 80.
- ¹³ Толстой И. И. Сербохорватско-русский словарь. М., 2000. С. 364.

СЛАВЯНСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ И ЛИНГВОПРАГМАТИКА

DOI: 10.31168/2619-0869.2024.33

Полные и клитические формы личных местоимений в словенских диалектах

Мария Михайловна Громова

МГУ им. М. В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: marija.gromova@list.ru
ORCID: 0000-0001-6081-7520

Ключевые слова: клитики, словенские диалекты, лингвогеография, диалектный синтаксис, словенские клитики

Full and Clitic Forms of Personal Pronouns in Slovenian Dialects

Mariya M. Gromova

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: marija.gromova@list.ru
ORCID: 0000-0001-6081-7520

Keywords: clitics, Slovenian dialects, linguogeography, dialect syntax, Slovenian clitics

В докладе рассматривается архаическое явление современного словенского диалектного синтаксиса — использование полных форм личных местоимений там, где современный словенский литературный язык (далее ССЛЯ)

предполагает клитические формы. Проанализирован диалектный материал общим объемом 2500 страниц из 288 населенных пунктов на территории Словении и соседних стран (расшифровки спонтанной речи из 107 научных работ и синтаксически достоверных научно-популярных фольклорных сборников серии *Glasovi*¹, составленных носителями соответствующих диалектов).

Несмотря на то, что принцип дистрибуции полных и клитических форм личных местоимений в словенском языке и его диалектах был сформулирован Матией Мурко еще в 1891 г.², системного исследования местоименных клитик на всей словенской языковой территории до сих пор нет. Настоящая статья имеет целью восполнить этот пробел.

В ССЛЯ полные и краткие (клитические) формы личных местоимений функционально строго разграничены, причем маркированным членом оппозиции являются полные формы. Только они могут вступать в сочинительную связь, находиться под логическим ударением и быть частью предложно-падежных сочетаний:

*Vidim Tjašo in tebe*_{Pron.2Sg.Acc} (Я вижу Тьяшу и тебя).

**Vidim Tjašo in te*_{Pron.2Sg.Acc}

*Vabim Tjašo, njega*_{Pron.3Sg.Gen} *pa ne* (Я приглашаю Тьяшу, а его — нет).

**Vabim Tjašo, ga*_{Pron.3Sg.Gen} *pa ne*.

*K meni*_{Pron.1Sg.Dat} *je prišla kolegica* (Ко мне пришла коллега).

**K mi*_{Pron.1Sg.Dat} *je prišla kolegica*.

Функции местоименных клитик, таким образом, можно определить от противного: клитические формы местоимений не вступают в сочинительную связь, не могут принимать логическое ударение и быть частью предложно-падежных сочетаний (за одним исключением: краткие формы Асс личных местоимений ед. ч. и возвратно-личного местоимения *se* образуют с управляющим предлогом проклитико-энклитический блок с ударением на первом слоге: *ná me* 'на меня' < *na*

me, záte ‘для тебя’ < *za te, záse* ‘для себя’ < *za se*). Тем не менее, в живой речи эта дихотомия не является строгой.

Функциональное противопоставление клитических и полных местоименных форм формировалось на протяжении XVI в., во время бурной перестройки морфологической системы словенского языка. Для текстов этого периода характерно употребление полных форм местоимений при отсутствии логического ударения и без предлога, то есть в условиях, требующих в ССЛЯ клитических форм. Синтаксически эти формы клитиками не являются:

Мф. 3: 15 *Natu je on njemu* Pron.3Sg.m.Dat *pèrpustil* (Тогда он (Иоанн) допускает **Его**) (Библия Юрия Далматина, 1584 г.).

Tedaj mu Pron.3Sg.m.Dat *je pustil* (Стандартный перевод Библии, 1997 г.).

В ССЛЯ полные и клитические формы личных местоимений противопоставлены и синтаксически: место полной формы зависит от ее синтаксической роли, в то время как место и порядок клитик в предложении определены строгими правилами.

Если в предложении несколько клитик, они группируются в кластер, который функционирует как единое целое, не может быть разбит не-клитикой, располагается в предложении на том же месте и подчиняется тем же правилам, что и единичная клитика. Порядок клитик в кластере строго определен.

В простом предложении место клитики (или кластера клитик) находится после первой ударной составляющей; для клитик главной части сложного предложения, расположенной после придаточной, такой составляющей является вся придаточная часть. В разговорной речи и в диалектах по всей Словении клитики также регулярно располагаются в абсолютном начале предложения, а местоименные клитики в некоторых диалектах могут также стоять вне кластера, в контактной постпозиции к *l*-причастию. Применительно к диалектному синтаксису мы называем **позициями клитик** все эти позиции.

В современных словенских диалектах у полных форм личных местоимений в функции кратких, как правило, нет варьирования синтаксической позиции: они встречаются или только в позиции клитик, или только вне ее. Исключения единичны — это три пункта в восточнодоленском говоре, на южной границе нотраньского диалекта приморской группы и на северной границе гореньского диалекта.

Полные формы личных местоимений в функции кратких **вне позиции клитик** формируют дисперсный ареал в диалектах Юго-запада — гореньских, приморских и доленских:

*Nà, in un je*_{Aux.Praes.3Sg} *màn*_{Pron.Sg1.Dat} *rieku: »Puop, kuk pa ti nicaš gnarje?«* (Ну, и он **мне** сказал: «Парень, деньги нужны?») (Драга, восточнодоленский говор.)

При этом формы Асс сосредоточены на северо-западной границе ареала, будучи отмечены единичными примерами в одном пункте на севере обсочского диалекта приморской группы и в двух пунктах на севере гореньского диалекта:

*Šeđ je 'du: »Sem '(m)u ŋk'ret d'no,« je d'jou, »'xe:;j, šę »nùo*_{Pron.Sg3.f.Acc} *sem*_{Aux.Praes.1Sg} *pa kar xmà:u poštedieru,« je d'jou... »al bùo zę ná:šo xí:šo al 'ne...«* (Он сказал: «Была у меня как-то одна, — говорит, — я **ее** быстро раскусил, придется она ко двору или нет...») (Бавшица, обсочский диалект.)

ССЛЯ*: *Je del: »Sem imel enkrat eno,« je del, »sem*_{Aux.Praes.1Sg} *jo*_{Pron.Sg3.f.Acc} *pa kar kmalu poštudiral, ali bo za našo hišo ali ne...«*

Иную картину дают полные формы личных местоимений **в позиции клитик**, реализующие переходный этап от состояния, зафиксированного в языке XVI в., к современной литературной норме. Они отмечены в четырех боковых ареалах разного размера и плотности.

* Здесь и далее перевод примера на ССЛЯ приводится, если он есть в источнике.

Сплошной ареал на восточной границе словенского языкового пространства охватывает прекурский диалект и соседние пункты словенскогоричского и прлекийского диалектов паннонской группы; его ядром является прекурский диалект на территории Словении:

Tou Sakalovec eden mena _{Pron. 1Sg. Dat} *aštja v Meritja pravo*
(Человек из Сакаловец **меня** в Америке аштьяком называл). (Штевановци, прекурский диалект.)

ССЛЯ: *Človek iz Sakalovec mi* _{Pron. 1Sg. Dat} *je* _{Aux. Praes. 3Sg} *aštjak v Ameriki rekel.*

Плотный северный ареал с зоной наибольшей частотности в рожанском диалекте охватывает большую часть диалектов каринтийской группы (кроме зильского на западе и части севернопохорско-ремшникского на востоке), клинообразно вторгаясь с севера в гореньский диалект и захватывая на периферии один пункт верхнесавиньского диалекта штирийской группы (солчавский говор при этом не захвачен):

ʔə sə tə:uɡenì:xc tì:, sə _{Aux. Praes. 3Pl} *prì:əduá:rhla* _{l-PTC}
ʔomə _{Pron. 3Sg. m. Dat} *má:ma, 'nit* (Потому что ты бездельник, — выговаривала **ему** мама, ага.) (Клагенфуртская котловина, рожанский диалект.)

ССЛЯ: *Ker si brezdelnež — so* _{Aux. Praes. 3Pl} *mu* _{Pron. 3Sg. m. Dat} *očitali tata, ne.*

Компактный ареал с ядром в севницко-кркском говоре посавского диалекта штирийской группы вторгается в соседний восточнодоленьский говор доленьской группы:

Ou, sm rjekla, naben na vej, kakou je _{Aux. Praes. 3Sg} *mjen* _{Pron. 1Sg. Dat}!
Kakou mjene _{Pron. 1Sg. Acc} *hrbtenica bulij!* (Ох, — говорю, — кто бы знал, как мне худо! Как **у меня** позвоночник болит!) (Севницко-кркский говор посавского диалекта.)

Еще один компактный дисперсный ареал расположен на юго-западе — в нотраньском диалекте приморской группы:

Zli, zli to vuôdo će, ki _{COMP} *mene* _{Pron. Sg3. f. Acc} *pêće* (Лей, лей воду сюда, где **у меня** жжет). (Хрушица, нотраньский диалект.)

*I tamo njoj*_{Pron.Sg3.f.Dat} *je*_{Aux.Praes.3Sg} *lepši položaj, ako gledamo*
(И там **ей** лучше, если посмотреть). (Шапьяне, нотраньский диалект.)

Также отмечен точечный ареал на южной границе словенского языкового пространства — в костелском диалекте доленьской группы — причем единственный пример в этом ареале демонстрирует дублирование полной и клитической форм личного местоимения Sg1.Dat (местоименную репризу):

A 'u:ni g'li:da, p'ra:vi: »'Ka:j mi boš tisto 'dou! 'Za:kaj bi
*mj*_{Pron.Sg1.Dat} *'mje:ni*_{Pron.Sg1.Dat} *tu 'dou?»* (А он смотрит и говорит: «Ты мне это дашь! Зачем тебе давать **мне** это?») (Хрватско при Осилници, костелский диалект.)

Полные формы Acc и Gen личных местоимений ед. ч. в позиции клитик редки, а территория их употребления меньше, чем у форм Dat. В каринтийском и штирийско-доленьском ареалах преобладают формы Acc личного местоимения 1Sg, в паннонском же отмечены только формы Acc местоимений 3Sg.m и 3Sg.f:

'Ve:ī pa 'viš, ka s've:ti 'Peter 'tō 'ne:ī 'sām 'tisto 'ofco 'bujo,
*s'tera 'naga*_{Pron.3Sg.m.Acc} *š'ki:pnila, 'se, 'se je dojs'poklo, 'ne:ī?*
(Знаешь ведь, что святой Петр не только ту осу убил, что его ужалила, а всех, да?») (Горни Сеник, Венгрия, прекмурский диалект.)

ССЛЯ: *Saj veš, da niti sveti Peter ni samo tiste ose ubil,*
*ki ga*_{Pron.3Sg.m.Acc} *je*_{Aux.Praes.3Sg} *pičila, vse je umoril.*

Стоит отметить, что, в отличие от ССЛЯ, для паннонских говоров нехарактерны проклитико-энклитические блоки местоименной клитики и управляющего предлога. Вместо них используются полные формы местоимений с предлогами:

*På nã'lã:gãš 'tõtã vã'rigã 'gõ:r, nã 'jãgã*_{Pron.3Sg.m.Acc} (И надеваешь эти цепи туда, **на него**). (Цвен, нижнепрелекийский говор.)

ССЛЯ: *Pa nalagaš te verige gor, nanj*_{Pron.3Sg.m.Acc}

Таким образом, данные современных словенских диалектов отражают относительную хронологию возникновения местоименных клитик: чем раньше образовалась клитика, тем реже вместо нее встречается полная форма соответствующего местоимения. Наиболее часто и системно в функции клитик используются полные формы *Dat* «запоздавших» местоимений 3Sg (*njemu, njej*), а реже всего — формы *Acc/Gen* местоимений 1Sg и 2Sg (*mene, tebe*) и возвратно-личного местоимения (*sebe*), формальное и функциональное противопоставление которых кратким формам начало формироваться уже в XVI в.

Примечания

- ¹ Glasovi | ZRC SAZU. URL: <https://isn2.zrc-sazu.si/sl/publikacije/glasovi> (дата обращения: 15.04.2024).
- ² Murko M. Enklitike v slovenščini. Oblikoslovje in skladnja // Letopis Matice Slovenske za leto 1891. Ljubljana, 1891. Pp. 1–65.

DOI: 10.31168/2619-0869.2024.34

Об одном украинском говоре Воронежской области

Светлана Владимировна Дьяченко

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: svet-lan-a@list.ru
ORCID: 0000-0002-8341-4406

Ключевые слова: украинский диалект, русско-украинское пограничье, диалектный корпус, словарь

About an Ukrainian Dialect of the Voronezh Region

Svetlana V. Dyachenko

V. V. Vinogradov Russian Language Institute,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: svet-lan-a@list.ru
ORCID: 0000-0002-8341-4406

Keywords: Ukrainian dialect, Russian-Ukrainian borderland, dialect corpus, dictionary

В статье представлены некоторые предварительные результаты исследования украинского диалекта Воронежской области. Целью исследования является создание звучащего корпуса, словаря, а также описание говора на разных языковых уровнях.

Юго-западные области России (Курская, Белгородская, Воронежская) представляют собой весьма неоднородный в диалектном отношении ареал. С одной стороны, здесь представлены южнорусские говоры разных типов¹, с другой — украинские слобожанские говоры южной диалектной группы и украинские левобережно-полесские говоры северной диалектной группы².

Эта неоднородность связана с тем, что в течение нескольких столетий (начиная примерно с конца XVI в.) территории современных юго-западных областей России и восточных областей Украины (Сумской, Харьковской) заселялись «неравномерными колонизационными потоками, направленными из разных мест России и Украины»³. В основном заселение этих земель происходило в результате так называемой «вольной», или стихийной крестьянской колонизации. Позднее активизировалась и правительственная колонизация⁴.

Русские переселялись на эти земли из более северных областей, расположенных по р. Оке и верхнему Дону, из окрест-

ностей Рязани, Москвы, Тулы, Калуги, Орла, Ельца, украинцы — из Правобережной и Левобережной Украины, особенно из-под Полтавы и Чернигова. Территория нынешнего Подгоренского района Воронежской области, о которой будет идти речь в данной работе, была заселена украинцами к середине XVIII в.; казацкое население этих земель первоначально относилось к Острогожскому полку⁵.

По данным переписи 1897 г., среди сельского населения Воронежской губернии украинский язык считали родным 36,2 %. При этом в самых северных уездах украинских селений не было вовсе, по мере движения на юг их число возрастало, а больше всего украинцев проживало в южных уездах области: Острогожском, Богучарском и Бирючинском (территория бывшего Острогожского казачьего полка), где украинские села располагались сплошным массивом⁶.

Граница распространения украинских говоров в нынешних Курской, Белгородской и Воронежской областях показана на самых старых диалектологических картах 1871 г.⁷ и 1914 г.⁸, см. фрагменты этих карт, включающие территорию современной Воронежской области, ниже на Рис. 1 и Рис. 2. Впоследствии примерно по этой же линии прошла граница населенных пунктов, обследованных для Атласа украинского языка (АУМ)⁹.

Материалы переписей XX в. (1926 г., 1959 г., 1970 г., 1979 г.) показывают уменьшение доли украинцев среди населения Воронежской области, однако до сих пор на территории области из примерно 1700 сел насчитывается около 350 таких, население которых в быту разговаривает на диалектах украинского языка¹⁰.

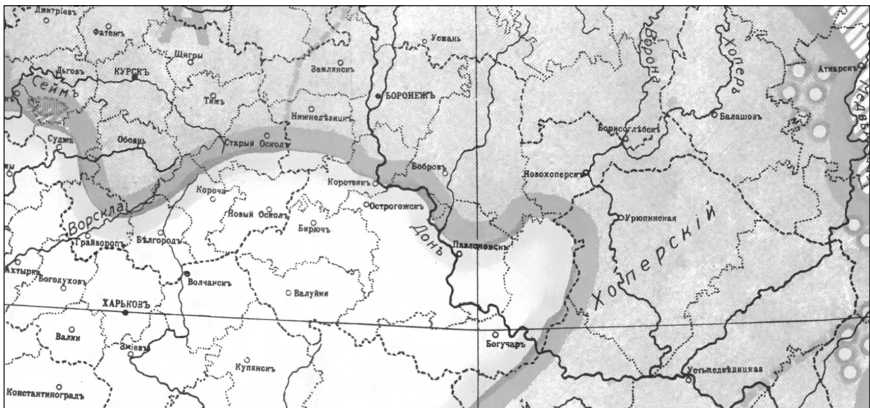
Эти диалекты в разное время изучались российскими и украинскими учеными. Так, диалектные материалы по 28 из этих населенных пунктов были использованы украинскими диалектологами при создании 3-го тома АУМ, а материалы по 159 пунктам — воронежской исследовательницей М. Т. Авдеевой для «Словаря украинских говоров Воронежской области»¹¹.

Согласно АУМ, на большей части территории Воронежской области, где распространены диалекты украинского языка,

Рис. 1. Фрагмент «Карты южнорусских наречий и говоров» 1871 г.
Жирной чертой показана северная граница распространения украинских говоров

Рис. 2. Фрагмент «Диалектологической карты русского языка в Европе» 1914 г.

Зоной к юго-западу и островами на востоке показана территория распространения украинских (малорусских) говоров, зоной к северо-востоку – территория распространения южно-великорусских говоров

представлены слобожанские говоры южной диалектной группы, и лишь на небольшой территории вокруг Острогожска — левобережно-полесские говоры северной (полесской) диалектной группы¹².

Наша работа посвящена одному из слобожанских говоров — говору с. Колодежное Подгоренского района. В данной статье охарактеризованы направления, по которым ведется работа над исследованием этого говора, а также приведены некоторые его предварительные результаты.

Аудиозаписи говора осуществлялись автором трижды: в январе 2008 г. (около 7 часов), зимой и летом 2021 г. (около 4 часов) и летом 2022 г. (около 7 часов). Кроме того, мы располагаем одной 45-минутной аудиозаписью не очень хорошего качества, сделанной в 1985 г. на бобинный магнитофон и позднее оцифрованной, которая представляет собой рассказ информанта 1914 г.р. Корпус аудиозаписей будет пополняться.

Почти все информанты — коренные жители Колодежного, прожившие в нем всю жизнь, надолго никуда не выезжавшие; три информанта — родом из соседнего села Сагуны (в 12 км от Колодежного), также надолго никуда не уезжавшие.

На основании аудиозаписей планируется, во-первых, создать звучащий корпус говора¹³. В настоящий момент для корпуса расшифровано 3 часа записей в программе PRAAT, расшифровка осуществляется в переводе на русский литературный язык и в переводе на украинский литературный язык (его выполняет студент РГГУ Е. Д. Лысоконь) и имеет следующий вид (см. Рис. 3).

Кроме того, часть аудиозаписей говора вошла в Корпус просодии русских диалектов (ПРuD), созданный под руководством С. В. Князева¹⁴. Описание специфики фразовой просодии говора Колодежного в сопоставлении с двумя русскими говорами Воронежской области предполагается опубликовать в скором будущем.

Второе направление исследования — создание словаря говора (эта работа ведется совместно с Т. В. Дьяченко).

Рис. 3. Фрагмент расшифровки говора в программе PRAAT, информант – АФТ1931 (Колодежное)

В настоящее время материалы для словаря включают около 1500 слов и устойчивых выражений и пока не опубликованы. Приведем образец словарной статьи:

БІТКАТЬСЯ, *несов.* Находиться в поиске чего-л., спрашивать об этом людей. *Она може й сказа́ть, шо ти продаєшь, ёсли хтось буде біткаться карто́х. Він біткайця купи́ть мотоци́кла. Она́ з утра́ біткалась, с кім бы в райо́н з'їздить.*

Наконец, третье направление исследования говора — описание его системы на разных языковых уровнях. Данная часть работы находится на начальном этапе, приведем некоторые отмеченные фонетические особенности говора:

- ▶ на месте старых *о* и *е* в новых закрытых слогах выступает гласный [и] переднего ряда, перед которым согласный произносится мягко: [к'ин'], [п'ізно], [п'ич'],

[с'им]; *о* и *е* из редуцированных сохраняются: [сон], [ден']; кроме того, в новых для говора словах, заимствованных из русского, также возможны *о* и *е* в закрытых слогах: [сок], [лэсниц'а] (при старом [драбіна]);

- ▶ на месте старого *ь* выступает так же [и] переднего ряда, перед которым произносится мягкий согласный: [л'і́то], [м'і́с'ац'], [сп'іва́т'], [б'ілі́т']; однако в заимствованных из русского языка словах возможен *е* и мягкий согласный перед ним: [м'ел] (при старом [крéйда]);
- ▶ на месте старого напряженного редуцированного перед [j] выступает [и] передне-среднего ряда, не смягчающий предшествующий согласный: [бла́һій], [та́кіій], [мі́йу], [рі́йу];
- ▶ такой же гласный [и], не смягчающий предшествующего согласного, произносится в безударных слогах на месте старых *ы* и *и*, а также на месте *е*: [дімі́т'], [піл'а́йе], [свірбі́т'], [вісна́];
- ▶ гласный [е] не смягчает предшествующий согласный: [ден'], [лэ́нта];
- ▶ на месте старых сочетаний *рѣ*, *лѣ*, *рѣ*, *лѣ* возможны сочетания *ри*, *ли*: [һрим'і́т'], [һліта́т'];
- ▶ фарингальный [h], реализующий звонкую заднеязычную фонему: [һóрло], [б'і́һат'], однако в части слов взрывной [г]: [гу́лій] 'безрогий', [риміга́т] 'пережевывать жвачку, о животных', [гуд'з] 'шишка на лбу' и нек. др.;
- ▶ твердые губные согласные на конце слов и сочетания губных с [j] или с [н'] на месте мягких губных перед [а]: [һóлуп], [завја́заний], [мн'áсо].

Примечания

- ¹ Дialectологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР / Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. Вып. 1. М., 1986. Карта VI.
- ² Атлас української мови. Том третій. Слобожанщина, Донеччина, Нижня Наддніпрянина, Причорномор'я і суміжні землі / ред. тому: А. М. Залеський, І. Г. Матвіас. Київ, 2001. Карта VIII.
- ³ Чижикова Л. Н. Русско-украинское пограничье: история и судьбы традиционно-бытовой культуры. М., 1988. С. 14.

- ⁴ Там же. С. 14–18.
- ⁵ Там же. С. 19–25.
- ⁶ Там же. С. 37–39.
- ⁷ Карта южнорусских наречий и говоров / сост. П. П. Чубинский, К. П. Михальчук. Киев, 1871.
- ⁸ Диалектологическая карта русского языка в Европе / сост. Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков. Пг., 1914.
- ⁹ Атлас української мови...
- ¹⁰ *Чижикова Л. Н.* Русско-украинское пограничье... С. 40–44.
- ¹¹ *Авдеева М. Т.* Словарь украинских говоров Воронежской области: в 2-х т. Воронеж, 2008.
- ¹² Атлас української мови... Карта VIII.
- ¹³ Эта работа ведется совместно с Международной лабораторией языковой конвергенции Высшей школы экономики, образцы звучащих корпусов см. на сайте лаборатории: http://lingconlab.ru/resources_ru.html
- ¹⁴ *Князев С. В., Мороз Г. А., Дьяченко С. В.* Корпус Просодии Русских Диалектов. 2024. URL: <https://LingConLab.github.io/PRuD/> (дата обращения: 24.03.2024).

DOI: 10.31168/2619-0869.2024.35

О трудности перевода разновидностей русского языка на итальянский язык: одесский язык в творчестве И. Э. Бабеля

Франческо Брессан

Веронский университет,
Верона, Италия;
e-mail: bressan.franz@gmail.com
ORCID: 0009-0008-8654-3917

Ключевые слова: перевод, русский язык, И. Э. Бабель, одесский язык, трудности перевода

About the Difficulty of Translating Russian Varieties into Italian Language: Odesa Language in Babel's Works

Francesco Bressan

University of Verona,
Verona, Italy;

e-mail: bressan.franz@gmail.com

ORCID: 0009-0008-8654-3917

Keywords: translation, Russian language, I. E. Babel, Odesa language, difficulties in translation

Перевод художественной литературы может быть крайне сложным процессом, особенно при переводе произведений из отдаленных регионов бывшей империи, где национальный язык, его территориальные варианты существенно различались, присутствовало смешение различных языков. Прежде всего это касается перевода таких идиомов, как пиджины и местные говоры, демонстрирующие существенные отклонения от норм стандартного языка. Перевод с чужого языка на родной предоставляет переводчику возможность испытать собственные творческие силы, создать что-то особенное, не искажая оригинал. Например, в случае перевода на итальянский язык представляется недопустимым переводить неформальные просторечные формы другого языка, используя материал итальянских региональных вариантов или диалектов, поскольку при этом возникает риск утратить связь с исходным текстом без сохранения локального колорита повествования. В настоящее время требуется разработка новых подходов к переводу многоязычной художественной литературы. По этой причине основная задача нашего исследования — выявить стратегии перевода лингвистических особенностей одесского говора на итальянский язык и прокомментировать результаты перевода.

Исследуя тему перевода нестандартных языков или диалектов в художественной литературе, обратимся к произведениям И. Э. Бабеля (1894–1940), в частности к его «Одесским рассказам»¹. Цикл рассказов Бабеля не только представляет собой великолепное литературное произведение, но и служит примером того, как автор мастерски использует языковые особенности для создания уникальной живой атмосферы города Одессы².

В «Одесских рассказах» Бабелю удается воспроизвести устную речь его героев-одесситов посредством разнообразия языковых форм. Он использует местный одесский диалект*, уникальную разновидность южнорусского говора, носителем которого были одесситы до начала 1990-х гг.³ Одесский диалект представляет собой особый идиом на основе русского языка с примесью украинизмов, а также элементами идиша и других языков различных национальных общин, проживавших в Одессе до XX в. Особенность стиля Бабеля заключается в том, что его произведения отражают язык, значительно отличающийся от нормативного русского языка, в частности тем, что он часто имитирует синтаксис идиша. В «Одесских рассказах» этот мозаичный язык, который можно сравнить с ковром, где каждая нить важна для восприятия целого, создает особую сложность для любого переводчика.

В Италии в переводческой практике часто превалирует стремление избегать нестандартных языковых форм в пользу стандартной нормы, чтобы предоставить понятный для читателя текст⁴. Это может привести к утрате оригинального колорита произведения и искажению его смысла⁵. Однако в случае «Одесских рассказов» решение прибегнуть к языковым чертам итальянских региональных вариантов и народного языка для передачи устной речи персонажей оказывается интересным в плане отражения многоязычности в художественном переводе.

* Одесский говор — один из говоров русского языка. Он также известен в постсоветском пространстве под термином «одесский язык».

В нашем исследовании мы обращаемся к переводу «Одесских рассказов» на итальянский, осуществленному Джованни Пачини⁶. Этот перевод привлек наше внимание тем, что он представляет собой попытку сохранить языковое своеобразие произведения Бабеля, не нормализуя язык. В своем переводе Пачини прибегает к языковым характеристикам итальянской разговорной речи и чертам римского диалекта. В частности, он вводит в текст такие особенности, как левую дислокацию (типичную и спонтанную черту устной речи), конструкции типа *stare a* 'стоять' + инфинитив, характерные для римского диалекта и другие разговорные выражения и идиомы, чтобы передать колорит одесского языка и сохранить его простонародный характер. Приведенная ниже таблица служит иллюстрацией того, какие решения принял Дж. Пачини при передаче некоторых особенностей одесского говора средствами итальянского языка.

**Примеры перевода одесского языка
на итальянский
и комментарии к их переводу**

Оригинальный русский текст	Итальянский перевод	Комментарий
<p>Беня, ты знаешь, что мине сдается? Мине нарушают праздник.</p>	<p><i>Benja, sai che <u>mi</u> pare <u>a me</u>? <u>A me mi rovinano</u> <u>la festa</u>.</i></p>	<p>Украинизированная форма мине реализуется в итальянском переводе с помощью повторения личного местоимения <i>mi</i> 'меня', <i>a me</i> 'мне' и его левой дислокации, что является типичной чертой итальянской разговорной речи</p>

<p>Пусть вас не волнует этих глупостей.</p>	<p><i>non state a preoccuparvi di queste sciocchezze...</i></p>	<p>Отклонение от норм литературного языка (употребление родительного падежа вместо именительного) передается на итальянский язык посредством конструкции, характерной для римского диалекта: <i>stare a</i> 'стоять' + инфинитив</p>
<p>Если хотите что-нибудь наблюдать из жизни, то зайдите к нам на двор — есть с чего посмеяться...</p>	<p><i>se volete imparare qualcosa dalla vita entrate da noi, vi farete due risate...</i></p>	<p>Используется разговорное итальянское выражение или фразеологизм <i>farsi due risate</i> 'смеяться', чтобы передать оттенок разговорной речи</p>
<p>Он думает об выпить хорошую стопку водки, об дать кому-нибудь по морде, об своих конях — и ничего больше.</p>	<p><i>Pensa a mandare giù un bel bicchiere di vodka, a rompere il muso a qualcuno, pensa ai suoi cavalli e a nient'altro.</i></p>	<p>Сохранение разговорных черт одесского диалекта, в этом случае — калька идишского синтаксиса <i>Er trakht vegn oysdrinkin a glezl, vegn shlogn emtsen</i>⁷, реализуется с помощью идиоматических выражений <i>mandare giù</i> в значении 'проглотить', и <i>rompere il muso</i> в значении 'ударить'</p>

Предполагается, что такой подход к переводу позволяет сохранить, с одной стороны, смысловую глубину оригинала, а с другой — его особую атмосферу. Итальянский читатель может верить, что переводчик открывает ему на его родном языке доступ к тому миру, полному уникальных персонажей и их живых речевых особенностей, который создал Бабель, хотя, на наш взгляд, использование особенностей итальянских диалектов оказывается не самым удачным средством для передачи народного характера исходного текста. Это связано с тем, что переводчик таким образом как будто превращает диалект чужого языка в один из итальянских диалектов. Это представляется недопустимым, так как каждый диалект неразрывно связан со своим местом происхождения и имеет локальные особенности, которые не могут быть присвоены другому диалекту. Если переводчик прибегает к этому способу, то результат порой может произвести комический эффект⁸.

Трудности перевода художественной литературы остаются актуальной проблемой, особенно когда речь идет о произведениях, богатых гибридными языковыми формами, отражающими собственное культурное своеобразие оригинального текста. Главная задача переводчика — признать языковое многообразие, присущее основному тексту, не стремясь как к тотальной стандартизации переводного текста, так и к применению диалектизмов или архаизмов для сохранения языкового колорита оригинала. Передача многоязычности в художественной литературе является особым вызовом для переводчика, который сталкивается, с одной стороны, со строгими правилами переводческой традиции, более ориентированной на доместикацию текста, с другой стороны — с попыткой сохранить языковое своеобразие исходного текста, без использования непереводаемых черт.

В заключение мы хотим подчеркнуть, что в последнее время интерес к переводу ненормативных или смешанных языков в литературе в некоторой степени возрос. Однако, исследований о том, какие способы и подходы можно применять, чтобы достичь приемлемого результата, пока недостаточно, поэтому данная тема по-прежнему сохраняет свою актуальность и значимость.

Примечания

- ¹ *Бабель И. Э.* Собрание сочинений: в 4 т. / сост., прим., вступ. ст. И. Н. Сухих. М., 2006.
- ² *Kabanen I.* The Art of Speaking Odessan: Isaac Babel's Odessan Phraseologisms as Fixed Units of Linguistic Art in Tele-cinematic Context // *Mova*. Odessa, 2021. N. 35. P. 102–110.
- ³ *Бакунцев А. В.* Феномен одесского «языка» // *Журналистика и культура русской речи*. М., 2011. № 2. С. 46.
- ⁴ *Cavagnoli F.* Tradurre i margini: V.S. in italiano — Borders, identity and the question of Australia // *Le Simplegadi*. Udine, 2008. N. 6. P. 18–26.
- ⁵ *Марчалис Н.* Многоязычие и перевод. Украинизмы в творчестве Гоголя // *Миры литературного перевода, сборник докладов участников III международного конгресса переводчиков художественной литературы*. М., 2015. С. 73–84.
- ⁶ *Babel I.* Racconti di Odessa / traduzione di Gianlorenzo Pacini. Mondadori, 2022.
- ⁷ *Ścibior A.* “I Have a Couple of Words I Need to Tell You.” Of Yiddishisms in Isaac Babel's The Odessa Stories and Polish Translation // *Studia Litteraria Universitatis Iagellonicae Cracoviensis*. 2019. Vol. 14. N. 2. P. 117.
- ⁸ *Cavagnoli F.* Tradurre i margini... P. 24.

DOI: 10.31168/2619-0869.2024.36

К вопросу о контекстных реализациях в интернет-пространстве чешских и словацких пословиц

Юлия Валериевна Касаткина

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: st121451@student.spbu.ru
ORCID: 0009-0003-0150-5510

Екатерина Сергеевна Столярова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: st121453@student.spbu.ru
ORCID: 0009-0006-7335-2818

Ключевые слова: пословицы, словацкий язык, чешский язык, контекст, интернет-реализация

Towards the Question of Contextual Implementations of Czech and Slovak Proverbs on the Internet

Yulia V. Kasatkina

Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: st121451@student.spbu.ru
ORCID: 0009-0003-0150-5510

Ekaterina S. Stoliarova

Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: st121453@student.spbu.ru
ORCID: 0009-0006-7335-2818

Keywords: proverbs, Slovak, Czech, context, Internet implementations

Целью работы является анализ функционирования пословиц в интернет-пространстве. В соответствии с поставленной целью были решены следующие задачи:

1. отобрать и охарактеризовать чешские и словацкие параллели русских пословиц паремиологического минимума;
2. описать контексты, в которых функционируют пословицы;
3. выявить трансформации пословиц;
4. дать стилистические комментарии контекстной реализации пословиц.

Материалом для работы послужили активно употребительные чешские пословичные параллели к русским пословицам с прямым планом содержания (175 ПЕ*) и активные словацкие пословичные параллели с отличающейся от русской пословицы образной основой (87 ПЕ), отобранные

---

* Паремиологическая единица.

методом сплошной выборки из второго и третьего выпусков «Тетрадей паремииографа» под редакцией М. Ю. Котовой, которые представляют собой своды чешских и словацких пословичных параллелей русского паремииологического минимума; чешский пословичный словарь ČPr¹ и словацкий пословичный словарь SkF². Предметом исследования является функционирование отобранных пословиц в интернет-пространстве. Данное исследование осуществлялось с помощью методов стилистического комментирования текста и системно-функционального анализа.

Одной из главных тенденций использования пословиц в письменной речи является их введение в публицистический текст, где они трансформируются, что помогает авторам достичь конкретных стилистических целей. Процесс трансформации происходит при помощи приемов двух типов: семантических и структурно-семантических³.

Так, семантическим преобразованиям подвергается пословица *Všechno chce svůj čas* (ср. рус. «Всеу свое время»), зафиксированная в ТП⁴. Она используется подопечной благотворительного фонда *Dobrý anděl* Яной в интервью официальному блогу организации. Рассказывая о своей борьбе с раком, она произносит следующую фразу: *Vím, že všechno chce svůj čas a tak postupně cvičím a rehabilituji a věřím, že se vše vrátí do starých kolejí* (Я знаю — всеу свое время, — а потому постепенно тренируюсь, прохожу реабилитацию и верю, что все вернется на круги своя)⁵. В данном контексте разворачивается семантика пословицы посредством включения в контекст пояснения, применительно к данной ситуации: *...tak postupně cvičím a rehabilituji a věřím, že se vše vrátí do starých kolejí*⁶. Пословица, таким образом, выступает в качестве семантической параллели по отношению к наречию *postupně*. Это указывает на то, что в тексте она выполняет эмоционально-оценочную функцию и является инструментом понимания текста⁷. Пословица приобретает дополнительный контекстуальный смысл: «человек не властен над временем, поэтому терпение и постепенное преодоление трудностей — все, на что люди способны в определенных си-

туациях', — и читателям необходимо понять его посредством осмысления прочитанного.

Еще одним примером семантической трансформации является употребление поговорки *Čas jsou peníze* (Время — деньги), зафиксированной в СРГ⁸. Она используется в тексте информационной статьи на сайте онлайн-газеты *Lidovky.cz* журналистом Мареком Гудемой: ***Čas jsou peníze. Nyní to platí doslova, je dobré se nad "penzijkem" zamyslet***⁹ (Время — деньги. Теперь это буквально так, хорошо бы задуматься о пенсионном страховании). Это высказывание помещено в заголовок статьи, посвященной пенсионным накоплениям, что указывает на то, что поговорка в тексте выполняет функцию привлечения внимания¹⁰. Кроме того, сопоставление *čas — peníze*, используемое в поговорке, буквализируется в тексте статьи, о чем говорится в самом заголовке, и трансформируется в образ пенсии, совмещающий в себе сразу две характеристики: временную — *čas*, так как пенсия, о которой говорится в тексте, предназначена для пожилых людей, и финансовую — *peníze*, так как статья посвящена пенсионным выплатам. Это указывает на то, что поговорка также позволяет выразительно и ярко преподнести читателям серьезную тему, то есть выполняет функцию удержания внимания¹¹.

Были также проанализированы примеры контекстной реализации словацких поговорок в массовой коммуникации, а именно на примерах публицистических материалов сетевых изданий, где необходимым для автора текста является привлечение внимания широкой аудитории¹².

Так, поговорка *Aj smiech, aj plač* (И смех, и плач; ср. рус. «И смех, и грех»), представленная в ТПЗ¹³, подвергается в следующем примере одновременной редукции компонентного состава паремии¹⁴ — опускается начальный союз *aj* и отсутствует запятая, — и экспликации¹⁵: ***Smiech aj plač na radnici. Primátor prijal prvé bábätko narodené v tomto roku*** (Смех и плач в ратуше. Мэр принял у себя первого младенца, родившегося в этом году)¹⁶. Журналист словацкого интернет-издания *Štandard* Станислав Вавро в заголовке к статье ссылается на известную поговорку *Aj smiech, aj plač*. Дан-

ная ПЕ приведена в заголовке в буквальном значении, что подтверждается содержанием самого материала: мэр Бановце-над-Бебравоу Роберт Гашпарик приветствует первого новорожденного в 2024 г. На видео родители с улыбкой рассказывают о своем сыне, а через несколько минут ребенок начинает плакать. В данном примере использованная в заголовке пословица, подвергшаяся структурно-семантической трансформации, позволяет читателю составить общее представление о теме статьи еще до начала ее чтения. Далее читатель принимает решение, стоит ли ему знакомиться с содержанием текста или пропустить его. Также автор при помощи пословицы выразительно и ярко преподносит бытовую тему¹⁷, что соответствует эмоционально-экспрессивной функции паремии.

В следующем примере прослеживается аналогичная трансформация — расширение компонентного состава пословицы¹⁸. Автор статьи в словацком интернет-журнале *Bold*, ссылаясь на известную паремию *Bez práce nie sú koláče* (Без труда (работы) нет пирогов, зафиксирована в ТПЗ¹⁹ и SkF²⁰; ср. рус. «Без труда не вытащишь и рыбку из пруда»), дополняет заголовок: *Bez práce nie sú koláče alebo pracujúci študenti — súčasná realita* (Без работы нет пирогов, или работающие студенты — современная реальность)²¹. В публикации описывается жизнь студентов, занятых, помимо учебной деятельности, работой и проживающих вдали от родителей. В данном случае пословица вновь применяется в буквальном значении, то есть без работы студент обрекает себя на скромное существование и лишает себя возможности развлекаться. Так как публицистика имеет целью массовый охват аудитории²², автор использует ПЕ для привлечения внимания к злободневной проблеме в конкретной социально-демографической группе, а также актуализирует пословицу для описания текущей ситуации в стране²³. В данном контексте пословица выполняет эмоционально-оценочную функцию.

Таким образом, были рассмотрены контекстные реализации чешских и словацких пословиц на примере публицистических материалов, размещенных в интернет-пространстве,

с применением структурно-семантического метода. Из проведенного анализа следует, что контекстные трансформации являются результатом переосмысления пословиц и направлены на достижение дополнительных коммуникативных эффектов. Семантические трансформации чешских пословиц в интернет-пространстве способствуют реализации эмоционально-оценочной функции, так как сами поговорки являются инструментом понимания смысла текста и направлены на реализацию таких функций, как привлечение и удержание внимания. Структурно-семантические трансформации словацких пословиц в интернет-пространстве имеют своей целью реализовать экспрессивно-эмоциональную и экспрессивно-оценочную функции с помощью привлечения внимания читателей посредством редукции, экспликации и расширения компонентного состава поговорки.

Примечания

- ¹ *Bittnerová D., Schindler F. Česká přísloví: Soudobý stav konce 20. století. 2. vyd. Praha, 2003 (ČPř).*
- ² *Trup L. Slovenské frazémy v angličtine, nemčine, francúzštine, španielčine. Bratislava, 1998 (SkF).*
- ³ *Сергиенко О. С. Нормативность и вариантность чешских и словацких пословиц: монография. СПб., 2015. С. 80–140.*
- ⁴ *Котова М. Ю., Сергиенко О. С. Тетради паремииографа. Выпуск 2: Чешские пословичные параллели русских пословиц паремииологического минимума / под редакцией М. Ю. Котовой. СПб. 2013. С. 251 (ТП2).*
- ⁵ URL: <https://www.dobryandel.cz/2021/vim-ze-vsechno-chce-svuj-cas-dulezita-je-rozitivni-mysl-rozhovor-s-pani-janou/> (дата обращения: 26.03.2024).
- ⁶ *Сергиенко О. С. Нормативность и вариантность... С. 140.*
- ⁷ Там же. С. 78.
- ⁸ *Bittnerová D., Schindler F. Česká přísloví... С. 21 (ČPř).*
- ⁹ URL: https://www.lidovky.cz/nazory/cas-jsou-penize-nyni-to-plati-doslova-je-dobre-se-nad-penzijkem-zamyslet.A221212_180732_In_nazory_rkj (дата обращения: 26.03.2024).
- ¹⁰ *Сергиенко О. С. Нормативность и вариантность ... С. 78.*
- ¹¹ Там же. С. 78, 84.
- ¹² Там же. С. 75.
- ¹³ *Котова М. Ю., Сергиенко О. С. и др. Тетради паремииографа. Выпуск 3: Словацкие пословичные параллели русских пословиц паремииологического минимума / под редакцией М. Ю. Котовой. СПб., 2017. С. 13 (ТП3).*

- ¹⁴ *Сергиенко О. С.* Нормативность и вариантность... С. 103.
- ¹⁵ Там же. С. 96.
- ¹⁶ URL: <https://trencin.standard.sk/548551/video-smiech-aj-plac-na-radnici-primator-prijal-prve-babatko-narodene-v-tomto-roku> (дата обращения: 26.03.2024).
- ¹⁷ *Сергиенко О. С.* Нормативность и вариантность... С. 78.
- ¹⁸ Там же. С. 96.
- ¹⁹ *Котова М. Ю., Сергиенко О. С. и др.* Тетради паремиографа. Выпуск 3... С. 26 (ТПЗ).
- ²⁰ *Труп Л.* Slovenské frazémy... С. 85 (SkF).
- ²¹ URL: <https://bold.sk/bez-prace-nie-su-kolace-pracujuci-studenti-sucasna-realita/> (дата обращения: 26.03.2024).
- ²² *Сергиенко О. С.* Нормативность и вариантность... С. 75.
- ²³ Там же. С. 78.

СЛАВЯНСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ И ОНОМАСТИКА

DOI: 10.31168/2619-0869.2024.37

Члены Святого семейства в польских паремиях: номинации, характеристики, коннотации

Ольга Сергеевна Румянцева

Институт славяноведения РАН,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: o.rumiantceva@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0486-9320

Ключевые слова: паремия, польская лингвокультура, польский язык, теоним

The Members of the Holy Family in Polish Proverbs: Nouns, Characteristics, Connotations

Olga S. Rumiantseva

Institute of Slavic Studies RAS,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: o.rumiantceva@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0486-9320

Keywords: paremia, Polish linguoculture, Polish language, theonym

Г. Л. Пермяков, относя паремии к единицам как языка, так и фольклора, определяет пословичные изречения как знаки и одновременно модели различных типовых ситуаций или отношений между вещами (явлениями) реальной жиз-

ни¹. Описывая концепцию исследователя, Л. Н. Виноградова заключает, что «паремии образуют фонд наиболее часто употребляемых фольклорно-речевых стереотипов, в которых отражается общее коллективное мировоззрение носителей той или иной традиционной культуры»². По этой причине пословицы и поговорки представляют собой важнейший источник информации о национальной лингвокультуре.

Целью исследования стало изучение номинаций Иисуса, святого Иосифа и Богородицы в польских паремиях, а также выявление постоянных признаков и коннотаций, связанных в народном сознании с названными образами. Источником материала послужил сборник «Книга польских пословиц, иносказаний и пословичных выражений»³ под редакцией С. Адальберга, включающий около 30 000 пословиц.

Самыми частотными среди именовании членов Святого семейства в «Книге...» являются номинации **Иисуса** — зафиксировано 28 словоупотреблений. Выделенные лексемы можно объединить в следующие группы:

1. Имена собственные:

Имя *Jezus* отмечено в паремиях 13 раз. Большая часть контекстов включает также титул *Pan* 'Господь', выражающий почитание и подчеркивающий дистанцию между Богом и человеком: *Pana Jezusa by przedał* (Господа Иисуса бы предал) [*Jezus*, 9]*; *Dziś z Panem Jezusem gadał* (Сегодня с Господом Иисусом болтал) [*Jezus*, 2]. Вместе с тем зафиксирована гипокористическая форма имени *Jezusek* 'Иисусик': *Układny jak Jezusek* (Послушный, как Иисусик) [*Jezus*, 15]. По мнению Б. Афелтович, «введение диалектных и уменьшительных форм <...> имен в текст пословицы делает фигуру святого более привычной и близкой обычному человеку»⁴. В полной мере это замечание можно отнести и к фигуре Христа, хотя использование диминутива в отмеченной паремии может объясняться также отсылкой текста к детству Иисуса.

Два выявленных контекста представляют собой календарные пословицы. Имя Иисуса в них входит в перифрастиче-

* Здесь и далее в квадратных скобках указано ключевое слово статьи и номер пословицы в ней.

скую конструкцию в функции геортонима. Пословица не называет, например, Рождество и Пасху, а при помощи глаголов передает суть события: *Kiedy Pan Jezus w czarnym się rodzi, to w białym zmartwychwstaje* (Когда Господь Иисус в черном рождается, то в белом воскресает (т.е. На Рождество нет снега — снежной будет Пасха. — Прим. авт.)) [Jezus, 3].

2. Именования со значением ‘Помазанник’:

Титул *Chrystus* ‘Христос’ отмечен в пословицах 9 раз. В 2 контекстах именование включает титул *Pan* ‘Господь’, причем оба из них употреблены в позиции вокатива: *Panie Chryste, serca nie odmieniał* (Господь Христос, сердца не меняй) [Chrystus, 6].

В паремиях представлена также номинация *Mesjasz* ‘Мессия’: *Wygląda tego, jak żydzi Mesjasza* (Высматривает, как евреи Мессию) [Wyglądać, 90].

3. Именования со значением ‘Сын Божий’ — *Syn Boży* — зафиксированы 2 раза, причем оба употреблены в вариантах одной паремии: *Narodził się Syn Boży: co rok, to gorzej* (Родился Сын Божий: с каждым годом хуже) [Boże Narodzenie, 30].

4. Именование со значением ‘Спаситель’ — *Zbawiciel* — отмечено 1 раз: *Niema przyjaciela oprócz Zbawiciela* (Нет друга, кроме Спасителя) [Zbawiciel].

В ряде пословиц представлена непосредственная характеристика Христа. Среди качеств Иисуса паремии выделяют:

- доброту: *Dobra dusza u Jezusa* (Добрая душа у Иисуса) [Jezus, 1];
- скромность: *Układny jak Jezusek* (Послушный, как Иисусик) [Jezus, 15];
- красоту: *Tak piękny, jakby go Matka Boża urodziła* (Такой красивый, будто его Мать Божья родила) [Piękny, 7].

Устойчивой является возрастная характеристика *Jezusowe latka* (Иисусовы годики) ‘33 года’ [Jezus, 4].

Другие пословицы отсылают к библейским сюжетам, прежде всего, к Страстям Христовым: *Niech pije duszkiet, jak Pan Jezus ocet garnuszkiet* (Пусть пьет залпом, как Го-

сподь Иисус укус из кружки) [Jezus, 5]; *Zgadnij Jezu, kto cię bije* (Угадай, Иисус, кто тебя бьет) [Jezus, 16] и др. В качестве символов страдания в пословицах представлены укус и крест.

Частотна также ассоциация имени Иисуса с бедностью: *Rodzi się Syn Boży: co rok, to ubożej* (Рождается Сын Божий: с каждым годом беднее) [Boże Narodzenie, 30]; *Kto ubogiemu daje, Chrystusowi daje* (Кто бедному подает, Христу подает) [Ubogi, 15].

Среди атрибутов Христа в пословицах отмечены:

- конь (осел): *O koniu Pana Jezusa!* (О конь Господа Иисуса!) ‘Осел! Глупец!’ [Jezus, 8];
- хоругвь: *Przyjdzie Pan Jezus z chorągiewką* (Придет Господь Иисус с хоругвью) [Jezus, 11]. Хоругвь символизирует победу над смертью.

Паремии представляют и эмоциональную коннотацию образа — встреча с Иисусом связывается с радостью и счастьем: *Rad mi, jakby Pana Jezusa za nogi schwytał* (Рад ему, как будто Господа Иисуса за ноги схватил) [Jezus, 12]. Ту же эмоцию содержит эпитет *ślodki* ‘сладчайший’, а также лексема *piękny* ‘прекрасный’, использованная для характеристики всех членов Святого семейства: *O! Jak piękna kompanija: Jezus, Józef i Maryja* (О! Какая прекрасная компания: Иисус, Иосиф и Мария) [Jezus, 7], *Ślodki Jezu pożycz, gorzka męka oddaj* (Сладчайший Иисус, дай займы, горькая мука, отступи) [Pożyczać, 16].

Имплицитно оценка выражена в паремии *Niema przyjaciela oprócz Zbawiciela* (Нет друга, кроме Спасителя) [Zbawiciel]. Пословица называет Иисуса самым надежным другом людей.

Несколько менее частотны в «Книге польских пословиц» номинации **святого Иосифа** (зафиксированы 23 раза). Большая часть из них использована метонимически — в значении геортонима (день Св. Иосифа отмечается 19 марта). Пословицы имеют прогностическую функцию: *Na św. Józef pogoda, będzie w polu uroda* (На Св. Иосифа погода — будет в поле красота) [Józef, 11], а также могут предписывать поведе-

ние, например, в обозначенный день есть мясо: *Na św. Józefa wołowa rosiecha* (На Св. Иосифа говяжья отрада) [Józef, 5].

Среди именовании святого в пословицах выделяются:

1. Имена собственные:

Все зафиксированные имена (22 словоупотребления) сопровождаются эпитетом *święty* ‘святой’: *Gdy na św. Józef bociek przybędzie, to już śniegu nie będzie* (Когда на Св. Иосифа аист прилетает, то уже снега не бывает) [Józef, 3].

Отмечены гипокористические формы имени — *Józwa* (2 раза) и *Józek* (2 раза): *Po św. Józwie, to woda w bruźnie* (После Св. Юзвы вода в борозде) [Józef, 13]; *Święty Józek zabierze zimę w wózek* (Святой Юзек заберет зиму в тачку) [Józef, 23]. Обращает на себя внимание рифма, которая, вероятно, и объясняет выбор разговорного варианта имени.

2. Номинации со значением ‘Обручник’:

Отдельно именование *Oblubieniec* ‘Обручник’ зафиксировано в пословицах 1 раз: *Oblubieniec pogodny, rok będzie urodny* (Обручник погожий, год будет плодородный) [Józef, 13]. Ряд контекстов представляет поликомпонентные номинации — *święty Józef Oblubieniec* ‘святой Иосиф Обручник’ (2 словоупотребления): *Święty Józef Oblubieniec niechaj ma z rozsady wieniec* (Святой Иосиф Обручник пусть из рассады получит венок) [Józef, 19]. Введение именовании *Oblubieniec* может быть обусловлено рифмой.

В паремиях о Св. Иосифе частотно упоминание орудий труда:

- ▶ кнута и топора: *Alboż to ja św. Józef, co to jak biczem machnął, to już siekierą nie miał po co ruszyć?* (Разве я Св. Иосиф, который как махнул кнутом, так уж топором и не должен был двигать?) [Józef, 1];
- ▶ тачки: *Św. Józek wiezie trawy wózek, ale czasem smuci, bo śniegiem przyrzuci* (Св. Юзек везет травы тачку, но иногда огорчает, потому что снегом прикрывает) [Józef, 22].

Пословицы изображают Иосифа трудолюбивым физически сильным человеком. Отмечается готовность Иосифа помогать людям: *Przyjdzie św. Józef z potocą; porówna dzień*

z nocą (Придет Св. Иосиф на помощь: сравнивает день с ночью) [Józef, 14].

Среди других атрибутов — посох: *Św. Józef laską w ziemię kole, wyjeżdżajcie chłopcy orać w pole* (Св. Иосиф посохом в землю ударяет, выезжайте, крестьяне, пахать в поле) [Józef, 17]. С одной стороны, посох может указывать на старость Иосифа, с другой — на его святость и власть.

Святой — покровитель брака. С этой ролью связывается разрешение устраивать свадьбу в день его памяти: *Święty Józef Oblubieniec, która panna, przupnij wieniec* (Святой Иосиф Обручник — если ты девушка, приколи венок) [Józef, 18].

Именования **Мари** отмечены в «Книге польских пословиц» 19 раз, преимущественно в функции геортонима. Богородице посвящен целый ряд церковных праздников, что обуславливает включение в состав номинации уточняющих эпитетов — *Siewna* ‘Посевная’, *Szkaplerzna* ‘Скапулярная’: *Wraz z Szkaplerzną Matką na zagon czeladko!* (Вместе со Скапулярной Матерью на поле, домашние!) [Matka Boska Szkaplerzna]. Интересен контекст с эллиптической конструкцией, включающей лишь эпитет *Strumianna* ‘Ручейная’: *Na Strumianną strumienie puszczają* (На Ручейную ручьи пускают (т.е. ручьи начинают течь. — Прим. авт.)) [Strumianna, 1].

Кроме именовании со значением ‘Мать’ в паремиях представлены номинации *Panna* ‘Дева’, *Panna Marja* ‘Дева Мария’, *Marja* ‘Мария’, *Marysia* ‘Марыся’. Эпитеты редки, отмечена лишь одна лексема — *najświętsza* ‘пресвятая’.

Пословицы, включающие имя Богородицы, имеют календарный характер, выполняют прогностическую функцию, а значит, не дают характеристик Марии и не приводят ее атрибутов. Единственная отсылка на библейский сюжет представлена в паремии *We Wielki Piątek boleści Marji początek* (В Великую пятницу боли Марии начало) [Wielki Piątek, 7].

Проанализированные примеры демонстрируют: среди членов Святого семейства выделяется образ Иисуса как обладающий наибольшим количеством признаков и ассоциаций. Образ Марии, так значимый для религиозной традиции, оказывается представленным в паремиях менее выразительным и эмоционально наполненным.

Примечания

- ¹ *Пермяков Г. Л.* Основы структурной паремиологии. М., 1988. С. 84.
- ² *Виноградова Л. Н.* Мифологический аспект славянской фольклорной традиции. М., 2016. С. 262.
- ³ *Księga przysłów, przypowieści i wyrażeń przysłowiowych polskich / red. S. Adalberg.* Warszawa, 1889–1894.
- ⁴ *Afeltowicz B.* Udział nazw własnych w przysłowiaach ludowych // *Parémie národů slovanských VI / red. L. Mrověcová.* Ostrava, 2012. S. 17.

DOI: 10.31168/2619-0869.2024.38

Отражение особенностей формы и строения растения в польских флоронимах (на восточнославянском фоне)

Александра Александровна Широкова

МГУ им. М. В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: szuroczka.szyrokowa@gmail.com
ORCID: 0009-0009-2993-3756

Ключевые слова: фитоним, флороним, номинация, мотивация, словообразование

Reflection of the Peculiarities of the Shape and Structure of the Plant in Polish Floronyms (on East Slavic Background)

Aleksandra A. Shirokova

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: szuroczka.szyrokowa@gmail.com
ORCID: 0009-0009-2993-3756

Keywords: phytonym, floronym, nomination, motivation, word-building

Наименования цветущих растений, применяемых в человеческой деятельности прежде всего в декоративных целях, образуют лексико-семантическую группу «Наименования цветов». Особенности наполнения данной ЛСГ обусловлены, таким образом, именно специфическим критерием определения принадлежности растения к цветам: данный критерий не является ни строго ботаническим, ни сугубо утилитарным (ср. определение цветка в «Словаре народных стереотипов и символов»: «*coślina ozdobna, często pachnąca* (растение декоративное, часто обладающее ароматом)»¹).

Приоритет эстетической оценки обуславливает внимание к внешнему виду растений, отражаемое и в соответствующих номинациях. Особое внимание уделяется особенностям соцветия — как самого заметного и важного элемента. Также характерными чертами стереотипного образа цветка являются небольшой размер, наличие аромата, связь с определенным (как правило, естественным) природным сообществом — лесом, лугом и т.п. Важной составляющей образа цветка является цвет: прежде всего цвет соцветия, однако не только: возможно также указание на окраску листьев, плодов, сока внутри стебля.

Однако цвет — далеко не единственная черта внешнего вида растения, получающая закрепление на уровне номинации. Помимо цвета, таковыми номинативными признаками могут быть особенности стебля (например, для вьющегося растения) корневища (например, одревеснение), особые свойства «поведения» (например, способность погружаться в воду — у водных растений), сходство с другим растением (возможно, обусловленное ботаническим родством).

Целью представляемого исследования является анализ флоронимов современного литературного польского языка, в которых в качестве номинативного признака закреплено указание на форму составных частей цветущего растения и особенности его строения в целом; описание особенностей данных наименований представлено на фоне аналогичных восточнославянских наименований. При описании наименований одного растения в разных славянских языках исполь-

зуются понятие *соответствие* в тех случаях, когда в синонимичных названиях отражен один и тот же характерный признак именуемого объекта; синонимичные флоронимы, характеризующиеся также внешним сходством (на словообразовательном и грамматическом уровне), считаются полными соответствиями (или эквивалентами).

Базу исследования составили наименования 47 растений: это около 50 польских флоронимов, только пятая часть которых не имеет соответствий с аналогичной семантикой внутренней формы в восточнославянских языках. Фоном для сопоставления послужили около 30 русских и украинских, а также около 20 белорусских флоронимов.

Наиболее частотным признаком является указание на форму именно соцветия (что вполне подтверждает тезис о важности данного элемента в типичном образе цветка): *grzebionatka* (рус. *петушиный гребень, гребешок*, укр. *козутки*), *gwiazdnica* (рус. *звёздчатка*, укр. *звізdochник*) и др. Интересно, что встречаются случаи особого указания на форму составной части соцветия — его выпуклой сердцевины (*jeżówka*, от *jeż* ‘ёж’) или на внешний вид соцветия в определенный момент жизнедеятельности растения (*mniszek*: после того как облетели пушинки, отцветшее соцветие напоминает бритую голову католического монаха; *kozibród* (рус. *козлотородник*, укр. *козельці*, бел. *казлабарод*): нераскрывшаяся корзинка соцветия похожа на козлиную бородку). При этом, помимо формы соцветия, в качестве номинативного признака может быть зафиксирована форма плода (*bodziszek* (того же корня, что *bodnąć* ‘ткнуть, уколоть; боднуть’), рус. *журавельник*, укр. *журавець*), листьев (*gęsiówka* (от *geś* ‘гусь’, форма напоминает птичью лапу), рус. *резуха*, бел. *разуха*), стебля (*krzywoszyj*: досл. ‘кривошей’ (рус. *кривоцвет*)), луковичного корневища (*psiząb*: досл. ‘собачий зуб’).

Отдельного упоминания заслуживает указание на наличие у растения шипов или колючек, например: *ostromlecz* (от основ ‘острый’ и ‘одуванчик’); *ostrożeń* (рус. *бодяк*, белор. *бадзяк*). Данное свойство является существенным отличием именуемого растения от многих других, также относимых к

цветам, и одновременно, будучи потенциальной причиной опасности, является особо значимым для человека.

В качестве основания для выделения номинативного признака может также выступать идея количества: так, во флорониме *siódmaczek* и его эквивалентах (рус. *седмичник*, бел. *се-мачок*) отражено количество лепестков (а также тычинок) в соцветии растения; в номинации *trójsklepka* (от основ 'три' и 'свод, арка') — количество бугорков-нектарников.

Во флорониме может содержаться указание на особое строение растения (прежде всего его соцветия). Так, во флорониме *lwia paszcza* (рус. *львиный зев*, укр. *ротики*, бел. *ільвіны зеў*) указана способность соцветия раскрываться наподобие рта или пасти, если на него опускается достаточно крупное насекомое. Наименование *teczennica* (рус. *страстоцвет*, укр. *страстоцвіт*, *мучениця*, бел. *страснацвет*) было дано растению благодаря специфическому строению его цветка и листьев, а также количеству тычинок и пестиков: все это вместе сделало цветок похожим (в глазах исследователей-миссионеров) на символ Страстей Христовых. Флороним *zwartnica* (от *zwarty* 'тесный, плотный'), скорее всего, указывает на тесное расположение соцветий, а *rozwar* (от *rozewrzeć* 'раскрыть, распахнуть'; рус. *ширококолокольчик*, укр. *широкодзвоник*) — на крупный размер соцветий (в восточнославянских соответствиях — по сравнению с другими, более распространенными растениями из семейства колокольчиковых).

В исследуемом материале зафиксирован также как минимум один случай указания на особенности окраски растения, «замаскированный» под указание на особенности его строения: флороним *dziurawiec* (от *dziurawy* 'дырявый') на самом деле указывает на наличие на лепестках растения темных пятнышек, производящих впечатление дырочек.

Указание на особенности формы и строения растения может быть сопряжено с отражением в наименовании других его особенностей: например, флороним *gwiazdnica* (рус. *звездчатка*, укр. *звіздочник*) отражает не только форму, но и яркость, светлый цвет соцветия; а флороним *wilczy groch* (рус. *волчий боб*), помимо формы плодов растения, закре-

пляет ложность (через эпитет «волчий») его сходства со съедобным культурным растением.

Следует упомянуть, что из исследуемого материала были исключены флоронимы, содержащие в качестве одной из сем указание на небольшой размер растения (например, *czarnuszka*, *bratki* и др.) — именно потому, что подобные случаи фиксируются столь часто, что не представляется возможным описать их в рамках настоящего исследования.

В представленном материале присутствуют единицы различного происхождения и структуры. При том, что подавляющее большинство наименований образовано от исконных основ, среди них нередки примеры калькирования: в качестве калькируемого наименования, как правило, выступает латинское номенклатурное: например, *męszennica* (рус. *страстоцвет*, укр. *страстоцвіт*, *мучениця*, бел. *страснацвет*) — от лат. *Passiflora*; *miesięcznica* (рус. *лунник*, укр. *місячниця*, бел. *луннік*) — от лат. *Lunaria*. Промежуточное положение между кальками и собственно исконными наименованиями занимают примеры, в которых калькируется только один из элементов, а второй оказывается замещенным или опущенным: ср. польский флороним *obuwik* и лат. *Cypripedium calceolus* ‘башмачок Киприды’.

Исследованные наименования по большей части представляют собой одноосновные дериваты. Примерно десятая часть флоронимов представлена сложными словами (*kozibród*, *ostromlecz* и др.). Примерно столько же флоронимов представлено словосочетаниями, состоящими из прилагательного и существительного *koguci grzebień* (рус. *петушиный гребень*); рус. *венерин башмачок*, укр. *зозулині черевички*, бел. *венерын чаравічак*.

Полученное распределение флоронимов в зависимости от их происхождения и структуры в целом соответствует общей тенденции, представленной во флоронимических системах исследуемых языков.

Примечания

¹ Słownik stereotypów i symboli ludowych. T. II. Rośliny. Kwiaty / red. J. Bartmiński. Lublin, 2022. S. 14.

ВЕРБАЛЬНЫЕ И НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ЕДИНИЦЫ СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

DOI: 10.31168/2619-0869.2024.39

Без-префиксальные дериваты от лексемы *слово* в истории русского языка и в говорах

Наталья Александровна Попова

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Российская Федерация,
e-mail: singyoutoslepppp@gmail.com
ORCID: 0009-0007-7369-054X

Ключевые слова: этнолингвистика, метаязыковая рефлексия,
процесс говорения, приставка *без-*

Words Derived from the Lexeme *slovo* with Prefix *bez-* in the History of the Russian Language and its Dialects

Natalia A. Popova

Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russian Federation,
e-mail: singyoutoslepppp@gmail.com
ORCID: 0009-0007-7369-054X

Keywords: ethnolinguistics, metalanguage reflection, speaking
process, prefix *bez-*

Внутренняя форма слов, называющих речевую деятельность, в ряде случаев позволяет обнаружить следы метаязыковой рефлексии¹; это касается и лексем с «негативирующей» приставкой *без-* (далее используется определение

без-префиксальный). Рассматривая такую лексику на славянском материале, А. Ф. Журавлев указал, что способность слова образовывать дериваты с приставкой **bez-* свидетельствует о высокой значимости номинируемой реалии². В связи с этим нам представляется важным рассмотрение *без-префиксальной* лексики, называющей процесс говорения, с целью реконструкции представлений о языке и речи, являющихся фрагментом этнокультурной аксиологической системы носителя русского языка.

В настоящей работе будет проанализирована семантика *без-префиксальных* дериватов от мотивирующей лексемы *слово* в истории русского языка и в говорах.

В современном русском языке лексика, внутренняя форма которой связана с ситуацией отсутствия слов(а), по большей части сохраняет свое буквальное значение и может быть представлена в виде следующих тематических групп, в которые попадают различные значения таких лексем, как *бессловесный* и *бессловесность*: **немота**: 'не имеющий способности говорить'; **молчание**: 'молчаливый, неразговорчивый', 'не сопровождающийся словами, выраженный без слов; безмолвный'; **косноязычие**: 'плохо владеющий связной речью; не умеющий выразить свои мысли и чувства'; **безропотность**: 'не выражающий своего мнения, не возражающий из робости, угодливости и т.п.; безропотный, безответный'.

Обращение к историческим и диалектным данным позволяет расширить наши представления о слове и его месте в аксиологической системе носителя русского языка.

Так, уже упомянутой семантикой **немоты** и **молчания** в истории языка обладали следующие лексемы: ст.-русск. *бессловесный* 'не владеющий речью, немой'³, *бессловный* 'безмолвный'⁴, ц.-сл. *безсловен* 'который лишен способности говорить, немый'⁵, XVIII в. *бессловесие* 'неимение способности говорить'⁶, *бессловесный* 'неодаренный способностью говорить'⁷, также у В. И. Даля находим *бессловесен как рыба* 'об упорно молчащем человеке'⁸.

Семантика **немоты** получает свое продолжение в значениях, связанных с номинацией **животных**: др.-русск.

безсловесный ‘в знач. сущ. животное’⁹, ст.-русск. *бессловесный* ‘о животных: не имеющий дара речи’¹⁰. Далее от номинации животных развивается семантика **скотоложества**: др.-русск. *безсловествовати* ‘заниматься скотоложеством’¹¹, ц.-сл. *безсловствовавший* ‘с безсловесным животным срастлившийся’¹². Впоследствии значение расширяется до **плотского (греховного), чувственного вообще**: др.-русск. *безсловесный* ‘плотский, чувственный’¹³, при этом в диалектной традиции подобного преобразования значения не наблюдается — вероятно, это связано с отсутствием представления о греховности плоти в народной (языческой) культуре.

Еще один путь развития значений связан с семантикой **когнитивных нарушений**: др.-русск. *бессловесие* / *бессловие* ‘неразумие, неведение’¹⁴, ц.-сл. *безсловесие* ‘безумие’¹⁵, *многобезсловесие* ‘крайнее невегласие, невежество’¹⁶, др.-русск. *бессловесный*, *бессловный* ‘неразумный, свойственным бессловесным (животным)’¹⁷, ц.-сл. *безсловесно* ‘скотски, безрасудно’¹⁸, *безсловеснство* ‘глупость, безумие, скотство’¹⁹, ст.-русск. *бессловие* ‘безумие, глупость’²⁰.

Семантике когнитивных нарушений близка семантика **незнания и/или отвержения христианского учения**: др.-русск. *безсловесьный* ‘не знающий или не принимающий христианского учения’²¹. Отказ от христианского учения в данном случае оценивается с позиций этики.

Отсутствие слов у человека в современном, древнерусском языке и в говорах также связывается с **покорностью**. Ср. ст.-русск. *бессловно* ‘без пререканий, дружественно, без спора’²², *без/ссловесно* ‘не высказывая своего мнения’²³, XVIII в. *безсловесие* ‘безответность’²⁴, а также дон. *бессловесный* ‘непонятливый, отвечающий на все укоры молчанием’²⁵.

Последняя и самая нетривиальная ветвь развития значения связана с семантикой **проклятия**: ср. др.-русск. *бессловесие* ‘проклятие’ (*Есть бессловесие паче а не блгословение*)²⁶, что во многом обусловлено полисемией производящей основы, для которой в данном случае оказывается значимым особый статус *слова* в религиозном дискурсе. Показательно *слово* в значениях ‘слава’, ‘Божественный Логос’ (в религиоз-

ном учении христианства теолого-философский термин, означающий совершенное откровение существа Божия, предвечный образ Божий; Слово Божие; вторая ипостась Троицы, воплощенная в Христе), ‘словесно выраженная воля Бога, которая является законом; заповедь’; ср. также *словесный* ‘духовный’ (*На заколение тя, яко агница словесена, ведущи мѣтеле*)²⁷. Подобное развитие значения встречаем и у И. И. Срезневского, в чьем словаре *бессловесию* соответствует лат. *maledictio*²⁸, которое, согласно словарю Дворецкого, означает ‘злословие, брань’²⁹, а в «Вульгате» встречается в значении ‘проклятие’: *Ex ipso ore procedit benedictio et maledictio*³⁰. Заметим, что большее распространение *бессловесие* получило в значениях, связанных с когнитивными нарушениями, подобным значениям И. И. Срезневский в качестве соответствия приводит греч. ἀλογία³¹. Любопытно, что цитата, приводимая авторами словарей для иллюстрации *бессловесия* в значении ‘проклятия’, является переводом «Древнеславянской кормчей XIV титулов»³², в которой др.-рус. *бессловесию* соответствует греч. ἀλογία, имеющее, согласно словарю Вейсмана, значения ‘невнимание к кому или чему, пренебрежение’, ‘нерассудительность, необдуманность, безумие’³³, а также ‘беспорядок, смятение’, ‘безмолвие, молчание’³⁴. В таком случае и в греческом оригинале, и в русском переводе значение ‘проклятие’ обусловлено контекстом, где интересующие нас лексемы (др.-рус. и греч.) вступают в антонимичные отношения с *благословением* (греч. εὐλογία): *Яко не подобает отъ еретикъ блѣгсловение принимать, иже есть бесловесие паче а не блѣгсловение*. Др.-рус. *бессловесие* и *благословение* — кальки с греч. ἀλογία и εὐλογία соответственно: вершина словообразовательного гнезда всех четырех слов — корень, связанный с процессом говорения (-слов- и -лог-). Образуются же слова с помощью приставок, указывающих на отсутствие объекта, называемого корнем (бес- и ἀ-), и приставок со значением ‘хороший’ (благо-, εὐ-). Контекстуальное столкновение созвучных друг другу лексем вписывается в традиционную для библейских текстов игру слов. Кроме того, в христианской аксиологии

отсутствие *слова* мыслится как отсутствие разумения, здравого смысла, что, по всей видимости, связывается с представлениями о речевой способности как об образе и подобии Божьем в человеке. С другой стороны, ввиду связи *слова* с представлениями о различных проявлениях божественного, можно говорить об обнаруживаемом здесь народно-христианском понимании проклятия как отказа от божественного слова.

Таким образом, исторически *слово* тесно связывается с представлениями о разумении и знании. Благодаря влиянию христианской культуры, *слово* обнаруживает теснейшую связь с представлениями человека о божественном (заповеди, благословении и т.п.), в таком случае отсутствием *слова* называются ситуации искажения или отказа от христианского учения. Древнерусские без-суффиксальные дериваты данного гнезда отличаются от диалектных большей разветвленностью семантики, что в общих чертах объясняется различием аксиологических систем (христианской и языческой).

Примечания

- ¹ См. подробнее: *Бондаренко Е. Д.* Наивная лингвистика и диалектное языковое сознание. М., 2021. С. 26–27.
- ² *Журавлев А. Ф.* Древнеславянская фундаментальная аксиология в зеркале праславянской лексики // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии и семантики. Слово в контексте культуры / Ред. Н. И. Толстой. М., 1999. С. 7–32.
- ³ *Словарь русского языка XI–XVII вв.* / гл. ред. С. Г. Бархударов. М., 1975. Вып. 1. С. 169.
- ⁴ Там же. С. 170.
- ⁵ *Алексеев П. А.* Церковный словарь. 4-е изд. СПб., 1817. Ч. 1. С. 57.
- ⁶ *Словарь Академии Российской.* СПб., 1806. С. 162.
- ⁷ Там же.
- ⁸ *Даль В. И.* Пословицы русского народа. СПб., 1879. Т. 1. С. 530.
- ⁹ *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 1. С. 169.
- ¹⁰ *Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.* / ред. О. С. Мжельская. СПб., 2004. С. 149.
- ¹¹ *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)* / гл. ред. Р. И. Аванесов. М., 1988. Т. 1. С. 138.
- ¹² *Алексеев П. А.* Церковный словарь. Ч. 1. С. 57.

- 13 *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1. С. 139.*
- 14 *Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. В. Б. Крысько. М., 2006. Вып. 27. С. 238.*
- 15 *Алексеев П. А. Церковный словарь. Ч. 1. С. 57.*
- 16 *Алексеев П. А. Церковный словарь. 4-е изд. СПб., 1818. Ч. 3. С. 28.*
- 17 *Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. С. 169.*
- 18 *Алексеев П. А. Церковный словарь. Ч. 1. С. 57.*
- 19 Там же.
- 20 *Словарь русского языка XVIII века / гл. ред. Ю. С. Сорокин. Л., 1985. Вып. 2. С. 8.*
- 21 *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1. С. 139.*
- 22 *Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. С. 169–170.*
- 23 *Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. С. 149.*
- 24 *Словарь Академии Российской. С. 162.*
- 25 *Ремчуков В. Н. Толковый казачий словарь. 2-е изд. Волгоград, 2007. С. 12.*
- 26 *Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. С. 169.*
- 27 *Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. Г. А. Богатова. М., 2000. Вып. 25. С. 97–100.*
- 28 *Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. 1. С. 73.*
- 29 *Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. 2-е изд. М., 1976. С. 613.*
- 30 *Biblia sacra iuxta Vulgatam versionem. James 3:10.*
- 31 *Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка... Т. 1. С. 73.*
- 32 *Древнеславянская кормчая: XIV титулов без толкований / труд В. Н. Бенешевича. СПб, 1906. Т. 1. С. 274.*
- 33 *Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. 5-е изд. СПб., 1899. С. 59.*
- 34 Там же.

DOI: 10.31168/2619-0869.2024.40

Образование форм женского рода от иностранных фамилий в современном чешском языке

Алёна Станиславовна Зарецкая

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: zaretskaya.alena@yandex.ru
ORCID: 0009-0000-6772-5127

Ключевые слова: иностранные фамилии, имена собственные, категория рода, женский род, чешский язык

Formation of Feminine Forms of Foreign Surnames in Modern Czech

Alena S. Zaretskaia

Russian State University for the Humanities,
 Moscow, Russian Federation;
 e-mail: zaretskaya.alena@yandex.ru
 ORCID: 0009-0000-6772-5127

Keywords: foreign surnames, proper names, category of gender, feminine gender, Czech language

В данной работе рассмотрены особенности функционирования иностранных фамилий женщин в современном чешском языке. Этот вопрос представляет интерес не только с лингвистической, но и с социологической точки зрения.

Для чешского языка характерно регулярное образование форм женских фамилий от мужских (чеш. *přechylování*). В большинстве случаев для этого используется суффикс *-ová* (*Novák — Nováková*). В случае, если мужская фамилия имеет форму прилагательного, женская фамилия имеет форму прилагательного женского рода (*Světlý — Světlá*). Данное явление характерно как для чешских, так и для иностранных фамилий.

Вопрос образования форм фамилий женского рода является предметом дискуссии в чешском обществе. Многие женщины отказываются от их использования, предпочитая иметь мужскую форму фамилии. По их мнению, такая форма нейтральна, гендерно не маркирована. Ее часто выбирают представительницы феминистского движения. Они аргументируют свою позицию в том числе тем, что женская форма фамилии похожа на притяжательное прилагательное, то есть может намекать на принадлежность женщины мужчине¹ (однако формы не совпадают полностью: *Nováková kniha* ‘книга Новака’, но *Anna Nováková* ‘Анна Новакова’). Также аргументом против использования женских форм является их затрудненное восприятие иностранцами, которые,

к примеру, считают *Svoboda* и *Svobodová* как две разные фамилии, что приводит к недопониманию².

Сторонники использования женских форм фамилий аргументируют свою позицию тем, что двусмысленно может восприниматься, наоборот, использование мужской (нейтральной) формы в отношении женщины. Например, игнорирование женских форм приводит к сложностям в распознавании подлежащего и дополнения в предложении³. Так, в предложении типа *Novák pozvala Dvořák k sobě domů* ‘Новак пригласила Дворжак к себе домой’ не очевидно, где подлежащее, а где дополнение (ср. *Nováková pozvala Dvořákovou k sobě domů*; *Novákovou pozvala Dvořáková k sobě domů*).

До 2022 г. чешские законы предписывали использовать женскую форму фамилии в отношении лиц женского пола. Исключение делалось только для иностранок, дочерей и жен иностранцев и еще нескольких подобных категорий. С 1 января 2022 г. вступила в силу новая редакция закона о регистрации, именах и фамилиях⁴, которая позволяет женщинам при желании использовать мужскую форму фамилии в документах, а также позволяет родителям при рождении девочки зарегистрировать ее под мужской формой фамилии.

В данной работе мы рассматриваем то, как в современных чешских текстах передаются иностранные фамилии женщин. Материалом исследования послужила подборка фамилий известных женщин из различных стран. В подборке мы выделили несколько категорий: «Спортсменки», «Актрисы», «Певицы», «Женщины-политики» и «Писательницы». Фамилии актрис, певиц и писательниц были дополнительно подразделены в зависимости от времени активной деятельности их носительниц (категории «до 1990-х гг.» и «начиная с 1990-х гг.»). Также отдельно рассматривались различия в образовании форм женского рода от славянских (на примере русских) и неславянских фамилий.

Для исследования был использован корпус чешского языка “*Araneum Bohemicum Maximum*”⁵. Данный корпус содержит более 3 млрд позиций. Он основан на материалах, находящихся в свободном доступе в сети Интернет, преимущественно

щественно на новостных заметках и блогах. Материалы корпуса были собраны в мае–июне 2013 г. Использование именно этого корпуса обусловлено тем, что он содержит тексты сетевых изданий, где фамилии известных людей из разных сфер встречаются намного чаще, чем, к примеру, в художественной или научной литературе.

Были проанализированы употребления 72 фамилий выдающихся женщин и, соответственно, 144 формы этих фамилий (с суффиксом *-ová* и без него). В качестве поискового запроса использовались фамилии в сочетании с именем, так как поиск только по фамилии дает контексты, связанные со всеми носителями этой фамилии, включая мужчин (например, по запросу *Hillary Clinton* были получены результаты, связанные только с Хиллари Клинтон, а по запросу *Clinton* — результаты, связанные с любым носителем данной фамилии). Общее количество контекстов с искомыми фамилиями составило 28 650.

Для начала рассмотрим частотность образования фамилий на *-ová* в зависимости от рода деятельности. В рассмотренных нами категориях чаще всего такую форму имеют фамилии политиков (в 65,3 % случаев, например, *Theresa May — Theresa Mayová*), спортсменов (61,3 %, к примеру, *Caster Semenya — Caster Semenyaová*) и писательниц (58,3 %, к примеру, *Doris Lessing — Doris Lessingová*). Реже изменяются фамилии актрис (28,7%, из статистики при этом выбивается пара *Natalie Portman — Natalie Portmanová*, где на форму с женским суффиксом приходится 62,5 %) и певиц (12,9 %). Возможно, данная закономерность объясняется тем, что часто имя и фамилия актрис и певиц являются «брендом», видоизменять который не принято. К примеру, имя *Katy Perry* употребляется в оригинальной форме в 96,6 % случаев.

Фамилии актрис из категории «до 1990-х гг.» (к примеру, *Audrey Hepburn — Audrey Hepburnová*) изменяются в 37,3 % случаев, а в категории «начиная с 1990-х гг.» (*Kate Winslet — Kate Winsletová*) — в 23,2 % случаев. Еще ярче эта тенденция проявляется у фамилий певиц: 28,9 % и 4,9 % случаев со-

ответственно (например, форма *Doris Dayová* используется в 33,9 % случаев, а форма *Celine Dionová* — всего в 4,7 %). Однако у фамилий писательниц подобная тенденция не наблюдается: изменяется 54,9 % фамилий из категории «до 1990-х гг.» и 61,6 % из «начиная с 1990-х гг.».

Также была проанализирована связь частотности образования женской формы иностранной фамилии с тем, какой звук находится на конце исходной фамилии. Фамилии были подразделены на следующие категории: кончающиеся на согласные, кроме [j] (*Serena Williams* — *Serena Williamsová*), на гласные (*Agatha Christie* — *Agatha Christieová*), на [j] (*Billie Holiday* — *Billie Holidayová*). Была обнаружена следующая корреляция: суффикс *-ová* реже добавляется к фамилиям, кончающимся на [j] (26,6 %) и на гласный (31,0 %), и чаще к тем, что кончаются на согласный (48,0 %). Возможно, подобные результаты объясняются тем, что прибавление *-ová* к фамилии, кончающейся на гласный, приводит к необходимости произносить два или больше гласных звука подряд (к примеру, *Marilyn Monroeová* или *Agatha Christieová*).

Отдельно нами были рассмотрено отображение славянских (в частности, русских) фамилий в чешских текстах. Проанализировав использование фамилий российских спортсменов, таких как Мария Шарапова, Ольга Зайцева и др., мы выяснили, что они изменяются в 90,3 % случаев. При этом неславянские фамилии спортсменов, как было указано выше, изменяются в 61,3 % случаев. Также интересно следующее: фамилии, которые в русском кончаются на *-ова* (*Шарапова*, *Ефимова*) в случае отсутствия специальной женской формы (*Šarapovová*, *Jefimovová*) приобретают форму с долгим «а» в конце (*Šarapová Jefimová*), в оригинальной форме без долгого «а» не используются. Но с фамилиями на *-ева* (*Зайцева*, *Канаева*) этого не происходит, они остаются в оригинальной форме (*Zajceva*, *Kanajeva*). Это можно объяснить близостью фамилий на *-ова* к традиционной чешской форме на *-ová*.

В качестве образца отображения русских женских фамилий были также рассмотрены фамилии Анны Ахматовой

и Марины Цветаевой. На вариант *Anna Achmatovová* пришлось 89,8 % употреблений, на вариант *Marina Cvětajevo-ová* — 100%, то есть эти фамилии почти всегда изменяются. Но следует также отметить, что эти данные по большей части отражают традицию, установившуюся в первой половине XX в., а не современные тенденции.

В ходе исследования были выявлены следующие закономерности: 1) чаще в оригинальной форме употребляются фамилии актрис и певиц, реже — фамилии политиков, спортсменов и писательниц; 2) фамилии современных актрис и певиц изменяются реже, чем фамилии артисток, которые были популярны до 1990-х гг.; 3) фамилии, оканчивающиеся на гласные звуки и на [j], изменяются реже, чем фамилии на согласный; 4) к русским фамилиям добавляется *-ová* в подавляющем большинстве случаев. Таким образом, мы видим, что добавление суффикса *-ová* к иностранным фамилиям не является регулярным в современном чешском языке и зависит от различных факторов, в том числе и социальных.

Примечания

- ¹ *Kopecký J. Přechylování příjmení v češtině jako případ jazykového managementu // Slovo a slovesnost. 2014. № 1. S. 289.*
- ² *Ibid. S. 288.*
- ³ *Valdrová J. Reprezentace ženství z perspektivy lingvistiky genderových a sexuálních identit. Praha, 2018. S. 351-352.*
- ⁴ *Zákon č. 301/2000 Sb. Zákon o matrikách, jménu a příjmení a o změně některých souvisejících zákonů // Zákony pro lidi. URL: <https://www.zakonyprolidi.cz/cs/2000-301> (дата обращения: 29.03.2024).*
- ⁵ *Benko. V. Araneum Bohemicum Maximum, verze 15.04. Praha, 2015.*

Особенности употребления комбинации «два восклицательных знака» в русскоязычной интернет- коммуникации

Полина Максимовна Меньшова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: polina.menshova.19@mail.ru
ORCID: 0009-0004-0128-6001

Ключевые слова: онлайн-коммуникация, восклицательные конструкции, восклицательный знак, социолингвистика, пунктуация, русский язык

The Specific of two Exclamation Points Usage in the Russian Language Online Communication

Polina M. Menshova

National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: polina.menshova.19@mail.ru
ORCID: 0009-0004-0128-6001

Keywords: online communication, exclamation constructions, exclamation point, sociolinguistics, punctuation, the Russian language

В работе изучается специфика употребления комбинации из двух восклицательных знаков в онлайн-коммуникации на русском языке. Цель исследования — выявить, для чего пользователи русскоязычного сегмента интернета

ставят «!!» в конце предложения. Чтобы достичь поставленной цели, решаются следующие задачи: 1) изучить историю комбинации «!!»; 2) собрать языковой материал, демонстрирующий использование комбинации «!!» русскоязычными пользователями интернета; 3) выявить основные ситуации онлайн-общения, в которых современные носители русского языка ставят «!!». Объектом исследования выступает сочетание двух восклицательных знаков, предметом — его прагматические функции в русскоязычной онлайн-коммуникации.

Комбинация «!!» использовалась в русском языке задолго до появления интернета. В рассказе А. П. Чехова «Забыл!!» 1882 г. двойное восклицание появляется в двух противоположных по смыслу высказываниях: «Забыл!!» и «Вспомнил!!»¹. В первом случае оно выражает подчеркнутую досаду (главный герой не может вспомнить, ноты какого произведения обещал купить дочери), во втором — сильную радость (название музыкальной композиции все же вспоминается). Это пример авторской пунктуации, которая помогает А. П. Чехову добиться нужного стилистического эффекта.

В XXI в. комбинация «!!» распространилась в русскоязычном сегменте интернета несмотря на ненормативность², и даже стала выходить за пределы онлайн-коммуникации, например, встречаться на рекламных щитах. Вопросы, как интерпретировать такую пунктуацию в разных контекстах, поступали порталу «Грамота.ру», но остались без ответа: специалисты справочной службы просто напомнили, что правила русского литературного языка без стилистической необходимости предусматривают постановку только одного восклицательного знака³.

Популярность комбинации «!!» в онлайн-коммуникации может быть связана с тем, что в 2011 г. в смартфонах серии *iPhone* марки *Apple* стал использоваться эмодзи (цифровое изображение, которое добавляется к сообщению в электронной коммуникации для выражения определенной идеи или чувства⁴) «два красных восклицательных знака». В США, на родине бренда, это сочетание знаков препинания к тому моменту было более популярно, чем в русскоговорящих стра-

нах. Например, комбинации из двух восклицательных знаков «обрамляли» название дебютного альбома американской панк-группы *New Bomb Turks*, который вышел в 1993 г.⁵ В комедийном сериале «Сайнфелд» о жизни стендап-комика из США двум восклицательным знакам посвящена целая сцена эпизода, премьера которого состоялась в 1993 г. Герои ситкома составляют письмо о прекращении сотрудничества с бухгалтером и требуют вернуть им деньги. Чтобы подчеркнуть серьезность намерений, в конце сообщения они ставят два восклицательных знака, а все предшествующие предложения завершают одним⁶.

Примечательно, что, согласно данным нашего исследования, некоторые русскоговорящие, использующие комбинацию «!!», «переняли» ее у друзей по переписке из других стран. При этом речь не всегда идет о носителях английского языка: по словам респондентов, два восклицательных знака (в отличие от более характерных для русского языка трех) распространены также в Японии.

В ходе исследования мы изучили интенции пользователей русскоязычного сегмента интернета, ставящих в конце предложения «!!». В работе применялся психолингвистический подход к пунктуации в понимании А. А. Леонтьева⁷ и К. Я. Сигала⁸. В рамках него постановка знаков препинания, в частности осознанное нарушение пунктуационной нормы, понимается как отдельный компонент речепорождения.

Чтобы определить, с какой целью пользователи ставят «!!» в конце предложения, мы провели опрос в социальной сети «ВКонтакте» среди 720 человек от 15 до 50 лет. Все респонденты, согласно сведениям, которые они сообщили о себе: либо имели высшее образование, либо на момент прохождения опроса получали его, либо учились в школе, но проявляли интерес к лингвистике и успешно участвовали в интеллектуальных состязаниях по этой дисциплине (участники исследования младше 18 лет в основном были подписчиками сообщества «Младолингвисты»⁹ в социальной сети «ВКонтакте»), которое для школьников, интересующихся

лингвистикой, создал лингвист, кандидат филологических наук А. А. Сомин). Так или иначе, все люди, включенные в выборку, были знакомы с нормами современного русского литературного языка и, если использовали комбинацию из двух восклицательных знаков, фактически нарушая пунктуационную норму, то делали это осознанно.

Согласно полученным нами данным, комбинацию «!!» использует только треть респондентов. Преимущественно она помогает им подчеркнуть важность отправляемого сообщения или значимость реплики, на которую отвечает пользователь: *Просто «Спасибо!» и «Спасибо!!» — это, мне кажется, про разное (второе — благодарность за что-то, что было очень-очень важно лично для меня)*¹⁰.

Некоторые участники опроса двумя восклицательными знаками выражают особую интонацию: *Один [восклицательный знак] — в формальных текстах и когда «обычное» восклицание, два — уже с таким присвистом, что ли. Те, кто не использует тройное восклицание, как правило, видят завершенность в двух восклицательных знаках: «!!» — это гораздо комфортнее, чем «!», после «!!» чувствуется законченность. Однако многие сторонники этой комбинации считают ее чем-то средним между «!» и «!!!»: Два — это как сдержанные три (для особенно важных случаев). Три не ставлю, перебор эмоций уже получается*¹¹.

Отдельно стоит отметить контексты, когда пользователи интернета ставят два восклицательных знака в конце предложения, чтобы подчеркнуть серьезность высказывания, его строгость. Применяют эту комбинацию и когда необходимо выразить уверенность в своей позиции. Если «!!» появляется в контексте несогласия, то это несогласие твердое, решительное: «Нет!!» синонимично фразам наподобие «Вот именно, что нет!», «Как раз нет!».

Респонденты младше 30 лет в неформальной переписке склонны воспринимать высказывания с любым количеством восклицательных знаков как ироничные. Искреннюю экспрессию они, по собственным словам, выражают с помощью других средств: лексики, переключения регистра (использо-

вания прописных букв — «капслока»), эмодзи. При этом комбинацию из двух восклицательных знаков с целью придать сообщению ироничную окраску опрошенные используют реже, чем из трех и более.

Анализ 124 сообщений из личных переписок респондентов и автора исследования показал, что в шутливых высказываниях с «!!» ирония зачастую выражается с помощью лексики или порядка слов, из-за чего трудно говорить о наличии такой функции у рассматриваемой комбинации:

– *Сижу и думаю: ну почему у меня нет знакомых из МАРХИ?..*

– *Это упущение!!*¹²

Знаками препинания в таких случаях собеседник может передавать особую интонацию или повышенную эмоциональность.

Стоит отметить, что два восклицательных знака особенно часто используются в поздравлениях и ответах на поздравления. Этот факт подтверждает слова респондентов о том, что рассматриваемая комбинация помогает им избежать «дежурности», формальности. В поздравлениях и ответах на них важна искренность, так как текст подобных сообщений в основном составляют из одних и тех же фраз и у собеседника может возникать ощущение шаблонности. Важно и то, что, как и в рассмотренном примере из ситкома «Сайнфелд», два восклицательных знака нередко ставятся в финале сообщения, в то время как предыдущие восклицательные предложения завершаются одним восклицательным знаком: *Спасибо! С Новым годом!!*

Таким образом, в русскоязычной онлайн-коммуникации два восклицательных знака в основном подчеркивают искренность или важность сообщения. Эта комбинация преимущественно используется в устно-письменной речи, когда посредством текста необходимо передать смыслы, которые в устном высказывании выражаются с помощью интонации, мимики и других невербальных сигналов.

Примечания

- ¹ Чехов А. П. Забыл!! // Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. Сочинения. М., 1983. Т. 1. С. 35–42.
- ² Ответ справочной службы на вопрос № 303364 // Грамота.ру. URL: <https://gramota.ru/spravka/vopros/303364#question> (дата обращения: 25.04.2024).
- ³ Ответ справочной службы на вопрос № 294611 // Грамота.ру. URL: <https://gramota.ru/spravka/vopros/294611#question> (дата обращения: 25.04.2024).
- ⁴ Emoji // Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/emoji>
- ⁵ Меньшова П. Восклицание × 2: что значат два восклицательных знака // Изборник. URL: https://www.izbornik.ru/opinions/about_exclamation (дата обращения: 25.04.2024).
- ⁶ The Sniffing Accountant // Seinfeld, 1989–1998. Netflix. URL: <https://www.netflix.com/de/title/70153373?preventIntent=true> (дата обращения: 25.04.2024).
- ⁷ Леонтьев А. А. Прикладная психоллингвистика речевого общения и массовой коммуникации. М., 2008. С. 67–79.
- ⁸ Сигал К. Я. Истоки психоллингвистического подхода к пунктуации // Вестник Удмуртского университета. 2022. Т. 32. № 3. С. 529–536.
- ⁹ Молодолингвисты // ВКонтакте. URL: https://vk.com/lingling_ru (дата обращения: 25.04.2024).
- ¹⁰ Меньшова П. Восклицание × 2...
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.

DOI: 10.31168/2619-0869.2024.42

Перевод эмоционально окрашенных лексем на сербский язык в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»

Элина Андреевна Штин

Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Российская Федерация;
e-mail: alison.alberto@yandex.ru
ORCID: 0009-0000-6392-0208

Ключевые слова: художественный перевод, эмоциональная окраска, сербский язык

Translation of Emotionally Charged Lexemes into Serbian in the Novel by M. A. Bulgakov “The Master and Margarita”

Elina A. Shtin

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: alison.alberto@yandex.ru
ORCID: 0009-0000-6392-0208

Keywords: literary translation, emotional coloring, Serbian language

Эмоциональная окраска лексики является одним из самых ярких признаков разговорной речи, в том числе и в литературных произведениях: эмоционально окрашенные лексемы часто можно встретить в диалогах героев или в словах автора, которые он употребляет по отношению к тому или иному персонажу. При художественном переводе существует определенная сложность в передаче содержания, выраженного данными лексическими единицами, даже если речь идет о близкородственных языках. Перевод всегда предполагает некоторый смысловой сдвиг, величина которого может варьироваться в зависимости от объективных (степень родства языков, жанр переводимого текста) и субъективных факторов (личность переводчика, его переводческая компетенция)¹. Поэтому эквивалентность — это, прежде всего, «общность содержания (смысловая близость) текстов оригинала и перевода»². Вопрос эквивалентности при художественном переводе также поднимался в работах С. Влахова и С. Флорина³, В. Н. Комиссарова⁴, А. В. Федорова⁵ — они взяты за теоретическую основу настоящего исследования. Целью исследования является анализ эмоционально окрашенных лексических единиц в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и того, как они переданы в сербском пе-

реводе, в частности в монологической и диалогической речи персонажей. Предмет исследования составляют лексические единицы, характерные для разговорного стиля сербского и русского языков в анализируемом художественном произведении. В качестве материала исследования используется перевод Златы Коцич⁶. Сербский и русский язык обладают достаточными возможностями для эквивалентного перевода, но в данной статье мы рассмотрим именно те случаи, когда возникают сложности при переводе эмоционально окрашенных лексем, встречающихся в разговорной речи персонажей романа.

В указанном переводе романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» на сербский язык встречается достаточно примеров, когда лексема, имеющая в оригинале эмоциональную окраску, в большинстве случаев сниженную, теряет ее в тексте перевода.

Вы по-русски здорово говорите. Руски говорите сјајно.

В данном примере употребляется лексика разных стилей: слово *здорово* в русском языке является разговорным⁷, а лексема *сјајно*, согласно Словарю Матицы Сербской, имеет нейтральную окраску⁸.

Встречаются случаи потери или несоответствия эмоциональной окраски слова в тексте перевода в связи с тем, что лексема с подобной окраской и таким же значением отсутствует в сербском языке. Таких примеров в переводе романа встречается много, рассмотрим некоторые из них:

Нету никакого дьявола! — Нема никаквог ђавола! — растерявшись от всей этой сав изгубљен због целе те бес-муры, вскричал Иван Нико- мислице повика Иван Нико- лаевич не то, что нужно. лајевич оно што не треба.

Лексема *нету* имеет разговорную окраску, которая никак не передается в переводе. Также следует обратить внимание на слово *мура*, хотя оно появляется лишь в словах автора. Данная лексема имеет яркую разговорно-сниженную окраску, которая не отражена в переводе.

*Э, нет! Это мы узнаем!   Е нећеш мајци! То има
да се сазна!*

Слово *мајка* (мать) в данном случае употребляется не в прямом значении, а для усиления смысла высказывания¹⁴, что полностью соответствует экспрессии данной реплики.

*Ты нарочно под ногами   Је л' ми се ти то на-
путаешься?   мерно мотаиш пред ногама?*

Для выражения экспрессии в данном отрывке текста переводчик использует сразу несколько лексических средств: местоимение в дат. п. *ми*, которое усиливает смысл предложения, личное местоимение в им. п. *ти*, факультативное в сербском языке, и частицу *то*. Всех этих формальных показателей экспрессии нет в оригинале, и можно сказать, что здесь используется прием компенсации.

*Нашелся наконец, хоть   Нашао се најзад један
один нормальный среди идио-   норманал међу идиотима,
тов, из которых первый —   од којих је први — звекан
балбес и бездарность Саш-   и антиталенат Сашка!*
ка!

Данный случай является примером полностью эквивалентного в отношении экспрессии перевода. Слово *балбес* в русском языке является разговорно-сниженным со значением «о бестолковом человеке, бездельнике»¹⁵. В Словаре Матицы Сербской *звекан* — «глупый человек, дурак» со сниженной окраской¹⁶. Слово *антиталенат* в Словаре Матицы Сербской приведено с пометой «разговорное»¹⁷, и в Большом толковом словаре слово *бездарность* помечено как разговорное, когда речь идет о человеке¹⁸. Даже с небольшим отличием в семантике перевод в достаточной мере передает экспрессивные оттенки.

Вот уж, действительно, дрянь!   Е, на стварно је рђа!

Разговорное значение слова *дрянь*: «О плохом, ничтожном, скверном человеке»¹⁹. Лексема *рђа* в переносном значении может использоваться по отношению к человеку: «плохой, подлый человек»²⁰.

Таким образом, при несоответствиях в лексическом значении или эмоциональной окраске можно заметить следующие тенденции. При переводе романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» на сербский язык разговорная или сниженная окраска может теряться. Тем не менее в большинстве случаев сербский перевод сохраняет эмоциональную окраску или используется прием компенсации, когда перевод содержит больше экспрессивных лексических единиц, чем русский оригинал.

Примечания

- ¹ Чович Л. И., Голушин И. Специфика перевода с родственных языков (на примере русско-сербского перевода) // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2018. № 2. С. 38.
- ² Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М., 1990. С. 47.
- ³ Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980.
- ⁴ Комиссаров В. Н. Теория перевода...
- ⁵ Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Для институтов и факультетов иностр. языков. Учеб. пособие. СПб., 2002.
- ⁶ Булгаков М. Мастер и Маргарита / прев. Злата Коцић. Београд, 2014.
- ⁷ Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000. С. 361.
- ⁸ Речник српскога језика / ур. Мирослав Николић. Нови Сад, 2011. С. 1203
- ⁹ Большой толковый словарь русского языка... С. 379.
- ¹⁰ Речник српскога језика... С. 1365.
- ¹¹ Большой толковый словарь русского языка... С. 991.
- ¹² Речник српскога језика... С. 737–738.
- ¹³ Влахов С., Флорин С. Непереводимое... С. 259–261.
- ¹⁴ Речник српскога језика... С. 654.
- ¹⁵ Большой толковый словарь русского языка... С. 56.
- ¹⁶ Речник српскога језика... С. 411.
- ¹⁷ Там же. С. 36.
- ¹⁸ Большой толковый словарь русского языка... С. 65.
- ¹⁹ Там же. С. 286.
- ²⁰ Речник српскога језика... С. 1123.

ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

DOI: 10.31168/2619-0869.2024.43

Языковая и этнокультурная ситуация воеводинских словаков в мажоритарном сербском окружении*

Владислав Алексеевич Немчинов

МГУ им. М. В. Ломоносова,
Институт славяноведения РАН,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: vlad@gecko.ru
ORCID: 0009-0002-2775-1982

Ключевые слова: социолингвистика, контактная лингвистика, словаки, Воеводина, языковая ситуация

Linguistic and Ethnocultural Situation of Vojvodina Slovaks in the Majority Serbian Environment

Vladislav A. Nemchinov

Lomonosov Moscow State University,
Institute of Slavic Studies RAS,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: vlad@gecko.ru
ORCID: 0009-0002-2775-1982

Keywords: sociolinguistics, contact linguistics, Slovaks, Vojvodina, language situation

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта РНФ № 20-78-10030 «Языковые и культурные контакты в условиях социальных трансформаций у национальных меньшинств альпийско-паннонского региона».

В августе-сентябре 2023 г. научный коллектив сотрудников Института славяноведения РАН проводил полевое социолингвистическое исследование среди представителей славянских меньшинств в автономном крае Воеводина в Сербии. Большая часть работы проходила в Южном Банате, также были обследованы населенные пункты в исторической области Бачка. В рамках исследования была изучена языковая ситуация в том числе у словацкого меньшинства.

Переселение словаков на территорию современной Воеводины стало следствием процессов миграции в направлении южных территорий Венгрии, начавшихся в XVIII в. В 1740-х гг. словацкие колонисты селятся в Петроваце в области Бачка (совр. Бачки-Петровац). В последующие годы (на рубеже XVIII–XIX вв.) словаки заселяют Срем и Южный Банат. В районе Войловицы колонисты появляются в 60–80-х гг. XIX в. Причины миграции были в основном экономические, а также иногда религиозные.

По данным переписи населения 2022 г. в Сербии насчитывается 41 730 представителей словацкого национального меньшинства. При этом большая часть (39 807) проживает относительно компактно на территории автономного края Воеводина¹, они являются третьей по численности национальностью в крае после сербов и венгров. К населенным пунктам с наибольшей численностью проживающих в них словаков относятся: Ковачица (8676), Бачки-Петровац (6975), Нови-Сад (5458), Бачка-Паланка (3988), Бач (2260)². Словацкий язык носит статус официального в 11 муниципалитетах автономного края Воеводина, а также в отдельных населенных пунктах³.

В населенных пунктах, где имеется достаточное количество словацких детей, есть возможность полноценного школьного обучения на словацком языке с первого по восьмой класс. Особенно благоприятная ситуация складывается в Бачке, в городах Бачки-Петровац, Кисач, Куплин, Гложан и др.⁴ В населенных пунктах с меньшим количеством словацких детей действуют двуязычные (сербско-словацкие) школы, где обучение на словацком осуществляется только

с первого по четвертый класс или же словацкий язык преподается в качестве факультативного предмета. Однако местные учителя в целом отмечают в словацких классах уменьшение количества школьников. Во многом это связано с общей постепенной убылью словацкого населения в Сербии (50 321 чел. по переписи 2011 г. и 41 730 чел. по переписи 2022 г.), а также с увеличением количества смешанных браков. Получение высшего образования на словацком языке доступно в Нови-Садском университете и на педагогическом факультете в Сомборе с отделением в Бачком-Петроваце.

С конфессиональной точки зрения большая часть словаков на территории Сербии (в отличие от словаков на территории собственно Словакии) являются протестантами, прихожанами Словацкой евангелической церкви Аугсбургского вероисповедания в Сербии (словац. *Slovenská evanjelická augsburského vyznania cirkev v Srbsku*), что во многом является следствием религиозных миграций.

Отметим, что словацкое население на территории Сербии ведет чрезвычайно активную культурно-творческую и просветительскую деятельность в рамках своей диаспоры. Так, например, в г. Бачки-Петровац присутствует Матица Словацкая, которая отвечает за школьное образование и развитие культурных программ в городе. В Войловице, административно относящейся к г. Панчево, действует словацкое культурное общество «Детван» (словац. *Detvan*, серб. *Detvan*), члены которого ставят народные танцы и сцены с элементами реконструкции традиционных обрядов (например, словацкой свадьбы) в рамках национальных фестивалей, организуют занятия различными ремеслами, среди которых, например, вышивка, роспись утвари и др. Также в Бачки-Петроваце находится Словацкий воеводинский театр (серб. *Slovačko vojvođansko pozorište*, словац. *Slovenské vojvodinské divadlo*), в котором ставят классические словацкие пьесы.

В селе Ковачица, которое считается центром словацкого наивного искусства в Сербии, существует несколько галерей наивной живописи, имеющей длительную традицию среди

воеводинских словаков: галерея «Воспоминания в рамках» (серб. *Uramljene uspomene*, словац. *Spomenky v rámoch*) и галерея «Бабка» (серб. *Galerija Babka*, словац. *Galéria Babka*). В селе также есть гимназия им. Михайло Пупина с несколькими углубленными техническими профилями, где обучение ведется в том числе на словацком языке. А в селе Яношик (серб. *Јаношик*, словац. *Jánošík*) располагается этнодом, в котором представлена коллекция произведений народного промысла местных словаков.

Все словаки, проживающие на территории Воеводины, являются билингвами и с детства усваивают словацкий язык в своих семьях, а сербский — в процессе коммуникации с мажоритарным окружением, поэтому функциональное переключение кода не вызывает сложностей. Так, например, во время одного интервью информантка обратилась на словацком к участнице исследовательской группы, не владеющей этим языком, после чего, отметив коммуникативную неудачу, сознательно перешла на сербский язык.

БГ: *Povedzt'e vi mn'e, ja teraz bud'em troxa bezobrezna, sked'e st'e vi?*

НК: *Mogu samo na srpskom.*

БГ: *A na srpskom može, recite!*

НК: *Odkud sam ja?*

БГ: *Odakle ste vi?*

НК: *Mi smo iz Moskve.*

– Скажите мне, я сейчас буду немного нетактична, откуда вы?

– Я могу только на сербском.

– А можно и на сербском, говорите!

– Откуда я?

– Откуда вы?

– Мы из Москвы (Хайдучица).

Язык воеводинских словаков характеризуется тем, что к моменту их переселения в Воеводину, которое началось еще в XVIII в., он преимущественно имел диалектную фор-

му, в основе которой лежали южные говоры среднесловацкого диалекта⁵. Однако в силу длительного изолированного существования, а также из-за процессов внутренней миграции и языковых контактов с другими языковыми группами, говоры различных областей Воеводины и даже отдельных сел приобрели уникальные черты, так что сегодня их уже невозможно соотнести ни с одним конкретным диалектом исходной словацкой территории⁶. Такое расхождение между говорами словаков различных областей Воеводины было отмечено в том числе автором статьи: удалось даже записать рассуждения самих словаков по этому поводу во время общения на репетиции в словацком театре, члены труппы которого проживают в населенных пунктах разных областей региона.

Представители словацкого меньшинства в разговоре подвергали осмыслению формы конкретных лексем, а также фонетические особенности, характерные для идиомы их населенного пункта в сравнении с идиомой другого населенного пункта или с литературным словацким языком.

МК: *Tu je bola na pohrobe.*

МС: *Vid'el som ju na pohrobe, ale teraz nevid'el som.*

МК: *Dn'ez zme mali pohrop. Pohrep. Po slovenski mi tu uravime, vid'iš. Mi uravime vo Vojlovici pohrop, ale slovenski je pohrep. Tagže jesto taki vírazi, čo... A cintorin je po slovenski, a tu fšeci každi vo Vojlovici t'i povi cinterin.*

– Здесь была на похоронах.

– Я видел ее на похоронах, но сейчас не видел.

– Сегодня у нас были похороны (*pohrob*). Похороны (*pohreb*). По-словацки мы здесь говорим, видишь. Мы говорим в Войловице *pohrob*, но по-словацки это *pohreb*. Так что есть такие выражения, которые... А кладбище (*cintorin*) — это по-словацки, а здесь все, каждый в Войловице тебе скажет *cinterin* (Войловица).

Отдельно стоит отметить элементы гибридизации в словацких идиомах Воеводины. Гибридизация в рамках настоящей статьи понимается как процесс, при котором отдельные и несопоставимые сущности или процессы порождают другие сущности или процессы, имеющие определенные общие черты с каждым из своих источников, но которые неполностью им подобны⁷. То есть рассматривается проникновение черт сербского языка в речь словаков, проживающих на данной территории.

Был зафиксирован перенос фонетических особенностей (аффрикат) сербского языка в консонантизме: произношение на месте *t', d' — ć, đ*: *dedina* (словац. *dedina*), *keč* (словац. *keď*), *deći* (словац. *deti*), *naučice* (словац. *naučite*), *nedela* (словац. *nedeľa*).

Также было отмечено нехарактерное для словацкого языка употребление связки 3 л. *je* в перфекте: *tu je bola na pohrobe*.

Следующая контактная особенность — употребление сербских предложных конструкций на месте словацких, в частности, с предлогами *za* и *od*:

Nevpravam čo bolo za obed, maš kn'ih, budeš čitat', čo sa davalo za obet (Я не рассказываю, что было на обед, у тебя есть книги, будешь читать, что давали на обед).

Potom idže biber, možno od pileča pečeňka a potom suxi xleb (Потом добавляем перец, можно куриную печень, а потом сухой хлеб).

Также встретилось проникновение сербского *da* в роли союза: *bol ako zvuk da bi napríklad každy buduci rok nova dedina bola domačin* (Была как бы традиция, например, чтобы каждый следующий год новая деревня была хозяином (местом проведения праздника)).

Кроме того, наблюдается активное использование сербских слов из бытовой и кулинарной лексики: *biber* (словац. *čierne korenie*), *piletina* (словац. *kura*), *peršun* (словац. *petržlen*), *krompir* (словац. *zemiak*), а также употребление сербских (или, шире, балканских) дискурсивов типа *bar*

‘как минимум, едва ли’: *A to nemavali u nas, bar ja nevjem povjedat*’ (А такого у нас не было, едва ли я знаю, что рассказать).

Примечания

- ¹ Попис становништва, домаћинства и станова 2022. године. Национална припадност / дир. М. Ковачевић. Београд, 2023. С. 27.
- ² Там же. С. 38–58.
- ³ Službena upotreba jezika i pisma na teritoriji AP Vojvodine. Novi Sad. 01.09.2022. godine // Покрајински секретаријат за образовање, прописе, управу и националне мањине. URL: <https://www.puma.vojvodina.gov.rs/dokumenti/sljezik5.xls> (дата обращения: 15.04.2024).
- ⁴ Štrichelová J. Slovenská menšina v Srbsku. Magisterská diplomová práce. Univerzita Palackého v Olomouci. Přírodovědecká fakulta. Katedra rozvojových studií. Olomouc, 2011. S. 55.
- ⁵ Glovňa J. Stav vojvodinskej slovenčiny ako enklávneho jazyka // Slavica Slovaca. 2018. R. 53. Č. 3–4. S. 86–93.
- ⁶ Dudok D. O slovenskom jazyku v Juhoslávii. Báčsky Petrovec, 1996. S. 122.
- ⁷ Sanchez-Stockhammer C. Hybridization in language // Conceptualizing Cultural Hybridization. A Transdisciplinary Approach. Springer, 2012. S. 133–157.

DOI: 10.31168/2619-0869.2024.44

Интеллигенция в русском языке и изображены люди в сербском в аспекте языковой рефлексии (на материале публицистики И. С. Аксакова)

Ольга Олеговна Секиро

Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: olgasekiro@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5526-3356

Ключевые слова: русский язык XIX в., публицистика XIX в., языковая рефлексия, заимствования, иноязычные вкрапления, И. С. Аксаков

Интеллигенция in the Russian Language and изображены људи in Serbian in the Aspect of Language Reflection (on the Material of I. S. Aksakov's Journalism)

Olga O. Sekiro

Institute of Linguistic Studies RAS;
Saint-Petersburg, Russian Federation;
e-mail: olgasekiro@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5526-3356

Keywords: the 19th century Russian, the 19th century journalism, language reflection, loan words, foreign inclusion, I. S. Aksakov

В 70-е гг. XIX в. (на фоне событий, происходивших на Балканах в связи с борьбой славянских народов за независимость) И. С. Аксаков «становится одной из наиболее заметных фигур русской жизни, выразителем целой внешнеполитической программы»¹. Его роль как публициста и общественного деятеля состояла в широком распространении и практическом применении славянофильских идей, сформулированных предшественниками, к решению актуальных политических вопросов². Формирование независимых славянских государств на Балканах после окончания Русско-турецкой войны означало необходимость выбора формы управления, поиск принципов общественно-политического устройства. И. С. Аксаков, будучи одним из идеологов «славянского подъема», излагал свою программу на страницах собственных изданий. Идеи Аксакова, направленные на сохранение славянской социально-политической и культурной идентичности (в условиях усиления культурного и политического влияния Австро-Венгрии), приобретали на страницах прессы полемический накал.

Конституционная система управления, опора на образованный класс, уменьшение роли церкви в общественной

жизни мыслились Аксаковым первым шагом к вовлечению в западноевропейское культурно-политическое пространство, что, по мнению автора, означало потерю славянской идентичности, ассимиляцию сербов, болгар. Данным идеям Аксаков противопоставлял необходимость самодержавной власти, наличия совещательного органа народного представительства в виде «собора», «веча», не имеющего политических прав³. Взгляды автора определялись его концепцией, в основе которой лежали понятия земли, общества и государства. Наряду с «бессознательным» народом как субстанциональной основой Аксаков выделял общество как «деятельность народного самосознания»⁴ и государство как «внешнюю форму»⁵. Если общественное сознание, выражающее народное, является условием социально-политического развития, то главной причиной социально-политических проблем, по мнению Аксакова, являлось заимствование обществом западноевропейских культурных, социально-политических форм, имеющее внешний характер. Вследствие этого нормальная связь народа, общества и государства нарушалась, открывая путь внешней культурной экспансии.

Материалом исследования является цикл очерков, посвященный «славянскому вопросу», включенный в первый том дореволюционного собрания сочинений И. С. Аксакова⁶. В этих работах критике Аксакова подвергаются взгляды интеллигенции, утратившей связь с народом как в России, так и в балканских странах. Употребление слова *интеллигенция* в публицистике писателя сопровождается языковой рефлексией⁷. В условиях публицистического стиля, главной функцией которого является воздействие на читателя⁸, языковая рефлексия существует в условиях полемики в координатах «своего» и «чужого» слова⁹, способствует убеждению читателя. Она может быть выражена как вербально (эксплицитно), так и графически (имплицитно). В случае с употреблением слова *интеллигенция* языковая рефлексия, выражающая точку зрения автора, проявляется в использовании иноязычного вкрапления из сербского языка *изображен* («образованный»).

Слово *интеллигенция* подвергается языковой рефлексии, выраженной словом **изображен**, в следующих контекстах:

- (1) *А способность помнить благодѣяніе и сохранять въ душѣ за него признательность есть великая добродѣтель, свидѣтельствующая о прочномъ нравственномъ внутреннемъ строе народномъ, — добродѣтель, которой, напримѣръ, вовсе не знаютъ «интеллигентные» или по сербски: «**изображенные**» Сербы Княжества¹⁰.*
- (2) *Сербская же интеллигенція*, къ несчастію, заражена въ немаломъ числѣ своихъ представителей тою же болѣзнью европейничанья и обезьянства, какая губит и у насъ столько умовъ. Она обзавелась, какъ и подобаетъ странѣ «культурной» (**изображенной**, говоря по-сербски), да еще надѣленной благами конституціи, <...>; она, отчасти какъ и у насъ, отръшившись отъ коренныхъ началъ народнаго духа, гонится за вздорными призраками, играетъ въ либеральныя погремушки¹¹.*
- (3) *Простой Сербскій народъ [...] влечется къ ней <к России — О. С.> любовью и также чувствомъ признательности. Сербская же интеллигенція или по-сербски «**изображены люди**» [...] почитаютъ необходимою принадлежностью высшей культуры, — у которой они лакейски стоятъ на запяткахъ [...] — ненавидѣть Россію; [...]¹².*
- (4) *Интеллигенція хвалится безвъріемъ, издаетъ или утверждаетъ законы церковь уничтожающіе или разрушающіе, и если часть «**изображенныхъ**» стоитъ теперь тамъ за [...] митрополита Михаила [...] изъ оппозиціи къ настоящему министерству, изъ видовъ партіи. Народъ, какъ и всѣ Славянскія племена, даже и въ рабствѣ оставшійся върнымъ духу соборности или въчеваго строя, въ то же*

---

* Здесь и далее подчеркиванием выделяются языковые средства, отмеченные у автора курсивом.

*время признаетъ необходимость сильнаго единовластiя и совершенно чуждъ властолюбивой политической похоти: [...]*¹³.

В данных фрагментах языковая рефлексия, выраженная имплицитно (с помощью курсива), с одной стороны, маркирует слово *интеллигенция* как цитату из чужого дискурса¹⁴, с другой, например, в контексте (3), противопоставляет его выделенному графически слову *народ*.

Контекстуальное окружение слова *интеллигенция* включает:

- а) развернутые метафоры *играть в либеральные погремушки, быть зараженным болезнью европейничанья и обезьянства, лакейски стоять на запятках* и др., имеющие семантику ‘подражание западноевропейской общественно-политической жизни’. Свежесть, новизна метафор, включающих лексические новации XIX в. *европейничанье, обезьянство*, имеющие негативные коннотации, способствует воздействию на читателя;
- б) лексику и фразеологию противоположной семантики *добродетель, любовь, чувство признательности, нравственный внутренний строй*, но *властолюбивая политическая похоть*, которые выражают негативную этическую оценку интеллигенции и положительную оценку автором народа как верного социально-политическим славянским началам (*духу соборности или вечевого строя*). Негативная оценка связана с заимствованием западноевропейских форм, положительная — с «влечением к России», так как И. С. Аксаков считал свои взгляды на отношения народа, государства и общества общими для славян;
- в) иронически осмысленные книжные слова и выражения *обзавестись, наделенная благами конституции, почитать* и др., выражающие отрицательную оценку взглядов интеллигенции.

Заимствование слова *интеллигенция* в русской публицистике XIX в. терминологизировалось и приобрело услов-

ный характер. В рассмотренных контекстах И. С. Аксаков вербализует выражаемое им понятие об образованном классе с помощью сербского слова *изображен* или сочетания *изображены люди**. Функционирующее в текстах данного автора как в краткой форме, характерной для сербского языка, так и в полной в соответствии с грамматическими нормами русского, *изображен* является частичным иноязычным вкраплением¹⁵. Его употребление имеет экспрессивный характер, так как позволяет автору актуализировать внутреннюю форму слова *образованный*.

Ассоциативная связь с этимологически родственными словами *образ*, *изобразить*, *изображенный* в русском языке, наряду с развернутыми метафорами, выражает мысль автора об условности, ложности номинации образованного класса с помощью слова *интеллигенция*. Этому способствует также уподобление общественно-политической позиции сербской интеллигенции детской игре, которое вызывает снижение термина. С номинативной функцией связана характерологическая. Само слово *изображен* подвергается языковой рефлексии как иноязычное, но не «чуждое» мировоззрению автора. В публицистике Аксакова оно выражает «свой» смысл: авторская негативная оценка формируются путем реконструкции точки зрения сербского народа, который Аксаков мыслил носителем бессознательной, но верной оценки общественно-политической ситуации. Воздействию на читателя способствует семантическое взаимодействие иноязычного слова *изображен* с лексикой, выражающей этическую оценку, а также с иронизмами.

Таким образом, исследование демонстрирует функциональное разнообразие языковой рефлексии с целью воздействия на читателя. Маркирующая «чуждое» (иноязычное) слово, она может выражать как чуждый идеологический смысл, так и тот, с которым солидаризируется автор. Языковая рефлексия расширяет круг смысловых взаимодействий лексико-фразеологических средств в контексте.

---

* Сочетание *изображены люди* Аксаков употребляет с использованием русской графики.

Примечания

- ¹ *Тесля А. А.* «Последний из “отцов”»: биография Ивана Аксакова. СПб., 2015. С. 480.
- ² *Валицкий А.* В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. М., 2019. С. 529.
- ³ *Цимбаев Н. И.* Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX века). М., 1986. С. 163–164.
- ⁴ Цит. по: *Тесля А. А.* «Последний из “отцов”»... С. 299.
- ⁵ Там же. С. 300.
- ⁶ *Аксаков И. С.* Собрание сочинений в 7 т. Т. 1. Славянский вопрос. 1860–1886. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». Речи в Славянском Комитете в 1876, 1877 и 1878 гг. М., 1886.
- ⁷ См.: *Шмелева Т. В.* Языковая рефлексия // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник. М., 2003. С. 810–811 и др.
- ⁸ Данный взгляд на специфику публицистического текста отличает исследования Н. И. Клушиной, в частности: *Клушина Н. И.* Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000–2008 гг.): автореф. дисс... д.ф.н. М., 2008 и др.
- ⁹ См. например: *Зализняк Анна А.* Семантика кавычек М., 2007. URL: http://www.philology.ru/linguistics2/zaliznyak_anna-07.htm (дата обращения: 12.03.2014).
- ¹⁰ *Аксаков И. С.* Т. 1. С. 329.
- ¹¹ Там же. С. 361.
- ¹² Там же. С. 451.
- ¹³ Там же. С. 452.
- ¹⁴ См.: *Шварцкопф Б. С.* Внимание: кавычки! // Русская речь, 1967, № 4.
- ¹⁵ *Листрова-Правда Ю. Т.* Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века. Воронеж, 1986. С. 24–25.

Мотивы, связанные с наличием одежды у героя фольклорной песни на примере болгарских народных песен

Агата Павловна Якимова

Институт славяноведения РАН,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: porfironos@yandex.ru

Ключевые слова: фольклор, одежда, народный костюм, болгарский язык

Motives Related to the Presence of Clothes on the Hero of a Folk Song on the Example of Bulgarian Folk Songs

Agatha P. Yakimova

Institute of Slavic Studies RAS,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: porfironos@yandex.ru

Keywords: folklore, clothing, folk costume, Bulgarian language

Песенный фольклор — важный материал для изучения семантического поля одежды в любой культурной среде. Исследованный корпус текстов¹ представляет собой тщательно записанные в 30-х гг. XX в. фольклорные материалы болгарских переселенцев из Малой Азии в окрестности города Нови-Пазар, коренного населения села Еньово и города Нови-Пазар, а также коренного населения села Топчии Разградского района. В песнях, собранных проф. С. Русакиевым и И. Коевым, нашло отражение отношение исполнителей, и шире — народа, к одежде как значимой материальной ценности и символическому заместителю человека, выражен-

ное яркими художественными образами — в этом, пожалуй, основное отличие фольклорного текста от этнографического описания. Иван Коев, собиравший песни капанцев, не поместил в данный сборник 15 песен, в которых ярко и подробно описана одежда. Они приведены в отдельном исследовании². Коев стремился показать фольклор как источник для этнографа, сетуя на то, что «очень оскудели данные, по которым можно изучать старую болгарскую одежду»³. Благодаря такому разделению можно ясно увидеть, как сведения из фольклора становятся этнографическим материалом. В песне с развернутым описанием наряда невесты⁴ исследователя интересовал именно сам наряд, но это описание — пример символического мотива, пример функционирования языка культуры. Чего стоит не слишком информативный для этнографа, но пронзительный пример: сгорая в огне, дочь спрашивает отца, дотянется ли он до трех дочерей или тонких даров — приданного: *Къко ти, бубо, дутегнъ дели ут тенки даруви, или ут трите дъщери?*⁵.

В исследуемом сборнике представлены песни разных жанров: героические, мифологические, общественно-бытовые, семейные, обрядовые и любовные, и во всех жанрах имеется упоминание одежды, но больше всего их в текстах любовных песен — 22 упоминания, тогда как в жанре исторических песен — 2. Признаки одежды, получающие актуальность в текстах песен разнообразны: это и материал (*тънки дарове* ‘тонкие дары’, *мешки кожи* ‘медвежьи шкуры’; *Нетку примяня хубава, лехнина и купринина* (Нетка нарядилась красивая, в лен и шелк)⁶), и длина (*чотворен опас* ‘четверной пояс’), и принадлежность (*юнашки* ‘богатырские’, *момински* ‘девичьи’, *къдънски* ‘мусульманские’, *булчински* ‘невестины’, *момикъ* ‘юношеские’), и способ ношения (*нъкриви* ‘набекрень’, *нъметни* ‘накинув’, *завъй* ‘обернувшись’ и др.), и происхождение (процессы изготовления описаны в 3 песнях⁷, в т.ч. мифологическое в песне 268⁸). Наиболее распространенным признаком, присущим одежде в песенном фольклоре, является цвет, о чем рассказывает соответствующее исследование⁹. Но в настоящей работе внимание сосредото-

но не на формальных признаках одежды, а на поэтическом отражении признака самого наличия одежды и связанных с ним мотивов: надевание костюма, переодевание, появление в костюме, описание костюма.

Одежда подчеркивает гиперболизированный образ героя. В песне о борьбе Иванчо с Цоню Пехливани герой простит у матери *тесните кюспети* ‘узкие штаны’ из девяти кож медведей и *малкуту кълпачи* ‘маленькие колпачки’ из девяти овчин. Они подошли ему *въстясну* — то есть «впритык». Когда Иванче *примини са* ‘переоделся’, — начинается бой¹⁰. Само надевание одежды прямо связывается с достижением социальной зрелости: в одной из песен мать ищет молодца, он оказывается с девушками, в комментарии к песне указано, что герой *още малък* ‘еще мал’, чтобы сидеть с девушками. Мать зовет его домой, куда уже пришли портные, чтобы сшить ему одежду¹¹.

Мотив наряжения связан с информационной функцией одежды. Наряженного должен увидеть социум. Так, мать предлагает девушке идти на сбор, чтобы все увидели, *как си хубау одяха, как са хубау носяха* (как ты красиво оделась, какую красоту носишь)¹². В другой песне — юноше, чтобы все увидели его *премяна* ‘наряд’: *юд рък гримни сребърни, ют шия ресну гирдане* (на руках браслеты серебряные, на шее воротник с мелкими складками), чтобы добрым словом помянули его мать, которая такой наряд сыну сотворила¹³. Одежда может выступать как национальный признак. В песне о замужестве за турком находим: *Съблечи дреи български, ублечи дреи къдънски, бял къдънъ ше станши, чернъ вередже ше носиш* (сними одежду болгарскую, надень одежды мусульманские, белой мусульманкой станешь, будешь черное фередже* носить)¹⁴. Здесь символика черного цвета, устойчиво связываемая с трауром¹⁵, вносит дополнительные коннотации в образ.

Переодевание в одежду иного социального статуса или пола ради того, чтобы остаться неузнанным — довольно рас-

* Верхняя одежда, покрывало для замужних мусульманок.

пространенный мотив¹⁶, который присутствует и в песнях сборника. Так, богатырь для совершения убийства переоделся нищим: *съблечи дреи юнашки, ублечи дреи просешки*¹⁷. Встречается также и подобный сюжет: брат переодевается в одежду сестры и мстит за обиду убийством¹⁸. При этом в песнях сборника мотив узнавания по одежде отсутствует — лишь пару раз персонажей узнают по перстню, девушка задает риторический вопрос: *Чи кѡг дѡ ни гу пузнае? Черни си дреи носеши, черну си конче ездеши* (Как его узнаешь? Черную одежду носит, на черном коне ездит)¹⁹.

Метонимия, в основе которой лежит предмет одежды, является частым тропом. Особенно ярко выражена связь предметов одежды и свадьбы. Турок обращается к девушке: *«Марчо, бяль болгаркѡ, ублечей чернѡ вередже, зѡвивѡй бели ешмаци* (Марчо, белая болгарка, надень черное фередже и повяжи белый платок)²⁰, — предлагая таким образом замужество. В другой свадебной песне парень просит девушку надеть *мор фередже и папуци*²¹ — синее покрывало и обувь — предметы одежды замужней женщины. Подобное сопоставление человека и его костюма не является уникальным и представляет собой довольно распространенный прием создания образа персонажа. Художественный потенциал мотива переодевания, надевания, облачения известен с античных времен. На примере славянской традиции подробно исследован мотив одевания в «чудесные одежды»²², который косвенно (в интерпретации вышивки героини) обнаруживается и в двух песнях сборника²³.

При исследовании сюжетов песен с упоминанием костюма обнаружилась устойчивая связь: наряжание героя предшествует трагическим событиям и не зависит от жанра — в упомянутых выше героических песнях, например, происходит кровавое убийство.

Развернутое описание костюма и его надевания можно назвать художественным приемом для создания у слушателей эффекта, подобного кинематографическому саспенсу. Для этого упоминаются действия героини: *Рѡсклучи мѡджар сѡндѡце, извади новѡ примянѡ, чи сѡ юбѡву примени*

(Отворила кованный сундук, вынула новый наряд, чтобы переодеться красиво)²⁴; открыла пестрые сундуки, достала *рубъ венчалнъ, облечи рубъ мумински* (наряд венчальный, наряд девичий)²⁵, тот же троп и в песне про гибель молодого человека: *Мъджар съндъце рѣсторе, момцкъ премянъ изваде, ем си кълпаку нѣкриви, медин си гѣвал пуемнъ* (Герой кованный сундук раскрыл, наряд юношеский достал, колпак набекрень, медную дудку взял)²⁶. В варианте этой песни из собрания И. Коева описывается и переобувание молодого человека²⁷. В другой песне свекровь притесняет невестку, та (как в уже упомянутых и переведенных выше случаях) *рѣсклучи пѣстри съндъци, извади булскъ премянъ, чи съ юбъу примен: юблякъ чернъ капънкъ, утгоре рокле червенъ, по-утгоре джубе зилену* (раскрыла пестрые сундуки, вынула наряд невесты, красивый наряд: надела черную капанку*, сверху красное платье, и еще сверху жилет зеленый)²⁸ — то есть надевает свой свадебный костюм, потом кормит ребенка, распоясывает *чотворен опас* 'четверной пояс' и совершает самоубийство, после чего погибает и ее муж. Так в песне подчеркивается ужас совершившегося: нарядные одежды соседствуют с убийством.

Контраст назначения нарядной одежды (а это обычно одежда свадебная) и того, в каком сюжете она оказывается, видимо, является особенно сильным тропом, учитывая представления об одежде как о заместителе человека. Так, например, в нескольких песнях сироту переодевают ради того, чтобы отправить к пришедшим в село разбойникам: *съблечи дреи дрипъви, ублеч тези сѣрмени* (сними одежду ветхую, надень эту, златотканую)²⁹. В другой песне, *Стояна хвърли в темницата* (Стояна бросили в тюрьму), пастух увидел *четире муми заклани* (четыре убитых девушек), которые были сговоренными невестами, в головных уборах и украшениях *четрите били згудени ... червени була пукрити, на рѣцете им злани ентеше, златнии прѣстени* (четыре были сговоренные, красными вуалями покрытые, на руках были

---

* Вид рубашки.

золотые браслеты, золотые перстни)³⁰. В песне, где девушка не узнала своего брата *з бяль примянь* (в белом наряде) и убила его, до трагической встречи с братом супруг девушки предлагает ей отправиться в гости к матери, одеться нарядно: «...*запретни златни скутуви (поли), зъпретни бели ръкави* (подогни золоченые полы одежды, фартуки, засучи белые рукава)»³¹.

Обнаруженная связь представляется примером фольклорной деконструкции символики одежды как оберега. С другой стороны, упоминание свадебного наряда создает образ молодой и красивой невесты или молодого и красивого жениха даже без описания внешности.

Примечания

- ¹ Сборник за Народни Умотворения и народопис / под ред. проф. Ст. Романски. София, 1956. Кн. 47.
- ² *Коев И.* Облекло и жилища на старото българско население в разградско // Известия на Семинара по славянска филология при Университета в София, кн. VIII и IX за 1941–1943. София, 1948. С. 47–130.
- ³ Сборник... С. 469.
- ⁴ *Коев И.* Облекло... С. 89.
- ⁵ Сборник... С. 324.
- ⁶ Там же. С. 52.
- ⁷ Там же. С. 505.
- ⁸ Там же. С. 175.
- ⁹ *Чиварзина А. И., Якимова А. П.* Одежда и ее цвет в песенном фольклоре македонцев и болгар // Славянский мир: общность и многообразие. Материалы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 23–24 мая 2023 г. / Отв. ред. Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова. М., 2023. С. 175–178. Сборник... С. 23.
- ¹⁰ Там же. С. 373.
- ¹¹ Там же. С. 134.
- ¹² Там же. С. 133.
- ¹³ Там же. С. 292.
- ¹⁴ *Чиварзина А. И., Якимова А. П.* Одежда... С. 177.
- ¹⁵ *Ромодановская Е. К.* Сюжетный комплекс «переодевание» и мотив потери одежды в повестях о гордом царе // Критика и семиотика. Новосибирск, 2010. Вып. 14. С. 29–35. URL: <http://www.philology.ru/literature2/romodanovskaya-10.htm?ysclid=luclsi2rd1201628347> (дата обращения: 16.04.2024).
- ¹⁶ Сборник... С. 238.
- ¹⁷ Сборник... С. 238.

¹⁸ Там же. С. 325.

¹⁹ Там же. С. 403.

²⁰ Там же. С. 290.

²¹ Там же. С. 193.

²² *Топорков А. Л.* Мотив «чудесного одевания» в русских заговорах XVII–XVIII вв. // Заговорный текст. Генезис и структура / отв. ред. Т. Н. Свешникова. М, 2005. С. 143–174.

²³ Сборник... С. 175.

²⁴ Там же. С. 499.

²⁵ Там же. С. 234.

²⁶ Там же. С. 535.

²⁷ *Коев И.* Облекло... С. 128.

²⁸ Сборник... С. 507.

²⁹ Там же. С. 281.

³⁰ Там же. С. 285.

³¹ Там же. С. 331.

Секция
**«ЛИТЕРАТУРО-
ВЕДЕНИЕ»**

Феномен трансгрессии в романе О. Токарчук «Путь людей Книги»

Мария Олеговна Жирова-Лубневская

Балтийский федеральный университет
им. Иммануила Канта
Калининград, Российская Федерация;
e-mail: mashazi11@mail.ru
ORCID: 0009-0005-1361-249X

Ключевые слова: постмодернизм, трансгрессия, номадология, нелинейность, Ольга Токарчук, «Путь людей Книги»

The Phenomenon of Transgression in the novel “The Journey of the Book People” by Olga Tokarczuk

Maria O. Zhirova-Lubnevskaya

Immanuel Kant Baltic Federal University,
Kaliningrad, Russian Federation;
e-mail: mashazi11@mail.ru
ORCID: 0009-0005-1361-249X

Keywords: postmodernism, transgression, nomadology, nonlinearity, Olga Tokarczuk, “The Journey of the Book People”

В современном научном дискурсе феномен трансгрессии знаменует выход за пределы возможного. Термин «трансгрессия» получил осмысление в философии постмодернизма XX в. в трудах философов Ж. Батая, М. Фуко, М. Бланшо и

означает буквально «выход за пределы». Согласно М. Фуко, трансгрессия утверждает беспредельность в момент скачка, перехода в некое беспредельное пространство¹. В современном культурном процессе феномен трансгрессии проявляется в различных областях художественной деятельности и характеризуется нелинейностью, открытостью, децентризмом и подвижными границами. Идея трансгрессии также соотносится с номадологической концепцией теории постмодернизма, предложенной философами Ж. Делёзом и Ф. Гваттари, по мнению которых, она способна объяснить процессы, происходящие в культурной парадигме второй половины XX в. Номадология строится на принципах децентрализации, нелинейности, динамичности и множественности.

Феномен трансгрессии мы обнаруживаем в дебютном романе польской писательницы Ольги Токарчук «Путь людей Книги» (*Podróż ludzi Księgi*)². Как в этом романе, так и в последующих текстах трансгрессия проявляется у Токарчук в нелинейности повествования, неограниченном перетекании одного в другое, преодолении границ, подвижности точки зрения, в особом статусе нарратора и его постоянной трансформации. Об этом типе нарратора³ Токарчук пишет в своей книге «Чуткий повествователь» (*Czuły narrator*). Начиная с первого прозаического текста «Путь людей Книги», Токарчук объединяет разные точки зрения в единое целое, вводит укоренившиеся в нашей культуре мифы и дополняет их новой перспективой.

Роман «Путь людей Книги» был опубликован в 1993 г., в связи с чем Польское общество книгоиздателей присудило ей приз за лучший прозаический дебют 1992–1993 гг. Появление на издательском рынке Польши нового романиста, публиковавшего ранее стихи и рассказы в журнале *Na przełaj* под псевдонимом «Наташа Бородина», совпало с заметными социальными и литературными переменами, которые тогда происходили в Польше, когда издательский рынок был наводнен популярной массовой литературой⁴. Многие писатели, относящиеся к поколению 1960-х гг., искали свой собственный стиль. К ним относилась и Ольга Токарчук.

В романе «Путь людей Книги» мы находим признаки постмодернистской прозы: смешение жанров, соотношение различных литературных форм, важность слова и знания. Токарчук объясняет: «Я создала свой собственный язык, связанный с архетипической психологией, со старыми мифами, которые я пытаюсь связать с новой поэтикой. [...] Потому что, когда мы пишем — мы находимся в поиске своего языка»⁵.

Присутствие в творчестве Токарчук архетипических концептов Пути, Путешественника позволяет оценивать ее прозу с точки зрения своего рода литературного кочевничества, номадизма (скорее как духовного состояния, чем как образа жизни в буквальном смысле). Мир у Токарчук, «наблюдаемый с движущейся точки, выглядит более гармоничным и законченным»⁶. В романе «Путь людей Книги» путешествие представлено как метафора жизни: «Все путешествия начинаются одинаково: можно сказать, что путник захлебывается пространством»⁷.

Фабула романа о фантастической экспедиции, организованной тайным братством в поисках Книги, которая обладает чудодейственной силой, способной изменить всю историю человечества. События происходят в 1685 году во Франции и Испании XVII века, стоящих на пороге европейского Просвещения. Людовик XIV объявляет католицизм единственной законной религией. Гугеноты бегут через всю Францию на север в надежде найти новую родину. Из окон кареты группа необычных путешественников наблюдает за ними, направляясь из Парижа на юг, в поисках Книги.

Говоря об особом «трансгрессивном» языке повествования, мы видим явный поток сменяющих друг друга чувственных впечатлений у главных героев: пространство грез, сновидений, галлюциногенных состояний перед смертью (Маркиза и Вероники); нарратор, описывая историю одного персонажа «перескакивает» к другому. В финале — присутствие фантастического включения в реальность: «...самым поразительным было другое: внизу царила весна»⁸.

В романе улавливается некая обреченность в самом мировосприятии главных героев. Культуролог Йозеф Буршта

обнаружил в романе «Путь людей Книги» непреодолимую тоску героев по экзистенциальному месту. Герои направляются к месту, где спрятана Книга, но на самом деле речь идет об истинности мифа⁹. Существует ли Книга вообще?

Феномен трансгрессии мы можем определить как перемещение в пространстве и времени; пересечение границ, как географических, так и метафизических. Это перемещение может дать импульс для рефлексии путешественника о своей собственной идентичности. Встреча с незнакомой реальностью иной жизни помогает по-новому взглянуть на себя и самоидентифицировать себя. Как полагает Клаудиа Циманов-Сосин, именно в поиске своего (скорее литературного) «я» замаскирована главная идея романа — философия языка¹⁰. Роман поднимает фундаментальную проблему слова, его существования и значения. С первых страниц книги Гош представляет, что вся человеческая сила заключена в словах: «Величайшей мечтой Гоша было: суметь когда-нибудь сказать: “Я — Гош” — и таким образом извлечь себя из бездны безымянное»¹¹. По иронии судьбы Гош, единственный человек, дошедший до Книги, не может прочитать ни слова, потому что видит только «множество маленьких черных закорючек», разбросанных «на белом фоне». Токарчук развенчивает миф о существовании абсолютной книги. Возможно, она попросту недоступна человеку. Таким образом, роман представляет собой притчу о неспособности человека «открыть» высшие знания о существовании человека и его судьбе.

В этом романе четко очерчиваются линии, которые в дальнейшем мы будем встречать на страницах последующих произведений Токарчук. В романах «Бегуны» и «Книги Якова» мотивы путешествия¹², движения имеют еще большее значение. Литературный критик Кинга Дунин подчеркивает, что практически в каждой книге писательницы мы находим нити странствий, пересечения границ, иногда далекие, а иногда и близкие к нам миры¹³. «Путь людей Книги» можно считать романом с универсальной темой путешествия человека к знаниям, к истине — и в то же время в нем при-

существует осознание того, что сам путь важнее цели. Токарчук настаивает, что истинный смысл не ждет нас в конце путешествия. Он приходит от самого пути, от блуждания по страницам книг, чтения и постоянного переосмысления.

Примечания

- ¹ См. подробнее: Фуко М. О трансгрессии / М. Фуко // Танатография эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб, 1994. С. 117.
- ² На русский язык книга была переведена К. Я. Старосельской под названием «Путь людей Книги».
- ³ Токарчук вводит в прозу «паноптического нарратора», который способен видеть все одновременно, соединять множество данных и улавливать всю их сложную суть в едином порыве мысли. Подробнее см.: *Tokarczuk O. Czuty narrotor*. Wydawnictwo Literackie, 2020. E-book.
- ⁴ См. подробнее: *Turkiewicz H. Czy tylko „barbarzyńcy przyszli”? (O kondycji literatury polskiej po roku 1989)* // *Magazyn Wileński*. 2002. № 7. S. 14–17. А также *Адельгейм И. Е.* Постмодернизация литературы, полонизация постмодернизма // *Славяноведение*. 2019. № 4. С. 45–50.
- ⁵ Из интервью с М. Здановской: *Tokarczuk. Po co nam tożsamość?* URL: <https://www.e-kalejdoskop.pl/kalejdoskop-artykuly-a232/tokarczuk-po-co-nam-tozsamosc-r6651> (дата обращения: 17.03.2024).
- ⁶ *Токарчук О.* Путь людей Книги. М., 2002. С. 33.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. С. 144.
- ⁹ *Burszta W. J.* Nomadyzm Olgi Tokarczuk // *Instytut Nauk Humanistycznych. Czas Kultury*. 2019. № 3. S. 118.
- ¹⁰ *Szymanow-Sosin K.* Podróż ludzi księgi Olgi Tokarczuk jako artystyczne motto debiutantki // *Annales Academiae Paedagogicae Cracoviensis. Folia 44. Studia Historicolitteraria VII* (2007). S. 176.
- ¹¹ *Токарчук О.* Путь людей... С. 6–7.
- ¹² См. подробнее: *Мальцев Л. А., Гильманов В. Х., Копцев И. Д.* Книгоцентрическая картина мира в романах О. Токарчук «Путешествие людей Книги» и «Книги Якова» // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2023. № 3. С. 68–78.
- ¹³ *Dunin K.* Pisarka [w:] *O. Tokarczuk. Moment niedźwiedzia*. Warszawa, 2012. S. 7.

DOI: 10.31168/2619-0869.2024.47

Мифологема ворона в контексте мотивно-образной структуры поэтического сборника Радека Малого «Вороньи песни»

Любовь Андреевна Винокурова

МГУ им. М. В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: ficbespierre@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6157-7426

Ключевые слова: мифопоэтика, современная чешская поэзия, поэтический мир, мотивно-образная структура

The mythologeme of the raven in the context of the motif-image structure of Radek Malý's poetry collection "Vraní zpěvy" (Crow Songs)

Liubov A. Vinokurova

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: ficbespierre@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6157-7426

Keywords: mythopoetics, contemporary Czech poetry, poetic world, motif-image structure

*И ворон тоже петь умеет...
«Чумной столб», Я. Сейферт
I havran patří k řádu pěvců
Morový sloup, J. Seifert*

В данной работе предполагается рассмотреть мифологему ворона (вороны) в поэтическом сборнике Радека Малого «Вороньи песни» и определить место заглавного образа в мотивно-образной структуре книги.

Радек Малый (р. 1977 г.) — современный чешский поэт, пишущий для детей и взрослых, филолог-германист, занимающийся немецким экспрессионизмом, переводчик. Его сборники — как оригинальные, так и переводные — были высоко оценены в литературных кругах, они получали премии *Jiřího Ortena* (2003 г.), *Magnesia Litera* (2006 г., 2012 г., номинация 2002 г.), входят в Почетный список ИВВУ*. На русском языке в апреле 2023 г. вышла его детская энциклопедия «Книга исчезнувших животных» (*Atlas ohrožených živočichů*, 2020 г.).

Творческий путь Малого начался на рубеже тысячелетий — в период, когда для литературы был характерен пессимизм, трагизм, даже катастрофизм¹. Центральной темой творчества Малого является «человек в мире»². Миру и человеку в нем посвящен, в частности, его второй сборник «Вороньи песни» (*Vraní zpěvy*, 2002), вобравший в себя практически все темы творчества поэта, что отразилось на единстве книги. Одним из объединяющих сборник образов может быть уходящий корнями в древность образ ворона (вороны), вынесенный Малым в название сборника.

История изучения образа ворона в контексте мифопоэтики довольно обширна (Н. Ф. Сумцов, Е. М. Мелетинский, А. В. Гура и др.). Орнитологические образы ворона и вороны связываются прежде всего со смертью³, они одновременно и демонические существа, вестники зла, и мудрые вещицы птицы, первопредки, тотем. Вороны также выполняют функцию медиатора между жизнью и смертью, небом и землей⁴. Выявленные Мелетинским мифопоэтические значения образа ворона реализуются и в «Вороньих песнях», в которых присутствует ворон-предвестник, связанный с внешним миром, ворон-первопредок, спящий внутри лирического субъекта, и ворон-посредник, он же ворон — «подставной» автор сборника (согласно заглавию), объединяющий в себе ворона-предвестника и ворона-первопредка и безуспешно пытающийся преодолеть внутреннее противоречие между двумя мирами — современностью и древностью, человечеством и природой.

* ИВВУ — почетный список Международного совета по детской книге.

Вороны-предвестники являются неотъемлемым атрибутом поэтического мира Малого — «мира из плоти и крови, жестоко реального и современного, [...] ницшеанского мира без Бога»⁵ — и связаны с глобальной темой умирания, охватившего все вокруг и отражающего духовную смерть современного Малому общества («Память усопших» / *Památka zesnulých*)*. Тема увядания всего живого проявляется в образах осени-чумы и весны, наступающей «после чумы»⁶. Воробьи, являясь частью пейзажа, предвещают гибель всего сущего, связываясь с мотивами голода и тумана («Веймар, 29.10.2000» / *Weimar, 29. 10. 2000, «У меня голова трещит, как после литра вина» / *Hlava mi třeští jako z litru vína, «Осень в ботаническом саду» / *Podzim im botanischen Garten*). Также ворон появляется в персонализации смерти, бродящей в образе языческой богини Марены по осеннему парку над рекой времени, сквозь которую глядят «глаза ворона»⁷ («Считаю листья, которые должны были опасть» / *Počítám listy, jež musely padnout, «Время пишет некролог» / *Čas píše nekrolog*).***

Демоническое начало врановых проявляется и при изображении в сборнике Катастроф, наиболее повлиявших на нынешнее плачевное состояние человечества, вынужденного жить в оксюморонно «цветущем кладбище — отражении этой эпохи»⁸. С помощью символа «голодных ворон наших деяний» (*hladové vrány našich skutků*)⁹, заменяющих в небе Бога, Малый вводит комплекс мотивов, связанных с пост-катастрофическим подходом к восприятию истории человечества¹⁰. Среди Катастроф «Вороньих песен» — события как XX в. (Первая мировая война, Вторая мировая война, Югославский кризис 1990-х гг.), так и библейской эпохи — распятие Иисуса Христа, лишившее человечество надежды на устойчивое будущее («На небе серая униформа» / *Nebe má šedou uniformu*).

Параллель между Второй мировой войной и рубежом XX–XXI веков («Лобеда-Ост, Тракль» / *Lobeda-Ost, Trakl*), равно как и сущностное изменение «осовремененного» Иису-

* Здесь и далее в скобках приводятся названия стихотворений с переводом.

са Христа, неспособного принести себя в жертву ради спасения человечества («Морозорана» / Mrazugána), отражают катастрофическое состояние общества, практически лишённого духовности, а экспрессионистский образ ворона, чей клюв впивается в распятого Христа («Морозорана»), усиливает ощущение надвигающегося апокалипсиса, знаменующего собой духовную гибель человечества. Поэтому в стихотворении «На старом кладбище памятники лижет багрец» (*Na starém hřbitově pomníky líže nach*) «влажная трава / говорит о тщетном ожидании // воскресения / которого не произойдет»¹¹.

Помимо ворона-предвестника, в сборнике отражен и мудрый ворон, ворон-первопредок. Природные мотивы, связанные с этим аспектом толкования ворона, отсылают к первобытному мифологическому сознанию, в котором ворон действительно был первопредком и тотемом. В отличие от ворона-предвестника, который относился сугубо к внешнему миру, ворон-первопредок сопровождает прежде всего ипостаси лирического субъекта сборника, являясь темным, первобытным альтер эго лирического героя, «вороном маленьких человеческих душ» (*krkavec malých lidských duší*)¹² («Вороний король» / Král vran, «Танец 28. 1. 2002» / Tanec 28. 1. 2002).

Для образа ворона-первопредка важен декадентски трактуемый мотив двойничества, восходящий к фольклорному мотиву оборотничества («Строки из июля 2002» / Sloky z července 2002). Становясь как бы тенью лирического субъекта в неоромантическом мире безумной ночной природы, ворон-первопредок отражает то потаенное, уходящее корнями в древность, что, по мысли Малого, живет в каждом человеке («Луна, скройся!» / Měsíci, zjdi!). Макабрические танцы под «безумной»¹³ луной («Туман стелется по парку» / Mha jde parkem, «Нужно танцевать среди полей» / Je třeba tančit uprostřed polí) и вороний король, искушающий своего сына: «Попробуй эту гостию / Возьми этот серебряник / Мой грустный вороний принц» (*Skousni tu hostii / Seber tu minci / Můj smutný vraní princ*)¹⁴ («Вороний король»), лишь помогают пробудить это, найти в себе свои корни.

Вместе с пробуждением ворона-первопредка лирический герой осознает иллюзорность ночных видений («Танец 28.1.2002», «Нет, Луна не высушит грязь» / *Ne Měsíc bahno nevysuší*). Образ Оломоуца — своеобразного Города-без-Ворона — отражает нарушение связи между вороном и человеком внутри одной личности, то есть потерю своего альтер эго («Нужно танцевать среди полей», «Первый весенний день» / *Je první jarní den*). Это приводит к экзистенциальной тревоге, испытываемой лирическим героем: утеряв часть себя, он хочет снова обрести ее, но не может, так как его сознание ограничено, что влечет за собой нервное расстройство («Водка от перхоти» / *Na chandru vodka*, «Предвесенняя молитва у могилы матери Шопенгауэра» / *Předjarní modlitba u hrobu Schopenhauerovy matky*).

Сборник «Вороньи песни» является попыткой примирить ворона-предвестника и ворона-первопредка между собой. Это отражается в образе ворона-посредника, совмещающем в лирическом субъекте две сущности — ворона-первопредка и человека, — принадлежащих к разным мирам, и исполняющего «функции универсального медиатора»¹⁵, по Мелетинскому, между агонизирующим человечеством и безумной природой. При этом ворон-посредник — тот самый ворон-«автор», отраженный в заглавии сборника и являющийся, таким образом, альтер эго Малого. Называя книгу «Вороньими песнями», автор-творец делает акцент на пророческом характере своей поэзии (ворон как вещая птица), поскольку, надевая личину ворона, медиатора между человечеством и природой, приобретает способность одинаково хорошо видеть обреченность человечества и иллюзорность мира природы.

Соединяя в заглавном образе «Вороньих песен», берущем начало в древней мифологии, три основных значения фольклорного понимания ворона (вороны) — ворон как птица смерти, ворон как птица вещая, ворон как посредник между мирами, — Малый переосмысляет их в контексте рубежа веков с характерным для него культурным пессимизмом и катастрофизмом. Иными словами, в образе ворона Малый постмодернистски смешивает экспрессионистскую и дека-

дентскую, неоромантическую традиции, наслаивая их на фольклор. На основе образа ворона, находящегося в центре мотивно-образной структуры «Вороньих песен», формируется структура поэтического мира сборника: агония больного мира-кладбища, наследия исторических Катастроф, и духовная смерть современного человека, отраженная в раздираемых внутренними противоречиями ипостасях лирического субъекта, неспособных примирить в себе части одного целого. Все это в совокупности отражает катастрофичность мироощущения автора, выбравшего в качестве своего «подставного лица» ворона, который, как возражает Малый Я. Сейферту, «говорят, умеет довольно неплохо петь, но все же предпочитает каркать»¹⁶.

Примечания

- ¹ *Hruška P. Poezie // V souřadnicích mnohosti: česká literatura první dekády jednadvacátého století v souvislostech a interpretacích. / Red. A. Fialová. Praha, 2014. S. 70–71.*
- ² *Malý R. Hlavně, že to pořád ještě kolotá: Rozhovor s Radkem Malým. Rozmlouvala Božena Správcová. Tvar. Roč. 23, 2012, č. 13, 21. 6., S. 1, 4–5.*
- ³ *Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.*
- ⁴ *Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 2001.*
Мелетинский Е. М. Ворон // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. Т. 1. С. 245–247.
Мелетинский Е. М. Палеоазиатский мифологический эпос: Цикл Ворона. М., 1979.
- ⁵ *Kopáč R. Ortenova cena pro Radka Malého. Právo. Roč. 13, 2003, č. 220, 19. 9., S. 14.*
- ⁶ *Malý R. Vraní zpěvy. Praha, 2017. S. 49.*
- ⁷ *Ibid. S. 120.*
- ⁸ *Ibid. S. 56.*
- ⁹ *Ibid. S. 21.*
- ¹⁰ *Ibler R. Postcatastrophic Approaches to the Shoah in Contemporary Czech Poetry // The Afterlife of the Shoah in Central and Eastern European Cultures: Concepts, Problems, and the Aesthetics of Postcatastrophic Narration (Routledge Studies in Cultural History) / Eds. A. Artwinska, A. Tippner. London, 2021. S. 273.*
- ¹¹ *Malý R. Vraní zpěvy. Praha, 2017. S. 53.*
- ¹² *Ibid. S. 17.*
- ¹³ *Ibid. S. 98.*
- ¹⁴ *Ibid. S. 52.*
- ¹⁵ *Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 2000. С. 247.*
- ¹⁶ *Malý R. [Přebal knihy] // Vraní zpěvy / Malý R. Praha, 2017.*

DOI: 10.31168/2619-0869.2024.48

Между метафорой и метаморфозой: образно-речевая специфика повести Б. Шульца «Коричные лавки»

Дарья Алексеевна Балаклеец

Балтийский федеральный университет
им. Иммануила Канта,
Калининград, Российская Федерация;
e-mail: merkulowa01@mail.ru
ORCID: 0009-0000-0947-0453

Ключевые слова: Шульц, метафора, метаморфоза, миф, ремифологизация, антропоморфизация, модернизм

Between metaphor and metamorphosis: figurative and speech specificity of B. Schulz's novel "The Cinnamon Shops"

Daria A. Balakleets

Immanuel Kant Baltic Federal University,
Kaliningrad, Russian Federation;
e-mail: merkulowa01@mail.ru
ORCID: 0009-0000-0947-0453

Key words: Schulz, metaphor, metamorphosis, myth, remythologization, anthropomorphization, modernism

В основе речевой поэтики произведений Б. Шульца лежит метафора как изобразительное средство, которое следует воспринимать в контексте тенденции к ремифологизации, во многом определившей специфику искусства эпохи модернизма. При этом метафора, трактуемая Н. Д. Арутюновой как механизм речи, позволяющий охарактеризовать объект через употребление слова, обозначающего иной предмет или явление¹, не может быть осмыслена без семантиче-

ски связанного с ней процесса трансформации. Категория метаморфозы трактуется В. В. Ивановым как «превращение одних существ или предметов в другие»², исконно она связана с мифологическим мышлением.

Работы, посвященные творчеству Б. Шульца³, показывают, что в научных исследованиях превалирует анализ мотивов превращения в прозе писателя, при этом исследование поэтики, в том числе с языковой точки зрения, позволит полнее раскрыть природу метаморфоз, используемых автором на художественно-образном уровне.

Одним из важнейших аспектов творчества Шульца является реализация концепции синкретического мировидения. В эссе «Разоблачение книги „Коричные лавки“» (*Exposé über das Buch „Die Zimtläden“*) писатель указывает, что «выводил свое творение, фантазируя и мечтая, из языческого понимания жизни»⁴. Это иллюстрирует фрагмент описания жары из «Коричных лавок», где автор обращается к приему трансформации в его языческом понимании, что на языковом уровне реализуется в системе метафор. Лица пешеходов постепенно видоизменяются: сначала глаза прохожих прищурены, будто «залеплены медом», затем на их лицах застывает «гримаса жарь»⁵, которая далее превращается в «вакхическую гримасу»⁶, и, наконец, становится варварской «машкерой языческого культа»⁷, а простые пешеходы превращаются в последователей этого культа.

Языческие символы далее встречаются в тексте, сопровождая природный топос: август правил «великую языческую оргию»⁸, идиотка Тлуя была «подобна языческому божку»⁹, среди лопухов герой видит бога пастушества — «Пан без флейты, всполошенный и ретирующий в родимые свои непролазные дебри»¹⁰. Представляется, что в тексте Шульца воплощены слитые в древнем ритуале растения и человеческие существа, чьи образы вакхически наслаиваются друг на друга. Мир флоры антропоморфизируется с помощью метафор, подчеркивающих «развязность» природы: «сад перевернулся во сне на живот», его «мужицкие плечи дышат земляной немотой», «буйная бабья расхристанность учудо-

вищнилась наглými языками толстомясой зелени»¹¹ (*ogród obrócił się we śnie na drugą stronę; rozpanoszyła się płatami włochatych blach listnych, jak babska szeroko rozsiadłe*¹²). Данные антропоморфные метафоры позволяют создать собирательный образ богатства трав, растений и цветов, оживающий и трансформирующийся в растительное сладострастие, где мужское начало смешивается с женским. Такое буйство растительности, захватывающей все больше места в Дрогобыче, привносит черты хаоса в городской топос.

Персонаж Адели заключает в себе природные коннотации и олицетворяет женскую «дионисийскую» (по Ницше) сущность. Образ служанки, приносящей в корзинке «цветастые красоты солнца», соотносится с римской богиней изобилия, героиней одного из сюжетов «Метаморфоз» Овидия. Далее из покровительницы древесных плодов Аделя превращается в Менаду, пляшущую «танец уничтожения». Поведение служанки, в свою очередь, связано с мифологическими представлениями об украшенных виноградными листьями вакханках, спутницах Диониса, которые сокрушали все на своем пути тирсами.

Важно заметить, что мифологическое мировосприятие в произведении Шульца связано с периодом детства. Обожествление растительного мира, опирающееся на древнегреческие мифы, предвещает появление центральной фигуры повести о детстве — отца главного героя, Якуба, который предстает в повествовании в качестве мага, демиурга и каббалиста. Образ отца подвергается многократным метаморфозам на протяжении всей повести, что соответствует учению самого Якуба о самопроизвольном зарождении материи.

В рассказе «Птицы» отец кажется рассказчику младшим братом кондора. Такое впечатление создается за счет соположения метафор, одновременно описывающих вид птицы и отца: «то же самое вещество плоти», «лик, высохший и костистый», «ороговевшие глазницы»¹³. Постепенное развертывание метафор стирает границы между обликом «высохшей мумии» отца и «худого аскета» кондора, тем самым провоцируя очередную метаморфозу.

Образы птиц встречаются и при воссоздании рабочего места Якуба. Сначала Шульц описывает заднее помещение лавки, в котором находятся «многоячейные полки бюро» и кипы бумаг, сравнивая его с птичником. Далее метафорически перевоплотившаяся канцелярия заполняет пространство «голубятнями конторок», ячейки шкафа именуются «гнездами» и «дуплами», наполненными «щебетом цифр»¹⁴. Символику птиц можно интерпретировать как потребность отца освободиться от обыденности и показать бегство и переход в другую реальность.

Проводя много времени дома, умирающий Якуб становится неотъемлемым «атрибутом» квартиры. Отец будто срастается с домом и уподобляется шкафу. Данная развернутая метафора основана на сходстве морщинок лица и деревянных прожилок на досках. Автор, с одной стороны, антропоморфизирует шкафы («жилы шкафов», их «черты, улыбки, взгляды»¹⁵), с другой — опредмечивает лицо отца («Лицо моего отца [...] сделалось похоже на слои и сучки старой доски»¹⁶). Однажды отец полностью «срастается» с домом: «стена истомно принимала его в свою плоскость»¹⁷, при этом автор употребляет антропоморфную метафору, наделяя стену способностью втягивать в себя.

Итак, метаморфозы, представленные в тексте Шульца на уровне сюжетной организации текста, оказываются тесно связанными с метафорами, вбирающими в себя в том числе мифологическую семантику хаоса. Для Шульца миф является средством организации и упорядочивания возникающих и исчезающих образов, а также служит в качестве способа переживания горя по утрате отца. Превращения, происходящие в повести, не воспринимаются как невероятные события, поскольку осуществляются по законам мифологической реальности детства. Языческий поэтический мир раскрывается посредством развернутых антропоморфных и предметных метафор, позволяющих обожествить природу и «опредметить» человека. Таким образом, метафоры, провоцируя трансформацию материи, способствуют смещению человеческого микрокосма и макрокосма природы, заставляют их

двигаться в непрерывном ритме превращений, «прорывая» тонкое измерение реальности.

Примечания

- ¹ Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. Ярцева В. Н. М., 1990. С. 296.
- ² Мифы народов мира: Энциклопедия / Гл. ред. С. А. Токарев. М., 1980. Т. 1. С. 666.
- ³ См.: Кеба А. В. Метафора и метаморфоза в модернистском романе // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. 2012. № 5. С. 101–109; Podemska-Kałuża A. Wielkie transformacje i przemiany w „Skleпах cynamonowych” Brunona Schulza // Polonistyka, 2018. № 6. S. 10–15; Speina J. Bankructwo realności. Prosa Brunona Schulza. Warszawa, 1974.
- ⁴ Schulz B. Księga listów. / zebrał, oprac., wstęp, przypisy i aneks J. Ficowski. Kraków, 1975. S. 325.
- ⁵ Шульц Б. Коричные лавки; Санатория под Клепсидрой: Сборник / Бруно Шульц; перевел с пол. А. Эппель. М., 2000. С. 8.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. С. 11.
- ⁹ Там же. С. 12.
- ¹⁰ Там же. С. 68.
- ¹¹ Там же. С. 11.
- ¹² Schulz B. Sklepy cynamonowe i inne opowiadania. Warszawa, 2022. S. 13.
- ¹³ Шульц Б. Коричные лавки... С. 31.
- ¹⁴ Там же. С. 117.
- ¹⁵ Там же. С. 56.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С. 276.

DOI: 10.31168/2619-0869.2024.49

**«Заход солнца»
в момент «Заката Европы»:
поэтика декаданса в творчестве
Й. Дучича**

Алёна Романовна Кашина

РГУ им. А. Н. Косыгина,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: alenakasina63@gmail.com
ORCID: 0009-0004-2106-2312

Ключевые слова: Й. Дучич, декаданс, символизм, сербская поэзия, рубеж веков

**Sunset at the moment
of the Sunset of Europe:
the poetics of decadence in the work
of J. Ducic**

Alena R. Kashina

The Kosygin State University of Russia,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: alenakasina63@gmail.com
ORCID: 0009-0004-2106-2312

Key words: J. Ducic, decadence, symbolism, Serbian poetry, the turn of the century

Йован Дучич (1871–1943) — поэт эпохи «рубежа веков», представитель сербского модерна. На протяжении своего творческого пути ему удалось не только обогатить национальную поэзию новой образной системой, но и привнести в нее ассоциативность и особую психологичность.

Говоря о становлении Й. Дучича как поэта, стоит обратить внимание на следующие факты его биографии¹: он родился 15 февраля 1871 г. в Требине, когда на Балканах

активно шел процесс национального возрождения, в котором автор также впоследствии участвовал. Окончив в 1893 г. коммерческую школу и педагогическое училище, Й. Дучич работал учителем в Мостаре. За участие в национально-патриотическом движении сербской молодежи подвергся гонениям властей. В 1899 г., получив стипендию от Сербии, он уехал учиться в Швейцарию и Францию, навсегда покинув Герцеговину.

Этот момент определил дальнейшую творческую судьбу поэта, поскольку Й. Дучич, будучи всегда ориентированным на западное творчество, смог непосредственно соприкоснуться с лучшими образцами французского символизма.

Произведения, опубликованные в период с 1900 по 1904 г., относятся к первому, еще во многом романтическому этапу творчества Й. Дучича. Однако, несмотря на ощутимое влияние лирики Б. Радичевича и Й. Й. Змая, в поэзии Й. Дучича уже появляются мрачные, гнетущие образы, сопровождающие описание окружающего мира. В сущности, они отражают тот же «пейзаж души»², который представлен у французского декадента П. Верлена. Лирический герой сербского автора уже погружен в печаль и одиночество, которое с годами будет только шириться и приобретет всеобъемлющий характер.

Подобное состояние лирического «я» Й. Дучича неизменно находит отражение в природных образах (мертвые розы, шум тополей, мрак ночи и т.п.)³, что создает поле для особой метафоричности. Все это в совокупности передает образ смутной эпохи *fin de siècle* («конца века»).

В этом отношении знаковым стало стихотворение «Заход солнца» (Залазак сунца, 1901), которое открывает поэтический цикл «Тени на воде» (Сенке по води, 1900–1901).

Поэтическое пространство разделяется на две неравнозначные части: первая, меньшая, раскрывает враждебный мир, в котором находится лирический герой, вторая связана с женским образом, образом таинственной незнакомки, к которой стремится лирическое «я» поэта. Подобное двоемирие отражается в образной системе, а особенно в колоративной составляющей стихотворения.

Вступительная октава, характеризующая пространство, относящееся к лирическому герою, наполнена красными и черными оттенками: пылающее медью небо (*Још бакрено небо распалено сија*); кровавая река (*река крвава*), охваченная вечерним жаром; коварный пламень, вспыхивающий над черным лесом (*Још подмукли пожар као да избија / Иза црне шуме старих четинара*); дым и пламя, поглощающие небо (*Дим и пламен ждери небо*).

Важно отметить, что красно-черная семантика здесь носит подчеркнуто земной, предметный характер. Образная система осязаема и наглядна. В то же время это не противоречит возникновению апокалипсической символики: заход солнца воспринимается лирическим героем как неминуемое приближение смерти. Мир вокруг него постепенно теряет равновесие и превращается в хаос.

Гнетущая палитра поистине эсхатологического пейзажа дополняется единственным на протяжении всего произведения звуковым образом: откуда-то издали лирическому герою слышится рев хриплого мельничного колеса (*Негде у дальни чује се да хукти / Воденички точак промукнутим гласом*), которое приобретает в поэтическом пространстве особое значение, поскольку прорывает мертвенную тишину погибающего мира.

Когда напряжение первой октавы достигает своего пика, Й. Дучич внезапно меняет описательный план и завершает вступительную строфу совершенно иным, контрастным по отношению к красно-черной гамме образом: «А кувшинки спят на волнах» (*А водено цвеће спава над таласом*). Таким образом, в восьмом стихе автор перебрасывает мостик от предметного погибающего мира к вечному покою, второму плану повествования, сформированного вокруг женского образа.

Кроме того, здесь важно отметить явную параллель между образными системами первой октавы Й. Дучича и стихотворением П. Верлена «Сентиментальная прогулка» (1866). Как было отмечено выше, сербский автор восхищался творчеством западных поэтов, а потому нет сомнений, что,

оказавшись на французской земле, он познакомился с оригинальными текстами западных символистов. В обоих произведениях лейтмотивом становится одиночество лирического героя (ср. фр. *Moi j'errais tout seul...* — «Я бродил в одиночестве»), который вынужден наблюдать алый закат солнца (ср. фр. *Le couchant dardait ses rayons suprêmes* — «Закат метал свои последние лучи») и материального мира вообще, где только белые кувшинки на тихих водах остаются символом призрачной надежды на спасение и неким оплотом душевного равновесия (ср. фр. *Les grands nénuphars sur les calmes eaux* — «Большие кувшинки были на спокойных водах»).

Итак, возвращаясь к стихотворению сербского автора, стоит отметить, что вторая часть поэтического пространства наполнена едва уловимыми, бледными оттенками. Женский образ, который становится центральным в этом эфемерном мире, Й. Дучич вводит через обороты, напоминающие фольклорные элементы: «Где-то далеко, за тремя морями [...] бледная, как печаль, незнакомая женщина [...] сидит, думая обо мне» (*Да негде далеко, преко трију мора [...] Бледа, као чежња, непозната жена, [...] седи, мислећ' на ме*).

Стоит обратить внимание, что наряду с фольклорными элементами в описании пространства вокруг печальной незнакомки явственно присутствует указание на райскую землю, но подробнее об этом будет сказано позже.

Помимо колоративов, резко сменивших цветовой спектр и теперь представляющих собой различные варианты белого, почти прозрачного оттенка, фигура девушки сопряжена с особыми природными образами: если лирический герой задыхается в пламени уходящего солнца и пожаре черного леса, то незнакомка находится в сияющей тени изумрудных гор (*У блиставој сенци смарагдових гора*) и окутана тишиной вечера (*При заласку сунца у првој тишини*).

Автор эксплицитно выражает состояние девушки, говоря, что та бледна, как печаль (*Бледа, као чежња, непозната жена*), и погружена в глубокую тоску. Причем скорбит незнакомка по лирическому герою, отчего у последнего разрывается сердце.

Тем не менее, Й. Дучич так и не открывает, кем же в действительности является незнакомка, бледные губы которой шепчут о верной любви (*Верност се заклинье с тих бледих усница*). Однако в данном случае следует обратиться к поэтическому переводу О. Комкова, в котором русский поэт тонко улавливает имплицитно выраженный в оригинальном тексте христианский компонент и усиливает его, что позволяет в некотором смысле глубже проникнуть в суть женского образа.

Как известно, поэтика Й. Дучича — это поэтика великих тем. Автор считал, что лирик может достичь величия только в том случае, если будет писать о трех важнейших темах: о Боге, Любви и Смерти. Мотив смерти в данном произведении выражен эксплицитно и заявлен буквально с первого стиха, тогда как вопрос любви и божественного присутствия передаются через косвенные образы. Это и заметил О. Комков, привнеся в свой текст явную христианскую лексику.

Таким образом, в переводе мы видим бледную девушку, которая «бдит *всенощно*» в «первозданном храме», ее скорбь облекается в «печаль *святую*», а тихий шепот о верной любви, который «словно смерть, связует верность без надежды», напоминает молитву. К тому же незнакомка, вероятно, не принадлежит к миру земному, потому что, как пишет О. Комков, она «душою зрит, *сомкнувши вежды*».

Кроме того, сам Й. Дучич указывает, что незнакомка коронована (*С круном и у сјају*) и находится в недостижимом, но таком желанном для лирического героя саде, где все окружено покоем. Основываясь на этих деталях, можно с некоторой долей уверенности утверждать, что представленный женский образ является видоизмененным подобием Небесной Царицы (т.е. Богородицы) или же неким собирательным женским идеалом, соотносимым с фигурой Вечной Женственности, которая впервые появилась еще у Гете, а затем активно разрабатывалась в русле русского символизма.

О собирательном женском образе пишет и С. Витанович⁴, анализируя творчество Й. Дучича. Исследователь утверждает, что эта незнакомка благодаря своей бледности и отстраненности от всего земного становится объектом «эротического

заряда» лирического героя. Она лишена огня, поглотившего мир, в который погружено лирическое «я» автора, ее губы холодны, а розы вокруг мертвы (*мртвих доцветалих ружа*), но душа, напротив, излучает тепло и верность, которые и влекут лирического героя.

Кульминационной становится заключительная четвертая октава, которой Й. Дучич отводит особую роль. Здесь автор соединяет все вышеописанные темы, подводя итог риторическим восклицанием: «Верная любовь без надежды подобна смерти» (*Као смрт су верне љубави без наде*). Последние два стиха становятся патетическими мольбами, как утверждает С. Витанович, в духе раннего романтизма, где лирический герой просит не разуверять его в истинности любви, иначе его жизнь обратится в вечный плач (*Јер ја бих тад плакô, ја бих вечно плакô, / И никад се више утешио не би*).

Таким образом, «Залазак сунца», открыв первый поэтический цикл Й. Дучича, вобрал в себя особенности поэтики и мироощущение сербских декадентов в эпоху «конца века». Уже здесь лирический герой предчувствует угрозу со стороны внешних, незримых сил, осознает хрупкость неожиданного покоя, хотя еще и тешится слабой надеждой на мир, прося не разуверять его в истинной любви, за которой может следовать спасение.

Примечания

- ¹ Деретић Ј. Историја српске књижевности. Београд, 1983. С. 107–109.
- ² Горбовская С. Г. Символический «пейзаж души» в поэзии П. Верлена // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2013. С. 10–16.
- ³ Доронина Р. Ф. Дучич Йован // Лексикон јужнославјанских литературс / под ред. Г. Я. Ильина. М., 2012. С. 125–126.
- ⁴ Витановић С. Јован Дучић у знаку Ероса. Београд, 1990. С. 112–132.

«Новая конфигурация культурной памяти» в географическом пространстве «Родной Европы» Ч. Милоша

Ирина Александровна Либина

Балтийский федеральный университет
им. Иммануила Канта,
Калининград, Российская Федерация;
e-mail: falsh746@mail.ru
ORCID: 0009-0008-8276-8211

Ключевые слова: бездомность, укорененность, пространство, история, путешествие, странствие, эмиграция

«New configuration of the cultural memory» in geographical space of the «Native Realm» by C. Milosz

Irina A. Libina

Immanuel Kant Baltic Federal University,
Kaliningrad, Russian Federation;
e-mail: falsh746@mail.ru
ORCID: 0009-0008-8276-8211

Keywords: homelessness, rooted, space, history, journey, pilgrimage, emigration

«Родная Европа» Чеслава Милоша (1911–2004) представляет собой книгу-эссе автобиографического характера, опубликованную в 1959 г. в Париже. Основу композиции составляет расположенное в преимущественно хронологическом порядке жизнеописание автора начиная с ранних лет до первой декады эмиграционного периода. Ввиду особенностей идейно-тематического содержания жанровое многообразие книги не ограничивается понятием автобиографии.

По мнению Томаша Бурека, «Родная Европа» «выходит за рамки жанрового определения автобиографии, становится [...] эссе об изменениях убеждений и взглядов, историческими размышлениями, вкладом в социологию или антропологию современной культуры»¹. Жанр и степень приватности уточняются самим автором во вступительной части. «О себе, но это не исповедь», «не дневник и не рассказ о том, что со мной происходило»². Перенос смыслового акцента с личности нарратора на окружающую действительность обусловлен спецификой поэтики Милоша и той ролью, которая отводится в ней биографическому материалу. Целью литературного путешествия Милоша вглубь своего прошлого является, согласно утверждению Яна Блоньского, «стремление понять мир, в котором ему довелось жить»³. Собственной персоной в «Родной Европе» Милош пользуется «как историческим объектом или собирательным образом поколения» и, по словам Ренаты Горчиньской, описывает свое становление, согласно утверждению «Бытие определяет сознание»⁴.

Первоначальным импульсом, побудившим автора к написанию «Родной Европы», стало желание объяснить европейскому читателю, «в чем заключается феномен происхождения из другой, худшей части Европы, какие неблагоприятные исторические обстоятельства требуется пережить, когда ты оттуда»⁵. В рамках исторической и политической проблематики «Родной Европы» Милош обращается к темам, появляющимся уже в «Порабощенном разуме» (1953) — книге-эссе, описывающей механизм интеллектуального и духовного подчинения личности в тоталитарной системе на примере польского литературного сообщества. Оба произведения относятся к периоду эмиграции Милоша и, пользуясь терминологией Я. Блоньского, носят характер «литературного послания, понимаемого как моральное обязательство»⁶. Задачей данного типа писательской стратегии, по Блоньскому, является «свидетельство очевидца»: «Жест расставания или отказа должен быть одновременно подтверждением истины»⁷.

В условиях травматического опыта эмиграции «Родная Европа», по словам Малгожаты Землы, наделяется тера-

певтической функцией, задача которой заключается в том, чтобы обрести способность говорить о себе с точки зрения национальной идентичности, как о восточном европейце и одновременно наследнике всей европейской культуры: «Речь идет не только о том, чтобы приблизить Центрально-Восточную Европу к Западной и рассказать о себе, но также и о том, чтобы преобразовать травму в творческое усилие, целью которого является новая конфигурация культурной памяти по обе стороны железного занавеса»⁸. Современная для Милоша эпоха является, по определению Эдварда Б. Саида, временем «отчуждения и духовного сиротства», веком скитальцев, в который само понятие дома становится анахронизмом. Перемещение в пространстве, как неотъемлемая часть реальной биографии Милоша, в его поэтической системе приобретает значение путешествия или странствия, которое характеризуется отсутствием стабильности и оседлости, проявляющимся уже на начальном этапе жизни писателя: «Отца мобилизовали, он строил дороги и мосты для российской армии, и мы колесили с ним по прифронтовой полосе, вели кочевую жизнь, нигде не задерживаясь дольше двух-трех месяцев. Часто домом нам служил фургон, иногда — вагон военного эшелона с самоваром на полу, который опрокидывался, когда поезд внезапно трогался с места»⁹. В своей компаративистской статье, посвященной творческому диалогу Милоша с Джонатаном Свифтом, Александр Фьют в фигуре писателя видит «Гулливера XX века», воспринимающего жизнь как непрерывное странствие, которое «кардинально меняет видение реальности, а также представление о самом себе»¹⁰. По мнению исследователя, характерным для послевоенного творчества Милоша является «горизонтальное расположение хронотопа», которое связано с мотивом путешествия, происходящим «не только в пространстве физическом, но также в историческом и религиозном»¹¹. В «Родной Европе» мотив путешествия выступает в качестве основного структурообразующего элемента композиции, и оказывает свое влияние на формирование художественного пространства всей книги.

В польском литературоведении выделяется два противоположных подхода к анализу европейского пространства в «Родной Европе»: целостный образ Европы, противопоставленный культурному пространству России и Америки, в работе Я. Блоньского и антиномичный, подразумевающий разделение на Европу Восточную и Западную, у Беаты Тарновской. Обе эти концепции, по мнению М. Землы, вступают в противоречие лишь на первый взгляд, поскольку «раздвоенность и перспективы объединения европейского пространства объявлены уже во введении»¹². Находясь на чердаке дома в Боне над Леманем перед кроватью с балдахином, автор испытывает двойственное чувство туземца и чужестранца одновременно. Скрип старых деревянных досок, двор, «выложенный красным, слегка стертým кирпичом»¹³, и зеленые сундуки в алых цветах являются компонентами ассоциативного ряда, объединенного общим мотивом дома: «На чердаке пахло чем-то домашним, как в знакомых с детства углах [...] Без всякого сомнения, это была часть моей родины, но родины как бы придавленной неким запретом и отказавшейся считать себя целым»¹⁴. Соседство двух, казалось бы, взаимоисключающих экзистенциальных состояний — бездомности и укорененности — отражает родственную философии автора идею единства противоположностей, на основе которой разрешаются такие принципиально важные для творчества Милоша антиномии как религия и наука, реакционность и прогресс, бытие и становление, пребывание во времени и забвение. Отличительной чертой пространственного восприятия Милоша, по мнению А. Фьюта, является ощущение постоянного нахождения «где-то в другом месте»: «В Польше он подчеркивал свои литовские корни, во Франции представлялся как славянин, в Америке смотрел глазами европейца»¹⁵. Анализируя природу феномена изгнания в XX в., Э. Б. Саид говорит о контрапунктическом свойстве сознания человека, покинувшего свою родину в результате независимых от него внешних обстоятельств: «Уклад жизни, манера выражаться и вести себя в новой среде обитания — все это для изгнанника неиз-

бежно соотносится с воспоминаниями о среде старой. Таким образом, обе среды — новая и старая — яркие и актуальны, обе сосуществуют в контрапунктическом единстве»¹⁶. Отмеченные Э. Б. Саидом особенности пространственного восприятия, которое сформировалось в результате «травимы», соответствуют исследовательской точке зрения Рышарда Ныча, комментирующего метафорический образ Милоша, «помещенный в положение географически неустойчивое», как состояние одновременного пребывания «здесь и оттуда». Литературовед указывает на палимпсестный характер пространственного воображения писателя, географическим и аксиологическим центром которого является образ родной деревни и дома. В какой части света бы не находился писатель, его личным мифом и точкой отсчета является Литва: «Воображение, всегда пространственное, указывает на север, юг, восток и запад относительно конкретного центрального, привилегированного места, которым, предположительно, является деревня нашего детства. Пока писатель живет в своей стране, привилегированное место, расширяясь по кругу, отождествляется со всей страной. Изгнание смещает этот центр или, скорее, создает два центра. [...] Эти два центра и два пространства, образованные вокруг них, накладываются друг на друга или — и это является счастливой развязкой — сливаются в одно»¹⁷. Западноевропейские и американские пейзажи в «Родной Европе» оцениваются Милошем сквозь призму литовских, однако не подменяются ими, но составляют с последними единый, целостный образ.

Преодоление раздвоенности и разобщенности европейского континента становится возможным благодаря «телескопическому зрению» Милоша, которое позволяет писателю в один момент охватить разные точки земного шара и разные моменты времени: «Ни одна новая картина не заслоняла предыдущих, но и в хронологическую линию они у меня не вытягивались, а сосуществовали, сталкивались, набегали друг на друга»¹⁸. Точка опоры обретается автором «Родной Европы» в свободном от идеологических конфликтов, вечно длящемся пространстве культуры и памяти, которое, по

словам А. Фьюта, является истинным домом польского писателя: «Сама Европа тепло обнимала меня, и камни ее, обтесанные руками прошлых поколений, и мириады лиц, возникавших из резного дерева, из картин и расшитых золотом тканей успокаивали меня и добавляли мой голос к своим древним вызовам и старинным клятвам, несмотря на мой бунт против ее, Европы, раздробленности и болезненности. Несмотря ни на что была мне Европа домом отчим»¹⁹.

Примечания

- ¹ *Burek T.* Autobiografia jako rozpamiętywanie losu: nie tylko o Rodzinnej Europie // Pamiętnik Literacki: czasopismo kwartalne poświęcone historii i krytyce literatury polskiej. Wrocław, 1981. T. 72. Z. 4. S. 137.
- ² *Милош Ч.* Родная Европа. М., 2011. С. 185.
- ³ *Бłoński J.* Język właściwie użyty. Szkice o poezji polskiej drugiej połowy XX wieku. Kraków, 2019. S. 305.
- ⁴ *Gorczyńska R., Miłosz Cz.* Podróżny świata. Rozmowy z Czesławem Miłoszem. Kraków, 2002. S. 154.
- ⁵ *Ibid.* S. 156.
- ⁶ *Бłoński J.* Jedna, dwie czy jedna w drugiej? // Teksty Drugie : teoria literatury, krytyka, interpretacja. Warszawa, 1994. № 4. S. 64.
- ⁷ *Ibid.*
- ⁸ *Zemła M.* Jedność Europy. Kilka uwag o relacjach Wschód–Zachód w Rodzinnej Europie Czesława Miłosza // Konteksty kultury. Kraków, 2019. T. 16. Z. 2. S. 209.
- ⁹ *Милош Ч.* Родная Европа. С. 46.
- ¹⁰ *Fiut A.* Guliwer XX wieku. Rodzinny świat Czesława Miłosza / Redakcja: Tomasz Bilczewski, Luigi Marinelli, Monika Woźniak. Kraków, 2014. S. 21.
- ¹¹ *Fiut A.* Moment Wieczny. Poezja Czesława Miłosza. Kraków, 1998. S. 53.
- ¹² *Zemła M.* Jedność Europy. Kilka uwag o relacjach Wschód–Zachód w Rodzinnej Europie Czesława Miłosza. S. 208.
- ¹³ *Милош Ч.* Родная Европа. С. 11.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ *Fiut A.* Guliwer XX wieku. S. 18.
- ¹⁶ *Sauð Э. Б.* Мысли об изгнании // журнал «Иностранная литература». М., 2003. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2003/1/mysli-ob-izgnanii.html> (дата обращения: 03.04.2024).
- ¹⁷ *Miłosz Cz.* Noty o wygnaniu. Zaczynając od moich ulic. Wrocław, 1990. S. 49.
- ¹⁸ *Милош Ч.* Родная Европа. С. 12.
- ¹⁹ Там же. С. 262.

Специфика системы персонажей в романе В. Ржезача «Наступление»

Мария Алексеевна Марушина

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: marushina030103@gmail.com
ORCID: 0009-0000-0267-7988

Ключевые слова: чешская литература, социалистический реализм, классификация персонажей, положительные и отрицательные персонажи, плоские и пластичные персонажи

Specifics of the character system in V. Rzezach's novel "The Offensive"

Maria A. Marushina

Russian State University for the Humanities
Moscow, Russian Federation;
e-mail: marushina030103@gmail.com
ORCID: 0009-0000-0267-7988

Keywords: Czech literature, socialist realism, classification of characters, positive and negative characters, flat and round characters.

Вацлав Ржезач (1901–1956) — чешский писатель, с чьим творчеством связано становление производственного романа в чешской послевоенной литературе. В данной работе представлен анализ специфики системы персонажей в романе «Наступление» (Nástup, 1951). Это первый послевоенный роман, который также знаменует начало нового периода в творчестве Ржезача. Здесь писатель затрагивает тему строительства социализма, изображает иной тип межличностных отношений и то, какую роль играет Коммунистическая партия в организации социалистического общества¹.

Роман Ржезача написан в период господства в чешской литературе социалистического реализма, провозглашенного после февраля 1948 г. основным методом в чешской литературе. В 1948–1950 гг. формируется официальная программа социалистической литературы. Она должна была поддерживать строительство социалистического общества и выступить против буржуазии и капитализма². Произведение Ржезача посвящено жизни на приграничных территориях, а именно в Поточной, в поселке на севере Пограничья в первые месяцы после его освобождения от фашистской оккупации войсками Советской армии. Тема Пограничья привлекает писателя, поскольку на данных территориях в особенно острых формах шла борьба за основы новой жизни.

Так как целью данной работы является рассмотрение специфики персонажей в романе, следует сначала проанализировать несколько подходов к классификации героев в социалистическом реализме.

Первый подход к классификации персонажей — это деление их на положительных, отрицательных, драматических (то есть колеблющихся между положительными и отрицательными персонажами) и нейтральных персонажей. Таковую классификацию, например, предлагает чешский исследователь Мартин Казда в своей дипломной работе на тему «К типологии персонажей социалистического реализма в послевоенной чешской литературе и в размышлениях о литературе» (*K typologii postav socialistického realismu v české poválečné próze a v myšlení o literatuře*, 2016). При характеристике персонажей Казда выделяет внешние и внутренние аспекты для описания персонажей: имя, физические качества, речь, поведение, приверженность идеологии, личная жизнь, отношение к СССР³.

У положительных персонажей в романе Ржезача чешские имена, крепкое телосложение, мозолистые руки, так как герои занимаются физическим трудом, речь не осложняется немецкими словами; все, что они делают, они делают на благо общества, являются приверженцами марксистско-ленинской идеологии, с уважением относятся к СССР

и к Советской армии. В сфере личной жизни превалирует духовный, а не физический тип контакта влюбленных⁴.

Главным положительным персонажем в романе является Иржи Багар. Это сильный, энергичный и волевой человек, ясно видящий перед собой цель, непреклонно и уверенно борющийся за нее, способный увлечь за собой массы. Его имя — наиболее распространенное чешское имя. Багар крепкого телосложения, его речь довольно грамотная, так как «книги научили его видеть жизнь иначе...»⁵. Что касается идеологических убеждений героя, он является приверженцем «правильного» мировоззрения: «Сперва он вступил в профсоюз, потом в коммунистическую партию»⁶. Приехав в Поточную, Багар вместе со своими товарищами начинает выгонять немцев из деревни, отбирать у них все имущество. Они поступают почти так же, как когда-то поступали немцы, однако Багар дает им время на то, чтобы они собрали все необходимые вещи. Это описывает его как честного и благородного человека. Так как Багар является председателем местной деревенской партии, он часто проводит собрания, на которых присутствуют все жители, решаются вопросы, касающиеся будущего деревни, и прежде чем принимается что-то важное, проводится голосование. Это показывает близость героя с народом и его готовность работать на благо общества. К СССР относится с уважением, приглашает на праздник русских солдат: «...что мы благодарны Советскому Союзу не только за освобождение страны и спасение нашего народа, но и за то, что советские люди бескорыстно помогают нам при каждом удобном случае с первых шагов нашей самостоятельной жизни»⁷. Возлюбленной Иржи Багара является Здена Деймекова. Заметим, что телесный контакт между героями романа практически отсутствует. Один раз, когда они друг к другу прикасаются — во время танца: «как-то невольно он крепче прижал к себе девушку... Здена не отстранилась и приноровилась к его крепкому объятию»⁸.

Отрицательные персонажи в романе — это спекулянты, которые торгуют ворованным товаром, и их заботит только прибыль, — деревенский богач, кулак. У них зачастую ино-

странные имена, худощавое телосложение, руки без мозолей, так как они не занимаются физическим трудом, а зачастую проводят светские приемы, в своей речи используют немецкие слова, всегда ищут выгоду только для себя, отрицают марксистско-ленинскую идеологию и не равняются на СССР. Большинство отрицательных персонажей ведет распутный образ жизни⁹.

Отрицательным персонажем данного романа является Хельмут Титце. С появлением данного героя читатель обращает внимание на имя. Оно немецкое, что сразу ассоциируется с чужеродностью. Внешность практически не описана. Что касается его речи, то в ней можно услышать немецкие слова, например, *herein*¹⁰ (войдите). Что касается его мировоззренческих принципов, то Титце считает своей целью закрепить свою власть в деревне, тем самым он хочет и дальше продвигать немецкую идеологию. Его кабинет дорого обставлен, «гарнитур из четырех кожаных кресел и широкого дивана занимал весь левый угол кабинета. Пол был покрыт толстым со светлым узором персидским ковром»¹¹. Данное описание наталкивает читателя на мысль, что это отрицательный персонаж, так как положительные персонажи предпочитают скромную обстановку. Про его личную жизнь также мало известно. Читатель узнает, что у Титце есть жена, с которой у него, с появлением чехов, начинают портиться отношения, особенно они становятся напряженными, когда, несмотря на свой страх перед немецкой шпионкой Эльзой Магер, он прячет ее в своем доме. Это стало главным поводом к задержанию четы Титце.

При характеристике персонажей, которые колеблются между положительными и отрицательными чертами, между старыми и новыми ценностями, между добром и злом, имя не играет никакой роли, внешнее описание таких героев также практически отсутствует. Их речь относительна: если говорится о рабочем, то он использует разговорный чешский и профессионализмы, а интеллигент использует в речи высокий слог¹².

Драматическим персонажем можно назвать Рейзека. Про него в романе мало сказано, нет четкого описания внешне-

сти. Он помогает как положительным, так и отрицательным персонажам, выступая своего рода медиатором между героями.

Нейтральные персонажи играют второстепенную роль. Их цель — показать многообразие мира произведения. Нейтральными персонажами являются русские офицеры, например офицер Марков. Они не влияют на сюжет напрямую, но помогают раскрыть отношения первостепенных персонажей к Советскому Союзу.

Еще один подход к классификации, позволяющий углубить анализ персониферы романа, предлагает разделение персонажей на плоских и пластичных. Такую классификацию предлагает английский прозаик и литературный критик Эдвард Морген Форстер в своей книге «Аспекты романа» (*Aspects of the novel*, 1927)*. Согласно этой работе, плоские персонажи связаны со статичностью, с простотой, что обусловлено их малым описанием. Такой персонаж предсказуем, информацию в тексте о данном герое читатель получает через его прямое описание. Они не развиваются внутри сюжета, что обуславливает предсказуемость их поведения.

Пластичные персонажи обладают гораздо более разнообразным характером. Такой персонаж раскрывается через поступки. Поэтому динамичные персонажи часто реагируют и действуют непредсказуемо, чем удивляют читателя¹³.

Плоским героем в романе является автомеханик Антош. На протяжении всего романа его личность не претерпевает значительных изменений, а о его характере мы узнаем преимущественно через диалоги или рассуждения о нем других персонажей. Он хорошо разбирается в машинах и мечтает иметь свою автомастерскую. В тексте Антош характеризуется как трудолюбивый человек со своими мечтами и амбициями, готовый посвятить себя работе не только ради своего блага, но и ради блага команды: «Антош мечтал открыть собственную мастерскую, главным образом для того, чтобы с утра до ночи возиться с моторами и видеть автомобили все новых и новых марок»¹⁴.

---

* Далее цит. по чеш. переводу книги: *Forster E. M. Aspekty románu*. Bratislava, 1971.

Пластичным героем в романе можно назвать Трнца. Его характер раскрывается как через диалоги, так и через описание его поступков. Например, его речь варьируется в зависимости от того, с кем он говорит: если он говорит с товарищами, то использует разговорный чешский, а если разговаривает с кем-нибудь на приеме, то использует уже высокий стиль лексики. В начале романа он помогает своим товарищам в их общем деле, а именно в освобождении деревни от немцев. Но вскоре его поведение меняется. Трнец жаждет выгоды — получения текстильной фабрики в собственность. После ее приобретения он теряет всяческий интерес к общему делу своих друзей. Тем самым Трнец из человека, который ценит дружбу, становится тем, кто больше ценит материальную выгоду.

Таким образом, для классификации персонажей в романе Ржезача «Наступление» в данной работе были применены два подхода. Согласно «классическому подходу» в произведении присутствуют как положительные (например, Иржи Багар), так и отрицательные персонажи (например, Хельмут Титце). При этом включение героев в то или иное поле происходит эксплицитно, основываясь на их отношении к базовым для произведений социалистического реализма морально-нравственным ценностям (партийность, классовость, отношение к материальным ценностям, межличностные отношения и т.д.) и не претерпевает значительных трансформаций с развитием сюжета. Согласно классификации Э.М. Форстера, фигуру Трнца можно охарактеризовать как «пластичную», раскрывающуюся не только при помощи внешней характеристики повествователя, но и посредством внутренних монологов, а фигуру Антоша можно назвать «плоской», раскрывающейся только при помощи диалогов с другими персонажами. Таким образом, применение двух разных подходов позволяет лучше проанализировать и точнее описать персоносферу романа.

Примечания

¹ Зайцева А. А. Вацлав Ржезач // Д. Ф. Марков, С. В. Никольский, С. А. Шерлаимова / Очерки истории чешской литературы XIX–XX веков. М., 1963. С. 662.

- ² *Tomanová Z.* Český socialistický realismus a jeho příběhy. Bakalářská diplomová práce. Masarykova univerzita Filozofická fakulta. 2009. S. 20.
- ³ *Kazda M.* K typologii postav socialistického realismu v české poválečné próze a v myšlení o literatuře. Diplomová práce. Univerzita Pardubice. Fakulta Filozofická. 2016. S. 74–155.
- ⁴ Ibid. S. 74–105.
- ⁵ *Ржезач В.* Наступление / Собрание сочинений в трех томах. / пер. с чешск. И. Бернштейн. М., 1987. Т. 1. С. 24
- ⁶ Там же. С. 24
- ⁷ Там же. С. 179.
- ⁸ Там же. С. 197.
- ⁹ *Kazda M.* K typologii postav... S. 105–127.
- ¹⁰ *Ржезач В.* Наступление. С. 48.
- ¹¹ Там же. С. 50.
- ¹² *Kazda M.* K typologii postav... S. 127–140.
- ¹³ *Forster E. M.* Aspekty románu. Bratislava, 1971. S. 69–77.
- ¹⁴ *Ржезач В.* Наступление. С. 26.

РУССКО-СЛАВЯНСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ ПАРАДИГМЫ

DOI: 10.31168/2619-0869.2024.52

Специфика переводов текстов А. П. Чехова на болгарский язык как одна из проблематик построения параллельного корпуса текстов

Людмила Викторовна Свитина

Южный Федеральный Университет,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация;
e-mail: mishkajaponchik54@gmail.com
ORCID: 0009-0007-9166-6033

Ключевые слова: переводы, переводческие трансформации,
А. П. Чехов, болгарский язык, разметка текстов

The specificity of translations of A. P. Chekhov's texts into Bulgarian as one of the problems of building a parallel corpus of texts

Ludmila V. Svitina

Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: mishkajaponchik54@gmail.com
ORCID: 0009-0007-9166-6033

Keywords: translations, translation transformations, A. P. Chekhov, Bulgarian, text markup

Корпус параллельных текстов — это удобный инструмент для исследователя. В нем могут быть собраны тексты, информация о них, сделана разметка текстов, что упрощает

для исследователя поиск необходимого контекста. Проект *Chekhov Digital* направлен на полноту представления чеховских произведений. Разработкой проекта занимается Центр цифровых гуманитарных исследований ИФЖиМК ЮФУ совместно с Лабораторией филологии отдела гуманитарных исследований ЮНЦ РАН и Центром цифровых гуманитарных исследований НИУ ВШЭ. На данный момент в рамках проекта ведется работа над параллельными корпусами переводов текстов А. П. Чехова на английский, немецкий языки и начинается разработка такого корпуса для болгарских переводов.

Как пишет А. А. Авдеев, для создания параллельного корпуса текстов по переводам А. П. Чехова на болгарский язык, конечно, необходимо учитывать межкультурные связи стран. Он также отмечает, что важно анализировать «переводческие нормы в определенных социокультурных и исторических контекстах»¹.

В. Велчев обращает внимание на то, что творчество А. П. Чехова оказало огромное влияние на болгарскую литературу. Он упоминает таких выдающихся авторов Болгарии как Иван Вазов, Елин Пелин, П. К. Яворов и Е. Станев². Хотя жанры и тематика их произведений весьма разнообразны, они все взяли что-то от мастерства А. П. Чехова.

Опираясь на анализ эволюционного характера переводов русской литературы на болгарский язык, И. М. Владова делает вывод, что прижизненные переводы Чехова сигнализируют о том, что к этому моменту «болгарская литература уже выработала свою систему художественно-изобразительных средств, необходимых для усвоения значительных достижений оригинальной литературы, для осуществления адекватных эстетических контактов»³. Это показывает, насколько высоко были оценены тексты А. П. Чехова в Болгарии. Также И. М. Владова отмечает необходимость актуализации переводов чеховских текстов⁴.

Для работы с текстами в электронном пространстве необходимо учитывать несколько факторов: доступность текстов, интеллектуальные права на них, удобство представ-

ления. Переводы произведений А. П. Чехова на болгарский язык находятся в открытом доступе, но они представлены не в полном объеме. Например, есть сведения о том, что первые переводы чеховских текстов были осуществлены еще при жизни А. П. Чехова, были изданы сборники его сочинений. Но в свободном доступе в интернете можно найти только пятый том издания сочинений Чехова на болгарском языке в переводе К. Т. Митишева под редакцией А. Карима 1908 г.*. В этом томе есть переводы следующих произведений: «Палата № 6», «Гусев», «Страх», «Рассказ неизвестного человека», «Хорошие люди», «Женское царство». Он представлен в виде отсканированных страниц в формате pdf, написание соответствует болгарской дореформенной орфографии. Самое большое количество текстов в нескольких форматах выложено на болгароязычном сайте *Моята библиотека*. В качестве источника указано издание переводов чеховских текстов в сборнике *Дамата с кученцето* (2004)**. С данного сайта тексты распространились и на другие ресурсы. Также можно найти переводы на сайте *Flibusta*, но его недостаток в том, что на нем не всегда указан первоисточник текстов, что может привести к нарушению авторских прав или интеллектуальных прав.

Для сведения текстов в параллельном корпусе необходимо их обработать. Часто необходимо выполнить следующие задачи: токенизацию***, лемматизацию****, удаление пунктуационных знаков и стоп-слов. Данную работу можно выполнить с помощью языковых моделей *SpaCy* и *NLTK*. Для болгарского языка еще ведется разработка языкового пакета на базе *SpaCy*. На форуме *GitHub* И. Сакеларев уже открыл возможность скачать три языковые модели в форма-

* См.: <https://ru.z-library.se/book/22042268/beeb7a>

** См.: <https://chitanka.info/book/685-damata-s-kuchentseto>

*** Токенизация — это процесс разбиения текста на более мелкие части, такие как слова или предложения.

**** Лемматизация — это метод морфологического анализа, который сводится к приведению словоформы к ее первоначальной словарной форме (лемме).

те *whl*, которые при локальной установке через удобный для пользователя компилятор достаточно неплохо справляются с обработкой текста. Основная проблема данных моделей — это приведение всех слов к начальной форме слова, то есть, в них пока не доработана лемматизация. Модели обучались на базе новостных текстов, поэтому список стоп-слов для работы с художественными текстами необходимо изменять под цели исследователя. Например, в стоп-лист были занесены слова *днес* ‘день’ и *сега* ‘сегодня’. Несмотря на недоработки, данные языковые модели уже можно использовать для простейшей обработки текстов.

В рамках проекта возможна реализация построения параллельных корпусов с использованием семантической разметки, что позволит увидеть контекст в выстраивании семантических связей в одних текстах на разных языках. Для сравнения был взят следующий текст и его перевод: «Дама с собачкой» (1899) и *Дамата с кученцето*, переводчик Илияна Владова, дата издания перевода — 1973 г. Чеховский текст и перевод на болгарском были нормализованы и загружены в приложение *AntCon*. Наиболее частотные слова в оригинальном и переводном текстах совпали: ‘говорить’ *кажа*, ‘жизнь’ *живот*, ‘человек’ *човек*, ‘дом’ *къща*, ‘думать’ *мисля* и так далее, но частота употребления слов варьируется. Например, в «Даме с собачкой» слово ‘дом’ встречается 11 раз, а в переводе слово *къща* — 3 раза. Перевод выполнен достаточно близко к русскому тексту, были подобраны похожие выражения в болгарском языке, но для соотнесения текстов в параллельном корпусе необходимо понимать специфику существующих различий.

В болгарском языке система времен построена иначе, чем в русском, часть различий в частоте употребления форм глаголов объясняется этим. В рассказе *Дамата с кученцето* можно заметить, например, употребление будущего времени там, где было использовано настоящее: «*Не е хубаво — каза тя. — Вие сега пръв ще престанете да ме уважавате*»⁵ (рус. «Нехорошо, — сказала она. — Вы же первый меня не уважаете теперь»⁶).

Сложно сказать, почему И. Владова перевела текст, используя не формы настоящего времени, а обращаясь к будущим формам. Однако из-за этого в читательском восприятии происходит сужение контекста и конкретизация смыслов. Анна Сергеевна в оригинальном тексте не договаривает свои мысли, ей важно донести до Гурова свое смятение и растерянность, поэтому она пытается перенести свою оценку произошедшего на него через утверждение того, что он уже перестал уважать ее. В болгарском переводе героиня говорит, что он изменит отношение к ней, словно призывая героя опровергнуть или подтвердить ее догадку. Анна Сергеевна дает Гурову выбор, подразумевая под своими словами вероятность того, что он может перестать уважать ее.

Также стоит упомянуть специфику перевода следующего отрывка из этого же произведения: «это были не первой молодости, капризные, не рассуждающие, властные, не умные женщины, и когда Гуров охладевал к ним, то красота их возбуждала в нем ненависть и кружева на их белье казались ему тогда похожими на чешую»⁷. В переводе: «това бяха жени не в първа младост, капризни, неразсъждаващи, властни, глупави, и когато Гуров охладняваше към тях, красотата им пораждаше в него омраза, а дантелите на бельото им започваха да му приличат на рибени люспи»⁸.

‘Не умные’ было переведены как *глупави*, хотя в болгарском языке можно сделать отрицание *не умни*. Глупость и ум в болгарском языке имеют схожие коннотации, как в русском. Отрицание ума показывает человека не только как не обладающего умом, но и, например, не восприимчивого, не владеющего тактичностью. В то время как *глупав* означает, что человек несообразительный, недогадливый. Человек может быть неумным в чем-то одном, а глупость как бы характеризует все умственные способности. И через этот момент можно попробовать объяснить следующее переводческое решение: слово ‘чешуя’ было переведено как *рибени люспи* ‘рыбья чешуя’. А. П. Чехов дает читателю самому понять, как герой воспринимает таких женщин. Их белье может напоминать рыбью чешую, змеиную, а может и, например, драконью. Но

И. Владова убирает возможный контекст опасности или злобной хитрости, оставляя только ассоциацию с рыбами: что-то скользкое, неприятное, не стоящее внимания. Неумная женщина может строить интриги и козни, но проиграть из-за того, что не смогла правильно выбрать свою жертву, в то время как глупая женщина скорее не догадается, как искусно соблазнить кого-то.

Частотный список может показать, что лексика переведена практически дословно, но сравнивая тексты, можно увидеть, насколько важно обращать внимание на детали, формирующие целостный образ прочитанного в читательском сознании. Понять, почему так отличается частота употребления, можно лишь при сравнении контекстов. Параллельные корпуса позволяют увидеть то, как возможно были считаны авторские смыслы переводчиками и какими средствами последние интерпретируют изначальный текст.

Примечания

- ¹ *Авдеев А. А.* Технология параллельных корпусов текстов и ее использование в процессе обучения переводу. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования., 2019. № 3(43). С. 140–151.
- ² *Велчев В.* Чехов и болгарская литература. Литературное наследство. 2005. Т. 100. № 2. С. 129–141.
- ³ *Владова И. М.* Перевод — диалог культур (на материале диалога между русской и болгарской культурами в процессе перевода). Болгарская русистика. 2022. № 2. С. 139–150.
- ⁴ *Владова И. М.* Актуализация рецепции произведений Чехова в болгарских переводах. Русский язык и культура в зеркале перевода. Материалы II научно-практической конференции. М. Высшая школа перевода МГУ. 2010. С. 110–116.
- ⁵ *Чехов А. П.* Дамата с кученцето. В пер.: И. М. Владова. Труд, 2004. Электронный ресурс: <https://chitanka.info/text/11138-damata-s-kuchentseto> (дата обращения: 26.09.2024).
- ⁶ *Чехов А. П.* Дама с собачкой. М., 1977. Т. 10. С. 133.
- ⁷ Там же. С. 133.
- ⁸ *Чехов А. П.* Дамата с кученцето. 1973.

DOI: 10.31168/2619-0869.2024.53

Функции аллюзий на песни Булата Окуджавы в романе Виды Огненович «Наблюдая птиц»

Евгения Сергеевна Насырова

Институт филологии и журналистики ННГУ,
Нижний Новгород, Российская Федерация;
e-mail: die0Hass@mail.ru
ORCID: 0009-0005-1652-2633

Ключевые слова: В. Огненович, Югославия, СССР, сербская литература, Булат Окуджава

The meanings and functions of allusions in Vida Ognjenovic's novel "Bird Watching"

Evgeniia S. Nasyrova

Institute of Philology and Journalism, UNN,
Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: die0Hass@mail.ru
ORCID: 0009-0005-1652-2633

Keywords: V. Ognjenovic, Yugoslavia, USSR, Serbian literature, Bulat Okudzhva

Известная сербская писательница, драматург, театральный режиссер Вида Огненович (1941 г.р.) воспроизводит образ времени в таких романах, как «Дом мертвых запахов» (2019) и «Наблюдая птиц» (2012), обращаясь к истории и культуре Югославии и СССР на протяжении XX века. Роман «Наблюдая птиц», открывающий советско-югославскую проблематику в творчестве В. Огненович, посвящен истории жизни главного героя, талантливого писателя, поэта и переводчика Василия Кирова, который вырос в русско-сербской семье и для которого русская культура во многом опреде-

лила его жизненное кредо. Структура романа представляет собой сложное композиционное единство, в котором значительную роль выполняют многочисленные аллюзии на русскую литературу, в частности, аллюзии на поэзию русских бардов: Б. Окуджавы и В. Высоцкого. В данной работе мы обратимся к текстам Б. Окуджавы, так как аллюзивный контекст, связанный с творчеством В. Высоцкого, предполагает рассмотрение его функций в связи с тем, что В. Огненович делает русского поэта героем своего произведения, создает художественный образ, помещая его в систему образов романа. Эта особенность повествования требует иного подхода к исследованию аллюзий на его творчество в тексте.

Одним из тех, кто написал рецензию на роман В. Огненович «Наблюдая птиц», стал Б. Подопригора, член Правления Петербургского отделения Союза писателей России и Союза журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области¹. В своей рецензии Подопригора отмечает одной из главных тем романа — отношение между СССР и Югославией. Автор рецензии пишет о том, что роман раскрывает тесные взаимоотношения народов двух стран, совпадение их исторических судеб в годы Второй мировой войны. Помимо отношения к войне двух стран, Подопригора выделяет еще одну важную тему — судьбу русской эмиграции в Югославии, ее историю. Автор рецензии отмечает, что история взаимоотношений СССР и Югославии в романе В. Огненович раскрыта через судьбу главного героя, на становление мировоззрения которого оказала значительное влияние русская литература и культура периода СССР. Отметим, что роман «Наблюдая птиц» практически не исследован в России, хотя, как мы уже сказали, пласт отечественной литературы XX столетия выполняет важную роль в структуре конфликта романа.

Использование аллюзии как литературного приема восходит к традициям средневековой литературы, в которой уже было принято использовать «какое-нибудь имя или название, намекающее на известный литературный или историко-культурный факт»². Функция его заключалась в том, чтобы указать на связь данного текста с другими текстами

или же отослать читателя к историческим, биографическим и культурным фактам. То есть аллюзии — это «маркеры» текста, а то, к чему они отсылают (тексты, факты, имена), являются «денотатами» аллюзии. В современной теории литературы аллюзии рассматривают также как явление интертекстуальности, имея в виду включенность одного текста в состав другого³. Типология аллюзий строится на основе их функциональной роли в тексте, рассчитанной на характер ее влияния на восприятие читателя, то есть отсылая его за пределы текстовой реальности, пробуждая активность воспринимающего сознания. С помощью аллюзий автор расширяет временные и пространственные рамки текста, таким образом создавая многослойное в смысловом отношении повествование.

Образ действительности, на фоне которой раскрываются особенности характера главного героя, создается в тексте за счет использования значительного количества аллюзий. Их функции в тексте играют важную роль в создании образа главного действующего лица, чье самосознание представлено в романе в развитии, при этом представляя каждый из этапов его духовного взросления, автор обращается к использованию аллюзий, в частности, на поэтические тексты Б. Окуджавы.

Так, обратившись к оригинальному тексту романа, мы встречаем в главе «Устный писатель» (Usmeni pisac) строфу из стихотворения Булата Окуджавы «Мне не хочется писать...», которая и в переводе, и в оригинальном тексте романа процитирована на русском:

*Мне не хочется писать
Ни стихов, ни прозы.
Хочется людей спасать,
Выращивать розы*.*

* Стихотворение «Мне не хочется писать...» было написано в 80-е гг. XX в., когда Окуджава выпустил два знаменитых диска «Песни и стихи о войне» и «Автор исполняет новые песни», которые завоевали популярность в СССР, а затем в среде русской эмиграции.

Заметим, что В. Огненович включает в роман именно русский текст стихотворения, так как перед нами рефлексия на поэтическую традицию. Также, по словам самого поэта, писать о розах — говорить о главном. Это стихотворение проанализировала в своей статье М. Александрова⁴. Исследовательница считает, что образ розы в тексте Окуджавы — это ничто иное как «прощание с лирой», то есть трагедия творческой личности, которая ищет себя в спасении людей и возделывании сада. Лирический герой хочет творить без ограничений и нужды, герой хочет «людей спасти» — что означает приобщение людей к культуре, несмотря на запреты. Поэтому позиция лирического героя поэтического текста разделяется и героем романа, отказывающимся от написания «стихов и прозы» потому, что хочет воплотить райский сад, которым будет вдохновляться только тот, кто умеет сострадать другим, дарить красоту и утешаться «дыханием розь». Герой понимает, что у розы есть шипы, что также немаловажно: Вася Лукич, как и лирический герой Окуджавы, хочет, невзирая на ограничения свободы слова, приобщать соотечественников к русской культуре.

Другое произведение Окуджавы появляется в главе «Распространение самиздата» (*Distribucija samizdata*). Оно включается в поток воспоминаний героя о его преподавательской деятельности в качестве учителя русского языка. Центральным эпизодом главы стало событие разучивания песни «Надежды маленький оркестрик» (1967), сопровождавшееся шумом, привлечшим внимание директора. Директор был возмущен тем, что в сербской школе поют песни на русском языке тогда, когда отношения между СССР и Югославией переживали сложный период отчуждения*. Од-

---

* 2 июня 1955 г. Состоялось подписание Белградской декларации. Белградская декларация — документ, подписанный между президентом Югославии Иосипом Тито и лидером СССР Никитой Хрущевым. Результатом подписания договора стало временное примирение двух государств после долгих напряженных отношений. Документ гарантировал невмешательство во внутренние дела Югославии и узаконил право государства на иные формы организации социалистического устройства общества, с учетом его исторических традиций.

нако Окуджава воспринимался героем романа как внутренний оппонент советского режима. Отметим, что текст песни Булата Окуджавы обращен к обычным людям, далеким от политики, но в основе сюжета впечатления Окуджавы-фронтовика, сына репрессированных в 30-е гг. родителей, которому важно подчеркнуть необходимость «взяться за руки... чтоб не пропасть поодиночке». В данном случае обращение Огненович к этому тексту можно рассматривать как призыв к синтезу лучших традиций русской и сербской культур:

*В года разлук, в года сражений,
когда свинцовые дожди
лупили так по нашим спинам,
что снисхождения не жди,
и командиры все охрипли...
Тогда командовал людьми
надежды маленький оркестрик
под управлением любви.*

Стоит отметить, что цитата из песни Булата Окуджавы в оригинале текста написана с помощью транслита (ср. *Nadježdje maaaljnki arkestri, pod upravljanjem ljubvi.*), при этом звуки графически выделены так, как будто ее поют дети. В русском тексте приведенная цитата соответствует стихотворению Окуджавы — на русском языке и без лишних букв, что, с нашей точки зрения, не совсем точно передает авторскую интенцию Огненович. Текст песни в оригинальном романе звучит как наставление учителя детям, завет будущему поколению.

Другой способ включения аллюзий в текст романа — создание ситуации, в которой учитель предлагает ученикам поучаствовать в конкурсе переводов песни Булата Окуджавы «Бумажный солдат» (1959). Как и песня «Надежды маленький оркестрик», она имеет большое нравственно-воспитательное значение. Именно эту песню переводит ученик, так как она привлекает его изображением самоотверженности солдат во время войны. Несмотря на то, что «солдат бумажный», он все равно «пошел в огонь», жертвуя собой. Огненович так переводит русский текст учеником, что стано-

вится понятным, как мальчик понял стихотворение. Перед нами перевод, смысл которого выходит далеко за пределы песни про бумажную игрушку:

*Bio na svetu vojniki mlad
Lepši i od oficira
međ igračkama živi sad
jer to vojniki od papira.*

Текст Окуджавы:

*Один солдат на свете жил,
Красивый и отважный,
Но он игрушкой детской был:
Ведь был солдат бумажный.*

Заметим, что цитата перевода мальчика на сербский язык есть только в оригинальном тексте романа, но отсутствует в русском.

Таким образом, аллюзии на поэзию русского барда в романе выполняют следующие функции: показывают, насколько актуальными для современной сербской культуры оказываются проблемы, поднятые в цитируемых фрагментах стихотворений Б. Окуджавы; характеризуют высокую степень влияния русской культуры на сербскую; играют роль «вставных» фрагментов композиции, мотивируя поступки главного героя, уточняют своеобразие авторской концепции родственных черт обеих славянских культур.

Примечания

- ¹ Подопригора Б. А. Птицы улетают, а мы остаемся. Литературный Санкт-Петербург, 2016. URL: <http://litgazeta.dompisatel.ru/archives/899> (дата обращения: 03.04.2024).
- ² Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. Москва. Издательство «Флинта». 2002. URL: <https://polytech-semey.kz/wp-content/uploads/2023/01/ar-nold-i-stilistika-sovremennyj-anglijskij-yazyk.pdf>
- ³ Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. М.: РОССПЭН, 2004. URL: <https://www.philol.msu.ru/~discours/images/stories/speckurs/kristeva.pdf> (дата обращения: 03.04.2024).
- ⁴ Александрова М. А. Розы поэта: стихотворение Булата Окуджавы «мне не хочется писать...» в контексте классической традиции. Известия СГУ. 2012. URL: <https://www.sgu.ru/journal/izvestiya/pj/2012-1/111-115> (дата обращения: 03.04.2024).

Сопоставление образа смерти в творчестве символистов — сербского поэта Бранко Мильковича и русского поэта и писателя Ф. К. Сологуба

Кристина Александровна Турукина

ННГУ им. Лобачевского,
Нижний Новгород, Российская Федерация;
e-mail: turukina_kris3@mail.ru
ORCID: 0009-0005-7931-2035

Ключевые слова: символизм, Серебряный век, сербская поэзия, русская поэзия, декаданс, смерть

Comparison of the image of death in the works of the symbolists — Serbian poet Branko Milkovic and Russian poet and writer F.K. Sologub

Kristina A. Turukina

UNN Lobachevsky,
Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: turukina_kris3@mail.ru
ORCID: 0009-0005-7931-2035

Keywords: symbolism, the Silver Age, Serbian poetry, Russian poetry, decadence, death

Цель данной работы — проанализировать поэзию Бранко Мильковича, опираясь на знания о русском символизме, его формировании, выяснить, каково взаимовлияние русской и сербской поэзии прошлого века, сопоставить образы, мотивы в творчестве Б. Мильковича и Ф. К. Сологуба.

Заметим, что в каждой стране символизм имел свои историко-культурные контексты и этапы развития. Бесспорно,

русские и сербские символисты опирались на французский символизм, в их творчестве присутствует эстетика распада, упадка, однако нельзя сказать, что они полностью подражали французской поэзии — Бодлеру, Рембо, Верлену. Так, например, кандидат культурологии Видеркер в статье «Типологические особенности межкультурного диалога в русском символизме» отмечает, что русские символисты также во многом опирались на Лермонтова, Тютчева, Фета. Точно также черпал из собственной национальной традиции, а также из традиции русской литературы сербский поэт Милькович¹. Постараемся выделить общие темы и мотивы для Мильковича и Сологуба.

Прежде всего, двух поэтов объединяет образ враждебно окружающего мира, печальное размышление о непонятности, невозможности разгадать, постичь то, что привлекает и одновременно пугает больше всего. В поэзии Федора Кузьмича эту позицию неизвестного, а потому и пугающего, занимает зло, которое всегда видно периферийным взглядом, но невозможно увидеть напрямую, как и вступить с ним в коммуникацию, противостоять ему, оно всегда находится на периферии, всегда неуловимо, нельзя даже выразить то, в чем оно заключается, это и Недотыкомка, которая и над прахом может потешаться, и черт, качающий качели. У Бранко всеобъемлющим является мотив смерти, к которой вечно стремится лирический герой, которую он всегда стремится познать, но которая всегда вырисовывается лишь силуэтами в его сознании. Внешний мир непознаваем, его невозможно понять — такова позиция лирических героев Сологуба и Мильковича.

Роднит двух поэтов также частый для поэтов-романтиков и поэтов-символистов мотив недостижимого идеала, эстетика недостижимого. Это недостижимое манит лирических героев, не дает противостоять своей притягательности, и герои, будто мотыльки, летят на верную смерть.

Мотив смерти у Мильковича и мотив зла, которому невозможно противостоять, у Сологуба — сквозные мотивы в творчестве поэтов. Даже когда они пишут стихотворения и сборники

на другие темы, зло для их лирических героев появляется, то спрятавшись за шторкой, но все ближе выходя вперед, то исчезая. Тема зла или смерти не просто проявляется, а опять стремится завладеть мыслями автора, стихотворными строчками, стремится стать главной, проникнуть во все строки стихотворений. И сборник «Огонь и ничто»² Мильковича тоже описывает смерть, и стихи Сологуба про весну, общепринятый символ жизни, процветания, рождения, вновь омрачается злом, которое неизменно приходит, чтобы «в тоску панихидную» ругаться «над прахом моим». Так, тема зла является лейтмотивом творчества обоих поэтов.

Рассмотрим, как образ смерти раскрывается в творчестве Мильковича и Ф. К. Сологуба. В стихотворениях русского поэта смерть привлекательна потому, что убивает людей, которые и порождают зло, которое преследует его лирического героя в разных формах — в виде черта, который качает качели «пока не повернется ко мне земля моя», в виде серой Недотыкомки, насмехающейся и после смерти, в виде Лиха, которое «идет неотступною тенью», подстерегает лирического героя, постоянно мучает его, окружает, не дает жить спокойно, постоянно находится на периферии зрения, но невидимо целиком, угрожает своим присутствием, изводит. Верное освобождение от всемогущего зла, которому невозможно противостоять, — смерть (в стихотворении «О владычица, о смерть»):

*И я понял, что зло под дыханьем твоим
Вместе с жизнью людей исчезает, как дым.*

Сологуб, так же как и Бранко, воспевает смерть, он тоже считает, что она — тень жизни, она больше жизни, но все-таки он их не отождествляет, а противопоставляет. Его лирический герой воспевает смерть, является прихожанином ее храма, ему чужды восторги жизни, суета, для него жизнь не представляется обольстительной, яркой, зовущей, нет, он подчеркивает к ней свое равнодушие, нелюбовь к ней — «и ненавижу / Очарования земли», смерть — его владычица, только ей он поклоняется. А мысль о том, что он может упасть в ноги жизни, претит ему:

*Не мне, обвешанному тайной
Твоей красы необычайной,
Не мне к ногам ее упасть.*

Он воспевает смерть, это настоящий гимн: «Повсюду вижу Одну тебя». Бранко, как и Сологуб, отмечает то, что людям не нравится смерть, они боятся ее, у Федора Кузьмича они выбирают «сражения, праздники и торги» жизни «Ничтожной [...] робкой, лживой», у сербского поэта люди предпочитают сон, который он называет сестрой жизни.

Сологуб так же, как Бранко в цикле «Огонь и ничто», поднимает мифологический пласт в своем творчестве — в произведении «Настало время чудесам» он уподобляется богине Гее, сотворившей землю, но он не просто создает землю, он хочет ее усовершенствовать, очистить от зла:

*Я создал небеса и землю,
И снова ясный мир создам.*

Тут тоже ему помогает в этом смерть, она, подобно живому огню, имеет очистительную функцию, она служит предтечей нового, лучшего мира, в котором не будет ненавистного зла, от которого можно избавиться, только убив всех людей — устроить мировой потоп, после которого мир умрет, чтобы вновь возродиться:

*Подруга-смерть, не замедляй,
Разрушь порочную природу,
И мне опять мою свободу
Для созидания отдай.*

Так, для Сологуба смерть — не просто инструмент, который помогает разрушить старое, чтобы было место для нового. «Сперва нужно место расчистить» — этот принцип, который был сформулирован Тургеневым в реплике нигилиста Базарова, актуален и для лирического героя Федора Кузьмича.

И Бранко, как и Сологуб, видит в смерти возрождение, особый этап, переход в другую реальность, в которую невозможно попасть при жизни. Это идеальное недостижи-

мое, приблизиться к которому можно при помощи смерти. В стихотворении Мильковича «Феникс» запечатлен процесс перехода из нашего мира, посюстороннего, познаваемого, ложного (по согласно философии символистов) в мир истинный, настоящий. Это смерть, которая перерождает, не воскрешает, а творит новое — существование в истинном мире, который невозможно постичь:

*Да л варком чараш по мом челу
Или си можда јава позна
Цвет што живи у мртвом телу
Сјај који себе не упозна
Сјај који себе не упозна**

(Мираж, кочующий по телу / А может ты предстал мне въяве / Цветком огня слепяще-белым / Сияньем что себя не знает / Сияньем что себя не знает).

Как Сологуб посредством смерти избирает для своего поэтического мира возрождение, приобщение к новой, чистой жизни, так и Бранко в стихотворении «Феникс» описывает перерождение, у него смерть становится новой жизнью. Она также мыслится как вектор, который служит для создания, рождения нового.

Оба поэта соединяют образ вечной ночи и смерти. Ночь, как очарование недостижимого и непостижимого, была открыта еще романтиками: «Гимны к ночи» Новалиса, его обращение к смерти, желание приблизиться к своей умершей возлюбленной, любование смертью-ночью, воспевание ее. И символисты, продолжая традиции романтиков, обращаются к этому образу. Для них образ смерти как чего-то недостижимого, того, что нельзя постичь, осознать, в полной мере нельзя описывать, сближается с образом загадочной ночи, которая, так же как и смерть, полна загадок, тайн, недоступна для понимания человека. Для символистов принципиальна невозможность изображения явления, так как описа-

* Перевод представлен поэтический, поэтому могут быть расхождения в семантике некоторых слов. Перевод взят из сборника «Сербские поэты XX века» Базилевского.

ние, обречение в вещественную оболочку, материализация уже лишает идеи образа, концепта. Поэты-символисты не пытаются описать смерть с помощью других образов, они, интуитивно чувствуя связь между двумя неразгаданными тайнами, идеалами, которые невозможно воплотить, сближают их, делают их синонимичными. Символисты говорят о том, что мы неизбежно теряем какую-то часть смысла, когда пытаемся его воплотить в слове, которое не может выразить емко и точно то, что за ним стоит — идею. Поэтому невозможно номинировать какое-то явление, даже нескольких слов не будет достаточно для этого. Тем не менее, они через описательную конструкцию, через другое название пытаются расширить тот образ, который изначально заявлен — образ смерти — пытаются определить, описать, назвать через образ ночи.

Некорректно будет замечание о том, что символисты (в первую очередь рассматриваемые нами Сологуб и Милькович, которого в отечественной традиции принято считать скорее неосимволистом) редуцировали фигуру смерти в ночь. Однако поэты, придерживающиеся этого направления, чувствуя близость этих понятий, выражали идею смерти через идею вечной ночи.

В стихотворении Сологуба «Трава свежа, земля мягка» сближаются эти два образа. Лирический герой поэта принимает все, что ему послано: и подарки судьбы — «Но если что ей даст судьба / Возьмет и ничего не бросит», и ее перипетии — благодарит за «горе», «муки», он не борется, не бросает вызов, а только спокойно впитывает, вбирает в себя все, что дается ему свыше. Он не привязан к жизни, не живет жадно, стараясь каждую секунду вдыхать жизнь; нет, он ждет, его душа — «верная раба». И то, как мирно он принимает тяготы и радости жизни, как бы заранее преддрешает его итог: он также спокойно принимает свой конец. Смерть остается неназванной, но именно это лагунастораживает читателя, заставляет обратить внимание на «шифр» поэта: «вечная ночь» — смерть:

*От зноя не стремится в тень,
И вечной ночи не торопит,
Настанет неизбежный день,
И будет кубок жизни допит.*

В стихотворении Мильковича «Горан» также сближается образ смерти и ночи. Его лирический герой как будто одновременно существует и как тело, и как душа: он отрешенно смотрит на свое тело, на которое уже садятся пчелы, понимает, что умер, но это не пугает его. Лирический герой, будто сказочный герой, которому нужно прийти в подземное царство: он идет через черный лес, спускается по лестнице. После смерти лирический герой не мгновенно оказывается в другом пространстве — он движется. Так раскрывается мифопоэтика произведения — душа героя будто должна пройти испытания, как это принято в мифологической традиции разных народов, чтобы окончательно оказаться за пределами этого мира, чтобы иной мир принял его.

Здесь появление смерти-ночи предваряется несколькими образами: это и само упоминание ночи, сразу обозначающее место действия, открывающее произведение — «Ночь слишком большая для моего звездного лба» (*Noћ сувише велика за моје звездано чело*), это и черные леса, и труп, и черная лестница, и тьма, тень — все эти слова в стихотворении — это ступеньки, по которым мы спускаемся в царство смерти; это темные мазки, с помощью которых создается ее портрет. Символика цвета также важна в стихотворении: неоднократно подчеркивается темнота ночи, которая все делает черным — и леса, и лестницу, и тень. Вместе с лирическим героем мы наблюдаем закат его дней, превращение вечера в ночь или смерть. В сербском языке есть выражение, которое дословно можно перевести как «закат твоих дней», и этот концепт, состояние заката, угасания жизни, смерти как ночи, и воплощается в творчестве Мильковича. В финале автор окончательно закрепляет мысль о том, что смерть описывается, определяется, называется через ночь, кроме того, он является ее частью, ее сущностью:

Смрти љубоморна највећа моја ноћи!
(Смерть ревнивая бесконечная моя ночь!)*

Смерть лирического героя в последней строке расширяется, поглощает весь остальной мир, прямо соединяется с образом всеобъемлющей ночи, которая ассоциируется с космосом, с бесконечным состоянием тьмы, неподвижности.

Так, можно сказать, что в выведенном нами сербско-русском символистском сознании рождается объемный образ смерти как созидательной силы, которая не является негативным явлением, но по сути своей синонимична процессу перехода в другой мир. Смерть в творчестве анализируемых нами символистов — это своеобразное перерождение, приближение к тайне, загадке непостижимого, к которой невозможно приблизиться в реальной жизни. В контексте творчества символистов раскрывается тема смерти: у сербского поэта Б. Мильковича и у русского поэта Ф. К. Сологуба эта тема разрешается несколькими путями. Это и образ смерти как некоей созидательной силы, которая заключает в себе очистительную функцию — убирая старое, она оставляет место для нового. Это и ночь как смерть, которая также непостижима и недостижима, которую невозможно понять и постичь эмпирическим путем, но которую можно лишь интуитивно обозначить в виде образа и идеи. Авторы прибегают к образу ночи как вечной смерти, отождествляют эти понятия. Однако такие способы номинаций не являются эвфемизмом, так как лирические герои не боятся смерти, могут восхищаться ей, как чем-то сакральным. Этот синкретизм реализуется у обоих поэтов и воплощает символистскую, декаданскую идею смерти не как негативного явления, а как объекта, который заключает в себе положительное значение, рассматривается как синоним жизни настоящей, истинной, жизни той непознаваемой, бессознательной части, которую в реальном мире мы постичь не можем.

---

* Отметим, что перевод является не совсем точным. Будет вернее сказать «самая большая» (смерть), что в русском языке противоречит лексической сочетаемости, поэтому мы возьмем слово «бесконечный», как синоним превосходной степени прилагательного.

Примечания

- ¹ Видеркер В. В. Типологические особенности межкультурного диалога в русском символизме// Интерэкспо гео-сибирь. 2017. № 1., Т. 6. С. 5.
- ² Мильковић Б. Ватра и Ништа. Белград, 1960.

DOI: 10.31168/2619-0869.2024.55

Чай в травелогах чешских писателей о Советском Союзе 1920-х годов (М. Майерова, Й. Копта)

Екатерина Евгеньевна Клейменова

Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Российская Федерация;
e-mail: Katerina.kl@bk.ru
ORCID: 0009-0009-5680-233X

Ключевые слова: этнический стереотип, реценция, травелог, чай, русский культурный код

Tea in travelogues by Czech writers about the Soviet Union of the 1920s (M. Majerová, J. Kopta)

Ekaterina E. Kleymenova

Russian State University for the Humanities
Moscow, Russian Federation;
e-mail: Katerina.kl@bk.ru
ORCID: 0009-0009-5680-233X

Keywords: ethnic stereotype, reception, travelogue, tea, Russian cultural code

«Это известно всем из русских пьес и плакатов клише — самовар с чайником, бурно обсуждающая что-то компания и чашка чая в руках у каждого ее члена. Только в представлениях иностранца эту идиллию дополняют зима и падающий

за окном снег»¹. Перед нами один из самых распространенных этнических стереотипов о России, который состоит из трех компонентов: самовар, шумная компания, зима. Наша работа посвящена репрезентации концепта «чай» в травелогах о Советской России. Исследовать данную проблему мы будем на материале травелогов чехословацких писателей, посетивших Советский Союз в 1920-е гг. Это книги «День после революции» (*Den po revoluci*, 1925 г.) Марии Майеровой и «Поездка в Москву» (*Cesta do Moskvy*, 1927 г.) Йозефа Копты.

Опишем обстоятельства визита писателей в СССР. Чехословацкая писательница Мария Майерова (1882–1967) была представительницей левой интеллигенции. В 1924 г. Майерова приехала в Москву в составе делегации V конгресса Коминтерна. Йозеф Копта (1894–1962) — чешский писатель и журналист, посетил Советский Союз в составе делегации писателей, приглашенных ВОКСом (Всесоюзное общество культурных связей с заграницей). Отметим, что с 1915 г. Йозеф Копта был легионером, членом Чехословацкого корпуса, поэтому поездка 1927 г. стала для него не первым опытом пребывания в России. И Майерова, и Копта были известными в Чехословакии писателями, поэтому и получили приглашение приехать в СССР и запечатлеть новую советскую действительность. Публикуемые в результате таких поездок репортажи имели благоприятное влияние на представления иностранного общества о СССР. Таким образом, международная репутация Советского Союза улучшалась. Это и было целью проводимой в те годы политики советской «народной дипломатии»².

Для литературы путешествий* «характерна оппозиция «свой — чужой»³, в выбранных нами текстах именно чай становится важным маркером «чужого». Йозеф Копта не просто пишет о чае, но вовсе начинает повествование с обозначения оппозиции «кофе / чай», за которой скрывается противопоставление «Запад / Восток»: «Народ, отдающий предпочте-

---

* Устойчивое словоупотребление. См.: Т. Робли «Литература путешествий» // Русская проза: Сборник статей / Под ред. Б. Эйхенбаума и Ю. Тынянова. Ленинград, 1926.

ние кофе, не поймет народ, всем сердцем любящий чай»⁴. Это связано с традицией приготовления чая у чехов: чай там, притом очень крепкий, пили только для того, чтобы согреться зимой, или употребляли с ромом в качестве лекарства от простуды⁵. Традиция же русского чаепития совсем иная: в России для чая не нужен повод. В травелоге Марии Майеровой чай представлен как национальный напиток, который является неотъемлемым компонентом повседневности советского человека: «В каждой гостинице, в каждом доме, на каждом вокзале есть уголок с емкостью, в которой нагревается вода»⁶. Значимость для русских кипятка, в который впоследствии добавляется заварка, писательница передает при помощи метафор: «Кипяток — это колодец для жаждущих, спасение для пьющих, второе дыхание для уставших»⁷. На неразрывность горячего напитка и образа советского человека в представлениях писательницы о жизни в России указывает и упоминание чая в числе основных атрибутов длительной поездки: подушек и чемоданов. Так, чай становится компонентом, дополняющим другой важнейший символ России — *железную дорогу*, а именно — путешествие на поезде. Закрепленность чая и всего, что с ним связано, за русским культурным кодом иллюстрирует и сравнение в «Поездке в Москву». При посадке на поезд, следующий в Советский Союз, Йозеф Копта описывает «шипящий и шумящий локомотив», от переполняющей его радости писатель восклицает: «Это самая что ни на есть русская картина: это же гигантский самовар!»⁸

Концепт «чай»* в травелогах является репрезентацией основных «русских» черт, закрепленных в стереотипах о России. В «Поездке в Москву» Йозефа Копты самовар становится символом русского гостеприимства, веселья и шума: «Самовар невозможен без людей вокруг него [...] Тем, кто не пил русского чая, а особенно тем, кто не пил русского чая в России, трудно понять ликование тех, кто познал прелесть самовара и игр вокруг него, восторг тех, кого за веселой беседой в теп-

* Устойчивое употребление, в кавычках — им.п. См.: Ю. С. Степанов «Концепты. Тонкая пленка цивилизации». М., 2007.

лой избе согревал этот напиток, ароматнее которого во всем мире нет»⁹.

Как уже было сказано ранее, традиция приготовления и употребления чая в России становится маркером «чужого» в травелогах и поводом для противопоставления западной культуры, носителями которой являются писатели, культуре восточной. Так, Йозеф Копта в процессе приготовления напитка и в самой традиции чаепития видит восточные черты. Писатель говорит о размеренности «обряда» заваривания чая, который «любому западноевропейцу покажется процессом трудоемким и затянутым»¹⁰. Акцент в этом фрагменте сделан на противопоставлении неторопливости русских и быстрого темпа не терпящих промедления западноевропейцев. Любопытно, что это суждение выглядит как стереотип из XIX в. о размеренности жизни в России, но Йозеф Копта не был его носителем. В «Поездке в Москву» он писал о насыщенности дней советского человека, об усталости и потухшем взгляде рабочего, который вынужден ежедневно отдавать всего себя производству, а вечером участвовать в мероприятиях рабочего клуба. В связи с этим мы можем заключить, что писатель пусть и не относит Россию к Востоку, но в сохранении длительной церемонии приготовления чая даже в условиях «быстрой» советской реальности усматривает близость культуры русской к восточной. Йозеф Копта иронизирует: «Конечно, со спиртом дело обстоит быстрее, как того и требует наш (европейский. — *Е. К.*) жизненный темп»¹¹. А затем звучит авторский призыв к соотечественникам: «Сделайте для Чехословакии вещь совершенно невероятную: пейте чай в чистом виде, а не с ромом или коньяком!»¹². Далее Йозеф Копта говорит об особом, и даже сакральном отношении русского народа к чаю. Писатель подчеркивает, что русские люди, в отличие от чехов, не будут заглушать вкус чая спиртным: «Никто в России не станет наливать в чай водку, никто в России не будет портить лучшее, что есть в чае. Его чудесный и нежный аромат и его восхитительный вкус, который все соблазнительнее и приятнее от чашки к чашке и без которого невозможно понять

русского человека, который после десятой чашки восклицает: “Ну, вот сейчас начну пить!”¹³.

Противопоставление «Запад — Европа / Восток — Россия» характерно и для других иностранных текстов, в частности травелогов. Мария Майерова, как и Йозеф Копта, к «западному» относит то, что близко ее культуре, к «восточному» то, что является «новым» и «чужим», но в «Дне после революции» эта оппозиция имеет и дополнительный смысловой оттенок — одобрения или неодобрения. Советский Союз 20-х гг. XX в. в рецепции левой интеллигенции, к которой относилась Мария Майерова, ассоциировался с надеждами на лучшее будущее¹⁴. Не менее актуальным оставался вопрос российского прошлого, вопрос оценки произошедших изменений. Так, в травелогах появляется другая бинарная оппозиция «Прошлое — царская Россия / Настоящее — Советская Россия» (см. М. Крлежа, «Поездка в Россию», И. Ольбрахт, «Картины современной России» и т.д.). В «Дне после революции» мы находим эту оппозицию в противопоставлении двух чайных: еще сохранившейся дореволюционной чайной и новой чайной нарпита. Описание первой из них представляет аллюзию на восточный базар: «На полках множество чашек, несколько чайников, подносы, и на всем сидят мухи, все черное от мух, они тучей взлетают, а потом садятся обратно»¹⁵. Насекомые были и на продуктах, лежащая на прилавке рыба напоминает Майеровой ловушку для мух. Грязь встречается не только за прилавком: «Садимся за стол, покрытый скатертью, но мы ее снимаем, потому что стол чуть чище, чем она»¹⁶. На стене надпись «Нецензурная брань запрещена». Майерова прислушивается к беседе за соседним столиком: «Речь течет около нас, словно вода. Мужчины рядом с серьезным видом пьют чай из блюдец, темы их разговоров так далеки от наших, что для нас понять их — все равно что понять образ мысли Далай-лам»¹⁷ — появляется противопоставление тем западных и местных, получающих «восточную» характеристику. В приведенных цитатах мы видим компоненты некоего «восточного» пространства — шумного, неупорядоченного, грязного. «Контингент этой чайной

составляли не фабричные рабочие, а ремесленники и мелкие торговцы»¹⁸, — обращает внимание писательница, а затем говорит о том, в каких условиях пьют чай трудящиеся на производстве. На контрасте вводится описание чистой и культурной чайной нарпита: «Столики были натерты до блеска, чайники чистые, а чай дешевле и лучше»¹⁹. Майерова не упускает ни одной детали, а висающие на стене страницы газет, вставленные в рамку, даже напоминают писательнице интерьер чехословацких кофеен. Таким образом, чайная при заводе приближена к знакомому Майеровой европейскому образцу. В приведенном фрагменте «восточной» реальностью назван не сам чай, и даже не традиция чаепития, как это было у Копты, а пространство московской чайной, сохранившейся с дореволюционных времен. В этом контрасте проявляется явное одобрение изменений, произошедших в России с приходом к власти большевиков. В травелоге Марии Майеровой дореволюционный период связан с отставанием, грязью и безграмотностью, революция же принесла европейскую чистоту и аккуратность, при этом сохранив русскую культуру, которую в этом фрагменте символизирует чай.

Таким образом, в травелогах тема национального напитка является поводом для сопоставления «своей» и «чужой» культуры. В выбранных для анализа текстах чай становится репрезентацией восточных черт русского народа: гостеприимства, традиции угощений, веселых бесед в большой компании. На фоне чая как компонента повседневности советского человека обнаруживаются и политические предпочтения авторов текстов, что характерно для травелогов о Советском Союзе 20-х гг. XX в. При этом отметим, что несмотря на смену власти и политического режима в России, чай остается частью этнического стереотипа о русском народе.

Примечания

¹ *Majerová M.* Den po revoluci. Co jsem viděla v SSSR. Praha, 1925. S. 186.

² *Šimová K. a kol.* Cesta do utopie. Praha, 2017. S. 16.

³ *David J., Davidová Glogarová J.* Obrazy z cest do země Sovětů. Brno; Ostrava, 2017. S. 27.

- ⁴ *Kopta J. Cesta do Moskvy. Praha, 1928. S. 16.*
- ⁵ *Ibid. S 17.*
- ⁶ *Majerová M. Den po revoluci... S. 186.*
- ⁷ *Ibid.*
- ⁸ *Kopta J. Cesta do Moskvy... S. 23.*
- ⁹ *Ibid. S. 16.*
- ¹⁰ *Ibid. S. 18.*
- ¹¹ *Ibid. S. 19.*
- ¹² *Ibid. S. 20.*
- ¹³ *Ibid.*
- ¹⁴ *Будагова Л. Н. Чехи в Москве первых пятилеток // Славяне и Россия: славяне в Москве. М., 2018. С. 304.*
- ¹⁵ *Majerová M. Den po revoluci... S. 188.*
- ¹⁶ *Ibid.*
- ¹⁷ *Ibid.*
- ¹⁸ *Ibid.*
- ¹⁹ *Ibid. S. 189.*

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ»

Этническое и религиозное в Средние века и раннее Новое время

В. А. Есис

Меч в балтских и славянских представлениях
как социальный объект..... 4

Н. В. Евстафьев

Европейские авторы XVI в. в поисках меритократии
и веротерпимости в Османской империи:
специфика конфессиональной эпохи 9

Н. Р. Белова

Ересь как орудие дьявола в чешскоязычной католической
литературе эпохи Барокко 16

К. М. Медведев

«Отцеубийство», «Авель» и «Каины»: трактовки убийства
Йосафата Кунцевича католиками и униатами
Речи Посполитой 21

Я. В. Мартынова

Экземпляры произведения С. Твардовского “Wojna domowa”
в собрании Российской государственной библиотеки 26

Проблемы изучения чешской истории XIX–XX вв.

В. В. Котов

Несостоявшийся пражский съезд славянских
гимнастических обществ 1868 г. и формирование концепции
сокольских слетов 36

Т. В. Гимадеев

Чешский историк Йозеф Пекарж и Аграрная партия 43

Положение социалистической Югославии в мире: партнерство и конфронтация

Д. Д. Пальчиков

Политика СКЮ по консолидации югославского общества
перед VII съездом партии 50

Б. С. Новосельцев

Строительство здания советского посольства в Белграде
и югославского посольства в Москве (конец 1960-х —
начало 1970-х гг.) 56

Страны Центральной и Юго-Восточной Европы на современном этапе развития

Д. П. Ерёмин

Общегосударственный кризис в БиГ 1999 г. 64

Д. А. Афандеев

В поиске примирительного нарратива: трудное прошлое
в официальных обращениях премьер-министров
России и Польши 2009–2010 гг. 70

А. К. Александрова

Отношения между государством и церковью в современной
Греции: фактор членства в Европейском союзе 75

Н. Ю. Шишов

Политический скандал Венгрии: отставка президента
Каталин Новак в феврале 2024 г. 81

А. О. Гриднева

«Трианонская травма» и ее интерпретации в XXI веке 87

Дипломатические миссии в истории международных отношений. Фактор личности

Д. Д. Копанева, Н. В. Белов

Статейный список посланника Г. В. Булгакова
и подьячего Е. Бреева (1647–1648 гг.):
контекст и персоналии 93

Д. О. Манин

Роль Иоганна Госенца в проекте организации франко-русской торговли на рубеже 1660–1670-х гг. 99

М. Т. Накишова

Деятельность тайного кабинет-секретаря А. В. Макарова в контексте курляндского кризиса времен Екатерины I 106

К. В. Мельчакова

К вопросу о русской помощи в возведении православного собора в Сараеве: изготовление иконостаса 111

**Проекты переустройства Европы
в первой половине XX в.**

Мирослав Радивоевич

Влияние соглашения о Константинополе и проливах на позицию России относительно переговоров Антанты с Италией о вступлении в Первую мировую войну. Положение Сербии 119

Т. Д. Меркушина

«Польша является страной, которую нетрудно победить, но нелегко сохранить»: роль Д. Ллойд Джорджа в советско-польской войне в 1920 г. 127

**Историки и историография.
Проблемы изучения истории
славянских народов**

К. А. Юрьев

Изучение Великой Моравии на раннем этапе развития отечественной дореволюционной историографии 134

А. Ю. Перетягко

Классификации народов во втором издании «Описания всех обитающих в Российском государстве народов» И. Г. Георги 139

В. И. Короневский

Как выстроить историю Западной Руси вокруг святого? Св. Афанасий Брестский в концепции епископа Иосифа (Соколова) 146

Янь Лэй

- Турбулентные события на пост-югославском пространстве первой половины 1990-х в «зеркале» реакций государственных деятелей и экспертов КНР 151

СЕКЦИЯ «ЯЗЫКОЗНАНИЕ»**Исследования языка памятников славянской книжности****Н. П. Иордани**

- К вопросу о некоторых жанровых особенностях старорусских *памятей* 164

Ю. В. Островская (Горноскуль)

- Церковнославянизмы в румынском языке 172

З. В. Вальтер

- К вопросу о принципе перевода фрагмента трактата Св. Августина “De Civitate Dei” в польской и церковнославянской традиции 178

Л. И. Шутова

- Лексические заимствования в Толковом Апокалипсисе (Киев, 1625 г.) 184

Актуальные вопросы грамматики современных славянских языков**Д. С. Соколов**

- Однократный способ глагольного действия в хорватском языке в сопоставлении с русским 190

Р. С. Фисун

- Можно ли посчитать неопределенные местоимения? 196

М. И. Хажомия

- Целевой инфинитив в простом предложении в сербском языке 203

В. В. Каприелова

- Глаголы зрительного восприятия в сербском и русском языках 209

Славянская диалектология и лингвопрагматика

М. М. Громова

Полные и клитические формы личных местоимений
в словенских диалектах 216

С. В. Дьяченко

Об одном украинском говоре Воронежской области 222

Франческо Брессан

О трудности перевода разновидностей русского языка
на итальянский язык: одесский язык в творчестве
И. Э. Бабеля 229

Ю. В. Касаткина

К вопросу о контекстных реализациях
в интернет-пространстве чешских и словацких пословиц 235

Славянская фразеология и ономастика

О. С. Румянцева

Члены Святого семейства в польских паремиях:
номинации, характеристики, коннотации 242

А. А. Широкова

Отражение особенностей формы и строения растения
в польских флоронимах (на восточнославянском фоне) 248

Вербальные и невербальные единицы современной коммуникации

Н. А. Попова

Без-префиксальные дериваты от лексемы *слово* в истории
русского языка и в говорах 253

А. С. Зарецкая

Образование форм женского рода от иностранных фамилий
в современном чешском языке 258

П. М. Меньшова

Особенности употребления комбинации
«два восклицательных знака» в русскоязычной
интернет-коммуникации 264

Э. А. Штин

- Перевод эмоционально окрашенных лексем
на сербский язык в романе М. А. Булгакова
«Мастер и Маргарита» 269

**Вопросы взаимодействия
славянских языков и культур**

В. А. Немчинов

- Языковая и этнокультурная ситуация воеводинских словаков
в мажоритарном сербском окружении 275

О. О. Секиро

- Интеллигенция* в русском языке и *изображены люди*
в сербском в аспекте языковой рефлексии
(на материале публицистики И. С. Аксакова) 281

А. П. Якимова

- Мотивы, связанные с наличием одежды у героя
фольклорной песни на примере болгарских
народных песен..... 288

СЕКЦИЯ «ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ»

Поэтика литературы

М. О. Жирова-Лубневская

- Феномен трансгрессии в романе О. Токарчук
«Путь людей Книги» 296

Л. А. Винокурова

- Мифологема ворона в контексте мотивно-образной структуры
поэтического сборника Радека Малого «Вороньи песни» 301

Д. А. Балаклеец

- Между метафорой и метаморфозой: образно-речевая
специфика повести Б. Шульца «Коричные лавки» 307

А. Р. Кашина

- «Заход солнца» в момент «Заката Европы»:
поэтика декаданса в творчестве И. Дучича 312

И. А. Либина

- «Новая конфигурация культурной памяти» в географическом
пространстве «Родной Европы» Ч. Милоша 318

М. А. Марушина

- Специфика системы персонажей в романе В. Ржезача
«Наступление» 324

Русско-славянские культурные парадигмы**Л. В. Свитина**

- Специфика переводов текстов А. П. Чехова
на болгарский язык как одна из проблематик построения
параллельного корпуса текстов 331

Е. С. Насырова

- Функции аллюзий на песни Булата Окуджавы
в романе Виды Огненович «Наблюдая птиц» 337

К. А. Турукина

- Сопоставление образа смерти в творчестве символистов –
сербского поэта Бранко Мильковича и русского поэта
и писателя Ф. К. Сологуба 343

Е. Е. Клейменова

- Чай в травелогах чешских писателей о Советском Союзе
1920-х годов (М. Майерова, Й. Копта) 351

Научное издание

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

**СЛАВЯНСКИЙ МИР:
ОБЩНОСТЬ И МНОГООБРАЗИЕ**

Материалы
конференции молодых ученых
в рамках Дней славянской письменности и культуры,
21–22 мая 2024 г.

Ответственные редакторы:

Е.С. Узенёва, О.В. Хаванова

Компьютерная верстка:

П.Н. Морозов

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные

Институт славяноведения РАН
119334, г. Москва, Ленинский просп., д. 32-А, корп. «В»
Адрес электронной почты:
inslav@inslav.ru

Подписано в печать 16.12.2024. Формат 60×84¹/₁₆
Гарнитура Century Schoolbook. Бумага офсетная
Печать цифровая. Усл. печ. л. 21,27
Объем 22,88 печ. л.

Заказ № 67.

Тираж 500 экз.